

ТАЙНЫ

Век XIX

**РУССКИЙ СЫЩИК
И. Д. ПУТИЛИН**

Том 2

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XIX

**Русский сыщик
И. Д. Путилин**

**Преступления,
раскрытые начальником
Санкт-Петербургской
сыскной полиции
И. Д. Путилиным**

Том 2

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1997

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 1
Р89

Художник
И. МАРЕВ

**Русский сыщик И. Д. Путилин: В 2 т. Т. 2. — М.:
Р89 ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997. — 304 с. —
(Тайны истории в романах, повестях и документах).**

ISBN 5-300-01102-9 (т. 2)
ISBN 5-300-01100-2

Эта книга о знаменитом, талантливом русском сыщике прошлого века Иване Дмитриевиче Путилине (1830–1893). Профессионал высокого класса, он прошел путь от младшего помощника надзирателя на рынке до начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции.

Во вторую книгу вошли воспоминания современников Путилина: Романа Доброго (Р. Антропова) «Гений русского сыска» и М. Шевлякова «По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции И. Д. Путилина».

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 1

ISBN 5-300-01102-9 (т. 2)
ISBN 5-300-01100-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

ВСТУПЛЕНИЕ

Ивана Дмитриевича Путилина (1830—1893) при жизни называли «гением русского сыска», «русским Пинкертоном и Леококом», «черным сыщиком», «доморощенным Видоком, обладающим уму непостижимым чутьем гончей собаки»... Сотни раскрытых уголовных преступлений, успешные политические дела (Путилин, например, готовил розыскные материалы к процессу Н. Г. Чернышевского) — были на счету этого действительно великого сыщика, профессионала высочайшего класса.

И. Д. Путилин родился в небогатой семье коллежского регистратора в Новом Осколе. На обучение в гимназии денег не было, и поэтому, поучившись в реальном училище, мальчик начинает служить в разного рода канцеляриях.

В 1853 г. он экстерном сдает экзамены в Петербургский университет за весь гимназический курс! Диплом дал ему право поступить на службу в полицию.

В 23 года Иван Дмитриевич получает мелкую должность младшего помощника квартального надзирателя на Толкучем рынке (Толкучке).

Путилин начинает свою карьеру столь стремительно, что за смелость и мастерски проведенный розыск его тут же награждают орденом Святого Станислава 3-й степени. Уже через год на его груди засверкал другой орден — Святой Анны. Это было началом головокружительной карьеры! Знаки отличия, почести, чины и звания следуют одни за другими с числом раскрытых Путилиным преступлений.

В 1866 г. тридцатилетнему Ивану Дмитриевичу Путилину поручено возглавить сыскную полицию Санкт-Петербурга! Главный сыщик государства Российского провел за эти годы тысячи расследований, по уверениям очевидцев, проводя на службе по 20 часов в сутки. Такой образ жизни заметно расшатал здоровье Путилина, и весной 1889 г. он уходит в отставку в чине тайного советника.

Умирает Иван Дмитриевич осенью 1893 г. Состояния семье он не оставил, а вот нам достались в наследство его воспоминания.

С 1890 и до 1917 г. книги Путилина и книги о Путилине, материалом для которых служили его рукописи, стенограммы судебных процессов, подлинные следственные «дела», газетные публикации, заполнили прилавки книжных магазинов. К писателям, которые добросовестно отнеслись к «творческому наследию» И. Д. Путилина, можно отнести Р. Л. Антропова (псевдоним Роман Добрый) и М. В. Шевлякова. В годы Советской власти книги о гении русского сыска не выходили как раз по причине тех самых «политических дел», которыми он по должности своей занимался.

М. В. Шевляков

**ПО РАССКАЗАМ
БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ
И. Д. ПУТИЛИНА**

ДОРЕФОРМЕННАЯ ПОЛИЦИЯ

Дореформенная полиция, по словам Путилина, была курьезна. Иван Дмитриевич знал ее хорошо, так как в ее составе начал свою деятельность. Продолжительное время служил он квартальным в самом бойком — Апраксинском — околотке и долго пребывал под начальством знаменитого Шерстобитова, когда-то наводившего страх и ужас на обывателей своего участка и в особенности на так называемый подпольный элемент. Шерстобитов пользовался славой искусного сыщика, и в уголовной хронике Петербурга имя его занимало видное место...

Нрав всякого полицейского прежних времен был необычайно крут. Будто нарочно, словно на подбор, полиция набиралась из людей грубых, деспотичных, жестоких и непременно тяжелых на руку. В квартале царил самосуд безапелляционный. От пристава до последнего будочника включительно всякий полицейский считал себя «властью» и на основании этого безнаказанно тяготел над обывательским затылком и карманом.

На первых порах своей службы Путилин проявил было гуманное обращение с посетителями «полицейского дома», но своевременно был предупрежден начальством, внушительно заметившим ему:

— Бей, ежели не хочешь быть битым!

Новички недоумевали, но, будучи в небольшом чине, протестовать не осмеливались.

«Начальство» так мотивировало необходимость кулачной расправы:

— Кулак — это вожжи. Распусти их, и лошади выйдут из повиновения. Отмени сегодня кулак, и завтра тебя будет бить первый встречный. Нас только потому и боятся, что мы можем всякому в любое время рыло на сторону свернуть, а не будь этой привилегии — в грош бы нас не стали ценить, тогда как теперь ценят целковыми.

Последняя фраза имеет глубокий смысл. Действительно, в старину обыватели делали оценку полиции денежными знаками. Взяточничество было развито до крайних пределов. Взятки брались открыто, бесцеремонно и почти официально. Без приношения никто не смел появляться в квартале, зная заранее, что даром ему ничего не сделают. Относительно приношений предусмотрительные полицейские придерживались такого мнения:

— Копи денежку на черный день. Служба шаткая, положение скверное, доверия никакого. Уволят, и пропал, коли не будет сбережений. Ведь после полицейской службы никакой другой не найдешь, поэтому заблаговременно и следует запастись тем, «чем люди живы бывают».

В этом сказывался весь полицейский с неизбежным «черным днем». Свою службу он не осмеливался называть беспорочной и поэтому никогда не рассчитывал на долголетие своего мундира. Он ежедневно ожидал увольнения, темным пятном ложившегося на всю его жизнь. У отставного полицейского уже не могло быть никакой служебной перспективы. Для него все потеряно, ему не поручат никакой должности, не дадут никакого заработка, инстинктивно опасаясь его.

Всякий рассуждал так: «От такого «искусившегося» человека можно ожидать всего».

Вот какова была репутация всего состава дореформенной полиции, о которой, слава Богу, остались лишь только смутные воспоминания.

Путилин уморительно рассказывал, как в старое время в квартале производился обыск вора, пойманного с поличным.

Являются понятые, потерпевший.

— Ах ты негодяй! — грозно набрасывается на мошенника некий пристав. — Воровать?! Я тебя в остроге сгною!.. В Сибирь законопачу! Каторжной работой замучу! Я тебе покажу!!! Эй, сторожа, — обыскать его.

Ловкие и привычные держиморды с опереточным рвением накидываются на преступника и начинают шарить в его карманах, но после тщательного обыска у заведомого вора не находится ничего. Сторожа успевают искусно перегрузить из его карманов в свои все, что могло бы послужить уликой.

Потерпевший удивленно пожимает плечами, вор же принимает победоносный вид.

Пристав выдерживает томительную паузу, уничтожающим взглядом смеривает с головы до ног потерпевшего и спрашивает его, отчеканивая каждое слово:

— Вы продолжаете поддерживать обвинение?

— Конечно... но, странно... куда он успел спрятать... я видел собственными глазами.

— Гм... но мне еще страннее, как вы решаетесь обзывать поносным именем того, который перед правосудием оказывается невиновным?

— Но ведь я собственными...

— Ах, что вы меня уверяете! — нетерпеливо перебивает пристав оторопевшего заявителя. — Мало ли что может показаться! Вон мне тоже показалось, что ваше заявление правдоподобно... Я вам должен заметить раз и навсегда, что в моем околотке воровства не существует... Однако я должен снять с вас показания и обнаружить на всякий случай вашу личность. Потрудитесь пройти ко мне в кабинет.

В кабинете разговор был другого рода.

— Ты оклеветал невинного человека, — мгновенно переменял тон пристав. — Он тебе этого не простит. Ты надругался над его честью и за это жестоко заплатишься...

— Но я могу принять присягу!

— Кто твоей присяге поверит? Она будет так же вероятна, как вероятен этот вор... Ты скандалист, ты бунтовщик, тебе место в Сибири! Ты бесчестишь непорочных и беспокоишь правительство.

— Правительство? Чем это?

— А что ж я, по-твоему, обыкновенный человек, что ли?

После сильнейшей нотации, когда потерпевшему становится ясно, что ему не миновать каторги, если только не большего, он начинает заискивающе поглядывать на пристава. Тот смягчается.

— Уж коли так... то, конечно... Бог с ним...

— Этого-с мало. Он так твоего облыжного заявления не оставит... Он тебя по судам затаскает...

— Что же мне делать?

— Откупиться надо...

Начинается торговля. После многих «скидок» и «надбавок» приходят к соглашению.

— Деньги эти оставь у меня. Я их ему передам и уговорю его не поднимать дела... Прощай. Да напередки будь внимательнее...

Потерпевший, кланяясь и рассыпаясь в благодарностях, удаляется. Тут же в кабинете появляется вор.

— Ах ты мерзавец! — принимается кричать на него пристав, пряча в карман деньги. — Опять? Опять попался? На этой неделе уже в двенадцатый раз! Ну, какой ты вор? Дурак ты, не больше. Тебе, кажется, скоро придется бросать воровство и приняться за работу. Никогда, брат, из тебя путного вора не будет...

— Нечайно-с... А вы бы, ваше скородие, приказали сторожам хоть один кошелек отдать мне, а то без гроша остаюсь...

— Чего? Назад отдать? Ах ты каналья! Да разве я виноват, что ты попадаешься?.. С какой же это стати я тебе вещественные доказательства буду возвращать? Ведь я за это перед законом могу ответить! Вон!

Пристав этот нажил большое состояние и был уволен «без прощений». Впоследствии он жаловался на несправедливость начальства и любил хвастнуть, что его обожал весь околоток за порядок следствия и за умелое миротворение...

А как в старину производилась охранительная опись имущества?

Умер, например, богатый купец, оставивший много ценного имущества. Для охранной описи был назначен Иван Дмитриевич. Явясь на квартиру покойного, Путилин приступил к тщательному осмотру и аккуратнейшим образом все переписал. Когда эта опись попала в руки ближайшего его начальства, последовал строгий выговор.

— Что это за нововведение? Что это за безобразная опись? Как могли найтись у него золотые и серебряные вещи, дорогие меха и редкости?

— Да ведь он богат.

— Знаю-с, что богат, но это не наше дело... Он мог быть богатым и в то же время скрягой... Он мог есть медными ложками, носить железную цепочку при высеребрённых часах и кольца с фальшивыми камнями.

— Да, но у него нет ничего поддельного, — все очень дорогое, несомненно настоящее.

— А вы почему знаете?

— Я все внимательно осмотрел; кроме того, на всех металлических вещах есть проба.

— Проба? Ха-ха! Какой вы наивный человек! А точно ли вы уверены, что эти пробы не фальшивые?

— Да, я уверен.

— Вы не знаете полицейской службы... Наш брат ни в чем не может быть уверен... Ведь эти ценности не в вашем кармане будут охраняться, а потому нельзя поручиться за то, что все это, теперь, несомненно, настоящее, через день не превратится в поддельное... Нужно оберегать прежде всего собственную шкуру, а поэтому предосторожно все обесценить, чтоб не было препирательств с наследниками. Представьте себе, что ложки, показавшиеся вам серебряными, или часы, которые вы нашли золотыми, по тщательном исследовании окажутся медными, — что вы станете делать? Ведь того, что написано пером, не вырубишь топором.

— Но как же это может случиться?

— Случалось, батенька... должно быть, ни одна подобная опись не обходилась без курьезов и превращений.

— Что же мне делать?

— А то, что пока бумага не подписана понятыми, поскорее перепишите ее. Я исправлю ваши ошибки, как старый и опытный служака.

Путилин принужден был приняться за переписку. Опись, оказавшуюся непригодной, начальник взял в руки и стал ее перефразировать.

— ...«Иконы в золотых ризах». Гмм... это рискованно... быть может, ризы-то только вызолочены? Пишите «в позлащенных ризах...» Затем: «серебряный чайный сервиз». Это вещь дорогая, — упаси Боже, если она окажется ненастоящей. Нужно быть осторожным и скромно пометить сервиз «старым, белого металла, похожего на серебро».

— Чего там похоже! Настоящее серебро.

— Уж не воображаете ли вы себя чиновником Пробырной палаты? Откуда у вас такие знания? Вы говорите серебро, а я утверждаю — медь! И вы не спорьте, я лучше знаю, потому что третий десяток лет в полиции служу.

— Ну, все равно, пусть будет белого металла, похожего на серебро...

— Так-то вернее. Нагрянут наследники, наткнутся на медь, олово, железо — и пикнуть не посмеют, потому что все своевре-

менно удостоверено... Ну-с, дальше: «шейная для часов цепь червонного золота...» Это что за глупость? Почему вы знаете, что червонного золота, а не пикового... то есть такого, из которого пики для казаков куются?

— Опять-таки проба.

— Вздор-с! Я вам таких проб на меди наставлю, что вы ошалеете от удивления, пишете проще: «шейная цепочка какого-то дешевого металла, вызолоченная...» А это что: «камчатский бобер»?

— мех.

— Знаю, что мех, а не ананас! Но как вы узнали, что бобер камчатский, а не иной какой-либо?

— Это сразу видно.

— Видно?! Что вы за зоолог? Это даже уж возмутительно! Ведь вы на Камчатке не бывали?

— Нет!

— Так откуда ж вы тамошнего бобра знаете? мех-то, может быть, от дворовой собаки, а вы его в камчатский бобер возводите... Пишите короче: «потертый, линялый мех, по старости неузнаваемый, какой именно».

И все было переправлено и перемечено таким же образом. Ничего не подозревавший Путилин поверил, что это делается исключительно из предосторожности, чтобы действительно отвлечь от себя нарицания, очень возможные со стороны наследников в случае обнаружения каких-либо неточностей в описи. В этом очень хорошо убедил его начальник, горячо ссылавшийся на свой многолетний опыт.

Через установленный срок наследники купца явились за получением имущества. Иван Дмитриевич присутствовал при этом как представитель полиции и охранительной власти. Он пристально приглядывался к вещам, еще недавно им виденным и подробно отмеченным в первоначальной описи, но не узнавал их. Почти ни один предмет не имел надлежащего вида, — все превосходно соответствовало другой, то есть переделанной, описи... Только тут понял неопытный квартальный надзиратель, как опытен его начальник.

МАСКАРАДНЫЙ РОМАН

В то время, когда клуб шахматистов помещался в Демидовом переулке, Путилин был частым его посетителем и охотно играл в шахматы.

Однажды он заигрался до четырех часов утра. Перед самым концом игры подходит к нему дворецкий клуба и, передавая визитную карточку, говорит:

— Вас желают видеть по экстренному делу.

Иван Дмитриевич поспешно вышел в швейцарскую, где встретил знакомого молодого человека, имевшего испуганный вид.

— Что вам угодно?

— Сейчас совершится убийство.

— Какое? Где?

— Знаете купца... моего большого приятеля?

— Знаю.

— Знаете также и то, что он недавно женился?

— И это знаю.

— Ну, так он сейчас должен убить свою жену.

— Почему «должен»?

— Так сложились обстоятельства. Но теперь дорога каждая минута. Поскорее отправитесь на место происшествия, и я по дороге расскажу вам все подробности.

Через пять минут Путилин вышел из клуба вместе с молодым человеком, который рассказал начальнику сыскной полиции следующее.

— Сегодня на благотворительном маскараде в Дворянском собрании ко мне подходит мой приятель и говорит взволнованным голосом: «Я только что вернулся с экстренным поездом в Петербург. Меня известили в дороге об измене моей жены... Она здесь со своим прежним женихом... Я не вынесу этого позора... Я с нею расправлюсь. Ради всего святого, приезжай через полчаса в ресторан «Малый Ярославец». Ты мне нужен и как свидетель, и как советчик». Зная, что он крепко ревнив, я отнесся к его словам только с притворным участием. Однако я поехал в «Малый Ярославец». Так как было уже поздно, то швейцар спросил меня, куда я иду. «В кабинет», — ответил я и стал взбираться по лестнице; но он вторично остановил меня вопросом: «К кому?» Я назвал фамилию приятеля. Швейцар отчаянно замахал руками и таинст-

венно сообщил: «К ним нельзя-с, у них сейчас произойдет несчастье. Они ходят по коридору и кого-то поджидают».

Я догадался, что он выследил жену и держит ее в засаде. Я тотчас же бросился к вам за помощью. Я так долго вас разыскивал, что не надеюсь поспеть вовремя и предупредить преступление...

Иван Дмитриевич спросил:

— Отчего вы не заявили полиции? Это было бы проще и скорее.

— Во избежание скандала... Прибегая к вам, я предполагал покончить это дело мирно, так сказать, домашним способом.

— Словесными убеждениями тут не подействуешь, — заметил Путилин, — а к силе прибегать неудобно...

Они вышли на Невский проспект, где навстречу им стали попадаться обычные искательницы приключений. Путилина при виде их вдруг осенила блестящая идея.

— Какова внешность молодой жены?

— Небольшого роста, худенькая брюнетка.

— Не похожа вот на эту?

— Немножко... рост почти тот же.

— Превосходно.

Путилин подошел к проходившей женщине и сказал:

— Не хотите ли с нами поужинать?

— Охотно.

— Мы пойдем в «Малый Ярославец». Теперь поздно, и через главные подъезды нас не пустят. Нам придется пробраться каким-нибудь другим путем. За это вы получите двадцать пять рублей.

— Я согласна.

— Отлично. Ну а если придется через трубу лезть?

— Полезу.

Втроем они вошли в ресторан по черному ходу, со двора. Их встретил буфетчик Гурьян, которого Иван Дмитриевич отвел в сторону.

— Что у вас тут такое происходит?

— Беда, ваше превосходительство. Господин купец, наш хороший гость, словно рехнулся. Забрался в коридор, да вот уже второй час не выходит оттуда. Мы ему всякие резоны представляли, — ничто не помогает-с. Вид у него сегодня такой страшный...

— А не спрашивали вы, чего ему нужно?

— Как не спрашивать — спрашивали!

— Ну и что же?

— Говорит, что даму с маскарада поджидает, которую пристрелить хочет; а она ни жива ни мертва в кабинете с каким-то кавалером, запершись, сидит и выйти оттуда не смеет.

— Через соседний кабинет к этой парочке проникнуть нельзя?

— Нельзя.

— А купец, разгуливая по коридору, не шумит, не ругается?

— Нисколько. Очень благородно из угла в угол прохаживается и потягивает фин-шампань. Вот уже вторую бутылку приканчивает. Я сам к нему подходил и предлагал свободный кабинет, но он

мне дал двадцать пять рублей и сказал: «Я тих и покоем, никого не трогаю, никому не мешаю, а потому прошу и меня не тревожить».

— А окна кабинета, в котором сидит парочка, куда выходят: на улицу или во двор?

— Во двор.

— Форточка имеется?

— Всенепременно.

— Лестницу нельзя к этой форточке приставить?

— Отчего нельзя? Можно. У нас на случай пожара таковые имеются.

Живо приставили лестницу к окну. Путилин приказал своей спутнице пролезть через форточку в кабинет, затем облачиться в домино сидевшей там дамы, в ее полумаску, платок и дорогую ротонду. Переодевшись, она должна была выйти в коридор и направиться к выходу, причем, если бы ее кто-нибудь вздумал задерживать, ей не возбраняется кричать «караул» и снять без принуждения полумаску, — но о своем переодевании не говорить ни слова. Спутница оказалась смышленной особой и, после краткого разьяснения ее миссии, смело стала подниматься по лестнице во второй этаж.

Путилин пошел в коридор к обманутому мужу и воскликнул, как бы случайно увидев его:

— Вы какими судьбами? Не стыдно ли новожену продолжать ресторанный жизнь?

— Я тут по делу, по серьезному и, если хотите знать, по уголовному. Кажется, я скоро попаду к вам на следствие.

— Что такое? Не понимаю, объясните.

— Моя жена в одном из этих кабинетов, с прежним своим женихом.

— Какой вздор! Не может быть...

— Клянусь вам честью, она здесь.

— Кто же вам это сказал?

— Я выследил ее.

— Может быть, вы обознались?

— Нет! Я прекрасно знаю ее голос, ее манеру держаться, ее ротонду.

— Ну, по платью-то можно ошибиться. Мало ли бывает одинаковых костюмов.

— Я не ошибся.

— А что это у вас в руках?

— Револьвер.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Спрячьте... Этим шутить не годится... Что же вы хотите? Жену убить?

— Непременно.

— Здесь?

— Да.

— За что же вы хотите обидеть содержателя этого ресторана? Ведь если здесь произойдет какая-нибудь история, то он принужден будет за нее отвечать.

— Вы правы.

Купец спрятал револьвер в карман сюртука. В это время дверь кабинета распахнулась, и на пороге показалась женская фигура в полумаске и ротонде. Купец бросился к ней с криком:

— Вот она! Полюбуйтесь на мой позор!

Женщина испуганно вскрикнула:

— Нахал!

— Что? А ты кто? Как тебя назвать?

Он набросился на нее, сорвал маску и... окаменел от ужаса. Перед ним стояла незнакомая особа.

— Вот видите, — обратился к нему Путилин, — вы ошиблись!

— Виноват! Такое поразительное сходство.

— То-то! Я недаром советовал вам быть осторожным...

— А где же моя жена?

— По всей вероятности, дома. Воображаю, как она посмеется, когда вы расскажете ей этот инцидент.

— Это невозможно! Я сам видел свою жену, я собственными ушами слышал ее голос. Ее точно подменили...

— Не наваждение, а подозрительность ваша поставила вас в такое водевильное положение. Поезжайте скорей домой и просите прощения у супруги.

Пораженный купец стал спускаться по лестнице к выходу. За ним последовал Путилин, чтобы немного задержать его разговором и дать жене возможность поспеть домой.

— Я очень рад, — сказал Путилин, — что мое случайное присутствие удержало вас от преступления.

— Да, да! Я очень вам благодарен, вы спасли меня...

— Играя такую большую роль в этом событии, я имею право задержать вас на полчаса специально для того, чтобы вы подробно рассказали мне эту глупую и неприятную историю.

— Сейчас не могу. Я слишком взволнован и потрясен. Если позволите, я завтра заеду к вам...

— Можете заехать и завтра, а теперь мы пройдемся по Невскому проспекту пешком и побеседуем. Для вас это полезно: вы явитесь домой успокоенным, а я соберу сведения, так сказать, по горячим следам.

— Извольте! Я согласен.

Путилин взял его под руку.

— Ну-с, начинайте.

— Вчера я должен был уехать в Н-скую губернию на свои фабрики, о чем жена моя, конечно, знала заранее. Она осталась в Петербурге, а я отправился на три дня по Николаевской железной дороге. Когда курьерский поезд подошел к станции Любань, мне доставили в вагон телеграмму такого содержания: «Вы в пути,

а жена ваша в маскарade. У нее свидание... Она одета в черное домино с бутоньеркой из красных розанов». Это известие меня так ошеломило, что я тотчас же выскочил из вагона и вернулся в Петербург на экстренном поезде. С вокзала прямо я отправился в костюмерную, запасся черным домино и поехал в Дворянское собрание. После недолгих скитаний по залу и буфету я вижу черное домино с бутоньеркой под руку с ненавистным для меня человеком, к которому, как мне говорили, моя жена была равнодушна. Я стал следить за этой парочкой и прислушиваться к ее беседе, в которой очень часто упоминалось мое имя. Жена жаловалась на то, что ее силой выдали за меня, что ее родители прельстились моим богатством, что она по-прежнему любит только одного его. Я едва сдерживал себя. Для меня стало все ясным, я только и выжидал их выхода на улицу, где бы смело мог сорвать маску с изменницы. Он пригласил ее ужинать в «Малый Ярославец», она согласилась, и они уехали. Конечно, я поспешил за ними... Остальное вам известно.

— Однако жестоко же вы обманулись.

— Я не знаю, как это произошло. Я не могу понять, как я мог обознаться, почему говорили именно обо мне и так далее.

— У страха глаза велики. Благодаря своей впечатлительной натуре вы все преувеличили...

— Нет, тут что-то неладно.

После продолжительной прогулки Путилин расстался с купцом и уехал домой.

А тот быстро поднялся к себе в квартиру. Горничная, не ожидавшая такого скорого возвращения своего господина, с изумлением встретила его.

— Барыня дома?

— Дома-с... почивают...

Он прошел в спальню; его жена безмятежно спала. От шума она проснулась и спросила:

— Что это значит? Ты вернулся?

— Да... Я вернулся... Со мной кто-то подло подшутил...

— Подшутил? Как?

Он рассказал ей о телеграмме, о своих похождениях на маскарade и в ресторане. Она заливалась веселым смехом.

— И ты, глупенький, осмелился мне не доверять? Благодарю — не ожидала! О, я за это непременно тебя накажу, нарочно побываю в маскарade — и непременно с этим противным...

Успокоенный купец упал на колени и стал просить прощения.

На другой день он был у Путилина.

— Как вы себя чувствуете? — спросил его Иван Дмитриевич.

— Превосходно... Теперь я уверен в своем ангеле и уж, конечно, никаким телеграммам больше не поверю.

Затем он упросил Путилина разыскать ту особу, которой он накануне нанес оскорбление в ресторане, и передать ей от него «на булавки» триста рублей. Эта просьба через день была исполнена.

Спустя неделю Путилин получил приглашение на обед к Донону, устроенный счастливым купцом. Компания собралась небольшая: всего человек шесть или семь. Когда подали шампанское, он произнес тост:

— Милостивые государи, здесь между нами присутствует дорогая для меня личность, которой я обязан своим семейным спокойствием, а вы — сегодняшним обедом. Я собрал вас нарочно для того, чтобы вы вместе со мной пожелали долгих дней и доброго здоровья Ивану Дмитриевичу Путилину. Он уберег меня от преступления. Ура!

По окончании обеда Путилину удалось отвести в сторону присутствовавшую на торжестве молодую жену, которой он счел нужным сделать маленькое внушение.

— Однако, сударыня, как вы неосторожны! Ведь вы действительно чуть-чуть не натолкнули вашего супруга на крупный скандал...

— Я? — удивленно воскликнула она. — Да с чего вы это взяли?

— Помилуйте, можно ли в публичном месте назначать свидания, вести откровенные беседы, ездить в ресторан ужинать?!

— Ха-ха-ха! Вы, кажется, так же, как и мой благоверный, склонны подозревать меня в вероломстве? Это забавно! Конечно, я знаю, о чем вы говорите, но позвольте уверить вас, что в тот вечер я была в гостях у своей тетушки, и нигде более.

Она говорила таким твердым голосом, что Путилин смутился.

Но замечательнее всего из этой истории то, что незнакомка, получившая через Путилина триста рублей за свое беспокойство, деньгами этими распорядилась умно. Она изменила образ жизни и возвратилась к прежнему ремеслу своему, открыв модную мастерскую, дела которой пошли хорошо, и впоследствии она обратилась в довольно-таки популярную петербургскую портниху. Судьба!

НА РОЗЫСКЕ

Иван Дмитриевич Путилин занимал скромное место чиновника Сысского отделения, когда в богатом подмосковном селе Гуслицы обнаружилась фабрика фальшивых кредитных билетов.

Как деятельного, энергичного и умелого, его командировали на расследование этого преступления.

С собой он прихватил еще двух агентов, на которых были возложены обязанности помощников.

Чтобы не навлечь на себя подозрения гуслицких обывателей, Путилин, незадолго до отъезда на место преступления, устроил так, что дьячка местной сельской церкви перевели на другое место, а на освободившуюся вакансию временно отправили какого-то московского псаломщика, которому, конечно, предварительно было внушено, что к нему приедут на побывку брат с родственниками.

Поэтому нового гуслицкого псаломщика несколько не удивило, когда в один прекрасный вечер к нему приехал Путилин с помощниками. Он встретил их радушно на крыльце своего дома и на нежные родственные объятия мнимого брата отвечал не менее нежным и радушным поцелуем.

На другой день уже весь околоток знал, что к их новому дьячку на новоселье приехали гостить родные.

Приезжие оказались людьми чрезвычайно общительными. Они быстро познакомились со священником, с волостным начальством и с некоторыми из жителей Гуслиц. На больших фабриках, находившихся неподалеку от села, они также завели знакомства.

Конечно, преследуя цель сближения с местным обществом, в котором вращались крайне осторожные преступники, Иван Дмитриевич водил компанию со всеми и, по-видимому, не ограничивал себя в «питиях». Только странное дело: как бы много он ни пил, а никогда не бывал пьян. Помощники его тоже. Событыльники удивлялись, но приписывали все это необычайно крепким их натурам. Слух о «несокрушимых пьяницах» дошел до фабриканта, имевшего нрав, которому никто не рисковал препятствовать. Он «приказал» доставить к нему дьячковых братьев специально для питья.

— То есть как «для питья»? — изумился Путилин, когда посланные отрапортовали ему наказ хозяина.

— А так, значит, попоштовать вас хочет. Посмотреть ему очень желательно, много ли можете вылущить водки.

— С какой стати? Нет, нет, быть у него не можем, нам некогда. Кланяйтесь и благодарите!

— Как вам угодно, а беспрерывно с нами ехать должны, потому что нам приказано доставить вас во что бы то ни стало.

Как Путилин ни отговаривался, а в конце концов принужден был отправиться в сообществе своих помощников к оригиналу-купцу.

Приехали. Но дальнейший рассказ будем вести от лица самого Ивана Дмитриевича, весьма типично его передававшего.

«Ввели нас в просторную комнату богатого помещичьего дома. Навстречу выходит «сам» и, торжествующе улыбаясь, говорит:

— Вы самые и есть?.. — Затем внимательно рассматривает нас и прибавляет: — Народишко не ахтителный — жилистый и жидковатый. Не думаю, чтоб хорошо пили.

— Какое там хорошо, — говорю ему в тон, — так, для собственного удовольствия немного употребляем.

— А вот мы посмотрим. Ежели приятеля моего перепьете — награжу, а нет — не обессудьте, никакого благоволения от меня не будет.

Повел он нас в особую комнату, где на столе красовались вместительные графины с водкой и разнообразная закуска. Из угла в угол расхаживал какой-то коренастый, с опухшей физиономией субъект.

При нашем появлении он приостановился, нахмурил брови и как-то дико скосил глаза. Осмотрев нас внимательно, он тоном знатока заметил:

— Плюгавы... Тощи... Прежде чем на состязание спускать, откормить их нужно... А впрочем, на ноги-то, может, и крепки, но на голову, вероятно, слабоваты: отвислости на лицах не имеется.

Аттестовав нас таким образом, субъект снисходительно пожал наши руки и, указывая на стулья, расставленные вокруг стола, процедил сквозь зубы:

— Садитесь!

Купец-фабрикант приятельски потряс его по плечу и сказал:

— Конкурируй, брат, уважь! Не давайся в обиду.

Началось расходование пьяной влаги. Я с большим трудом опорожнил две бокалообразные рюмки, мои помощники пошли дальше, а субъект очень браво проглатывал рюмку за рюмкой. Когда хозяин, принимавший в угощении также активное участие, стал наседать, чтобы я не отставал от компании, я умышленно расплескал свою порцию. Хозяин, однако, это заметил и сердито на меня крикнул:

— А, кутейник, шулерничать!.. Нет, брат, этого у меня не моги!

Затем он многозначительно подмигнул субъекту, строго приказав:

— Подвергнуть его взысканию, на первый раз со снисхождением.

Субъект молча, деловито приподнялся с места, дополнил мою рюмку водкой и намеревался было вылить ее мне за ворот сорочки. Я стал протестовать. Купец зычно цыкнул, и... водка неприятно скользнула по моей спине.

Я заподозрил чересчур гостеприимного хозяина в умышленном издевательстве надо мной. «Уж не обнаружилось ли наше инкогнито?» — мелькнула у меня мысль.

Положительно не помню, как очутился я на диване, но на другое утро встал с мучительной болью в голове. Один из помощников моих безмятежно храпел под столом, другой покоился на подоконнике, а знакомый незнакомец спал, сидя на стуле, причем кудлатая голова его была уткнута в масленку. Чрез сколько-то времени, не знаю, является фабрикант в сопровождении слуг. Начинается общее пробуждение. Не успел никто как следует опомниться, а уж перед каждым стояла водка, которую по настоянию «самого» чуть не вливали в рот несговорчивого гостя весьма исполнительные лакеи. Единственный раз в жизни, вообще богатой приключениями, я был в таком безвыходном положении.

На вторые сутки я чуть не на коленях умолял купца отпустить меня, искренно восхваляя идеальный желудок «субъекта», самоотверженно глотавшего водку как простую воду. Я отговаривался нездоровьем; но ничто не помогало уломать расхоронившегося купца.

— Пей, не то утоплю в вине! — кричал он ежеминутно. — Уж коли назвался груздем — полезай в кузов.

Покушался я на побег, но все входы и выходы так серьезно охранялись, что даже подкуп не действовал и ни один из сторожей не соглашался даровать мне свободу ни за какие деньги.

На третий день своего пребывания в доме, когда субъект стал слишком сурово разглядывать своими кровью налившимися глазами соседей и когда к одному из моих помощников был приглашен фабричный фельдшер, констатировавший у обеспамятовавшего симптомы белой горячки, — я выбрал удобную минуту и вылез в форточку окна, удачно прыгнул на землю и убежал в село.

После этой передрыги проболев я несколько дней, в продолжение которых своих помощников не видал. Очевидно, они пропадали у купца...»

Однако, несмотря на это препятствие, затормозившее было ход расследования, Путилин блестяще выполнил возложенную на него миссию и раскрыл преступление, с которого главным образом и началась его слава.

МОМЕНТАЛЬНОЕ СУМАСШЕСТВИЕ

В одном из населеннейших домов Вознесенского проспекта проживала старуха, вдова какого-то интендантского чиновника. Жила она одиноко, замкнуто и с видимым скряжничеством. Прислуги не держала и в тратах на необходимое была крайне экономна. Все знавшие ее были убеждены, что она капиталистка.

В мрачную осеннюю ночь 185... года ее убили.

Рано утром об этом происшествии знали все обитатели дома, но раньше других узнал об убийстве некий армейский офицер, приходившийся самым близким ее соседом.

Убийство случайно обнаружил водовоз, обнаруживший раскрытую входную дверь квартиры старухи, обыкновенно державшуюся на надежных крюках и затворах.

Прежде чем объявить дворнику, перепуганный водовоз позвонил в соседнюю квартиру офицера и сообщил ему о странном явлении.

— У сквалыги-то что-то неладно, — сказал он, — квартира открыта, и никто не откликается.

Офицер наскоро накинул на себя шинель, ноги обул в сапоги и бросился на место происшествия, предчувствуя драму.

Пройдя переднюю, кухню, вступил он в ее спальню и наткнулся на окровавленный труп своей соседки. Попад одной ногой в лужу крови, он при возвращении к себе в квартиру наследил.

Когда явилась следственная власть, то очень естественно обратила внимание на следы. Офицер, присутствовавший при следствии в качестве понятого, признался, что это его следы. То же подтвердил и водовоз.

— Гм! — процедил сквозь зубы чиновник, производивший дознание. — Странно... Зачем бы тут быть вашим следам?

Он говорил таким тоном и так подозрительно разглядывал офицера, что тому представилось неминуемое фигурирование на суде в качестве обвиняемого.

Офицер упал на колени и начал оправдываться. Заговорил бессвязно, приплел какую-то постороннюю историю и еще большее подозрение внушил властям.

Его арестовали; но на другой день он был признан консилиумом психиатров помешанным.

Впоследствии обнаружился и настоящий убийца, но офицер так и не пришел в память.

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Случилась крупная кража.

Субъект, на которого пало подозрение, скрылся.

Сыскальная полиция, конечно, принялась за энергичные розыски и пропавших денег, и пропавшего вора.

Наконец удалось напасть на след преступника. Имелись достоверные сведения, что он скрывается в маленьком доме своего приятеля, на одной из отдаленных улиц Петербургской стороны.

Решено было сделать облаву, во главе которой выступил сам Путилин.

Поздно вечером послышался стук в ворота.

В доме поднялся переполох, — было очевидно, что поздние посетители напугали обитателей этого дома. Люди с чистою совестью не проявляют такой тревожной трусости.

Это обстоятельство, разумеется, не ускользнуло от внимания опытного начальника сыскальной полиции.

Постучали в ворота вторично.

Шум продолжался, но никто не окликал посетителей.

И только после третьего энергичного стука, когда петли ветхих ворот начали скрипеть, готовясь распахнуться без помощи ключа, со двора послышался грубый голос:

— Кой черт ломится?

— Впусти!

— Что надо? Кто тут?

— Полиция.

— Нечего у нас полиции делать.

— Открывай добровольно, а не то ворота сорвем.

Угроза подействовала. Вошла полиция и агенты Сыскального отделения с понятыми.

— Что нужно от нас? — спросил их рослый парень, очевидно, дворник. — Хозяин уж спит и беспокоить себя не приказывал...

Путилин орошает его вопросом:

— Где у вас тут спрятан вор Иван Спиридонов?

Однако парень не смутился.

— Никого мы от честных людей не прячем и с ворами дружбы не водим.

— Врешь!

— Не веришь? Обыщи.

— Найду — так худо тебе будет. За укрывательство отвечать станешь.

— Небось, не отвечу...

Оцепили дом и ворота. Сделали тщательный обыск, но вора не нашли.

Хозяин дома крайне сердился за напрасное беспокойство и грозил жалобой прокурору.

Путилин недоумевал, хотя был уверен в том, что разыскиваемый им человек в данное время был «около». Обыскал он двор, все дворовые постройки, но искусно схоронившегося преступника так-таки и не нашел.

— Не удрал ли через забор? — шепнул Ивану Дмитриевичу один из полицейских.

— Не думаю... Однако идите-ка один за другим к воротам и сделайте вид, как будто совсем уходите. Я попробую поискать его один...

Все быстро оставили Путилина. А он пошел по дворовым закоулкам и шепотом говорит:

— Можно выйти! Полиция ушла...

Хитрость выручила.

Не успел Иван Дмитриевич закончить своей стереотипной фразы возле мусорной ямы, как вдруг в ней послышался шорох.

— Выходи, выходи! — продолжал Путилин, приглушая голос, как человек, который опасается, что его могут услышать.

Из мусора выставилась голова и спросила:

— Ушли?

— Да, да! Ушли одураченные.

— Дай-ка мне руку, а то не выползти.

Путилин подал ему руку и помог выбраться из ямы. Да так за руку его и довел до ворот. Преступник опомнился только после ареста.

— Поделди! — простонал он, видя себя окруженным полицией.

— И на какую простую удочку! — сказал ему в тон Путилин.

КОНТРАБАНДА

До слуха управляющего морской петербургской таможней дошло, что провозится немало заграничного товара, не оплачиваемого пошлиной. Обвинение падало на заведующих пакгаузами. А однажды ему прямо было заявлено, что в таком-то пакгаузе находится тюк дорогой привозной клеенки, не значащейся в пропускных свидетельствах.

— Не может быть! — вспыхнул управляющий. — Такое мошенничество в моем ведомстве невозможно... а если возможно, никого не пощажу — всех виновных предам суду!

Прихватив с собой чиновника и опись товаров, управляющий отправился в указанный ему пакгауз и самолично стал проверять по ведомости все в нем находящееся.

Заведовавшие пакгаузом спокойно перебирали «места», перекладывая их из одного угла в другой, и без запинки давали подробное объяснение всех товаров.

— Не угодно ли присесть, ваше превосходительство, — сказал один из них, подавая какой-то тюк вместо стула.

Управляющий опустился на тюк и продолжал зорко следить за ревизией, которая вскоре была окончена очень благополучно. Ничего лишнего не оказалось. На всех «местах» красовались пломбы.

— Напрасно только беспокоят! — сердился про себя управляющий. — Я был уверен, что клевета... Все в порядке!

Перед уходом он не скрыл перед пакгаузными причину внезапной ревизии.

— Мне было донесено, что у вас тут происходят мошеннические сделки...

— Помилуйте, ваше превосходительство! — обиженным тоном воскликнули пакгаузные. — Мыслимо ли это?

— Я и сам не верил, но больно уж категорически заявляли-то мне...

— Клевета-с!

— Вижу.

— Мы служим верой и правдой.

— Нисколько в этом не сомневался, но злые люди заронили подозрение. Даже указали на товар, который будто бы хранится у вас здесь контрабандой...

— Какой же это товар?

— Клеенка.

— Ах, подлецы! — возмущались пакгаузные. — С чего это выдумывают! Вот, ваше превосходительство, сами изволите видеть, какие на нас небылицы возводят. И если б только вы указали человека, нас опозорившего, мы бы его за оскорбление в суд!

— Нет, нет... этого не надо... Лучшим удовлетворением для вас может послужить то, что в другой раз не поверю никому, что бы про вас ни говорили...

Управляющий ушел.

— Кто это о клеенке пронюхал? — удивлялись пакгаузные, убирая тюк, на котором сидел начальник.

— Надо нынче же ее на всякий случай вывезти...

— Непременно!

Тюк, заменявший стул для управляющего, немедленно был увезен.

А на другой день по таможне ходил анекдот, возбуждавший неудержимый смех, как управляющий собственной персоной своей охранял контрабанду.

ИЗ ХРОНИКИ СВЯТОЧНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Ряженые

На четвертый день рождественских праздников часу в десятом вечера раздался сильный звонок в квартире известного купца первой гильдии. В прихожую вошла старая прислуга и, не открывая дверей, спросила:

— Кто там?

— А, это ты, бабушка Авдотья? — послышался с лестницы ответ, очевидно, знакомого человека. — Впусти ряженных... Повеселиться пришли...

— У, чтоб вам пусто было! Чего зря людей-то беспокоите! Проходите мимо с песнями...

— Впусти!

— Нельзя к нам! — категорически заявила старуха. — «Самого» нет дома...

— Все равно: мы хозяйку посмешим и ребятишек.

— Нельзя, нельзя... проходите... поздно уж колобродничать...

— Да ты бы, бабушка Авдотья, хозяйку спросила: может, она и разрешит. Мы ненадолго — нам бы только обогреться.

Авдотья прошла в столовую, где все семейство сидело за вечерним чаепитием, и доложила о навязчивых гостях. После небольшого колебания хозяйка приказала впустить в зал ряженных, которых оказалось много. Костюмы на них были хотя и незамысловатые, но потешные. Особенно был забавен гармонист в рубаше сумасшедшего и белом колпаке.

Начались оживленные танцы. Сама хозяйка с дочерью и подростками-сыновьями уместилась на диван, а весь штат прислуги, то есть горничная, кухарка и старая нянька Авдотья, стояли в дверях и с большим любопытством следили за ряжеными, пытаясь угадать имена скрывавшихся под масками гостей.

Одна из костюмированных изображала цыганку. Она не принимала участия в танцах, а занимала хозяйку дома и прислугу гаданьем по руке. Купчиха она предсказала ломаным русским языком:

— У тебя будет большая пропажа! Ты не сокрушайся и мужу сокрушаться не вели! Вы люди богатые и счастливые! Воры же, конечно, бедны и несчастны...

— Ну чего ты мне лихо пророчишь?

— Это не от меня, это тебе так судьбой положено! Поэтому пропажи не ищи, не то хуже будет: убьют тебя...

Горничной цыганка шепнула:

— Будь наготове: скоро тебе здесь не служить!

На руке няньки она прочла:

— Стара, но глупа. Ничего уже не понимаешь. Будешь плакать, но поздно...

Через час ряженные скрылись.

Минут через десять после их ухода поднялась в доме суматоха. Чуть не вся квартира оказалась разграбленной. Многие драгоценные вещи из кабинета, столовой и спальни были украдены. Воры обшарили все комоды, столы и шкафы.

Для всех было ясно, что грабеж совершен в то время, когда хозяйка и прислуга любовались на гостей, очевидно участников преступления. Сейчас же снарядились на поиски ряженных, но их, конечно, и след простыл.

Когда явился домой купец, жена со слезами на глазах рассказала ему о случившемся и умоляла не поднимать об этом дела, причем дословно передала угрозу цыганки.

— Вздор! — кричал купец. — Меня не запугаешь! Я их найду, я их проучу.

— Убьют меня, — рыдая, повторяла купчиха

— Не бойся! Пальцем не тронут.

На другое утро после заявления в полицию о краже купец произвел домашнее следствие, которым обнаружилось нерадение и ротозейство прислуги.

— Ваше место на кухне да в прихожей, — внушительно заметил хозяин, — а не в зале. Вместо того чтобы хозяйское добро беречь, вы зубы скалили на ряженных.

Кухарке и горничной он приказал тотчас же убираться, а няньке Авдотье, во внимание к ее долголетней службе, сделал только строгий выговор.

Укладывая свои вещи в узел, горничная заметила рыдавшей Авдотье:

— А эта вчерашняя чертовка цыганской породы правильно сказала, что я скоро уйду... Просто даже удивительно!

— И мне она, проклятая, слезы предсказала!

Хозяйка, подслушавшая этот разговор, изменилась в лице. Ей стало так нехорошо, что ее поспешили уложить в постель. Явился муж. Она с трудом поднялась и стала умолять мужа о прекращении розыска.

— Знаю я, — не жить мне, если воров найдут!.. Цыганка злоеющая, она говорила, точно по печатному читала... Все так вышло: сказала она, что ты Анну прогонишь, — и прогнал, сказала, что Авдотья неутешно рыдать будет, — и рыдает...

— Нет, врет она! — закричал купец и, тотчас же отправясь на кухню, строго приказал няньке: — Ни слезы! Воры откры-

лись — плакать не смей! Если же я замечу хоть одну слезинку на твоих глазах, — сейчас же со двора сгоню.

Привыкшая к раболепному послушанию, Авдотья унялась. После этого он подошел к горничной, уже совсем подготовившейся к выходу:

— И ты оставаться можешь. Только смотри, впредь будь осторожнее!

Доказав, таким образом, ложь предсказания, купец настойчиво принялся за розыски похищенного, и вскоре с помощью сыскной полиции воры и все украденное было найдено. Ворами оказались профессиональные мошенники под предводительством бывшего приказчика, выгнанного хозяином со службы за систематические покражи и отбывшего за это наказание.

Мертвая голова

Это было очень давно, когда Иван Дмитриевич Путилин был еще скромным полицейским надзирателем.

В его околотке существовала дешевая гостиница для приезжающих, содержавшаяся не особенно опрятно, однако всегда имевшая много постояльцев.

В первых числах января приехала в Петербург провинциалка и остановилась, по рекомендации земляков, в одном из номеров этой гостиницы. Часу в двенадцатом ночи она собралась спать. Полураздетая, она медленно подошла к кровати и стала усердно взбивать подушки. При этом она уронила на пол браслет, поднимая который вдруг закричала душераздирающим голосом, упала и начала биться в нервном припадке. Соседи и прислуга поспешили к ней на помощь. Дверь, державшуюся на легком крючке, конечно, моментально сорвали.

Когда приезжая очнулась, кто-то из присутствующих обратился с участливым вопросом:

— Что с вами?

Она опять вскрикнула и, отворачиваясь от кровати, слабо проговорила:

— Мертвая голова...

Взоры всех окружающих устремились в одну точку, и тотчас же все были охвачены паническим страхом. Под кроватью виднелась мертвенно-бледная человеческая голова, но без туловища.

Провинциалку быстро перенесли в соседний номер, а ее комнату заперли на ключ, приставили к ней двух караульных и отправились заявить в квартал. В этот вечер дежурным был Путилин.

— Сейчас нашли у нас в гостинице следы кровавого преступления.

— Что такое? — удивился Иван Дмитриевич.

— В одном из номеров под кроватью валяется отрезанная человеческая голова...

Путилин поспешил на место происшествия. Захватив с собою понятых, он вошел в номер, с официальной торжественностью развернул портфель, вынул бумагу и приготовился составлять протокол. Не смея тревожить находку без следственной власти, он приказал понятым осторожнее отодвинуть кровать в сторону, чтобы ближе увидеть голову и описать ее вид, положение и прочее. Но

каково было его удивление, когда, приблизясь к находке, он увидел вместо человеческой головы обыкновенную маску с париком.

— Да ведь это маска!

Тревога оказалась ложной, но не обошлась без печальных последствий. Нервная провинциалка серьезно заболела и долго не могла оправиться от напрасного испуга.

Но откуда взялась эта маска, вызвавшая такую суматоху? Оказалось, что в этом номере проживал все рождественские праздники некий приезжий молодой человек веселого нрава, часто маскировавшийся на Святках.

Черт

Из шикарного подъезда одного из лучших домов Владимирского проспекта вышла группа запоздалых гостей. Был четвертый час ночи.

У подъезда стояла толпа извозчиков, всегда сосредоточивавшихся около освещенных окон хороших квартир. Некоторые из вышедших пошли пешком, но большинство поехало. В числе поехавших был один из гостей, обыватель Петербургской стороны. Ему попался извозчик крайне мрачного вида и атлетического сложения. Повез он его ближайшим путем, через Гагаринский спуск по льду.

После сытного ужина и обильного возлияния обыватель задремал. Ночь была темная, безлунная и морозная. Доехав до середины Невы, извозчик остановился. Осмотревшись кругом и прислушавшись, он удостоверился в безопасности и вылез из саней. Обыватель проснулся и осведомился у возницы:

— Кнут выронил, что ли?

— Вылезай-ка, — произнес повелительным тоном извозчик.

— Зачем? Что такое случилось?

— Вылезай, говорят тебе!

Седок повиновался.

— Скидай шубу!

— Зачем?

— Давай ее!..

— Ну, ты, брат, осторожнее.

— Ну, ну! Не разговаривай, а не то пришибу...

Извозчик не ограничился угрозой, а полез за пазуху и достал какой-то тяжелый металлический предмет. Будучи безоружным, обыватель принужден был сдаться грабителю без протеста. Он сбросил с себя шапку и дорогую шубу. Вдруг извозчик в ужасе дико вскрикнул и бросился бежать с отчаянною поспешностью по направлению к Гагаринской набережной.

Дрожа от холода, обыватель снова накинул на себя шубу, шапку, проворно вскочил в сани и погнал лошадь на Петербургскую сторону. Подъехав к участку, он заявил дежурному околоточному о только что случившемся происшествии на Неве.

— Но если он вас намеревался ограбить, — недоумевающе заметил околоточный, — то почему же он этого не сделал? Может быть, вы боролись?

— Нет.

— Странно!

— Он приказал мне снять шубу и шапку, я снял и...

Обыватель сбросил с себя шубу, и... перед околоточным предстал черт. Стройную фигуру хорошо обтягивало черное трико, длинный красный хвост и такого же цвета рога придавали ему страшный вид.

— Что это значит? — удивленно спросил околоточный.

Обыватель осмотрел себя и только тут понял причину испуга извозчика

— Я возвращаюсь со святочного костюмированного вечера от знакомых. Для потехи я был наряжен чертом...

На другой день извозчик-грабитель был найден. Он признался в покушении на грабеж и тут же покаялся во многих преступлениях, учиненных им над седоками. Когда ему показали обывателя без святочного костюма, он не узнал его и уверял, что в ту роковую ночь вез черта. Суду его не предали потому, что вскоре после этого он сошел с ума. Так сильно подействовал на него святочный костюм

Роковой случай

На окраине города, в глухом закоулке, проживала бедная семья отставного чиновника, получавшего скромную пенсию. У него была красавица дочь, к которой усердно, но безуспешно сватался какой-то писец, имевший весьма ограниченные средства, а главное — преданный пороку пьянства. Молодая девушка слышать о нем не хотела, а он между тем неотступно навязывался ей в женихи, на что весьма снисходительно смотрел ее отец, водивший с ним дружбу.

Накануне Нового, 185... года она вздумала погадать о «суженом». Был второй час ночи. Она вышла на крыльцо, прислонилась к соседней двери и хотела было прислушаться к разговору, но соседи уже спали. Это гаданье не удалось. Девушка вышла на двор, приблизилась к воротам и перебросила через них туфлю, снятую с ноги. Затем приоткрыла калитку и одной ногой переступила ее, но вдруг, почувствовав под собой какой-то большой мягкий предмет, с ужасом отступила назад. Сердце ее учащенно забилося. Она мгновенно забыла о гаданье и туфле, положение которой на снегу за минуту до этого ее крайне занимало...

Она осторожно наклонилась, чтоб рассмотреть находку, и глазам ее представилась страшная картина: у ворот лежал ненавистный жених, весь перепачканный кровью...

Чтобы взять свою туфлю, нужно было переступить его труп, — но на это она не решилась и, быстро захлопнув калитку, прошла к себе в квартиру.

На другой день девушка была подвергнута строжайшему допросу. Общие свидетельские показания говорили, что она питала к покойнику глубокую ненависть, но тем не менее, по непреклонной воле родителей, должна была выйти за него замуж.

— Не запирайтесь! — говорили ей. — Признайтесь: это ваших рук дело... Улики налицо: около убитого найдена туфля, оказавшаяся вашею. Кроме того, один ваш чулок носит на себе следы крови...

Обвиняемую арестовали. Ее оправданиям не придавали никакого значения. Ее слезы, ее чистосердечные клятвы никого не трогали.

Прошло много времени. Над виновной должен был состояться суд, и, вероятно, ей пришлось бы отбыть тяжелое наказание. Но

до сведения сыскной полиции дошло, что некий посетитель трактиров того околотка, в котором произошло вышеизложенное, будучи как-то в пьяном виде, признался при свидетелях, что из-за него неповинно страдает молодая девушка, подозреваемая в убийстве своего жениха. Дальнейшие розыски подтвердили это. Его задержали, и он признался, что убийство совершено им, но без заранее обдуманного намерения.

— Мы встретили с ним Новый год в кабаке, возвращаясь из которого о чем-то на улице повздорили. Он ударил меня, — я обозлился и так неудачно ответил ему по физиономии металлической палкой, что он умер.

На суде ему было дано «снисхождение». Мнимая же преступница была немедленно освобождена.

Суженый

Дочь значительного чиновника Анята Новикова была влюблена в блестящего гвардейского офицера, известного в 1850-е годы весельчака и донжуана.

Он был желанным гостем в доме Новикова, который, замечая равнодушие своей дочери к нему, не прочь был назвать молодого повесу своим зятем...

Недели за три до рождественских праздников офицер внезапно скрылся с горизонта петербургской жизни. Никакие справки ни к чему не приводили. Ходили слухи, будто бы его замешали в какое-то чуть ли не политическое дело и что он арестован до следствия, но насколько все это было справедливо, никто не мог проверить.

Семья Новиковых, разумеется, сокрушалась, но в особенности эти сведения действовали на впечатлительную натуру Аняты. Она, как выражались окружающие, «разом притихла, точно пришибленная»: стала чаще ходить в церковь и дольше обыкновенного стоять на коленях перед образами...

Накануне Нового года, когда вся семья собралась в гостиной возле елки, которую устраивали ежегодно в этот день для младших сестер и братьев Аняты, раздался резкий звонок, и через минуту на пороге комнаты появился веселый и торжествующий гвардейский офицер.

Он был встречен общим восторгом. На вопросы Новикова он успел ответить только:

— Был предательски оклеветан, но следствие убедилось в моей невиновности, меня выпустили из каземата, и — вот я опять среди вас. А где Анна Павловна? Отчего я ее не вижу?

— Вероятно, в своей комнате...

В разговор вмешалась старая нянька:

— Да, да, барышня у себя... Кажись, гадать на зеркалах собралась.

— Гадать? — рассмеялся офицер. — Проведи-ка меня, нянюшка, к ней — я ей суженым покажусь.

Повела его старуха к барышне.

Анята сидела между двух зеркал и держала в руках две заженные свечи.

Офицер следил за ней сквозь замочную скважину и видел, как девушка, бледная и сосредоточенная, пристально гляделась в зер-

кало и вызывала воображением милые и дорогие или чудовищные образы, на которых, в сущности, и построены все новогодние гаданья.

— Ишь, голубка, — шепотом произнесла нянька, — суженого высматривает.

— Сейчас увидит! — сказал офицер, шумно распахнув дверь и появляясь картинно на пороге.

Анюта вскрикнула, свечи выпали из рук и потухли.

Девушка не скоро пришла в себя. Похолодевшую, уложили ее в постель, с которой она уже и не вставала.

За неделю до Масленицы эту несчастную жертву экзальтированного гаданья и невинной шутки хоронили.

За хитрость — хитрость

Путилину было заявлено на рождественских праздниках, что шайка профессиональных воров ходит под видом компании ряженных по богатым домам и нагло обворовывает доверчивых людей, впускающих этих костюмированных грабителей к себе, принимая их за своих знакомых, так как, прежде чем войти в квартиру, они непременно прикрывались фамилией, хорошо известной хозяевам.

Агенты сыскной полиции насторожились, и вскоре им удалось напасть на следы воровской шайки.

Путилин каким-то образом проведал, что воры на четвертый день праздника собираются на маскарадную вечеринку к одному полковнику, проживавшему на Литейном проспекте.

Сейчас же был предупрежден, конечно, относительно этого полковник. Но ему советовали не беспокоиться, так как вместе с ворами у него будут в гостях и сыщики.

Действительно, вечером у полковника собралось значительно большее число замаскированных, чем он предполагал.

Гости очень веселились, и никто не замечал, как в квартире постепенно пропадали ценные вещи.

Воры, как оказалось, приехали на вечеринку со своим лакеем, который и оставался в передней с шубами своих «господ». Ливрея у этого лакея была широкая, с глубокими карманами, в которые и упрятались все вещи, уворованные его «господами». Те поминутно выходили в переднюю будто бы освежиться от прилипавшей к лицу маски и тихонько передавали ему свои приобретения. Когда же он оказывался совершенно нагруженным, его одного отпускали домой, а затем уезжали и сами как ни в чем не бывало. При таких условиях они безбоязненно посещали чужие квартиры. Если бы даже в конце концов где-нибудь их заставили снять маски, то и в этом случае они имели возможность вывернуться: «Пришли, мол, на огонек; захотели повеселиться. А если-де вы посторонних не принимаете, то должны были нас осмотреть в передней». А маскированных разве осматривают? Всякий интерес пропадает. Принято их угадывать.

Сыщики зорко следили за ворами, и в особенности за лакеем, лицо которого было тоже прикрыто маской. Но вот он стал уходить.

Один из помощников Путилина, разумеется, тоже маскированный, его предупредил. Спустился раньше и приказал карете «подавать».

Как только воровской сообщник вышел, агент любезно распахнул перед ним дверцу кареты, усадил его и, уместившись с ним, крикнул кучеру:

— Пошел!

Мнимый лакей карету Сысского отделения сначала принял за свою, но потом, когда пришел к убеждению, что возле него находится незнакомый человек, не мог уяснить своего положения и недоумевающе спросил попутчика:

— Не сочли вы меня за своего лакея? Я, ей-Богу, не ваш...

— Знаю.

— В таком случае, с какой же стати я с вами катаюсь?

— А это тебе сейчас объяснят.

Карета остановилась на Офицерской, у Казанской части.

— Ага! — догадался пассажир. — Сыское...

На другой день все украденное у полковника было возвращено по принадлежности, а мнимого лакея принудили выдать своих товарищей, которых немедленно поймали и, конечно, подвергли заслуженному наказанию.

Получая свои вещи, полковник никак не мог догадаться, каким образом все похищенное можно было найти в одну ночь, и до того заинтересовался этим, что посетил несколько раз Путилина, умоляя передать ему подробности этого любопытного «розыска».

Иван Дмитриевич иногда любил поинтриговать недогадливых и только, кажется, на пятый визит открыл ему «секрет».

— Тьфу, как просто! — воскликнул полковник. — А я-то мучился, теряясь в соображениях. И если б вы меня не посветили в это дело, я бы сошел с ума, так оно меня заинтересовало.

Шутка

В пригородных казармах собрался товарищеский кружок офицеров у ротного командира для встречи Нового года.

После ужина беседа затянулась до полночи.

Между прочим, разговор коснулся таинственных явлений. Впрочем, это обычная рождественская тема.

У каждого нашлось по необъяснимому и сверхъестественному эпизоду. Один был страшнее другого.

Рассказы эти, по обыкновению же, закончились тем, что некоторые стали бахвалиться неустрашимостью и напрашиваться на испытание.

Молодой прапорщик категорически заявил:

— Ни во что сверхъестественное не верю и положительно ничего не боюсь!

— Ого! — воскликнул кто-то насмешливо. — Уж будто бы так храбр?

— Это не храбрость, — ответил прапорщик, — отсутствие веры в нелепые рассказы.

— Ты только здесь рисуешься героем, — перебил его приятель, с явным намерением раззадорить юношу. — А вот поди-ка переночуй в сарае нынешнюю ночь!

— Смело переночую!

— Переночуй! Я могу поручиться, что если тебя не напугают привидения, то замучают галлюцинации.

— Вздор!

— Э, брат, поумнее тебя люди были, да и то каялись в своих опрометчивых поступках. Тоже вот так, как и ты, хвастались неустрашимостью, а на деле от пустяков смертный ужас испытывали и навсегда отказывались от глупых споров.

— Повторяю: ничего не боюсь. Даже если бы умышленно меня пугать стали, то и это не потревожит моего спокойствия. В особенности же если я прихвачу с собой револьвер.

— Попробуй — переночуй!

Приятель проводил храбреца до сарая. Денщики притащили сена и устроили ему постель.

Пожелав прапорщику спокойной ночи, все удалились. Тот, действительно не ощущая никакого страха, вскоре уснул...

Но вдруг он просыпается. Его разбудил какой-то неприятный шорох. Раскрывает глаза и видит перед собою группу людей, с ног до головы белых. На плечах у них носилки с покойником, тоже совершенно белым. Луна, пробивавшаяся через раскрытые ворота сарая, дополняла эффект картины.

Храбрый прапорщик приподнялся и шутя заметил:

— Не испугаете, братцы! Узнаю вас...

Группа не шелохнулась.

— Довольно комедиянничать! Говорю же, что не боюсь...

Молчание.

Прапорщик заговорил серьезнее и уже с некоторою робостью в голосе:

— Господа, вы видите, что ваша шутка не достигла цели, — так долой же маскарад.

Прошла еще томительная минута. Прапорщик, бледный и взволнованный, хватается за револьвер и решительно говорит:

— Если вы не прекратите глупую мистификацию, я буду стрелять. Потом не пеняйте!

Молчание.

Раздается выстрел, после которого медленно поднимается покойник и бросает пулю обратно к прапорщику.

Тот стреляет еще раз.

Покойник опять отбрасывает к нему пулю.

Прапорщик стреляет последовательно четыре раза — и четыре пули одна за другой летят к его ногам.

Молодой офицер издает крик отчаяния и падает замертво. Шутники-товарищи моментально разоблачились и бросились к нему на помощь, но было поздно... Он умер!

Потом открылась проделка шутников, безбоязненно стоявших под выстрелами. Они раньше, чем отпустить прапорщика в сарай, незаметно подменили патроны в его револьвере на холостые, а мнимый покойник запасся пулями, которыми, к смертельному ужасу прапорщика, и отбрасывался.

Попугал!

Другой случай в этом же роде.

У престарелой содержательницы квартиры проживали студенты университета.

Незадолго перед Рождеством она нашла дешевую и удобную квартиру, в которую переехала накануне Сочельника вместе со своими квартирантами.

Переезд был не особенно затруднителен: новая квартира находилась неподалеку от старой, по той же восьмой линии Васильевского острова.

В Сочельник случилось так, что все проживавшие у старушки студенты были дома, и, кроме того, на незваное новоселье явилось несколько приятелей.

Продолжительная беседа, начавшаяся с обмена мыслями на идейные темы, закончилась святочными рассказами. Конечно, рассказы эти носили фантастический характер, и от многих из них подирал по коже мороз. Но всего более действовали они на воображение квартирной хозяйки, которая с уморительным испугом отрешивалась от «страстей» и, к общему удовольствию молодежи, дошла до такого нервного состояния, что не решалась выйти из комнаты жильцов в свою, где ее ожидало одиночество.

Один из студентов вздумал воспользоваться впечатлительностью старухи и незаметно вышел в соседнюю комнату. Снял он с кровати простыни, накинул на себя и тихонько проник в полутемную переднюю, чтобы дать звонок, на который должна была обязательно выйти хозяйка.

Но только вступает он в прихожую, как видит, что навстречу к нему бесшумно идет человек в саване.

Будучи под впечатлением святочных рассказов, он вздрогнул и отступил.

Отступило и привидение.

Студенту показалось, что эта тень является возмездием за его намерение напугать хозяйку.

У него стали подкашиваться ноги, и через минуту он грохнулся на пол в нервном припадке.

Все бросились в прихожую, и у одного только хватило смелости подойти к лежавшему на полу под простыней. Всех обуял панический страх, потому что никто не заметил отсутствия из своего кружка приятеля. Но когда была сдернута простыня, переполох увеличился еще больше.

Через несколько дней студент оправился и припомнил историю своей болезни. Товарищи произвели следствие, и оказалось, что роковое привидение в саване было отражением в зеркале самого студента, закутанного в простыню. И все происшествие вызвано тем, что зеркало стояло не на своем месте. Только что переехав на новую квартиру и не успев разобраться в вещах, большое трюмо было оставлено в прихожей. В нем неожиданно и увидел себя студент.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Ресторан «Доротта» за Нарвской заставой был в большом фаворе у петербургских жуиров. Зимой, в особенности на Рождество, тройки целыми вереницами мчались по направлению к этому «уголку», который у веселящихся петербуржцев одно время был самым любимым местом для встречи Нового года.

В конце сентября 1870 года случилась в Петербурге крупная кража. Какой-то провинциал-помещик, приехавший в Петербург на Всероссийскую выставку, заявил полиции, что его обокрали на сумму около тридцати тысяч рублей.

Подозрение он ни на кого не мог заявить, так как покража совершена была у него чуть ли не на улице. На вопрос сыскной полиции, каким образом он имел при себе такую громадную сумму, помещик ответил, что он носил с собою в боковом кармане пальто маленький портфель, в котором находилось тридцать штук банковых билетов по тысяче рублей каждый.

Путилин, бывший тогда помощником начальника сыскной полиции, убедившись в том, что за все это время на вокзалах железных дорог среди отъезжающих из Петербурга пассажиров подозрительных лиц не было, начал следить за публикой, посещающей столичные и загородные рестораны. Особенное внимание обращено было на тех господ, которые задают лукулловские ужины с цыганками в этих ресторанах.

До Рождества ничего подозрительного замечено не было. Обворованный помещик хотел уже уехать из Петербурга, отчаявшись в успешности розысков, но Путилин предложил ему остаться до окончания рождественских праздников, уверив его, что на праздниках скорее можно будет кое-что узнать.

Бдительность Ивана Дмитриевича особенно увеличилась в ночь накануне Нового года. По опыту он знал, что ради встречи Нового года даже самый сдержанный и осторожный человек решится позволить себе маленький кутеж.

Он не ошибся.

Его агенты сообщили ему, что в ресторане «Доротта» заказан кем-то для встречи Нового года большой кабинет с ужином на десять человек, причем заказчик вел переговоры с владельцем ресторана о том, чтобы для всей прочей публики ресторан был закрыт на эту ночь; но хозяин, несмотря на солидную сумму,

предложенную ему неизвестным за закрытие ресторана, не согласился на это.

Путилин поехал сам туда, захватил с собой помещика и вместе с ним поместился в соседнем кабинете. Не забыл он также захватить и альбом с фотографическими карточками наиболее выдающихся петербургских карманщиков.

За четверть часа до полночи к подъезду ресторана подкатили две тройки; из саней вышли пять кавалеров и пять дам и направились прямо в заготовленный для них кабинет, куда уже подана была целая батарея шампанского. Когда Путилин приложился к отверстию, имеющемуся в каждой двери ресторанных кабинетов, то среди находящихся там кавалеров узнал одного, хорошо известного столичной полиции молодца из «карманных путешественников», как он их называл. Зная, что район деятельности этого молодца по большей части не выходит за пределы пассажа, и именно второй галереи, Путилин спросил у помещика, не был ли он в день пропажи у него портфеля с деньгами в пассаже на второй галерее?

— Был там... Я отлично помню, что я поднялся на верхнюю галерею и оттуда любовался картиной, расстилавшейся передо мною. Меня эта картина буквально восхитила. Масса народу... Этот людской говор, шарканье ног, все это на меня, как на провинциала, производило известное впечатление.

— Ну-с, так поздравляю вас, — сказал ему Путилин, — мы нашли вора.

Когда Путилин с двумя агентами и понятыми вошел неожиданно в кабинет, там веселье было в полном разгаре. Под звуки рояля шли оживленные танцы, которые сразу прекратились, как только танцующие увидели, что в комнату вошел сам Иван Дмитриевич.

— Ну-с, господа, с Новым годом! — приветствовал присмирившую компанию Путилин. — Я хотел представить вам одного господина, который вот уже три месяца кряду ищет приятного случая с вами познакомиться.

При этом он подвел к известному ему «карманному путешественнику» помещика.

Вор тут же повинился в том, что действительно вытащил у зазевавшегося в Пассаже господина портфель с деньгами.

Прямо из ресторана всю компанию препроводили в Сыскное отделение. Из украденных у помещика тридцати тысяч около двадцати пяти были найдены и возвращены ему.

— Самый лучший подарок, который я когда-либо получал на Новый год, поднесли мне вы, — сказал потом помещик Путилину, чуть не кланяясь ему в ноги.

ХРАНИТЕЛЬ ЧУЖИХ ТАИН

Существуют чрезвычайно оригинальные профессии, например «хранение чужих тайн». Положим, профессия эта сопряжена с риском, и принципы ее, представляющие из себя шантаж и вымогательство, носят уголовный характер — тем не менее «хранители чужих тайн» живут припеваючи... Они обнаруживаются редко, потому что сама чужая тайна хранит их от неприятностей.

Однако один из таких «хранителей чужих тайн» попался в руки Путилина, и произошло это таким образом.

Заявляется к нему как-то молодая барыня и говорит:

— Меня уверяли, что начальник сыскальной полиции — человек добрый и честный. Только на основании этого я решаюсь поделиться с ним моим горем.

— К вашим услугам, сударыня. Чем могу быть полезен?

— Избавьте меня от хищнических преследований одного человека.

— В чем выражаются его преследования?

Барыня потупилась.

— Ухаживает? Ревнует? — стал допытываться Путилин.

— Нет... Он эксплуатирует меня, угрожая разоблачением одной неприятной истории, составляющей мою тайну.

Затем просительница пояснила, что после смерти своего чиновного мужа она получает весьма приличную пенсию, которую почти целиком вымогает этот человек, случайно посвященный в ее тайну. Между тем она ограничена в средствах и, по милости его, доходит до крайней нужды.

— Кто он по своему социальному положению? — спросил Иван Дмитриевич.

— Служащий... в какой-то конторе...

Путилин пообещал добыть о нем сведения и назначил день, когда посетительница должна снова приехать в управление сыскальной полиции «за ответом».

На другой день было уже известно, что «посвященный» принадлежит к категории темных людей. И хотя получает пятидесятирублевое жалованье, состоя конторщиком в одном из страховых обществ, но живет в сторублевой квартире, имея ценную обстановку.

Вызвали его в Сыскальное отделение.

Явился он, конечно, перепуганный.

— Что такое?

Путилин встретил его с обычной своей приветливостью и с обычным же умением вызывать виноватую робость начал его расспрашивать:

— Вы изволите служить там-то?

— Да.

— Ага! Я знаю... я все знаю... Какое получаете жалованье?

— Пятьдесят рублей.

— Не правда ли, какое маленькое?

— Да-с... мизерное.

— Разумеется, трудно жить на такое жалованье, в особенности с семьей... Но, может быть, у вас есть какие-нибудь выгодные вечерние занятия?

— Да... то есть... мне помогают.

— И очень хорошо помогают! Иначе нельзя было бы платить сто рублей за квартиру, получая всего пятьдесят... Кроме того, надо пить... есть... прилично одеться...

— Виноват, — перебивает начальника сысской полиции «посвященный», — по какому делу я сюда вызван?

— По вашему собственному, — отчеканивает Путилин.

— По моему? — удивленно вытягивает лицо посетитель.

— Да-с, по вашему...

Иван Дмитриевич взял его за руку, подвел к карте Российской империи и сказал:

— Выберите-ка себе заблаговременно новое местожительство.

— То есть как это?

— А так, что ваши приватные занятия заслуживают того, чтобы познакомить вас с местами не столь отдаленными.

— Помилуйте, за что?

— За хранение чужих тайн.

Посетитель сробел совершенно.

— Не правда ли, ведь вы знаете кое-что про госпожу...

— Сущие пустяки.

— Однако если они заслуживают возмездия со стороны правосудия, то почему бы вам не поделиться своими сведениями с властями? Или ваше молчание хорошо оплачивается? Признайтесь-ка!

— Оно, конечно, я имею за свою скромность кое-какую субсидию от этой госпожи, но, как сами изволите сейчас говорить, у меня семья, а пятьдесят рублей жалованья — такая ничтожная цифра... Притом и тайна-то пустяшная, так сказать, интимная... насчет одной роковой измены.

— И вам не стыдно за это вымогать деньги с растерявшейся женщины?

— Я не считал это предосудительным...

— Признавайтесь заодно: может быть, под гнетом вашего шантажа находится и еще кто-нибудь?

Видя, что запирается перед всеведущим начальником сысской полиции бесполезно, шантажист повинился:

— Да, я храню еще тайну купчихи (он назвал известную фамилию) и тайну одного банкира. Тайна последнего имеет уголовный оттенок.

— Довольно! В будущем по поводу этого уголовного оттенка я, может быть, буду иметь вас в виду, а пока и банкира, и купчиху оставляю вам для эксплуатации, но за то обязываю, под страхом большой ответственности, оставить в покое вдову-чиновницу, а тем более ее тайну. Если же вы не сумеете без оплаты хранить молчание, то будете пенять на себя.

Посетитель приободрился и стал благодарить Путилина, сначала нагнавшего было на него страху.

— Да вы не очень рассыпайтесь в благодарностях, — закончил свое внушение Иван Дмитриевич, — я чувствую, что видимся мы не в последний раз. При другой встрече, помните, — другой разговор будет. Поэтому нелишним считаю предупредить вас, что следующая жалоба без перемены местожительства не обойдется.

Таким образом вдова избавилась от эксплуатации ее кармана «посвященным», который, однако, ее тайну стал хранить еще лучше...

ЖИВОЙ ПОКОЙНИК

Внезапно умер один богач, не оставив духовного завещания. Все имущество по закону должно было пойти в раздел между многочисленными родными его и главным образом попасть в руки детей от первого брака. Вторая жена его, прожившая с ним очень недолгое время и не имевшая потомства, могла рассчитывать на небольшую часть наследства; между тем ей хотелось овладеть всем...

Не долго раздумывая, она решилась на смелое мошенничество.

Призвала к себе молодого человека, пользовавшегося ее благоклонностью, и, сообщив ему под секретом о смерти мужа, просила его помочь ей найти такого сговорчивого субъекта, который согласился бы за приличное вознаграждение притвориться больным и выдать себя за ее мужа.

— Зачем это? — поинтересовался друг дома.

— А затем, чтобы иметь духовное завещание.

— То есть совершить подлог?

— С юридической точки зрения, конечно, это будет подлог, но, принимая во внимание внезапную смерть беззаветно любившего меня мужа, такое уловное выражение должно быть смягчено. Это будет не подлог, а справедливое нарушение формалистики закона. Ведь если бы он сделал завещание при жизни, то, разумеется, благодаря моему влиянию на него все богатство досталось бы мне. Следовательно, нравственно я всегда буду права, если и самовольно сделаю то, чего не успел, но что хотел сделать покойный.

— Замысел у тебя превосходный, — сказал друг дома, охотно соглашаясь с доводами вдовы, — но выполнение его требует большой осторожности.

— Разумеется! Пока в доме никто не знает о смерти мужа. Прислугу я предупредила о том, что барин занемог, но в спальню его никого не впускаю.

Вдова не ошиблась в друге, доверя ему тайну задуманного преступления. Он оказался весьма ловким, опытным и, главное, «участливым».

Но прежде чем отправиться на поиски «толковых» людей, друг дома при помощи сообщницы своей убрал труп покойного под кровать, окна в спальне завесил шторами и приказал приготовить лампу с темным абажуром.

Затем уехал и вскоре возвратился в сопровождении какого-то неведомого человека, развязно отрекомендовавшегося хозяйке дома: — Дворянин Игреков! Бедный, но благородный свидетель.

Действительно, это был специалист по части подкупного лжесвидетельства.

Друг дома по дороге ознакомил его с сутью дела, и он, ни на минуту не задумываясь, согласился прикинуться мнимобольным богачом и продиктовать краткое духовное завещание, по которому все богатства должны остаться вдове.

Условившись относительно гонорара, благородный свидетель отправился в спальню, разделся и лег в постель. В комнате царил полумрак; свет лампы, мерцавшей в одном из углов, не достигал противоположной стены, около которой возвышалась кровать. Утопая в мягких пуховиках, дворянин Игреков твердил имя «возлюбленной своей жены» и старался не забыть его...

Друг семьи опять ненадолго уехал и привез с собой трех субъектов, на этот раз весьма прилично одетых и представительных.

Но эти уже не были посвящены в тайну, хотя они отлично сознавали, что фигурируют в этом деле неспроста и что, может быть, будут фигурировать на суде, иначе не предлагали бы им солидного вознаграждения за то, что с большим успехом мог сделать каждый знакомый, и притом без всяких оплат.

Однако им было внушено, что больной богач доводится им приятелем.

— Это желание его самого, — пояснил друг дома. — Он потому приглашает посторонних для засвидетельствования его «здорового ума и твердой памяти», что не желает предавать гласности свое почти безнадежное положение. Вам-то, конечно, все равно: здоров ли он, болен ли, а для формы это имеет немаловажное значение.

Затем был приглашен нотариус.

После обычных расспросов, путем которых распознается умственное состояние завещателя, было приступлено к составлению духовного завещания.

Дворянин Игреков блестяще справился со своей замысловатой ролью. Едва приоткрывая глаза, он разговаривал слабым голосом умирающего человека. С трудом переводил дух, уместно кашлял и по временам раздражался, когда не хотел отвечать на сбивчивые вопросы.

Написав вступление по форме, нотариус под диктовку завещателя стал излагать суть.

— Все свое движимое имущество, — полушепотом произносил больной, — завещаю безраздельно возлюбленной жене моей Марии Ивановне.

— Дальше...

— А из наличного капитала моего и всего недвижимого имущества она имеет только половину.

— Как половину? — с ужасом воскликнула Марья Ивановна. — Ты должен отказать мне все.

— Нет, довольно с тебя и половины! — спокойно ответил завещатель. — Если бы я завещал тебе все, то был бы чудовищно неблагодарным по отношению к своему другу.

— Какому другу?

— Которому ты обязана своим будущим благополучием.

— Я тебя не понимаю. Объяснись!

— Другую половину наличного капитала моего и всего недвижимого имущества я завещаю своему другу дворянину Игрекову! Нотариус, пишите!

— Позвольте-с! — взволнованным голосом запротестовал друг семьи, совершенно ошеломленный находчивостью лжесвидетеля. — Но ведь этот самый дворянин Игреков отъявленный плут!

— Плут-то он плут, это верно, — согласился завещатель, — но то, что я ему завещал, исправит его

— Разумеется, вы вправе распоряжаться своею собственностью, но нельзя уделять так много каким-то сомнительным друзьям, которые из ваших денег неверно сделают дурное употребление.

— Не раздражайте меня, а то я еще больше откажу ему.

— Не забывайте одного, что родственникам вашим такая щедрость к какому-то проходимцу может показаться подозрительной. Пожалуй, затеется процесс, и этот негодяй, дворянин Игреков, не получит ни гроша.

— Вот это резон! — воскликнул больной, с оханьем приподнимаясь на локти. — Соглашаясь с этим разумным доводом, я отказываю другу своему только половину наличного капитала, а возлюбленной жене всю недвижимую собственность.

Под завещанием, по слабости, мнимый больной не подписывался, но свидетели во главе с нотариусом и друг семьи удостоверили «здравый ум и твердую память» завещателя.

Преступление это было обнаружено, но поздно, когда уже нельзя было возбуждать уголовного расследования.

О героях этой давней истории известным осталось то, что «дворянин Игреков», перехитривший вдову и ее друга, завещанный самим себе капитал прожил быстро и умер в белой горячке; у вдовы все отнял друг семьи за соучастие. И в результате — все богатство погибло бесследно.

ПРОДАЖА СЕМЕНОВСКОГО ПЛАЦА

В Петербург приехал капиталист с целью построить фабрику «гнутой», так называемой «венской мебели», которая, по его вычислениям, могла быть удешевлена наполовину против цены, существующей на нее в России как на заграничное изделие.

Сделал он публикацию в газетах, что желает купить большой участок земли для постройки фабрики и обширных складов.

В день появления публикации к капиталисту является весьма приличный господин и предлагает большое пустопорожнее место в центре города.

— Отлично! — обрадовался капиталист. — Когда я могу его осмотреть.

— Хоть сейчас...

Поехали.

Капиталист совершенно не знал Петербурга «Приличному господину» это было, конечно, известно, и именно на этом построил он свою хитроумную комбинацию.

Привел он капиталиста на Семеновский плац.

В то время, к которому относится рассказ, на этом плацу еще не был устроен беговой ипподром.

Залюбовался провинциал просторной площадью.

— Который же угол вы можете мне продать? — спросил он у своего спутника.

— Любой.

— Я бы предпочел этот! — указал капиталист на пространство, находящееся между Николаевской улицей и казармами Семеновского полка.

— Он дороже других, — предупредил его «собственник плаца».

— Ничего не значит.

Начали торговаться. Покончили на шестидесяти тысячах за полдесятины!

— Дорогонько: по пятьсот рублей за квадратную сажень, — вздыхал покупатель.

— По петербургским ценам это даром, — уверял его продавец. — Подите-ка приторгуйтесь к земле за городом. Не дешевле будет, чем в центре. Я уступаю потому только, что ликвидирую свои дела перед отъездом за границу, где я намерен поселиться навсегда для сбережения своего непрочного здоровья...

— Ну уж ладно, по рукам!

Тут же на месте условились о заключении купчей крепости на следующий день у нотариуса.

— Лучше всего, — надумала продавец, — завтра утром я заеду к вам, и мы вместе отправимся к нотариусу.

— Пожалуй!

Капиталисту не пришлось в голову спросить у кого-нибудь о Семеновском плаце, принадлежащем казне. Он был очень доволен успешным ходом своего предприятия, и, кроме того, «приличный господин» не внушал ни малейшего подозрения.

На другой день утром «частный владелец казенной земли» с таким же апломбом, как и накануне, является к будущему фабриканту и вместе с ним отправляется на Невский к нотариусу.

Подъезжают к подъезду, на зонте которого красуется большая вывеска: «Нотариус такой-то», действительно проживавший в этом доме и пользовавшийся большою популярностью. Провинциал был даже доволен, что попадает к нотариусу, которого хоть понаслышке, но знал.

Помощники «приличного господина», оказавшегося завзятым мошенником, поджидали у подъезда «жертву», и, как только она показалась, моментально побежали по лестнице и заклеили бумажной вывеску, имевшуюся над дверью нотариуса.

Мошенник провел провинциала на третий этаж. Там на дверях имелась дощечка с надписью: «Нотариус».

Вошли.

Обстановка канцелярская, столы и конторки. На столе самого нотариуса печати разных форм, большие нотариальные книги, толстые тома законов. Несколько писарей усердно скрипят перьями, переписывая какие-то бумаги.

Вошедшие отрекомендовались.

Нотариус осведомился, что им нужно, и принялся за составление купчей крепости.

Вскоре она была готова. По исполнении некоторых нотариальных формальностей продавец и покупатель подписали бумагу и второй вручил первому тут же, при нотариусе, как при благородном свидетеле, пятнадцать тысяч наличными деньгами, а остальную сумму чеком на банк.

Опять, перед выходом посетителей, один из конторщиков спустился вниз и снова заклеил бумажной дверную вывеску настоящего нотариуса.

Посетители, выйдя на улицу, расстались. Продавец направился в банк за деньгами, покупатель нанял извозчика домой, в гостиницу, где его поджидали уже подрядчики.

Капиталист благополучно покончил и с ними.

К устройству фабрики он хотел приступить немедленно, и поэтому через два дня, раньше чем ходатайствовать о разрешении постройки через городскую управу и градоначальство, решил он

отгородить свой участок земли забором и начать подвоз строительных материалов.

Ранним утром на Семеновском плацу появилось несколько подвоз с бревнами и досками. Пришли рабочие и принялись было ставить забор.

Подошел местный городской и спрашивает капиталиста, распоряжавшегося работами:

— Что это вы тут затеяли делать?

— Огораживаю, голубчик, свою землю.

— Какую такую свою землю?

— Вот этот уголок откупил я под фабрику.

Городской, недоумевая, пожал плечами, однако более не возражал, не представляя себе обстоятельства, чтобы начались работы зря, без законных причин.

Делавший служебный обход околоточный надзиратель тоже с удивлением остановился перед созидавшимся забором:

— Что это?

— Забор пока, — ответил строитель, — а потом сооружу фабрику.

— Кто вам позволил?

— Средства-с, — улыбаясь, продолжал тот, — да-с, именно средства позволяют приступить к устройству весьма полезного предприятия.

— Да ведь земля-то казенная.

— Собственная!

— Как?

— Да так: купил — вот и все!

— Как и где вы могли ее купить?

— Чего вы все удивляетесь! — удивился, в свою очередь, капиталист. — Не верите если, взгляните на купчую.

Действительно, форменная нотариальная купчая крепость на участок земли Семеновского плаца.

Пожал плечами и околоточный, направляясь в участок с докладом к приставу. На место происшествия поспешил пристав.

— По какому праву огораживаете вы плац?

— По праву собственности.

— Откуда вы взяли эти права собственности?

— Купил. Не угодно ли взглянуть на купчую...

Пристав взглянул на бумагу.

— Кто такой потомственный дворянин Икс?

— Владелец всего этого пространства.

— Вздор! Вас обманули...

— Нет-с.

— Конечно, обманули. Эта земля казенная...

— Не может быть?!

Капиталист бросился к нотариусу.

Входит в подъезд и удивляется: нотариус переехал в нижний этаж.

Проводят его в кабинет. Что за диковина? Совершенно другая физиономия.

Посетитель подает нотариусу купчую и спрашивает:

— Вами заключена эта сделка?

— Гм... нет...

— Подпись-то ваша?

— Не моя...

— Как?

— То есть фамилия моя и печати мои, но поддельные...

— Стало быть, вы третьего дня наверху не жили?

Нотариус отодвинулся: не сумасшедший ли, мол?

— Нет-с, не жил!

— Грабеж! — закричал капиталист. — Среди бела дня ограбили.

Произвели следствие.

Оказалось, действительно провинциал попал в руки мошенников.

Пустовавшая над нотариусом квартира была нанята накануне грабежа будто бы под коммерческую контору. За нее был внесен только залог, а конторская обстановка была куплена на рынке, и деньги за нее, конечно, уплачены не были. Мебельщик, обработанный хорошим заказом, должен был подать счет на следующий день.

Но на следующий день на его звонки никто из конторы не откликнулся.

Через два дня сломали дверь, и власти проникли в импровизированную нотариальную контору. Капиталист узнал обстановку.

— Вот за этим самым столом, — плакался он, — подписывали мы условие, тут я и деньги отдал.

На столе были поддельные печати, цепь нотариуса и прочие атрибуты, но мошенников, конечно, и след простыл.

ИСААКИЕВСКИЕ ЛЕСА НА СНОС

Рабочие леса, поставленные около Исаакиевского собора, стоили казне больших денег. Они делались из хорошего материала, прочно и устойчиво, потому что ремонт предполагался на весьма продолжительное время. Один из рыцарей легкой наживы обратил внимание на эту дорогую постройку, и в голове его сложилась хитроумная комбинация, доставившая ему несколько тысяч рублей.

Изобретательный мошенник продал исаакиевские леса на снос самому продувному, опытному, ловкому, бывалому петербургскому подрядчику.

Случилось это таким образом.

К ночному сторожу, бодрствовавшему у ворот постройки до полудня, каждое утро стал подходить какой-то пожилой благообразный господин в дворянской фуражке с красным суконным околышем. Сперва он останавливался перед сторожем только для того, чтобы попросить спичку для раскурки сигары, а потом и для продолжительных бесед.

Господин этот усаживался близ мостков и долго расспрашивал сторожа, откуда он родом, как зовут его и всех членов его обширной семьи, сколько получает жалованья и прочее. В свою очередь, и сторож стал однажды допытываться о социальном положении своего собеседника, на что тот ответил:

— Я служащий... Я, братец, служу в министерстве.

— Ага!.. А утречком-то, значит, прогулочкой занимаетесь?

— Да... Днем гулять некогда и неудобно: на улице тесно и суетливо... Теперь же простор и свобода...

— Это точно... А как вас звать, барин?

— Имя мое — Иван Петрович, но только ты меня так называть не смей, потому что я генерал. Ты должен говорить «ваше превосходительство»...

Сторож моментально преобразился. Преисполняясь благоговения к «особе», он, по старой солдатской привычке, вытянулся в струнку и браво произнес:

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, то-то... Молодец!.. Вот тебе четвертак на чаишко.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство.

Так прошел месяц. Генерал каждое утро навещал сторожа и в конце концов так приручил его к себе, что тот стал ожидать его с видимым нетерпением, а завидя его еще издалека, спешил к нему навстречу. При этом, подлаживаясь к тщеславной натуре «добротного барина», он беспрестанно повторял многозначительное «ваше превосходительство».

В одно прекрасное утро генерал подъезжает в обычный час к Исаакиевскому собору с каким-то толстяком. Сторож приветливо гаркнул:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

— А, Никита!.. Здорово, здорово!.. Все ли благополучно?..

— Так точно, ваше превосходительство!

— Поди-ка, проводи нас по лесам...

— Слушаю, ваше превосходительство.

Такая почетная встреча произвела должное впечатление на толстяка-подрядчика. Поднялись на леса. Генерал часто повторял, указывая на бревна, доски и прочий строительный материал:

— Смотрите, что за прелесть!.. Все на подбор!.. Одно другого лучше...

— Да... товар недурной, — соглашался подрядчик, — хаять не буду... Действительно, каждая щепка на редкость!..

Когда постройки были осмотрены вплоть до вершины, генерал с подрядчиком быстро спустились вниз, сели на того же извозчика и поехали прямо к нотариусу, где и заключено было условие о покупке подрядчиком рабочих лесов у действительного статского советника Поливанова, заведующего ремонтом Исаакиевского собора. Задаток в размере пяти тысяч рублей был тотчас же вручен покупателем продавцу.

Через несколько дней к Исаакиевскому собору подъезжают ломовые извозчики и плотники, вооруженные топорами.

— Куда вы? Что вам надо? — остановил их сторож.

— Нас прислали леса сносить...

— Как сносить? Ведь ремонт-то еще не окончен?

— Не наше дело.

Поднялся спор, в разгар которого подоспел подрядчик.

— Что за шум? Что случилось?

— Да вот до лесов нас не допускают.

— Кто смеет?

— Да я, ваше степенство, — ответил сторож, — потому от начальства приказа не было.

— Как не было?.. Не может этого быть... Теперь я хозяин этих лесов; я купил их — вот и контракт со мною в кармане...

— Не можем знать!

— А где генерал?

— Да с того времени их не видно, как в последний раз с вами вместе здесь были.

— А живет-то он где? Послать за ним надо...

— Не могу знать.

— Как не знаешь? Адреса своего начальства не знаешь?

— Да какое же они начальство? Они не начальство... Это так просто, мимо проходящий генерал.

— Какой такой мимо проходящий?!

Подрядчик бросился к церковному старосте. Поднялась суматоха. Сделали заявление в Сыскное отделение, и начались розыски ловкого мошенника.

ОСТРОУМНАЯ КРАЖА

Мошенническая изобретательность очень часто бывает остроумной.

— Иной раз наткнешься на такую замысловатую комбинацию, придуманную ворами, — говаривал Путилин, — что с восторгом производишь следствие... Бывали случаи, что воровское остроумие вызывало благодушное настроение в судьях и благодаря этому сокращались сроки наказания.

Вот, например, одна из остроумных краж.

Является приличный молодой человек в шляпный магазин и просит приказчика показать ему наилучшую барашковую шапку. Тот показывает.

— Недурна, — говорит покупатель, — но, может быть, есть лучше? Мне бы хотелось иметь шапку мелкого завитка.

Приказчик полез на полку.

— Вот-с самая лучшая кавказская мерлушка...

Покупатель стал примерять. Повертелся перед зеркалом и согласился, что шапка ему идет и что по качеству она удовлетворительна.

— Цена?

— Без запроса тридцать пять рубликов.

В это время в магазин входит еще покупатель, очень серьезный господин с сосредоточенным видом.

— Мне бы, — сказал он, — недорогую, но порядочную бобровую шапку.

На прилавке появилось несколько картонок.

Солидный господин занялся выбором. Одна из шапок пришлась ему по голове и по вкусу.

— Дорога ли? — спросил он приказчика.

— Сущие пустяки: пятьдесят рубликов только.

— А сорока целковых недостаточно?

Начался торг, во время которого первый покупатель, молодой человек, обратился к солидному господину с вопросом:

— Скажите, пожалуйста, идет мне эта шапка?

Тот на него полупрезрительно взглянул и сквозь зубы процедил:

— Да, как корове седло...

— Что? — рассвирепел молодой человек. — Повторите, что вы сказали?

— Я говорю, что шапка идет вам, как корове седло.

Раздается звонкая пощечина. На нее следует ответный удар по затылку. Схватка покупателей приняла угрожающий характер: на пол полетели картонки, шляпы. К дерущимся бросился было приказчик, но его ловким движением руки чувствительно оттолкнул солидный господин.

— Караул! — крикнул молодой человек и опрометью бросился, но уже молча, вон из магазина.

— А, негодяй, струсил! — произнес очевидный победитель и побежал за ним.

Приказчик тоже выбежал на улицу и с порога своего магазина стал наблюдать за вспыльчивыми покупателями, энергично удалявшимися в соседнюю улицу. Когда они уже совершенно исчезли из виду, растерявшийся приказчик сообразил, что вся драка была «комедией». Остроумные воры убежали в новых шапках, взамен которых оставили свои поношенные цилиндры.

ПАРАЛИТИК

Когда-то красовался на Невском проспекте, в доме голландской церкви, роскошный ювелирный магазин Реша.

Реш считался богачом и торговал на славу.

Однажды у подъезда его магазина остановилась шикарная карета. На дверцах гербы, рысаки тысячные, на козлах откормленный кучер и представительного вида выездной лакей.

Из кареты с трудом вылезает почтенный старичок. Его предупредительно поддерживает лакей. Правая рука у старика на перевязи.

Входит в магазин и почти бессильно опускается в кресло.

Покупатель, очевидно, важный — приказчики почтительно вытянулись, а хозяин встретил его поклоном.

— Покажите мне, пожалуйста, — начал старик, небрежно растягивая слова, — хорошенькую браслетку для подарка.

Хозяин разложил перед ним целую грудку золотых браслетов. Покупатель выбрал один из недорогих и осведомился о цене.

— Пятьдесят рублей, — ответил ювелир.

— Прекрасно! Такой дешевенький именно и надо... Это для подарка нашей гувернантке.

Браслет уложили в футляр.

— А деньги за него прошу вас достать из моего бумажника, — сказал старик, подставляя ювелиру боковой карман. — Я парализован и правой рукой не владею совершенно, да и левую не могу поднять без боли...

— Слушаю-с!

Ювелир полез за бумажником. Взял из него причитавшуюся ему сумму и водворил бумажник незнакомца обратно в карман.

Покупатель направился было к выходу, но по дороге, заглянув в витрину с бриллиантами, обратил внимание на дорогие серьги.

— Ах, какая прелесть! — воскликнул он с неподдельным восторгом. — Покажите их!

Показали.

— Превосходные! — продолжал восхищаться паралитик. — Я именно такие и хотел приобрести к именинам жены... Цена им?

— Восемь тысяч четыреста.

— Уступите!

Сторговались на восьми тысячах.

— Разорьте вконец! — шутливо заметил старик, подставляя карман ювелиру. — Доставайте снова бумажник и отсчитывайте, что вам следует.

Ювелир вторично полез в карман незнакомца, извлек бумажник и вынул пачку денег. Сосчитал — четыре тысячи только.

— Неужели не больше? — удивился паралитик.

— Извольте посмотреть...

— Экая жалость! Ну, что делать — пошлю домой слугу... Я живу неподалеку отсюда... Позволю себе еще раз утрудить вас — будьте любезны до конца и напишите записку к жене... сам-то я не могу...

— С большим удовольствием!

— Пишите так: «Дорогая Тереза, с подателем сего пришли немедленно десять тысяч рублей. Необходимы сию минуту — купил несколько хороших вещей».

— Как прикажете подписать?

— Не надо... Не беспокойтесь... Семен у меня слуга старый и испытанный — я за него не боюсь...

Позвали с улицы выездного, терпеливо дежурившего у подъезда ювелира.

Паралитик, вручая записку, счел нужным сказать своему Семену маленькое напутственное слово:

— Поезжай с каретой и скорей возвращайся. Если у барыни не найдется денег кредитными билетами, то пусть даст бумаги, облигации — что под рукой будет...

— Слушаю-с!

Минут через пятнадцать слуга возвратился.

— Ну, что?

— У барыни никаких денег нет, а несгораемого шкафа вашего она открыть не может.

— Как же быть?

— Нужно будет самим вам поехать домой за деньгами.

— Ну, что делать — съезжу! Только вы, пожалуйста, — сказал паралитик ювелиру, направляясь к выходу, — не убирайте серег далеко. Я за ними заеду через полчаса.

Хозяин и приказчики низкими поклонами проводили нового своего покупателя до дверей.

Семен посадил расслабленного барина в карету, вскочил на козлы, и рысак с места рванулся по направлению к Адмиралтейству.

Вечером, когда Реш явился домой, жена спросила его:

— Почему ты не прислал за деньгами кого-нибудь из своих? А то ведь чужому-то я не без боязни отдала.

— Какие деньги? — удивился супруг. — С ума ты, Тереза, сошла, что ли?

— Как какие? Да ведь прислал ты за десятью тысячами какого-то лакея в галунах?

— Что ты, что ты! И не думал вовсе ни о каких деньгах... Никого не посылал.

— Да ведь записка эта твоя?

Ювелир развернул записку и обомлел. Это та самая записка, которую он писал в магазине для паралитика.

— Что ты наделала! — ужаснулся одураченный Реш. — Ведь нас обокрали!

— Рука-то твоя... Как же бы я не послала тебе денег, если требуешь?

Тут только понял ювелир, на каких ловких мазуриков пришлось наткнуться.

Они не были разысканы, несмотря на то что за поимку их Реш предлагал трехтысячную награду, о чем и было доведено до сведения публики путем объявлений, расклеенных по всему городу...

СЕРЬГА

У известной баронессы украли бриллиантовую серьгу весьма высокой стоимости.

Об этом, конечно, было заявлено сыскной полиции.

Пока производились поспешные розыски, к потерпевшей является какой-то таинственный господин и рекомендуетсЯ агентом сыскной полиции. Баронесса встречает его любезно и спрашивает:

— Ну, что? Ведь вы по поводу пропавшей серьги, не правда ли.

— Да.

— Нашлась?

— Почти.

— То есть как почти?

— А так, что напали, кажется, на след преступника.

— Неужели? Где и как?

— У одного рыночника, торгующего подержанными золотыми вещами, нашли серьгу, по приметам схожую с вашей.

— И арестовали ее?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не имели положительных данных определить с принадлежащей вам.

— Какие же положительные данные вам нужны? — спросила баронесса, недоумевающе смотря на сыщика.

— Нужна ваша вторая, для сличения с найденной на рынке.

— Так бы прямо и говорили!

Баронесса удалилась в свою комнату и через несколько минут вынесла футляр с серьгой, которую посетитель стал усердно и долго рассматривать.

— Да, — наконец проговорил он решительным тоном, — теперь я могу сказать с уверенностью, что ваша серьга найдена!

— Как я рада!

— Сегодня же она будет арестована, а завтра вручена вам... Эту я захвачу на всякий случай с собой...

— Пожалуйста.

— Итак, до завтра!

Агент сыскной полиции галантно откланялся и вышел.

Однако на другой день баронесса напрасно ожидала серег — они не были доставлены.

Прошел третий, четвертый день, о серьгах ни слуху ни духу. Наконец, на пятый день она сама отправляется в управление сысской полиции.

— Как кстати! — говорит Путилин, встречая баронессу на пороге кабинета. — Ваша серьга только что разыскана.

Затем достал из письменного стола серьгу и, передавая ее посетительнице, спросил:

— Ваша?

— Моя.

— Очень рад, что мог оказать вам услугу...

— Благодарю вас... Но где же вторая серьга?

— Как вторая? — удивился Иван Дмитриевич... — Ведь пропала у вас только одна?

— Пропала-то одна, но другую у меня взял ваш агент.

— Зачем?

— Чтобы сличить ее с пропавшей моей серьгой, найденной у какого-то рыночного ювелира.

Заподозрив в этом мошенническую проделку, Путилин назначил баронессе час, когда она на другой день могла увидеть всех агентов сысской полиции, чтобы указать на визитировавшего к ней.

Разумеется, между ними знакомой физиономии не нашлось.

По приказанию начальника сыщики сейчас же приступили к новым розыскам второй серьги, но эти розыски были безуспешны. Ловкий мошенник гораздо лучше схоронил следы преступления, чем служанка баронессы, похитившая первую серьгу и поплатившаяся за это тюремным заключением.

ВОРОВСКАЯ ПРОДЕЛКА

Воры всегда изобретательны и оригинальны в приемах. Это старое правило.

Одна воровская проделка, учиненная остроумным рецидивистом, носит совершенно анекдотический характер.

Приходит в рыночный трактир человек торгового вида и приказывает подать чаю на двоих.

Слуга подал.

— Что же это приятель не подоспевает? — недоумевает вслух посетитель.

— Может, что задержало, — вступает в разговор половой, — да это ничего... Завсегда его горячим чаем напоим, кипятку на кухне хватит.

— Да ждать-то его, братец, некогда.

— Послать за ним можно.

— А и правда: сбегай-ка, землячок, во второй проезд... Знаешь лавку Голубева?

— Это что золотыми вещами торгует?

— Вот-вот!

— Ну, и что же сказать?

— Скажи, чтобы приказчик Иван Петров скорее сюда шел.

— А как сказать про вас?

— Да уж он знает, кто за ним шлет, скажи только, что у меня времени нет.

Расторопный слуга бросился исполнять поручение гостя. Но едва тот успел выйти за дверь, как направился к выходу и посетитель.

Буфетчик остановил было его.

— Разве не станете дожидать?

— Нет, я сейчас... Забегу только насупротив в лавку цену узнаю на пушной товар... А ежели Петров придет раньше меня — пусть обождет...

Через десять минут посланный возвратился. Вслед за ним явился в трактир голубевский приказчик Иван Петров.

— Кто меня спрашивал?

— Они вышли-с, — ответил буфетчик, — и велели минутку повременить.

Петров, не теряя времени, принялся за чаепитие.

Незнакомец же очутился в лавке Голубева и застал там одного мальчика.

— А где Петров? — спросил он у него.

— Он только что вышел. Кто-то из трактира за ним присылал.

— Долго он там пробудет?

— Не знаю.

— Вот жаль-то, что не застал. А мне его очень нужно по важному делу.

— Обождите.

— Некогда мне, лучше догони-ка его и попроси на минутку вернуться, а я постою у лавки — покараулю.

Незнакомец вышел за дверь. Мальчуган побежал догонять приказчика. Как только он скрылся за углом, ловкий вор шмыгнул в лавку и быстро привычной рукой выкрал несколько дорогих вещей из витрины. Когда же пришел приказчик, от вора и духу не осталось, хотя, впрочем, через день он был разыскан сыскной полицией и понес заслуженное наказание.

СЛУЧАЙ С МИТРОПОЛИТОМ ИСИДОРОМ

Наглость столичных мошенников в семидесятых годах дошла до того, что ими был обокраден среди бела дня петербургский митрополит Исидор.

Он был приглашен на освящение домово́й прию́тской церкви, только что отстроенной каким-то известным благотворителем.

По окончании торжества, когда владыка собрался уезжать, строитель приюта передал ему запечатанный конверт. В нем находилось пятьсот рублей.

Преосвященный сел в свою карету и поехал, но не успел он отъехать и десяти сажень, как догоняет его какой-то невзрачный субъект и, с трудом переводя дыхание, просит на минуту остановиться.

Форе́йтор и кучер придержали лошадей.

— Что такое? — спрашивает митрополит.

— Ваше высокопреосвященство, вышла ошибка...

— Где? В чем?

— Очень извиняются, что не тот конверт вам передали. Вот предназначенный для вас, — проговорил незнакомец и подал митрополиту новый конверт. — Извините-с!

— Ничего, ничего...

— А тот, ваше высокопреосвященство, пожалуйста обратно.

Владыка, ничего не подозревая, переменял один конверт на другой и поехал далее. Но каково было его удивление, когда, вскрыв пакет, он нашел в нем одну газетную бумагу!

А мошенника, конечно, и след простыл.

НА ИСПОВЕДИ

Дело происходило на последней неделе Великого поста, когда число говеющих обыкновенно бывает велико.

У священника приходской церкви, укрытого от толпы традиционными ширмами, стояла большая вереница исповедников.

Дошла очередь до невзрачного субъекта плутоватого вида.

Упал он перед духовником на колени и начал каяться:

— Сильно я, окаянный, грешен. Перво-наперво, вор. Хотя и по нужде, а все же я многих обмошенничал. А самое-то главное, из-за меня, окаянного, безвинные люди подозрение несли и мучились.

По этому поводу священник сделал ему нравоучение.

— Верно, верно, — соглашался грешник, — чувствую, что нет мне прощения. Чувствую и обещаю исправиться... А только, батюшка, отпустите мне еще один тяжкий грех: я украл часы у священника, да еще при исполнении им своих священных обязанностей.

— Ай-ай-ай! — укоризненно покачал головою духовник и, благословив кающегося, отпустил с миром. — Бог простит!

Но каково было удивление этого священника, когда он вскоре полез за часами под рясу, чтобы осведомиться о времени. Он нашупал только остаток срезанной цепочки.

ДРАГОЦЕННАЯ РЕЗЕДА

Никто не подвергается большей опасности со стороны грабителей, как ювелиры.

В их витринах слишком много соблазна для хищнических взоров. Золото и бриллианты! Это такой магазин, перед которым трудно устоять рыцарю легкой наживы.

И вот специально для ювелиров столичные мошенники изощряются в изобретении «оригинальных способов кражи».

Был такой случай, оставшийся без подражания (потому что, как известно, наиболее смелые воровские проделки не повторяются).

Приходит в ювелирный магазин франтоватый господин, не внушающий никакого подозрения, и просит показать ему кольца с бриллиантами, причем предупреждает торговца, что стоимостью их стесняться не будет.

Ювелир выставил на прилавок лучшие вещи.

Покупатель долго рылся в товаре, осведомлялся о ценах, приторговывался и, наконец, будто бы не найдя ничего для себя подходящего, направился к выходу.

Опытный глаз ювелира тотчас же заметил, что одного наиболее дорогого бриллиантового перстня на прилавке не хватает.

Ясно, что это дело рук посетителя.

Он его, конечно, вернул.

— На одну минуту!

— Что вам? — спокойно откликнулся тот.

— Не захватили ли вы случайно кольца? Недостает одного.

Посетитель возмутился:

— Что-о-о? Да как вы смеете?! Да я вас...

Владелец магазина снова пересчитал кольца и категорически заявил:

— Да-с, одно кольцо вы украли!

Дело окончилось появлением полиции и обыском.

Ювелир был твердо уверен, что пропавшая драгоценность у франта, однако при нем ее не оказалось.

Франт так искренне возмущался, угрожая правосудием за оскорбление, что ювелиру в конце концов пришлось долго извиняться перед ним.

Случай действительно странный, но с кражей пришлось примириться. Делать нечего.

Прошло две недели...

Заходит к этому же ювелиру нарядная дама и покупает какие-то безделушки.

Вдруг она обращает внимание на чахлый кустик резеды, вправленный в простой глиняный горшок, и начинает приходить в неподдельный восторг.

— Ах, какая прелесть! Какой аромат! Продайте мне, пожалуйста, этот цветок.

— Помилуйте, сударыня, в любом цветочном магазине найдете массу свежих, молодых.

— Мне нравится этот! Неужели вы не можете его уступить. Возьмите за него сколько угодно... Может быть, это каприз, но я хочу иметь эту резеду.

— Стоит ли, сударыня, о таких пустяках разговаривать?! Нравится вам — сделайте одолжение, берите...

Забрав подарок, покупательница ушла. Ювелир улыбнулся ей вслед, не придавая никакого значения ее настоящему желанию.

Уже потом, много времени спустя, ему было сообщено сыскной полицией, что в цветочном горшке было зарыто пропавшее у него кольцо. И франт, и барыня — оба принадлежали к воровской шайке, которая была изловлена и которая призналась во всех своих проделках.

ИСКОРЕНЕНИЕ ВОРОВСТВА

Московский обер-полицеймейстер А. А. Шульгин был назначен на эту должность специально, как ходили в то время слухи, для искоренения мошенничества и воровства.

Приехав в Москву, Шульгин громогласно хвастал, что искоренит это зло, и принялся за него не на шутку. Но московские жулики, проведавшие об этом, на первых порах его деятельности заявили себя необоримыми и дали о себе чувствительное понятие самому новому обер-полицеймейстеру.

Рано утром подъезжают к дому обер-полицеймейстера парные сани с ливрейным лакеем. Ливрейный лакей, лихо соскочив с запяток, входит в швейцарскую и приказывает доложить Шульгину, что за ним приехали сани от графини Орловой, которая просит его пожаловать к ней сейчас же по неотложному и весьма важному делу.

Шульгин, лично знакомый с графиней, быстро собрался, накинул на плечи свою богатую бобровую шинель и отправился. Приехав к графине, обер-полицеймейстер вошел в подъезд и сбросил на руки сопровождавшего его лакея шинель. Лакей почтительно принял ее и присел на скамейке в прихожей. О Шульгине доложили хозяйке дома.

— Чем могу служить? — спросил гость, входя в гостиную и раскланиваясь с графиней.

Та недоумевает.

— Вы сейчас изволили прислать за мной свой экипаж, — сказал Шульгин, в свою очередь тоже недоумевая.

— И не думала!

— Я в ваших санях приехал.

— Не может быть.

Подняли в доме тревогу. Бросились к подъезду за санями, но их и след простыл.

На другой день Шульгин получает по почте безымянное письмо, в котором между прочим говорилось: «Напрасно вы, ваше превосходительство, с нами ссориться хотите, будем жить лучше в мире да ладе, никто из нас не будет внакладе».

Это обстоятельство сперва обескуражило его, но впоследствии он уяснил смысл письма как нельзя лучше: жулики посвящали его во многие их тайны, что дало ему возможность в особенно важных делах проявлять необыкновенное проворство и ловкость к открытию преступлений. Этим он прославился как деятельный обер-полицеймейстер.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

На Садовой улице, против Юсупова сада, до сих пор сохраняются незначительные выдолбины в большом каменном доме.

В этих выдолбинах ютятся мелкие торговцы, называющие свои помещения просто «ларьками», — так они малы и непрезентабельны.

В одной из этих выдолбин много лет тому назад существовала «меняльная лавка», операции которой были достаточно прибыльны благодаря близости рынков.

Владелец этой лавки, именовавшейся для краткости «менялой», был человеком аккуратным и ежевечерне, перед окончанием торговли, располагался на своей миниатюрной конторке пересчитывать деньги, которых обыкновенно к вечеру образовывалось изрядное количество.

Однажды мимо этой открытой меняльной лавки проходил бедный студент как раз в то время, когда меняла пересчитывал большую пачку кредитных билетов.

Студент шутя хлопнул рукой по деньгам, находившимся на выручке, и как ни в чем не бывало пошел далее.

Меняла всполошился.

Ему показалось, что прохожий ухватил несколько бумажек.

Он стал взывать о помощи.

— Держите вора! Ограбил!

Поднялась суматоха. Молодого человека схватили и препроводили в местное полицейское управление.

Вслед за ним явился в участок и меняла, захвативший свои деньги, которых он не успел пересчитать.

— В чем дело? — спрашивает пристав.

Меняла передал подробности грабежа, учиненного нагло, на людной улице, чуть ли не среди белого дня.

Пристав возмущился.

— Как вам, молодой человек, не стыдно заниматься воровством? Неужели вас не страшит тюрьма и позор?! Нужно работать и не посягать на чужой карман.

— Но, позвольте, — перебил его студент. — Прежде чем читать мне наставления, докажите мою виновность. Я ни одной копейки не взял у этого капиталиста.

— Знаю я вашего брата! Много вас таких перевидывал!

— Не обижайте меня... Действительно, мой внешний вид не внушает доверия, потому что я крайне нуждающийся человек, но, однако, я не вор.

— Э, что за рассуждения! — произнес раздраженно пристав и отдал приказание: — Обыскать его!

Обыскали.

В одном из карманов нашли всего-навсего одиннадцать копеек.

Меняла недоумевал, пристав удивленно пожал плечами.

— Должно быть, он успел по дороге освободиться от улик, — сообразил меняла, — сумел их незаметно бросить!

Пристав предложил ему пересчитать тут же деньги и сказать приблизительную цифру пропажи!

Меняла пересчитал грудку кредиток раз-другой и радостно воскликнул:

— Все тут... Ничего не пропало.

Тон разговора моментально переменялся.

Тут уж на него вознегодовал пристав.

— Ничего не пропало, а ты заявляешь о грабеже! Невинного человека порочишь! Да знаешь ли ты, что он тебя за это может в суд потянуть? Ведь за понос и оскорбление в тюрьме насидишься!

Меняла струсил. Стал прощения просить. Пошел на мировую и вручил студенту двести рублей.

Счастливый и радостный, тот отправился к себе домой в убогую конуру в Коломне, где поджидал его товарищ, такой же бедняк, как и сам он. Они влачили нищенскую жизнь. Одно пальто, один сюртук и одна пара сапог приходились на обоих. Когда уходил со двора один, другой обязательно оставался дома. У них все было позложено и наступал критический момент.

Но случай выручил.

Когда студент явился домой и показал пачку денег, то товарищ от восторга и неожиданности чуть не сошел с ума. Мучимый любопытством, он настоятельно стал требовать выяснить источник богатства.

Студенту стыдно было сознаться, что нужда довела его до того, что он взял деньги за оскорбление. Он вздумал отделаться шуткой.

— На дурака напал, — сказал он, — оказывается, действительно, дураков у нас непочатый угол.

— Где? Какой дурак? Что ты, братец, брешешь?

— Знаешь менялу против Юсупова сада, торгующего в открытом помещении?

— Знаю, знаю...

— Ну, так вот, прохожу я мимо него в то время, когда он занимался подсчитыванием денег, и смело сцапал одну из пачек... Конечно, я хотел пошутить. Думал, что заметит он и вернет меня, но не тут-то было: он и усом не повел. Вероятно, безгранично богат...

— Неужели не заметил?

— Нет, заметил, но только ничего не сказал. Поглядел ласково вслед, и тем кончилось дело.

На другой день товарищ студента, поверивший этому нелепому объяснению, пораньше отправился к Юсупову саду и стал поджидать момента, когда меняла примется за обычное пересчитывание денег на выручке.

Выбрав удобную минуту, он подкрался к нему и, схватив из груди бумажек одну пачку, спокойно удалился.

Меняла высунулся из-за выручки, по костюму узнал вчерашнего незнакомца и крикнул, улыбаясь:

— Шалишь, брат!.. Теперь меня не проведешь!..

Каково же было удивление студента, когда товарищ, явившийся с деньгами, сказал, надрываясь от смеха:

— А я твою штуку повторил... Действительно, этот меняла дурак...

Однако на другой день Путилину было заявлено о мошенничестве неизвестного. Меняла недосчитался трехсот рублей.

Вскоре виновные были обнаружены.

Они чистосердечно признались Ивану Дмитриевичу в шалости, имевшей такие странные последствия. Отобрав у них триста рублей, то есть сумму похищенную, Путилин не дал хода делу и освободил молодых людей от уголовного преследования.

Доброе сердце Ивана Дмитриевича подсказало, что это не преступники.

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА

Два провинциальных актера приехали на Великий пост в Петербург и голодали.

Ютились они в крошечной, промозглой конуре неподалеку от Николаевского вокзала, на Гончарной улице.

В конце поста их положение сделалось безысходным. Перезаложено было все, до бритвенного прибора включительно. Из движимого имущества в конце концов у них только и оставалось по цилиндру, ватному пальто да по паре невыразимых.

Они были изобретательны и... следовательно, сыты. Но пришло тяжелое время, когда иссякла и изобретательность. Выдался такой отвратительный денек, повергший их в уныние, что они чуть было не приготовились к голодной смерти.

— Что бы такое придумать? — размышляли они, шагая по комнате из угла в угол.

— Заложить?

— Нечего.

— У кого-нибудь перехватить?

— Кругом должны...

После весьма напряженных соображений один из них ударяет себя по лбу и торжественно восклицает:

— Эврика!

— Что такое? — обрадовался товарищ.

— Меня осенила гениальная мысль.

— Какая?

— Подробности узнаешь из результатов, а теперь надо действовать не теряя ни минуты...

— Да в чем дело-то? Как действовать?

— Одевайся и иди к репортеру Игрекову, — он получает много газет.

— Ну?

— Возьми у него на прочет старые номера. Не откажет. Скажи, умираем со скуки.

— Ну?

— От него отправляйся в первую попавшуюся молочную и продай их на обертку... Смотри, по шести копеек за фунт платят!.. На вырученные деньги приобрети сахара и булок, а чаю я сам добуду...

Товарищи быстро оделись и ушли. Один пошел за газетами, а другой, выйдя на Невский, зашел в чайный магазин известной фирмы и с апломбом отрекомендовался хозяину:

— Антонов, главный агент и комиссионер сибирского торгового дома Иванова!

— Очень приятно! Чем можем служить?

— Мы бы хотели связать сношения с лучшими петербургскими чайными фирмами. Мы намерены запастись и вашим товаром, о котором много наслышаны хорошего. Кроме того, наши местные покупатели прямо указывают на вашу фирму и просят снабжать их чаем именно вашей рассыпки.

— Очень рады!.. Польщены!.. Присядьте, пожалуйста!..

— Благодарю, у меня не особенно много времени!.. Приступим прямо к делу: мой доверитель просит как можно скорее прислать ему образцы вашего чая. Не можете ли вы мне дать таковые.

— С большим удовольствием!

— И хорошо сделаете, если дадите их мне сейчас же, так как завтра рано утром я отправляю в Сибирь большую посылку. Кстати бы приложил и ваши образцы...

— Сию минуту! — сказал хозяин и велел старшему приказчику отсыпать чая разных цен и сортов в маленькие мешочки.

— Да вы только, пожалуйста, не перепутайте! — заметил мнимый комиссионер приказчику. — На каждом сорте выставьте номер по прейскуранту, цену и название.

— Слушаю!

В общем образовалось до тридцати пакетиков пробы, которые были аккуратно уложены в корзиночку и запакованы крепко, по дорожному.

Изобретательный актер посулил доверчивому хозяину большие барыши от знакомства с несуществующей фирмой Иванова и ушел. При прощании хозяин шепнул ему, что если это дело уладится, то он «сумеет его отблагодарить».

— Что-о?! — возмутился актер. — Да вы за кого меня принимаете? Никогда!

Через час горемыки-приятели пили роскошный чай с филипповскими булками и сами дивились своей находчивости.

Прошла неделя — чай израсходовался. Удачная проделка с чаеотговорцем была повторена в складе другой фирмы. Еще через неделю — в третьей. И так этот даровой чай понравился актерам, что они вздумали запастись им на летний сезон. Обошли много магазинов и много набрали пробных пакетиков.

В конце концов, разумеется, дошло это до сведения властей.

Актеров поймали с поличным и представили для допроса начальнику сыскной полиции.

— Господа актеры, как вам не стыдно! — с укоризной сказал Путилин. — Ведь это мошенничество...

— Не мошенничество, а отчаяние!

— С отчаяния можно обмануть раз-другой, а ведь вы устроили правильно функционирующую чайную плантацию в Петербурге!

Актеры рассказали о своем безвыходном положении, которое довело их до предосудительного поступка. Иван Дмитриевич очень ценил раскаяние и, умея отличать действительных преступников от случайных, дело производством прекратил, не подвергнув виновных никакому наказанию...

Один из актеров впоследствии сделал себе блестящую карьеру на сценических подмостках, другой давно спился, опустился, дошел до нищеты и, наконец, будучи искалеченным конкой, под которую попал в нетрезвом виде, устроен в одной из московских богаделен. Он носит очень известное театральное имя, сделанное его отцом, да и сам он, впрочем, в свое время считался незаурядным актером.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Некто — очень богатый и очень известный граф — всегда слыл за покровителя всяких открытий и изобретений. Он очень много тратился на различные «усовершенствования», «сооружения», «со-зидания», от всего ожидая мирового успеха, но увь! Ничто не тешило сердце мецената. Граф гнался за славой, а она не давалась ему. Конечно, это раздражало его, и он с большим упорством старался «покорить непокорную». Самолюбие вельможи требовало удовлетворения во что бы то ни стало.

Эту слабость не замедлили подметить рыцари легкой наживы, эксплуатировавшие его карман самым беззастенчивым образом. Они «изобретали» то, что было уже давно изобретено, продавали ему такие нелепые предметы, якобы ими придуманные, что после покупки сам граф смеялся над своею оплошностью.

Но был один случай, когда над простодушным меценатом насмеялись до того возмутительно глупо, что чаша терпения его переполнилась...

Является к графу какой-то «ученого вида» субъект: кудревато-растрепанные волосы достигают плеч, бороденка всклокоченная, сюртук засаленный. С достоинством раскланивается и гордо заявляет:

— Я изобретатель!

— Очень приятно.

— Общее уважение к личности вашего сиятельства людей науки побудило меня прибегнуть к вашей просвещенной помощи. Недостаток материальных средств задерживает полет моих мыслей и не дает мне возможности обнародовать одно весьма ценное мое изобретение.

— Каждый истинно талантливый человек может располагать моим капиталом, как собственным. С особым удовольствием готов я принять участие в вашем труде, но меня интересует, что именно вы изобрели?

— О, мое изобретение имеет большую будущность! В экономической жизни оно займет одно из первенствующих мест...

— Объясните, пожалуйста!

— Я придумал способ, благодаря которому всегда можно иметь холодную воду, даже в самых жарких местностях.

— Это очень любопытно. В чем же заключается секрет вашего изобретения?

— Пока тайна. Однако считаю долгом предупредить, что осуществление идеи моей не потребует большого расхода.

— Ваш аппарат не сложен?

— Чрезвычайно прост.

— А скоро ли вы можете представить мне первый экземпляр?

— Да так скоро, что если, например, вы мне дадите сегодня сто рублей, завтра утром уж и посвящу вас в тайны моего открытия.

— Неужели?

— Клянусь.

Меценат вручил изобретателю «холодной воды» требуемую сумму и сказал, что завтрашнего утра он будет ожидать с нетерпением.

На другой день граф получает по городской почте письмо следующего содержания:

«Согласно своему обещанию выдать вам секрет моего изобретения честь имею доложить, что ежели в сосуд с водою положить пропорциональный кусок льда, то вода может долгое время сохранять низкую температуру».

Очевидное глумление!

Это письмо граф препроводил к Путилину, который деятельно принялся за розыски наглого мошенника. Вскоре он был найден и представлен для допросов к Ивану Дмитриевичу.

— Вас ожидает уголовное преследование, — объявил ему начальник сыскной полиции.

— За что? — недоумевающе спросил «изобретатель».

— Вы обманным образом выманили у графа деньги и над ним же насмеялись, прислав ему такое письмо.

— Будучи от рождения человеком честным, я не могу быть заподозрен в преступлении, в каком вы намереваетесь меня обвинить.

— Как? Разве это не обман выманить сто рублей за мнимое изобретение?

— Мое изобретение далеко не мнимое.

— Зачем вы наивничаете! Вас это не спасет... Кому же неизвестно, что лед сообщает охлаждение.

— Да вот, например, это неизвестно было графу, иначе он не заинтересовался бы моей идеей. О свойстве льда, разумеется, он имел понятие, но никогда не задумывался над тем, как это свойство драгоценно... Конечно, «ларчик просто открывался», но честь и слава тому, кто открыл его... Вот ведь и до Шварца было известно всем существование угля, серы и селитры, однако никто не мог выдумать пороха...

Как ни был «изобретатель» красноречив и убедителен, но все-таки ему пришлось по настоянию мецената понести наказание, хотя и не особенно чувствительное...

ГДЕ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ

Отъявленный вор сидел в тюрьме, отбывая наказание, и тосковал о свободе.

Вдруг в голову его запала идея.

— Погуляю, покучу! — сказал он товарищам по неволе.

— До сроку? — недоверчиво переспрашивали те.

— В скорейшем времени.

— Сбежишь, что ли?

— Зачем? Буду гулять самым честным образом, и даже на казенный счет.

Кто-то даже рискнул с ним поспорить.

Действительно, вор надумал способ, благодаря которому получил дня на три относительную свободу и действительно на казенный счет вволю пображничал.

Способ оказался незамысловатым.

Заявляет он тюремному начальству, что будто бы знает одну преступную тайну, которую можно поведать только сыскной полиции.

Сообщили относительно этого Путилину.

Путилин приказал доставить этого молодца к себе для личного допроса.

Доставили.

— Ну, что имеешь сказать мне? — спрашивает начальник сыскной полиции, предвкушая раскрытие какого-нибудь сложного преступления, по какому-либо исключительному случаю ускользнувшего от бдительного внимания властей.

— Я знаю, где делают деньги!

Иван Дмитриевич насторожился.

— Где?

— Да уж знаю.

— Кто?

— Многие... всех не упомнишь.

— Как же ты можешь их указать?

— Очень просто: встречу и укажу.

Уговорились так, что вместе с вором на поиски отправится один из агентов, которому тот и обнаружит ведомых ему преступников. Впрочем, помимо агента, для надзора за самим доносителем был прикомандирован переодетый полицейский.

— Только вот мое первое условие, — заявил вор Путилину, — чтоб моя одежда была исправлена, потому что оченно я пообно-сился. Да, окромя того, может, в хорошие места заходить придется, куда только в чистом платье допускают.

Отвели его на рынок и переодели.

Затем он с агентом начинает переходить из трактира в трактир. Всюду угощается и не задумывается перед издержками. За все по поручению начальника расплачивается, конечно, агент.

К вечеру, когда добрая половина «питейных заведений» ими была обойдена, вор сказал своему спутнику, неоднократно уже выражавшему нетерпение:

— Ну, что делать? Как назло, никого не повстречали!.. Может, завтра посчастливится.

На другой день снова началось трактирное мытарство, но так же безуспешно.

— Уж не наврал ли ты? — усомнился агент. — Кажется, напрасно вводишь нас в заблуждение?

— Жизнь надоела мне, что ли? — ответил доносчик. — Знаю ведь я, что за клевету и обман полагается наказание.

На третий день стал сомневаться в нем уж и сам Путилин. Призвал он его к себе и говорит:

— Если ты сегодня же не наведешь на след преступников, плохо тебе будет! Так ты и знай!

— Да уж коли сказал, то укажу, где делают деньги.

— Пьянствуешь только, шатаясь по трактирам.

— Это уже так беспреренно следует, чтобы найти кого нужно...

Через день терпение Путилина истощилось. Приказал он было водворить обратно в тюрьму ловкача, но тот категорически заявил:

— Нет уж, ваше превосходительство, пока не покажу места, где делают деньги, в тюрьму не пойду. Я, слава тебе Господи, не подлец какой-нибудь и начальству облыжничать никогда себе не позволю.

— Врешь все! Ничего ты не знаешь...

— Уж коли такое недоверие на мой счет, то не желательно ли вам персонально со мной поехать на Фонтанку. Сейчас же укажу.

Поехал с ним сам Путилин.

По дороге он расспрашивает его:

— Кто же делает деньги?

— Разный народ. Есть и простые, есть и чиновники, генералы тоже... Много там разных сословий.

Подъезжают к Египетскому мосту.

Завидя здание «заготовления государственных бумаг», вор указал на него рукой и серьезно сказал Путилину:

— Вот где делают деньги, ваше превосходительство.

Такой неожиданный финал так смутил Ивана Дмитриевича, что он не знал, чем закончить эту неосторожную шутку тюремного арестанта. Однако она прошла без всяких последствий.

ШАПОЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Однажды является к Путилину солидный господин с выражением испуга на лице и рекомендует провинциалом, приехавшим на короткий срок в столицу по делам.

— Чем могу служить? — спрашивает Иван Дмитриевич.

— Меня направили к вам из полицейского участка, где я хотел было сделать заявление о странном явлении.

— Объясните.

— Меня кто-то мистифицирует самым необыкновенным образом. Представьте, изо дня в день я приношу домой в своих карманах массу различных предметов: кошельков, бумажников, портсигаров, носовых платков и прочее. Как все это попадает ко мне, я не могу себе представить. История таинственная и непостижимая.

— Кошельки и бумажники с деньгами?

— И даже с деловыми бумагами.

— Давно ли вы проживаете в Петербурге?

— Да уж с неделю.

— А когда началась нагрузка ваших карманов?

— Сегодня третий день... Да вот, кстати, не угодно ли вам удостовериться наглядным образом в правдивости моих слов.

Провинциал опустил руку в карман своего пальто и вытащил несколько кошельков.

— Я вышел из дому с совершенно пустыми карманами, прошел через Гостиный двор, по Невскому до вас и... как видите, с большою прибылью.

Иван Дмитриевич на минуту задумался и после небольшой паузы воскликнул:

— Вы имеете дело с мазуриками. Они принимают вас за «своего».

— Как? — ужаснулся провинциал. — Неужели моя наружность носит такой преступный отпечаток?

— Успокойтесь! Тут какое-то недоразумение. Или вы на кого-нибудь из них похожи, и они впопыхах в вас обознаются, или у вас имеется случайно какой-нибудь их условный знак, очень часто, однако, изменяющийся.

— Я вот весь налицо, — произнес провинциал, позируя перед Путилиным. — Рассмотрите, что во мне есть подозрительного?

— Кажется, ничего такого, действительно. Однако расскажите, всегда ли, то есть каждый ли ваш выход из дому сопровождается такими результатами.

— Вот только вчера вечером, во время пребывания в «Семейном саду», этого не было, а то постоянно... Вчера же явился я домой не только без «добычи», но даже лишился собственного портсигара, очень искусно вытащенного из жакета.

— Ага! Могу вас утешить, не ваша наружность смущает петербургских карманников. Для меня становится очевидным, что вы носите или имеете при себе что-нибудь, служащее мошенникам последним «паролем».

Путилин не ошибся. Когда он стал подробно расспрашивать посетителя, то оказалось, что в увеселительном саду он был в шляпе, а не в той фуражке, приобретенной три дня тому назад, в которой он фланировал по людным улицам столицы и в которой он явился в Сыскное отделение.

Иван Дмитриевич эту фуражку, по-видимому имевшую условное значение у воров, оставил у себя. В тот же день он в ней совершил прогулку по тесным проходам Гостиного двора и... нашел в своих карманах несколько украденных вещей, но, однако, ни одного вора поймать не мог, несмотря на свою ловкость и опытность. Они оказались тоже не менее ловкими...

Узнав, где куплена провинциалом эта фуражка, Путилин произвел следствие и обнаружил, что какие-то неизвестные лица принесли в шапочную мастерскую, помещавшуюся на Екатерининском канале, против Казанского собора, собственной материи и приказали сшить по собственному же фасону несколько десятков фуражек. Из оставшегося клочка материи шапочник сделал лишнюю фуражку, которую продал отдельно тоже неизвестному лицу.

На другой день большая половина карманников была переловлена. Их забирали прямо по фуражкам.

Путилин задумал еще раз совершить прогулку в «мазурнической форме», но на этот раз его надежды схватить кого-нибудь с поличным не увенчались успехом. Возвратясь же домой, он нашел в кармане одну лишь лаконичную записку: «Не проведешь! Шалишь! Довольно уж какой-то мошенник попользовался нашим добром. Поработали на него дня три — довольно. Пусть это будет нашим наказанием, а тебе не попадемся».

И точно. Другая половина жуликов вовремя сбросила с себя предательскую фуражку.

ЭКСЦЕНТРИЧНАЯ ДАМА

Под вечер к зданию Казанской части подъезжает карета, запряженная заводскими рысаками.

Выходит из нее шикарная молодая особа и спрашивает, может ли она видеть по весьма нужному и спешному делу начальника сыскной полиции?

— Можете, — отвечают ей.

Через несколько минут выходит в приемную Иван Дмитриевич.

— Чем могу служить? — спрашивает.

— Ах, я в ужасном положении! Вы должны меня спасти.

— В чем дело? Расскажите спокойно, не волнуясь...

— Мой знакомый поручик пригрозил убить меня сегодняшнюю ночью.

— Вас? За что?

— За то, что я откровенно призналась ему, что наш двухгодичный роман ужасно мне прискучил. Он заподозрил меня в измене, стал проявлять резкие симптомы ревности, и, наконец, до сведения моего дошло, что он решил меня убить, и именно нынче ночью.

«Чтобы предотвратить это несчастье, — размышлял Путин, — надо учредить над поручиком надзор».

Затем спросил посетительницу:

— Вы не знаете, где он в данное время находится?

— Не знаю.

— Гм... Стало быть, он должен явиться к вам в квартиру?

— Конечно.

— Вы можете не открывать ему дверей?

— Он не поцеремонится и выломает их.

— В таком случае не можете ли вы ночевать где-нибудь в другом месте? У знакомых, что ли?

— Помилуйте, это так неловко... Общество станет догадываться... Моя репутация может поколебаться.

— Оцепить вашу квартиру полицией?

— О, это скандал! Это невозможно...

— Как же спасти вас иначе?

— Пришлите ко мне на квартиру агента. Пусть он будет моим телохранителем. В случае если поручик и вздумает позвонить, то, услышав мужской голос, непременно отступит.

— Насколько это окажется целесообразным, не знаю, — сказал Путилин, выражая голосом сомнение, — но если вам кажется достаточным присутствие одного агента, он к вашим услугам.

Иван Дмитриевич позвонил сторожа, которому приказал позвать к нему дежурного чиновника.

Тот является.

Путилин передает ему вкратце сущность дела и поручает последовать за встревоженной барыней.

Она забирает чиновника к себе в карету и везет домой.

Обстановка ее квартиры оказалась роскошной. В столовой был сервирован чай на две персоны.

— В котором же часу приблизительно может явиться ваш поручик? — поинтересовался агент.

— Какой поручик?

— Да вот который убить вас собирается.

— С какой же стати он придет, если я совершенно не знаю никакого поручика.

— Как не знаете? — вытаращил глаза сыщик. — Сами же вы в Сыском отделении говорили, что он обещался нынче прийти сюда, чтобы вас убить?

— Это я пошутила. Сидела одна вечером дома, стало скучно, я и отправилась к Путилину. Сочинила ему целую историю, чтобы взглянуть, что из нее может выйти.

Сыщик только руками развел.

— Зачем же это вам было сочинять? Вы могли взбудоражить всю полицию...

— Охота вам разбираться в шутке взбалмошной женщины!.. Ведь не поверю же я, что вам быть у меня в гостях не интересно.

Это был такой веский аргумент, против которого возразить было весьма трудно.

Агент и не возражал...

Отрядив агента к даме, Путилин, однако, сделал распоряжение относительно того, чтобы возле ее дома дежурили переодетые чины полиции, но они напрасно томились до полночи. Все было тихо и благополучно.

На другой день Ивану Дмитриевичу был доставлен от барыни этой пакет с запиской. «Покорнейше прошу, — писала она, — передать при сем прилагаемые сто рублей агенту Иксу за беспокойство и усердие».

Вот с какими курьезными личностями приходилось иметь дело Сыскому отделению!

Роман Добрый (Р. Л. Антропов)

**ГЕНИЙ
РУССКОГО СЫСКА
ИВАН ДМИТРИЕВИЧ
ПУТИЛИН**

ТАЙНА СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Глава 1

СУХАРЕВА БАШНЯ

Страшный призрак

Кто не знает о существовании в Москве белокаменной знаменитой Сухаревой башни. К любимым московским именам: Колокольня Ивана Великого, Царь-колокол, Царь-пушка, Василий Блаженный относится и имя Сухаревой башни.

Стоит она в бойком месте торговой Москвы. Прямо в нее упирается узкая Сретенка, наполненная лавками и магазинами, дальше — через ворота — проход, и вы попадаете на Мещанскую, направо — площадь, названная именем башни — Сухаревой, налево идет под гору Садовая улица, в этой части величаемая также Сухаревой-Садовой.

С давних пор на Сухаревой площади по воскресным дням и перед большими праздниками происходит знаменитый торг, популярная Сухаревка. Торгуют тут буквально всем, начиная от ржавых гвоздей и кончая бриллиантами. Со всех концов съезжаются москвичи на свой любимый торг-развал. Бок о бок с чуйкой вы встретите здесь и важного барина, богача, любителя-коллекционера, выскивающего среди разного хлама «антики» и «уникумы». Шумно, людно, весело.

И над всем этим возвышается серая громада высокой Сухаревой башни. По поверью, весьма расхожему в Москве, Сухарева башня обладает какой-то таинственной силой. Как венецианцы твердо верят, что, пока не рухнет башня святого Марка, их городу не грозит никакая беда, так и жители Москвы относятся к Сухаревой башне.

— Цела голубушка?

— Цела. Стоит.

— Ну, значит, все хорошо.

* * *

И вдруг случилось нечто странное, непостижимое. Одновременно в разных местах Москвы родились и стали расти необыкновенные слухи: в Сухаревой башне видели привидение!

Вопросы так и сыпались на тех, кто приносил эту новость.

— Какое привидение?

— Вроде как бы императора Петра Великого.

— Где же, где видели-то?

— На крыше Сухаревой, у ее маленькой башенки. Стоит высокий человек в петровском капитанском камзоле-мундире. Волосы длинные, на голове тогдашняя треуголка. Через плечо — португеза, сбоку висит шпага. Чулки. Туфли. Постоял-постоял, поглядел на Москву, а потом скрылся.

Эффект рассказа бывал неодинаков. Одни бледнели и начинали трястись, другие, их было меньшинство — скептики, не признающие никакой дьявощины, — ухмылялись.

Как бы то ни было, слухи все усиливались и усиливались, захватывая первопрестольную, и достигли ушей власть имущих.

Было решено проверить.

* * *

Была дивная августовская ночь. Месяц заливал ярким белым светом спящую красавицу Москву. В те времена Москва ложилась рано.

К Сухаревой башне подходила группа людей, состоявшая из начальника Московского сысканого отделения, того самого, которому знаменитый Путилин «утер нос» в деле ограбления ризы высокочтимой иконы Иверской Божьей Матери, и нескольких чинов наружной полиции.

Под потоком лунного света, в котором она словно купается, башня кажется огромным белым памятником. Нет мрачности, нет грязного, темно-серого цвета.

Шеф сысканой полиции остановился и зорко огляделся по сторонам.

— Видите эти фигуры? Смотрите, что наделала молва о таинственном привидении — москвичи побросали свои постели!

— Идти дальше?

— Нет, остановимся за выступом этого дома. Отсюда нам будет отлично все видно, если... Если будет что смотреть.

Группа разместилась, не теряя из виду башню. Время потянулось странно медленно. Нетерпение ожидания обострялось ощущением чего-то зловещего.

— Конечно, ничего не будет, все это бабьи выдумки, — в голосе полковника слышалось раздражение. — Ей-Богу, господа, спать чертовски хочется... Не лучше ли по домам?

Не успел он это сказать, как послышалось сдавленное восклицание:

— Что это?

На крыше одной из башенок стояла высокая фигура. Видение продолжалось с минуту. Всех охватило оцепенение. Первым пришел в себя начальник отделения.

— Видели?

Мимо пробежали несколько человек из числа зевак с перекошенными от ужаса лицами. Они мчались так быстро, словно за ними гналась нечистая сила.

Глава 2

ОБРАЩЕНИЕ К ПУТИЛИНУ

В Москве

Это время было особенно тяжелым для Ивана Дмитриевича Путилина, моего гениального друга. Обилие сложных дел разрывало его на части.

И вот в один из вечеров начала сентября, когда я сидел у него, ему подали депешу.

По мере того как он читал, лицо его становилось все более и более удивленным.

— Помилуй Бог, какие чудеса стали твориться в белокаменной!

Я сгорал от любопытства, зная, что с пустяками к нему не обратятся.

— Терзаешься, доктор? — улыбнулся Иван Дмитриевич.

— Что уж тут говорить...

— Ну, слушай. «Глубокоуважаемый и высокочтимый Иван Дмитриевич! Случилось нечто выходящее из ряда вон по своей загадочности и странности: в Москве появился какой-то призрак...»

Далее шло подробное описание случившегося, вплоть до сцены появления загадочной фигуры на Сухаревой башне.

«...Москва начинает не на шутку волноваться. Появляются признаки паники. Сознывая себя побежденным в этом деле, уповаю на ваш блистательный талант. Если вообще можно разобраться в этой загадочной истории, то нет сомнения, что единственно вы можете сделать это». Недурно, доктор?

Я не мог прийти в себя от изумления.

— Это Бог знает что такое, Иван Дмитриевич! Да неужели во всей этой истории есть хоть доля правды?

Путилин усмехнулся:

— Отчего бы и нет? Ты ведь сам частенько мне толковал о материализованных духах.

Он потер руки и добавил:

— Нет, но какова штучка этот мой московский коллега!

— Какая штучка?

— Да хитрость его!

— В чем же хитрость?

— Не догадываешься? Доктор, ты поразительно несообразителен. Знаешь В.?

— Знаю.

— Ты помнишь, как он бесился, когда я раскрыл «иверское дело»?

— Как не помнить...

— Так вот, теперь он хочет взять реванш и посрамить «непобедимого» Путилина. Если мне не удастся распутать эту загадочную историю, он будет иметь возможность только ликовать: «И на Путилина бывает проруха!»

Иван Дмитриевич рассмеялся:

— Так отчего же тебе не отклонить приглашение? Ты ведь не обязан помогать своему московскому коллеге...

Глаза его загорелись, и он с удивлением посмотрел на меня.

— Спасибо за совет! Пора бы тебе знать, что я всегда принимаю вызов. Не в моих правилах отступать перед опасностью.

Иван Дмитриевич сел за письменный стол и написал ответ:

«Советую поторопиться поимкой Петра Великого или его самозванца, иначе поймаю я. Выезжаю. Путилин».

* * *

На вокзале нас встретил В.

— Ну, пойман? — были первые слова Путилина.

— Смеяться изволите, дорогой Иван Дмитриевич, а мне не до смеха.

— Начальство небось заело? «Подайте, дескать, нам призрака в двадцать четыре часа, на то вы и начальник сыскной полиции». Знакомая штука. Утешьтесь, коллега, меня шпыняют таким манером не хуже вашего.

Мы сели в коляску. Был поздний вечерний час. Моросил мелкий противный дождь, сквозь сетку мрака и дождя свет уличных фонарей наводил тоску.

— Через Сухаревку! — отдал приказ кучеру Путилин.

Всю дорогу он молчал, зябко поводя плечами.

Вот и она, виновница волнений Москвы. В осенней мгле, почти не освещенная уличными фонарями, Сухарева башня казалась необычайно странной неуклюжей громадиной.

— Бр-р! — услышал я восклицание московского шефа сыскной полиции.

— Вам холодно? — насмешливо спросил его Иван Дмитриевич. — Или... Неприятное воспоминание?

— И то и другое вместе, ваше превосходительство.

Когда мы поравнялись с башней, Путилин выхватил свой фонарь и направил свет на башенку, около которой являлся загадочный призрак.

— Эта башенка?

— Да, эта, Иван Дмитриевич.

— Скажите, когда вы увидели привидение на крыше башни, как вы поступили?

Разговор происходил в номере гостиницы «Лоскутной», самой лучшей в Москве.

— Я решил немедленно исследовать внутреннее помещение башни.

— И?

— И ничего, буквально ничего не обнаружил!

Глава 3

ПРИЮТ МЫШЕЙ И СОВ

Путилин карабкается по стене

На следующее утро Путилин сделал несколько визитов. Его приезду обрадовались.

— Сделайте милость, Иван Дмитриевич, освободите первопрестольную от призрака!

— Постараюсь, — улыбался Путилин.

— А как вы полагаете, трудно это?

— Попробуйте! — отшучивался сыщик.

Он заехал за мной вместе с В., и мы отправились.

— Можно узнать, куда мы едем? — спросил я своего друга.

— Отчего же нет, доктор! Мы осмотрим Сухареву башню, надо же мне взглянуть, что там такое творится.

С чувством жгучего любопытства подошел я к дверям башни, ведущим в ее таинственное «нутро».

— Где только не приходится мне бывать с тобой, Иван Дмитриевич! — сказал я Путилину.

— Раскаиваешься? — улыбнулся он. — Ну-с, позвольте мне ключ!

С тихим протяжным визгом-стоном раскрылась старая железная дверь.

— Пожалуйте, господа, — произнес В. и пошел вперед.

Путилин спокойно хлопнул дверь и зажег фонарь. Это было необходимо — здесь царила почти могильная тьма. В воздухе стоял запах страшной сырости, плесени, какого-то тлена.

Мы стали подниматься по узкой каменной лестнице. Несколько раз я споткнулся, один раз чуть не упал из-за того, что под ногами обрушился кирпич.

— Какая ветхость, — пробормотал Иван Дмитриевич.

Скоро наше восхождение окончилось. Только мы собрались войти в какое-то темное помещение, похожее на конуру, со сводчатым потолком, как оттуда вылетело что-то большое, черное.

— У-у, ха-ха-ха! — прокатилось над нашими головами.

Это было до такой степени неожиданно и страшно, что у меня кровь заледенела в жилах, а московский коллега Путилина едва не упал с лестницы.

Путилин же остался невозмутимым.

— Не бойтесь, господа, это еще не наш призрак, это только почтенные совы. Они здесь премило устроились.

Действительно, только мы вошли в башенную комнату, как множество крыльев захлопало над нашими головами, к этому шуму примешивались громкий писк и визг крыс, пробежавших мимо наших ног.

— Вот это будет поопаснее и сов, и, пожалуй, самого призрака. Они могут здесь разорвать всякого, черт возьми! Призрак — существо, безусловно, храброе!

Путилин погасил фонарь.

Сквозь оконца башенки врывался тусклый свет.

— Ну-с, приступим к осмотру.

Каменная комната-склеп была абсолютно пуста.

— Что же тут осматривать, Иван Дмитриевич? — слегка насмешливо спросил В.

— Вы думаете, нечего?

В. пожал плечами. Признаюсь, я разделял его недоумение.

Путилин принялся внимательно осматривать пол и стены. Бор-моча, по своему обыкновению, что-то про себя, он вынюхивал, выстукивал каждый камень, каждый кирпич.

Зная, что он никогда ничего не делает зря, я с любопытством следил за его работой.

Прошло часа полтора, а он все еще не окончил своего осмотра. Особенно долго он возился у стены, в которой на порядочной высоте виднелось окно.

— Сейчас полезу на крышу! — возбужденно проговорил он.

— Но как вы это сделаете, Иван Дмитриевич?

— А вы не пробовали, коллега?

— Нет.

— А почему я не могу туда попасть?

— Да потому что единственный способ попасть на крышу — через окно, а оно высоко, вы его не достанете. Конечно, можно бы...

— Раздобыть лестницу... Браво, это остроумное разрешение вопроса, но... быть может, обойдемся без нее?

Мы оба, и я, и В., раскрыли рты — Путилин полез по стене! Правда, лезть ему пришлось немного, но все же он сделал два перехода по стене.

Концы носков Путилина вошли в какое-то углубление, он ухватился руками за железный стержень, торчавший вершков на пять, подтянулся и попал во второе углубление. Еще усилие — и он добрался до окна!

— Браво! — воскликнул В. — Вы поистине акробат, Иван Дмитриевич!

Путилин рассмеялся:

— Благодарю вас, коллега! Но должен сознаться, позиция у меня чертовски неудобная.

Прижавшись к стене и держась одной рукой за железный болт оконной рамы, другой рукой он ощупывал окно.

— Ага, я так и знал!

— Что такое? — встрепенулся В.

Сыщик ничего не ответил и ловко спустился вниз.

— Фу-у! — вырвался у него вздох облегчения. — Однако, коллеги, вы заставили меня на старости лет сделаться акробатом.

— Я ничего не понимаю... — смутился тот.

— Ничего, потом поймете. А сейчас мне надо бы проехать к вам.

Глава 4

В МОСКОВСКОМ СЫСКНОМ

Всю дорогу до Сысского отделения Путилин молчал. По его лицу я ясно видел, что он упорно и сосредоточенно выводит свою «кривую». На наши вопросы он отвечал невпопад, и вдруг неожиданно сам обратился к В.:

— Вам приходилось когда-нибудь бывать в сумасшедшем доме?

В. даже побледнел.

— То есть как это?

— Ну, конечно, по делам службы.

— Нет, не бывал.

— А-а... — равнодушно ответил Путилин.

В служебном кабинете В. Иван Дмитриевич обратился к коллеге:

— У вас, конечно, есть список заявлений об исчезновении тех или иных граждан?

— Конечно-конечно, имеется.

— Так вот, нельзя ли мне его... За последнее время, недельки за две, что ли...

Принесли список, и Путилин углубился в просмотр его.

«Мещанин 33 лет Петр Онуфриев. Из дому... По заявлению жены... В ночь на 25 августа... Ремесло — столяр...»

Список пропавших, неизвестно куда скрывшихся был длинным.

— Девушка... Сын отставного... — бормотал себе под нос Путилин.

Записная книжка и карандаш лежат около него, но Иван Дмитриевич не притрагивается к ним.

Губы В. кривит злая, торжествующая улыбка, глаза иронически смеются.

— Вы думаете что-нибудь почерпнуть здесь?

Путилин промолчал.

Вдруг я заметил, что он быстро занес что-то в записную книжку.
— Виноват, вы что-то спросили, коллега? — Голос Путилина звучал ровно, спокойно.

— Я спрашивал, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич, полагаете ли вы почерпнуть что-либо полезное из этого списка.

Путилин пристально посмотрел на своего завистливого соперника.

— Я все это просмотрел, но...

— Но?

— Но не уловил ключа, — Путилин усмехнулся. — Не смею больше злоупотреблять вашей любезностью, вашим временем. Оно нам необходимо на текущие неотложные дела.

— Что вы, ваше превосходительство, помилуйте! Располагайте мной...

— Нет, пожалуйста, не надо. Иногда я могу действовать только сам, без помощников.

Сухо простившись, Путилин вышел из кабинета.

Когда мы отъехали от здания Сысного отделения, Путилин бросил кучеру:

— В Сокольники, в желтый дом!

Глава 5

ЦАРСТВО ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Жуткое, щемящее чувство охватило нас, когда мы подъехали к лечебнице. Огромный дом был действительно желтым. Нам надо было пройти мимо сада, в котором душевнобольные совершали ежедневные прогулки.

Замечу, что Путилин, не боявшийся ни револьверных пуль, ни бешеных выходов самых закоренелых злодеев, всегда стоявший лицом к лицу с опасностью, испытывал непреодолимый ужас при виде сумасшедших. Так было и теперь.

Завидев нас, несчастные живые мертвецы, для которых погас свет разума, устремились к решетке сада.

— Король идет! Здравствуйте, ваша светлость!

— Спасите меня! Меня мучают четвертым измерением пятого серпа луны!

— Черт, черт! Тьфу! Тьфу!

Путилин был бледен как полотно.

Навстречу нам вышел привратник в мундире с синим воротником.

— Что угодно, господа?

— Видеть директора, голубчик. Держи монету и немедленно беги с карточкой.

Получив мзду и увидев из карточки, что он имеет дело с генералом, сторож бросился сломя голову.

Через несколько минут мы были в кабинете директора московского «желтого дома».

— Весьма польщен... Прошу покорно... Чем могу служить?

Директор смотрел на нас умными усталыми глазами.

— Вы знаете, профессор, кто я?

— Знаю, господин Путилин. Вы тот, который творит чудеса в области сыска.

— Спасибо на добром слове. Я приехал... Впрочем, скажите: вы слышали о фантастическом привидении, пугающем Москву?

— На Сухаревой башне?

— Да.

— Слышал, хотя я и живу в особом мире, уйдя в печальные обязанности помогать несчастным страдальцам, но я не совсем отрешен и от жизни. Слухи о каком-то привидении дошли и до меня.

— Я приехал раскрыть это дело. Скажите, у вас исчез душевнобольной Николай Петрович Яновский?

— Да.

— Он отставной офицер, не так ли?

— Да. А откуда вы все это знаете, ваше превосходительство?

Директор-профессор с любопытством поглядел на Путилина.

— Это не важно. Впрочем, вы ведь заявили об этом Сысному отделению. Теперь же мне гораздо важнее узнать о характере заболевания вашего бежавшего пациента. Будьте добры, профессор, скажите, какой формой заболевания страдал Яновский.

— Тихий, безнадежный хроник... *Mania grandiosa*... Мания величия... Отчасти и *mania persecutionis*... Мания преследования... Да вот *curriculum morbi sui* — история его болезни.

Директор достал толстую тетрадь, испещренную пометками, и углубился в нее.

— Доставлен год тому назад теткой. Женат. Жена бросила его, бежала. Сначала был помещен в третье отделение, как страдающий припадками буйного умопомешательства. Потом улучшение, довольно редкий поворот к улучшению. Надежда на выздоровление. Перевод во второе отделение и... переход к неизлечимости.

Директор долго еще знакомил Путилина с описанием болезни несчастного офицера. Я не привожу здесь все медицинские подробности — они неинтересны.

— Вы, профессор, конечно, обращали внимание на особенности проявлений той или иной мании бежавшего Яновского?

— Разумеется.

— Вы помните их?

— Помню. У нас, психиатров, хорошая память.

— Насколько я знаю, — продолжал Путилин, — почти все сумасшедшие имеют свою исходную, отправную точку помешательства, так?

— Так.

— Они проявляют хоть в чем-нибудь свою страсть, свою склонность к тому, о чем порой, будучи здоровыми, мечтали?

— Совершенно верно.

— Так вот, не замечали ли вы в Яновском особой привязанности к чему-либо? Мне это очень важно знать.

— Извольте видеть... — начал профессор, — Яновский, по-видимому, очень сильно увлекался...

— Историческими легендами? — быстро спросил Путилин.

Психиатр откинулся на спинку кресла.

— Вы... вы и это знаете?

— Я вывожу свою «кривую». Простите, профессор, этого вы, впрочем, не знаете.

— Однако слава о вас идет не даром. Вы прозорливый человек, господин Путилин. Ну-с, совершенно верно. Яновский страшно любил легенды. Так, однажды он меня спросил: «Верите ли вы, профессор, в тайну Жигулевских гор, тех Жигулей, где пировал Стенька Разин со своими удалыми молодцами?» Я ответил то, что мне подсказывали моя наука, мой опыт, мой метод...

— А еще вам случайно не приходилось слышать от него каких-нибудь легенд?

— Нет, не упомяну.

Путилин встал и протянул директору какой-то крошечный лоскуток.

— Скажите, профессор, такая материя идет на халаты у вас? Директор всмотрелся в лоскуток и уверенно ответил:

— Да. Именно такая.

— Ну, вот и все. Простите, что побеспокоил вас. У вас ведь и так дел много.

Психиатр с чувством пожал руку Путилину.

— Я счастлив был познакомиться с таким замечательным человеком, как вы, господин Путилин. Прошу верить, что сегодняшний день останется у меня надолго в памяти.

Путилин стал расспрашивать профессора о наружности Яновского.

Наконец мы вышли из страшного дома. До нас долетали стоны, безумный хохот, вой, взвизгивания, проклятия.

Глава 6

В ПОИСКАХ ДУХА-ПРИЗРАКА

На обратном пути Путилин был очень задумчив.

— Ты, кажется, можешь быть доволен, Иван Дмитриевич.

— Почему?

— Насколько я понял, ты напал на след.

— Этого, увы, еще мало, доктор. Мало напасть, надо найти. И потом, мне неясна одна деталь... Однако попытаемся.

В номере «Лоскутной» нас ожидал В.

— Я захел узнать, Иван Дмитриевич, не потребуются ли вам мои агенты.

— Спасибо, но в настоящую минуту они мне не нужны. Мне придется воспользоваться их услугами, но несколько позже.

— Вы что-нибудь узнали?

— Ничего.

В. недоверчиво поглядел на Путилина. Разговор перешел на другие темы, как вдруг Иван Дмитриевич неожиданно спросил:

— Скажите, коллега, какие у вас есть в Москве костюмерные мастерские? Я, как петербуржец, этого не могу знать.

В., польщенный тем, что Путилину понадобилась его помощь, оживился.

— Костюмерная мастерская Пинягина, такая же мастерская — Лашеева. Есть еще несколько.

— Это крупнейшие?

— Да.

— Где находится мастерская Пинягина?

— Большая Дмитровка, здание Дворянского собрания.

— А Лашеева?

— Газетный переулок...

— Так-так... Вы ждите меня под вечер, коллега. Может быть, будем вместе работать.

* * *

Зеркальные окна. Вход между колонн — и сразу помещение, производящее впечатление чрезвычайно любопытное.

Повсюду всевозможнейшие костюмы, сверкающие золотом и серебром. Вот стоит римский воин. Блестящие латы, горделивый шлем, короткие штаны, широкий меч и круглый щит. Все это надето на манекен. Рядом с легионером — изящная, изнеженная фигура французского маркиза времен великолепных Людовиков...

Дальше — испанские гранды, венецианские дожи, русские бояре, гугеноты, монахи, пейзаны, герцоги... Какая поразительная смесь лиц, эпох, народов! Каски, шлемы, плащи, береты, треуголки, колпаки, кокошники, короны, ленты, звезды. Здесь вся история чуть ли не с сотворения мира! История наглядная, в море красок и одежд. Это — знаменитая костюмерная Пинягина.

Войдя в мастерскую, Путилин невольно залюбовался этим зрелищем.

— Что вам угодно? — подошел к нему полный господин.

— Получить от вас некоторые сведения. Я — Путилин, начальник Петербургской сыскной полиции.

Управляющий костюмерной вздрогнул и удивленно поглядел на знаменитого, но и «страшного» гостя.

— Вы-с Путилин?

— Да, я. А разве вы меня знаете?

— Помилуйте, о вас вся Москва говорила, когда вы сначала хлыстов и скопцов изловили, а после иверских святотатцев.

— Так вот, спросить я вас хочу кое о чем.

— Пожалуйста, пожалуйста сюда! Здесь нам никто не мешает.

Они вошли в небольшую комнату, где находились под стеклом бутафорские «драгоценности».

— У вас костюмы петровских времен имеются? — спросил Путилин.

— О! — вырвалось горделиво у управляющего. — У нас есть костюмы всех времен.

— Например, костюм петровского сержанта или капитана?

— Ну, конечно, господин Путилин!

— Скажите, пожалуйста, не продавали ли вы или не давали напрокат в последнее время подобный костюм?

Управляющий на секунду задумался, потом хлопнул себя рукой по лбу.

— Совершенно верно. Отдавал и отдаю напрокат.

— Кому?

— Я сейчас погляжу в книгу.

— Постойте... Я вам опишу его приметы.

И Путилин стал описывать их.

— Так... так... — поддакивал управляющий.

— Похоже?

— О да! Это он. Нужно вам сказать, что этот господин мне всегда казался большим чудачком. Придет, возьмет напрокат этот костюм, заплатит десять рублей, а наутро обратно его приносит. Теперь время не маскарадное, куда, думаю, ему этот костюм? Раз спросил его, для чего, дескать, он требуется? Господин поглядел на меня странно как-то и ответил: «А вам не все равно?»

— Он брал костюм не каждый день?

— Нет, с перерывами. Дня через два, через три. Я ему опять сказал, не лучше ли купить его, ведь за прокат больше переплатите. Да вот, если вы им интересуетесь, господин Путилин, можете его сейчас у нас повидать.

— Как так? — вырвалось у Ивана Дмитриевича.

— Он сегодня обещал опять взять костюм, сейчас должен быть.

Прошло с полчаса. Путилин рассматривал костюмы. Наконец дверь отворилась, и в костюмерную вошел человек средних лет.

— Мой костюм! — резко бросил он управляющему.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Путилин впился взглядом в странного посетителя. Длинные, до плеч, волосы, бритый подбородок, густые брови. Путилину достаточно было взглянуть только раз, чтобы сразу определить, что волосы, усы и брови поддельные.

Таинственный незнакомец тут же, в нише, стал переодеваться. Поданную ему треуголку он спрятал под длинный черный плащ, в который наглухо задрапировался.

— Вот вам десять рублей! — небрежно швырнул он бумажку на конторку. — Завтра утром.

Он горделиво кивнул головой и вышел из костюмерной.

— Видели? — рванулся к Путилину управляющий.

Сильнейшее любопытство, видимо, разбиравало его.

— Видел. Спасибо. До свидания.

И Путилин быстро последовал за черным плащом. Управляющий остался с широко раскрытым ртом.

Глава 7

ЛЕГЕНДА

Борьба на крыше башни

Я сидел и разговаривал с В., который почти все время дежурил в номере Путилина.

— Я убежден, что дело это настолько темное, что раскрыть его и Ивану Дмитриевичу не удастся, — говорил он мне.

Путилин быстро вошел в номер как раз при этих словах.

— Если угодно, господа, приглашаю еще раз посетить Сухареву башню. Мне надо еще кое-что осмотреть. Поторопитесь.

Путилин вышел из номера. Мы бросились за ним следом.

* * *

Опять эта тьма, отвратительный спертый воздух, страшная лестница, кирпичи, обрушивающиеся под ногами. И хлопанье совиных крыльев, писк разъяренных крыс.

— Господа, чтобы вы не мешали мне в моих исследованиях, я должен вас спрятать.

Голос Путилина звучал резко, повелительно, так он говорил всегда накануне решающих сражений.

Перед входом в комнату-склеп башенки справа и слева находились две ниши.

— Вы, В., будьте добры встать здесь. А ты, доктор, здесь. Прошу вас, господа, хранить полное молчание. Что бы вы ни увидели, что бы ни услышали, будьте немые как рыбы.

— А где же вы сами будете, Иван Дмитриевич? — спросил московский начальник сыщиков.

— Тут же, около вас.

Наступила мертвая тишина. Еле заметная полоска лунного света тускло пробивалась через оконце башенки. Обманутые вновь наступившим безмолвием, совы и крысы ворвались в свое мрачное жилище.

Сколько прошло времени — я не знаю. Но вдруг протяжный скрип-стон достиг наших ушей. Я вздрогнул, насторожился, замер.

По лестнице кто-то поднимался. Слышалось прерывистое, взволнованное дыхание и тихое бормотание.

— Я здесь опять... Мое здесь царство...

Я чувствовал себя далеко беспокойно, сердце мое билось тревожно-пугливо.

Стоявший рядом Путилин совсем придавил меня.

Большая черная фигура быстро прошла мимо. Я невольно схватил Ивана Дмитриевича за руку.

— Тсс! — еле слышно прошептал он.

Блеснул слабый огонек крошечного фонаря. Призрак снял с себя плащ-мантию.

Путилин отошел от меня и встал поближе к комнате-склепу. А то, что там происходило, было действительно странно, необычайно, казалось каким-то кошмаром, больной фантазией. Посередине пола на коленях стояла высокая фигура призрака — офицера петровских времен! Он вынимал кирпич за кирпичом и теперь уже громко говорил...

Знаю я башню, знаю одну,
Клад вековый в ней я найду!
Камень за камнем стану снимать,
Клад драгоценный в недрах искать

Уныло и страшно звучал плачущий напев...

— Найду, найду! Я постиг, я разгадал тебя, Сухарева башня! Я узнал твою заповедную тайну... Ха-ха-ха! Они меня считают безумцем! О проклятые, слепые палачи! Я говорил им, что здесь, в этой вот башне, зарыт клад... Жигули, ай Жигули! Сухаревка, ай Сухаревка!

Безумный человек вскочил. Он хохотал, размахивая руками.

— Я царствую здесь! Эй, совы, крысы, вы мои верные друзья, ко мне на помощь! Прогрызите скорее вашими острыми зубами последние камни, откройте мне клад заповедной башни!.. А там яхонты самоцветны, жемчуга белопенны. О-го-го!..

Нож сверлит старые камни, во все стороны летят искры. И безумный голос покрывает шум совиных крыльев, писк крыс, скрежет ножа.

— Был красавец один, офицер молодой, офицер молодой, офицер удалой! Полюбил он красавицу всюю душой, всюю душой до доски гробовой! Поженились они... А уж скоро жена изменила, проклятая, мужу она!..

Прежде чем с милым своим убежала,
Мужа обкрала и здесь зарывала
После хотела сокровища взять,
Чтоб с любовником вволю гулять

Нудно, жалостливо поет страшный призрак... И вдруг он выпрямился, насторожился. Чего он испугался? Уличный шум еле слышно доносится сюда, в старую, дряхлую башню.

— А-а?! Караулят меня? Не хотят, чтобы я достал заповедный клад? О, подлецы, я вас перехитрю! Я покажусь вам как страш-

ный, грозный призрак, стерегущий склепы, башни. Вы побледнете, вы затрясетесь от ужаса! Я спасу мое сокровище от вашего нашествия!

Страшный призрак Петра Великого бросился к стене, продолжая петь безумным голосом свою песню:

Но обманутый муж не дал гулять
В башне, ах, ночью стал поджидать
Деньги найду я, что скрала жена,
И надо мною будет качаться она

— Наверху, на болту... Повешу, повешу!

С обезьяньей ловкостью призрак стал карабкаться по стене. Минута — и он достиг окна, вскарабкался на него и выскочил на крышу.

— Ну, теперь пора! — возбужденно проговорил Путилин, выходя из своей засады.

Я едва переводил дух. В. был в таком же состоянии, что и я.

— Видели вашего страшного призрака, коллега? — насмешливо обратился Путилин к В.

— Вы — бог сыска, дорогой Иван Дмитриевич! — пробормотал тот.

Путилин пошел к стене.

— Ради Бога, Иван Дмитриевич! Неужели ты хочешь лезть за ним? — воскликнул я.

— Как видишь... — усмехнулся Путилин.

— Но ведь это безумный риск, Иван Дмитриевич! — поддержал меня В. — Мало ли что может случиться там, на крыше.

— Что бы ни случилось, я не имею права оставлять безумца на такой огромной высоте. Спускайтесь вниз, голубчик, берите людей, которых я оставил в проезде башни, захватите лестницу и сейчас же идите все сюда. Лестницу поставьте у окна, и пусть на верхней ступеньке станет кто-нибудь. Если понадобится, он поможет мне взять призрака.

Ночь была на редкость светлая, лунная.

И тут случилось то, что повергло людей в еще больший ужас — они увидели на башне не одного, а двух призраков!

Первый призрак, офицер — «Петр Великий», стоял, подбоченясь и держась одной рукой за крышу башенки. Бледное лицо с безумными горящими глазами кривила страшная усмешка.

Второй призрак, весь в черном, с седыми бакенбардами, появился за выступом башенки.

— Господи... Господи, сохрани, помилуй! — в ужасе шептали москвичи, случайные зрители страшного видения.

Путилин запнулся за что-то ногой, и этот слабый звук был услышан «Петром Великим». Он порывисто обернулся и на мгновение застыл, но уже в следующую секунду яростный вопль вырвался из груди безумца.

— А-а?! Пришел?! Нашел?! Подкараулил?! Ты, злодей, отнявший у меня жену... клад?! Я... я рассчитаюсь с тобой.

И он бросился на Путилина.

Внизу на площади стоял испуганный гул голосов.

— Смотрите, смотрите на башню! Что там делается, что делается.

А делалось там действительно нечто страшное: два призрака, крепко сцепившись, боролись не на жизнь, а на смерть.

«Петр Великий» старался столкнуть с крыши Путилина, тот сопротивлялся изо всех сил.

По лестнице уже карабкались люди во главе с В. Все бросились по скользкой крыше к борющимся и оттащили бешено хрипящего сумасшедшего, крепко связав его веревками.

* * *

Триумф Путилина был полный.

— Как вы дошли до разгадки привидения, Иван Дмитриевич? — спрашивали мы великого сыщика.

— По своей «кривой», друзья мои. Услышав о привидении на Сухаревой башне, я вспомнил легенду о зарытом в ней кладе. Осмотр подтвердил мое предположение: на полу и в стене были видны следы раскопок. Оставалось выяснить, кто ищет клад. Я остановился на исчезнувшем сумасшедшем Яновском — здоровый человек не стал бы устраивать такой маскарад. Остальное вы знаете. Больная фантазия переплела легенду о зарытом кладе с собственной трагедией.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ

Глава 1

ЖЕНЩИНА С РАСПОРТЫМ ЖИВОТОМ

В шесть часов утра я был разбужен моим лакеем, передавшим мне знакомый синий конверт. Я быстро распечатал письмо. Написано оно было карандашом.

«Приезжай немедленно, Николаевская ул., дом О. Случилось нечто ужасное. Путилин».

Я поспешно оделся и бросился по указанному адресу. Улицы были темны, безлюдны в этот ранний час.

Около дома я ожидал встретить большую толпу, как это всегда бывает, когда происходит какая-нибудь кровавая драма, но ничего подобного на этот раз не было. Перед домом в одиночестве стоял городской.

— Здесь Путилин? — соскакивая с пролетки, спросил я.

— Так точно. Их превосходительство здесь.

— Что случилось?

— Страшное убийство. Даму благородную нашли зарезанной на лестнице.

Я вошел в подъезд. Тут уже было много полицейских чинов. Около швейцара стояли Путилин, товарищ прокурора, судебный следователь и полицейский врач.

— Иван Дмитриевич! — окликнул я моего друга.

— А-а, это ты, доктор! Не угодно ли полюбоваться?

Он пропустил меня вперед, я взглянул и похолодел от ужаса. На каменном полу вестибюля лежал труп молодой женщины, совершенно обнаженной. Живот ее был крестообразно распорот, и из него вывалились все внутренности. Лицо, искаженное мукой, носило отпечаток несомненной интеллигентности.

— Что это?.. Что это? — обратился я к моему коллеге-врачу.

— Все, что хотите, но только не клиническая лапартомия¹. Мы, доктора, производим подобную операцию более ловко, — пошутил он.

¹ Кесарево сечение

Мне было не до шуток. Я взглянул на Путилина.

— Доктор, — обратился он ко мне, — посмотри и скажи, когда, по-твоему, произошло это зверство?

Я низко склонился над трупом несчастной. Мне бросились в глаза изумительной красоты и величины бриллиантовые серьги и драгоценные кольца, которыми были унижены пальцы ее тонких аристократических рук. После беглого осмотра я ответил:

— По-моему, убийство произошло часа два тому назад.

— Я поддерживаю мнение моего коллеги, — сказал полицейский врач.

— Чем, господа, распорот живот? — спросил судебный следователь.

— Остро отточенной бритвой.

— Бритвой? Почему именно бритвой? — спросил Путилин.

— Трудно допустить, что у убийцы имелся ланцет, а только от бритвы или ланцета может получиться столь ровный разрез. Нож все же рвет, кинжал — также. Тут же — поразительная точность разреза.

Глава 2

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ДОПРОС

Заподозренный

Швейцар, бравый средних лет человек с окладистой бородкой, стоял ни жив ни мертв.

— Когда ты увидел это? — показывая на труп, спросил следователь.

— Около трех часов ночи, ваше высокородие. Не спалось мне что-то. Вышел я на лестницу, как взглянул — аж волосы на голове поднялись. Хочу сотворить крестное знамение, не могу. Опомнися, наконец, побежал к управляющему, к старшему дворнику.

— Скажи... Как тебя зовут, кстати?

— Осип Лаврентьев.

— Так скажи, Осип Лаврентьев, парадная дверь была заперта?

— Так точно!

— Ты никогда не видел этой дамы?

— Никогда.

— Всех своих жильцов ты, конечно, хорошо знаешь?

— Помилуйте, ваше высокородие, как не знать... Всех в лицо.

— Кто живет по этой лестнице?

Швейцар стал перечислять: генерал такой-то, граф такой-то, инженер такой-то...

— А свободная квартира есть?

— Так точно. В бельэтаже.

— Дай мне ключ, хочу ее посмотреть. Я скоро вернусь, господа.

— На что вам пустая квартира, Иван Дмитриевич? — тихо спросил товарищ прокурора.

— Просто так, хочу полюбопытствовать. — уклончиво ответил Путилин и быстро поднялся по лестнице.

Вдруг следователь повернулся к швейцару.

— Скажи, что это у тебя с рукой?

Тот поглядел на свою руку и побледнел.

— Обрезал ее малость.

— Когда?

— Вчера-с.

— Чем?

— Ножом. Хлеб резал... Нож сорвался.

Следователь многозначительно переглянулся с товарищем прокурора.

— Надо произвести у него обыск, — по-французски бросил товарищ прокурора следователю.

— Безусловно. Ну-ка, любезный, води нас в твою комнату. Нам надо пошарить у тебя. Господин пристав, прошу следовать за нами.

— Ваше превосходительство.. Господи... Да неужто вы что худое про меня думаете по этому злодеянию?! Вот как перед Истинным...

— Не разговаривай! — грозно прервал его пристав.

Мы с трудом вошли в небольшую швейцарскую. Вдруг следователь, наступив, очевидно, на что-то, быстро нагнулся.

— Ого! Смотрите, господа!

В руке он держал кольцо с бриллиантом.

— Это что же такое, любезный? — повернулся он к Осипу Лаврентьеву.

Швейцар стал блее полотно, глаза его широко раскрылись, в них был непередаваемый ужас.

— Господи... Ей-Богу... Что это?.. Не знаю... Наваждение...

— Нет, любезный, это не наваждение, а кольцо. Как оно могло к тебе попасть?

— Не знаю, видит Бог, не знаю!

— Что у вас происходит, господа? — раздался спокойный голос Путилина.

— Не угодно ли, Иван Дмитриевич, — следователь подал Путилину кольцо.

— Где вы нашли его, Вадим Петрович?

— Вот здесь, Иван Дмитриевич.

— Теперь, конечно, вы произведете тщательный обыск?

— О, разумеется!

Обыск начался. Путилин подошел к швейцару, пристально поглядел на него.

— Покажи руку.

Швейцар, как автомат, исполнил приказание.

— Доктор, пойди сюда, посмотри его рану и скажи, чем она нанесена? Ножом? А может быть, бритвой?

— Не знаю, Иван Дмитриевич. Медицина в данном случае бес-
силна помочь правосудию.

— Конечно, ты не знаешь, как попало к тебе это кольцо, Лав-
рентьев?

— Видит Бог, не знаю, ваше превосходительство. Только не
повинен я ни в чем худом.

— Ты спишь с открытой или закрытой дверью?

— На ключ не запираю.

— Отчего?

— Чтобы скорее выйти на звонок, дверь парадную раскрыть.

Обыск не дал никаких результатов. Но две грозные улики про-
тив швейцара были налицо — подозрительный порез и, главное,
найденное в его камерке бриллиантовое кольцо.

— Именем закона я арестую тебя, Осип Лаврентьев, — сурово
произнес судебный следователь.

— За что-с?

— По подозрению в убийстве этой женщины.

Глава 3

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Весть о таинственном страшном преступлении с быстротой
молнии разнеслась по столице. Какой-то страх и суеверный ужас
нагнало оно на жителей Петербурга. Это было как раз в то вре-
мя, когда на улицах Лондона свирепствовал знаменитый Джек-
потрошитель, и по Петербургу пронесся зловещий слух:
«Лондонский человек-зверь появился на улицах Северной Паль-
миры!» Бульварные газеты, по обыкновению, подливали масла в
огонь, немилосердно привирая с три короба, запугивая обывателя
еще больше.

Путилин был спокоен, но как-то загадочно хмур.

— Что ты думаешь об этом, Иван Дмитриевич? — спрашивал
я своего друга.

— Да что же вам еще надо? Убийцу следователь обнаружил с
феерической быстротой.

Еле заметная улыбка трогала концы его губ.

— Держу пари, Иван Дмитриевич, что ты другого мнения о
виновнике злодеяния.

Путилин рассмеялся.

— Смотри не проиграй пари! Против Осипа Лаврентьева дей-
ствительно есть грозная улика.

Прошло два дня. Я сидел у моего друга, когда к нему без
доклада ворвался страшно взволнованный почтенный седой барин.

— О, какой ужас, какой ужас! Это моя жена! Я только что от
нее... Какой ужас, какой ужас... Я — Аргунин...

Путилин чрезвычайно ласково стал его успокаивать:

— Возьмите себя в руки, дорогой мой. Что же делать... Уже не вернешь... Вы расскажите лучше все, что знаете об исчезновении вашей жены.

— Моя жена сказала, что поедет в театр.

— В какой?

— В Большой. Прошла ночь, она не явилась. По правде, я не очень был удивлен и взволнован этим. Частенько случилось, что она после спектакля уезжала ночевать с нашими знакомыми Авериными. Но когда настал вечер, а ее все не было, я смутился и поехал к Аверинам. Оказалось, что они не были в театре и жены моей не видели. Тут вдруг я узнал о страшном злодеянии на Николаевской улице... Бросился к властям... И узнал мою жену.

— Скажите, господин Аргунин... вы простите меня, но между вами большая разница в годах... Я поэтому и задаю этот вопрос: она любила вас?

— Несмотря на это, она меня любила. Но...

По-видимому, он хотел в чем-то признаться, но не мог.

— Для пользы дела я попросил бы вас быть со мной вполне откровенным.

— Вот... Вот записка, которую я нашел вчера в будуаре моей жены, — хрипло проговорил Аргунин, протягивая Путилину маленький лист плотной английской бумаги. «У второй колонны, всегдашнее атласное домино с постоянной красной гвоздикой».

— Гм... Не много... — пробормотал Путилин. — Вот что, господин Аргунин, я должен сейчас же поехать и осмотреть будуар и гардеробную вашей убитой жены.

Мы поехали втроем. Жил Аргунин в царском великолепии. Путилин попросил оставить его одного в комнатах красавицы миллионерши. Пробыл он там примерно час, и когда вышел, лицо его было невозмутимо.

— Ну, ваше превосходительство, нашли вы хоть что-нибудь?

— Очень мало. Но кое-что у меня в руках. Будьте уверены, что я отдам все силы раскрытию этого дела.

Глава 4

В ТЮРЬМЕ У ОСИПА ЛАВРЕНТЬЕВА

— Мы заедем на минутку в Сыскное, оттуда проедем в тюрьму. В служебном кабинете Путилина его ожидал агент Х.

— Ну? — спросил Путилин.

— Делал все, как вы говорили, Иван Дмитриевич.

— Видели его? Какое впечатление?

— Безукоризненного джентльмена.

— Где вы находились в это время?

— В швейцарской.
— Посмотрел? Нагнулся?
— Да.
— Так-так. Это очень важно. Теперь слушайте внимательно, голубчик.

Путилин что-то тихо прошептал своему агенту.

— Ну, а теперь едем, доктор!

* * *

Вот и опять оно, это унылое, мрачное здание тюрьмы. Надзиратель, поставив двух конвойных у дверей камеры, ввел нас туда.

Осип Лаврентьев сидел, опустив голову на руки. При виде Путилина он вздрогнул, встал.

— Ну, Лаврентьев, ты клянешься, что это страшное убийство не твоих рук дело?

— Клянусь, ваше превосходительство. Сам не знаю, за что позор такой, муку принимаю.

— Хорошо. Надеемся на меня, может быть, дело это повернется иначе. А теперь ответь на мои вопросы. Того инженера, который живет по вашей лестнице, хорошо знаешь?

— Знаю-с, ваше превосходительство. Барин добрый, щедрый.

— Живет один, только со своей прислугой?

— Так точно. Они женаты, а только, стало быть, с супругой не живут.

— Эта прислуга — ее ведь Машей зовут? — не балуется с барином?

Лаврентьев отрицательно покачал головой.

— Нет, ваше превосходительство, коли правду молвить, так у ней шуры-муры с племянником управляющего нашего.

— Частенько отлучалась она из дома?

— Частенько.

— На ночь?

— Так точно. Барин ее сам отпускал: «Сегодня можешь идти со двора к своим родственникам, потому что я не приеду ночевать». Возвращался часам к двум дня.

— В ту ночь, когда случилось убийство, была она дома?

— Не могу точно сказать, ваше превосходительство, не приметил.

— Ключа от парадной двери у инженера не было?

— Надо полагать, что нет, потому что они всегда звонили.

Путилин погрузился в раздумье.

Глава 5

ПАНИКА В СТРАШНОМ ДОМЕ

Новый жилец

Неслышанное кровавое злодеяние навело панику на жильцов дома на Николаевской. Из дома съехали и граф, и генерал. Они предпочли заплатить домовладельцу неустойку по контракту. Остался один инженер. Но вскоре появился новый жилец, занявший ту самую квартиру, которая пустовала. Это был высокий, представительный господин, по-видимому, очень богатый. Обстановку навезли великолепную, с барином появился лакей, другой прислуги не было. Дома барин бывал редко, все больше куда-то уезжал. Должно быть, барин был веселого нрава и большой охотник до смазливеньких личиков, потому что очень уж стал заглядываться на хорошенькую горничную инженера. Встретит ненароком у двери квартиры инженера, давай шутки шутить. Та сначала робела. Мыслимое ли дело, чтобы такой важный барин и зарился на простую горничную?

— А что у тебя сережки такие плохенькие? При такой красоте и камушки поддельные! Ай-ай-ай!

Маша вспыхивала:

— Денег не накопила на дорогие.

И обдавала барина задорным лучистым взглядом. А на следующий день, глядь, барин футляр ей подносит.

Ахнула только Маша, поглядела на сережки. Господи, красота-то какая.

За сережками последовали брошь, колечко, браслетки. Дальше — больше, и Маша пригласила доброго барина к себе.

— Хозяина не будет, ужо приходите.

Барин пришел, но чудным показался он Маше — не к ней с ласками, а все больше квартирой интересовался. Несколько раз за вином ее посылал.

— Сходи, воструха, купи шампанского, только смотри, чтоб никто не видел. Понимаешь?

— Понимаю.

— А десятку вот тебе на конфеты.

«Чудной, право, чудной! И за что только он мне подарки дает? Ничего от меня не желает...»

А в то время, когда Маша ходила за вином, барин все-то высматривал в квартире, словно искал что-то.

— В чем разгадка? Гм... Так или не так? Неужели ошибся? — бормотал он.

Один раз, услышав, что Маша вернулась, вышел из кабинета особенно радостный.

— Что это вы, барин, сегодня такой веселый? — лукаво спросила Маша.

— Тебя вижу, воструха! — усмехнулся барин.

ЖИВОЙ ПОРТРЕТ

Приехав к Путилину на службу, я застал его за странным занятием. Он рисовал женскую головку.

— Где это ты пропадаешь, Иван Дмитриевич?

— Разве?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ну, разумеется. Я несколько раз приезжал к тебе и ни разу не мог застать.

— Не сердись, милый доктор, я был очень занят.

— В этом, Иван Дмитриевич, я не сомневаюсь. Но не будешь ли так любезен сказать, чем именно ты был занят?

— Флиртом.

— Ты... Ты ухаживал?

— О, и еще как! Если бы ты посмотрел на мою возлюбленную — это прелесть.

— Полно меня мистифицировать. Что ты рисуешь?

— Как видишь, хорошенькую женскую головку. Впрочем, ты скоро увидишь и оригинал.

Путилин позвонил. Вошла наша старая знакомая, агентша, принимавшая участие в целом ряде дел, раскрытых моим другом.

— Ну, голубушка, предстоит борьба! — весело произнес Путилин.

Глаза сыщика-профессионалки радостно загорелись.

— В чем дело, Иван Дмитриевич? Я так рада... Я давно не принимала участия в серьезных сражениях.

— Ну вот, теперь оно у нас на носу. Видите эту штучку? — Путилин показал свой рисунок. — Перевоплотиться можете?

— Постараюсь...

Признаюсь, я ничего не понимал, а мой друг углубился в просмотр каких-то писем. Прошло с полчаса.

— Хорошо? — раздался звучный голос агентши.

Перед нами была совсем незнакомая женщина с красивым, восточного типа лицом. Черные как смоль волосы были причесаны по-модному, назад. Вуаль, кастановая шляпа с загнутыми полями, с огромными перьями...

— Отлично! — воскликнул Путилин. — Я вижу, голубушка вы моя, что мои уроки грима вы усвоили превосходно. Ввиду того, что я не знаю, когда именно мне потребуется ваше участие, попрошу вас сегодня безотлучно находиться здесь.

Мы остались одни.

— Слушай, доктор... — начал Путилин, прохаживаясь по кабинету. — Ты хорошо знаком со случаями «преступно-болезненной мании мести»? Такое состояние душевной прострации, длительного патологического аффекта существует в психиатрии?

— Безусловно. Мания преследования выражается в том, что одним больным кажется, что их преследуют, другим — что они должны преследовать.

— Так-так... — пробормотал Путилин. — Но не правда ли, какая художница моя агентша? Молодец! Живой портрет! Живой!

Глава 7

СТРАННОЕ ПИСЬМО

Преддверие к маскараду

Высокий элегантный господин поднимался по лестнице. На третьей ступеньке он столкнулся с новым жильцом, господином с черными бакенбардами.

— Простите, пожалуйста, вы, кажется, инженер Хрисанфов?

— Да, это я. Что вам угодно?

— Стало быть, соседка моя. Очень приятно.

Барин назвал себя, и джентльмены обменялись рукопожатием.

— Видите ли, господин Хрисанфов, швейцар — он у нас новый — вложил в мой почтовый ящик это письмо. Не вам ли оно адресовано?

Инженер взял письмо и сильно побледнел.

— Что это? От нее?.. Благодарю вас... Да, письмо адресовано мне.

Он тут же нервно разорвал конверт и стал читать. Лицо его принимало все более злорадно-торжествующее выражение.

— О, как я вам благодарен, что вы вручили мне это письмо!

— Помилуйте, за что же? Я не сомневаюсь, вы поступили бы точно так же.

— Ах, этот глупый швейцар! — злобно прошептал инженер. — Хорошо, что так вышло...

— А вы, господин Хрисанфов, жили еще при старом?

— Да.

— Скажите, правда, будто в этом доме недавно случилось зверское злодеяние?

— Да. Здесь нашли убитую женщину, даму из высшего света. Разве вы не читали?

— Я мало читаю газеты. До меня доходили какие-то слухи. Где же ее нашли?

— Вот здесь. Видите, там, ниже, на площадке.

— Кто же убил ее?

— Швейцар. Он арестован и сидит в тюрьме.

— Какая же цель убийства?

— По-видимому, ограбление... У него нашли бриллиантовое кольцо с руки убитой. Вообще, это очень темное дело. Я сильно сомневаюсь, что правосудие прольет истинный свет на злодеяние.

Инженер сухо рассмеялся.

Предчувствуя, что в эту ночь должно разыграться нечто значительное, я находился в кабинете Путилина и вел оживленный разговор с агентшей. Путилин вошел в кабинет с часами в руках, что-то черкнул на бумаге и, позвонив, отдал ее дежурному чиновнику.

— По назначению! — лаконично бросил он. Потом повернулся к нам. — Ну, милая барынька, одевайтесь. Где ваше домино и маска? А вы, господин доктор, имеете желание проехать в маскарад?

Затем стал подробно объяснять агентше, что она должна делать и говорить.

— Вы приедете в маскарад. Встаньте у третьей колонны справа. К вам подойдет высокий господин в черном домино, с красной гвоздикой в петлице. Имейте в виду — это ваш муж.

Глава 8

МАСКАРАД В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ

Зал Благородного собрания был битком набит веселой маскарадной публикой. От массы ярких, разнообразных костюмов рябило в глазах. Пахло духами и косметикой, прелестные звуки томного штраусовского вальса заглушали тихий смех и оживленную болтовню масок.

Я был в домино и чувствовал себя, признаться, чрезвычайно глупо. Несколько масок с веселым смехом окружили меня и стали тормозить. Но тут я, однако, вспомнил, что явился в маскарад, чтобы наблюдать за таинственной историей, начатой Путилиным. Где-то он сам? Как найти его в толпе?

Я взглянул на третью колонну. Около нее стояла женщина в черном домино. Я подошел поближе, стараясь оставаться незамеченным. К даме подходил высокий господин в черном домино с красной гвоздикой.

— Итак, это вы, сударыня? — сколько злобы, презрения, ненависти звучало в голосе! — Я получил ваше письмо и, как видите, явился.

— Благодарю вас.

— О, не за что!.. Это не будет для вас особенно приятно. Почему вы назначили мне свидание здесь?

— Потому что я знаю, что вы часто бываете в маскараде.

— Ого! Вы следите за мной? С какой целью?

— Я — ваша жена.

— Что? И вы... Вы смеее еще говорить об этом после того, как покрыли меня позором?

— Я сознаюсь... Я согрешила... Но вот уже два года я искупаю вину невыносимыми страданиями. Вы вышвырнули меня с ребенком на руках, без всяких средств. Голод, холод, унижения... Мой малютка умер.

— О, лукавая тварь! Вы так умеете притворяться, что даже меняете голос, я не узнаю его.

— Два года таких страданий... Сжальтесь надо мной! Вы очень богаты...

— Никогда, ни за что! Я поклялся мстить вам страшно, и не только вам, но всем женщинам, изменяющим своим мужьям.

Что-то зверское, фанатически-безумное зазвучало в его голосе.

— Нет-нет... Вы сжалитесь... Поедьте отсюда...

— Хорошо, поедемте. Очевидно, сама судьба требует этого!

— Скорее, доктор, к выходу, нам надо ехать!

Высокая дама в домино схватила меня за руку. Это был мой друг!

Глава 9

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Сумасшедший человек-зверь

Мы мчались в карете. Путилин посмотрел на часы.

— Второй час. Отличное время!

Карета остановилась около дома на Николаевской. Путилин открыл парадную дверь своим ключом, нас встретил швейцар.

— Ну, Х., прячьте доктора и притворитесь спящим. А кстати, возьмите этот дурацкий балахон.

И сыщик, оставшись в женском платье, бросился вверх по лестнице.

Прошло несколько минут, показавшихся мне вечностью. Вдруг Х. тихо прошептал:

— Тсс, ни звука... Ключ...

Дверь беззвучно распахнулась. Появились дама и господин.

— Идите тише! — Господин осторожно приоткрыл дверь швейцарской.

Х. богатырски храпел.

— Отлично, — еле слышно пробормотал господин.

Пропустив даму вперед, инженер стал подниматься по лестнице.

* * *

Едва горничная впустила барина с дамой, как Путилин, ловко открыв замок, как тень скользнул туда же. Расположение комнат было ему хорошо знакомо, и через несколько секунд он очутился в комнате горничной. Та при виде высокой дамы с бакенбардами испуганно вскрикнула.

— Молчи, Маша, не кричи, голубка! Это я!
— А зачем же вы в платье женском?
— Я в маскараде был.
— Так вы с черной бородой?!
— Я тогда красился, — улыбнулся Путилин и быстро стал снимать женское одеяние. Через несколько секунд перед Машей стоял действительно «тот самый барин», но только постаревший, с седой бородой.

— Ах уж и затейник же вы, барин!
— Слушай, Маша, внимательно. Я — генерал, самый старший над сыскной полицией. Надо мне страшного злодея поймать, вот для чего я с тобой амурную канитель разводил.

— Злодея? Какого злодея? — обомлела Маша.

— Барина твоего. Ведь это он зарезал ту женщину, а вовсе не швейцар Осип.

— Барин убил?!

— Да-да... Ну, а теперь слушай. Я тебе дам награду, но сейчас ты должна молчать и не выходить из комнаты. Я пойду туда и буду следить.

Кабинет тонул в полумраке, освещенный лишь лампой, прикрытой зеленым абажуром. Инженер крупными шагами ходил по кабинету.

— Вы помните ту ночь, когда я застал вас с любовником?

— Поощадите... Неужели вы не имеете ни капли милосердия?

— Ха-ха-ха! А вы меня тогда щадили? Ну-с, не помните? Негодяй успел удрать, а вас... я не тронул и пальцем. Я дал себе страшную клятву мстить всем женщинам, изменяющим мужьям! Мстить страшно, так, чтобы они ревели и стонали от боли, корчились в нечеловеческих муках! — Что-то животное-бешеное, сладострастно-кровожадное зазвучало вдруг в голосе инженера. Он сделался страшен. — И я сдержал свое обещание. Я стал подлоупорно ухаживать за чужими женами с единственной целью — добившись их падения, тут же кончать с ними, вспарывая им живот. Я решил наслаждаться, упиваться их стонами. И я... — он подошел к молодой женщине, — я уже отправил одну тварь на тот свет. Я отомстил ей за мужа, подло ею одураченного.

— Так это страшное убийство женщины... вспоротый живот... дело твоих рук?

Безумный хохот прокатился по кабинету.

Охваченная паническим страхом, женщина заметалась по комнате.

— Ты не уйдешь отсюда! Мстя за свой позор другим женщинам, я было совсем забыл о тебе. Но ты, незваная, сама явилась ко мне. Прошлое воскресло! Это перст судьбы! Ты должна кровью искупить свой проклятый грех!

Инженер выхватил большую бритву и бросился вперед. Женщина упала, сбита сильным ударом ноги.

— Спа... спасите!

— Не кричи, проклятая! Вот так! Я раздену тебя догола и по всем правилам хирургии произведу операцию!

Путилин вышел из засады с револьвером в руке и тихо подошел к маньяку-убийце.

— Инженер Хрисанфов, вы арестованы.

С диким, испуганным криком Хрисанфов в бешенстве рванулся к Путилину. В ту же секунду агентша вскочила с ковра.

— Эх вы, бедняга. Я передал вам письмо на лестнице. А это — моя агентша.

— Дьявол! — загремел маньяк, бросаясь на Путилина с бритвой.

Через несколько секунд он был скручен прибежавшим на помощь швейцаром Х., Путилиным и мной.

* * *

Прошло около часа, и в кабинете несчастного убийцы находился уже полный состав судебно-следственных властей. Все поздравляли Путилина. Инженер, как ни странно, совершенно успокоился.

— Вы распорядились об освобождении Лаврентьева, Вадим Петрович? — обратился Путилин к прокурору.

— Да, дорогой Иван Дмитриевич. Как вам удалось напасть на верный след?

— Я с самого начала был убежден, что швейцар не повинен в убийстве, так простые люди не убивают, руку он мог порезать, а кольцо могли подбросить или потерять.

Осматривая комнату убитой, я нашел маскарадную маску. Узнав, кто живет на этой лестнице, я остановил свое внимание на инженере. Заведя интрижку с горничной, мне удалось проникнуть в его квартиру, где я нашел письма жены и ее портрет, на обороте которого была надпись: «Каждый раз, когда я буду мстить, я буду глядеть на твое проклятое лицо».

Тогда мне все стало ясно, но у меня не было прямых, бесспорных улик. А вам известно, господа, что я люблю ясные, неопровержимые факты. Моя милая барынька чудесно сыграла роль жены, остальное вам известно.

Путилин подошел к Хрисанфову, который стоял, закрыв лицо руками.

— Мне искренне жаль вас, господин Хрисанфов. Вы, очевидно, страдаете нервным расстройством. Я постараюсь облегчить вашу участь своими показаниями. Я надеюсь, господа, что и вы можете? — обратился он к следователю и товарищу прокурора.

— О, безусловно! — воскликнули они.

Действительно, суд, приняв все во внимание, отнесся милосердно к несчастному полубезумцу. Вместо каторги он попал на лечение.

ПОЦЕЛУЙ БРОНЗОВОЙ ДЕВЫ

Глава 1

БУРНАЯ ИСПОВЕДЬ

— С скромный служитель алтаря приветствует вас, сын мой. Исповедь — великое дело... — ласково проговорил тучный ксендз N-ского варшавского костела, когда перед ним за исповедальными ширмами предстал высокий стройный молодой красавец, граф Болеслав Ржевусский, сын местного магната. — Облегчите свою душу чистосердечным покаянием.

— Я прихожу к вам, отец мой, в последний раз, — несколько неуверенно начал молодой граф.

— Почему в последний раз?

— Потому что я люблю и скоро собираюсь жениться.

— Но разве женатые не исповедуются, сын мой? — удивленно вырвалось у служителя католической церкви.

— Вы не дали мне закончить. Я люблю русскую, я собираюсь жениться на православной.

Лицо ксендза как-то сразу потемнело и сделалось угрюмо-суровым

— Что ж... — усмехнулся он. — Таких случаев, к прискорбию, немало... Это дело вкуса и известного влечения. Но, конечно, вы сами будете пребывать в лоне святой католической церкви?

Молодой граф отрицательно покачал головой.

— Нет, — твердо произнес он.

— Как?! Вы... — ксендз-исповедник даже отшатнулся от молодого человека.

— Я перехожу в православие. Родители моей невесты ставят неременным условием нашего брака мой переход из католичества в православие.

— И вы?... — сурово, гневно спросил верный слуга ордена Игнатия Лойолы.

— И я принял это условие.

Хриплые звуки вырвались из груди духовника-иезуита:

— Я... я не верю своим ушам... Я не хочу, не могу этому верить, вы шутите...

— На исповеди не шутят, отец мой, — серьезно ответил молодой граф.

— Вы, вы, единственный отпрыск высокочтимого рода Ржевуских, самых пламенных и верующих католиков, переходите в иную, чужую веру?

— Чужая вера? Что это за странное определение, отец мой? Разве Бог не один и тот же? Разве есть специально православный Христос и специально католический Христос?

— Не смешивайте Господа с церковью! — гневно прошептал исповедник.

— Я вот именно и не смешиваю, это делаете вы, разделившие Христа на разные алтари разных церквей, — в тон ему ответил взволнованно граф.

— Берегитесь! Вы богохульствуете!

Глаза фанатика-ксендза загорелись огнем бешенства.

— Я? Вы ошибаетесь. Если бы я переходил в магометанство, в иудейство, я мог бы понять взрыв вашего негодования, вашей духовной скорби. Но я перехожу в ту веру, которая высоко чтит Бога Христа. Что же это вас так устрашает, отец мой?

— Вы переходите в веру тех, которые являются врагами нашего народа, ваших отцов, матерей, сестер и братьев.

— Позвольте, отец мой, вы затрагиваете уже ту область, которая менее всего может касаться вопроса веры, религии, вы переходите на политику. Но разве это уместно здесь, в храме, на исповеди, перед святым Распятием? Или католическое духовенство отлично совмещает в себе служение политическим интригам со служением Богу?

Лицо ксендза стало багровым.

— Еще раз повторяю вам, берегитесь! Вы начинаете издеваться над священнослужителями католической церкви. Вы с ума сошли! О, я узнаю в этом проклятое влияние православных извергов... Сколько наставлений вы получили от их попов?

— Мне стыдно за вас, отец мой! — отчеканил молодой граф. — Вы, слуга Милосердного Бога, позволяете себе предавать проклятию в святом месте таких же правоверных христиан, таких же христианских священнослужителей, как и вы сами. О, подлый орден Игнатия Лойолы живуч! Вы, оптом и в розницу торгующие Богом, вы остаетесь верны проклятому, вовсе не христианскому завету «Цель оправдывает средства». И вы, славшие на костер людей «Ad Majorem Dei gloriam» для вящей славы Бога, действительно не брезгаете никакими средствами. Я не ребенок, отец мой. Мне отлично известны проделки католического духовенства, менее всего думающего о догмах христианского Евангелия. Прощайте. Я уйду отсюда примиренным с Богом, но не с вами.

Поклонившись, граф повернулся, чтобы выйти из исповедальни. Секунду ксендз-исповедник стоял пораженный, словно оглушенный... Потом он вздрогнул и резко крикнул:

— Стойте, граф! Я вас предупреждаю, что сегодня же сообщу об этом вашему отцу. Посмотрим, как отнесется он к вашему негативу.

— Вы сообщите? Но разве духовник имеет право рассказывать кому бы то ни было о том, что ему говорилось на духу?

— Для спасения погибающей души... Для торжества церкви... — залепетал иезуит.

Молодой граф рассмеялся.

— Ну, разве я не прав, когда только что сказал, что у вас цель оправдывает средства? Вы вот готовы быть клятвопреступником, дабы выслужиться перед вашим орденом, а заодно... и перед знатым, богатым магнатом.

— Погодите, стойте! — иступленно схватил за руку графа верный прислужник католической церкви. — Я умоляю вас именем Бога отказаться от вашего безумного решения.

— Нет! — резко ответил Ржевусский.

— Но вы забываете одно, что Бог иногда сурово карает веротступников. Знаете ли вы это, безумец?

Глаза ксендза угрожающе сверкали.

— А-а... — отшатнулся от него молодой граф. — Я вас понимаю, святой отец. Вы грозите мне мстью не Бога, а мстью его служителей? Что ж, я и этого не боюсь... Работайте, старайтесь, но не забывайте, что теперь не средние века, что ужасы инквизиции отошли в область мрачных, отвратительных преданий. Прощайте!

Глава 2

СПАСИТЕ ГРАФА!

Перед Путилиным в его служебном кабинете сидел посетитель с дорожной сумкой через плечо, красивый, моложавый старик, очень симпатичный, с манерой старого барина былых годов.

— Сколько же прошло дней, как исчез молодой граф, господин Ракитин? — спросил посетителя Путилин.

— Около недели.

— А почему вы полагаете, что он исчез?

— Потому что никогда не бывало, чтобы он не являлся так долго к нам. В последнее время, когда он попросил у меня руки моей единственной дочери и сделался ее женихом, он приезжал к нам ежедневно.

— Скажите, пожалуйста, господин Ракитин, а в замке графа Ржевусского, его отца, вы не узнавали о молодом человеке?

— Нет, господин Путилин. Вот уже несколько месяцев, как мы прекратили знакомство домами.

— Для пользы дела мне необходимо знать причину этого разрыва.

— О, это не составляет ни тайны, ни секрета. Причиной окончательного разрыва послужил резкий спор о России и Польском королевстве. Граф Сигизмунд Ржевусский, гордый, надменный магнат, высказал такую непримиримую ненависть ко всему русскому, что меня взорвало. Мы расстались врагами.

— Предполагаемый брак его сына с вашей дочерью, конечно, не мог встретить согласия и сочувствия старого графа?

— Безусловно. Я говорил об этом Болеславу, на что он ответил, что личное счастье ему дороже вздорных прихотей его отца.

— Вы не знаете, он имел объяснение по этому поводу с отцом?

— Не знаю. До последнего дня нашего свидания он ничего не говорил об этом.

— Не можете ли вы рассказать мне о вашем последнем свидании с молодым графом?

— Он приехал к нам к обеду. Как и всегда, был бесконечно нежен с моей дочерью, но я заметил, что он находится в несколько взволнованном состоянии духа.

— Ого, он был взволнован? Вы не спрашивали его о причинах?

— Он сам со смехом бросил вскользь, что его страшно разозлил духовник.

— По какому случаю он виделся с ним?

— Он отправился на исповедь. Затем, уезжая, он сказал мне, что ему хотелось бы ускорить свадьбу, обещал приехать на другой день, но — увы! — с тех пор мы его не видели. Мы в отчаянии, господин Путилин. Горе моей дочери не поддается описанию. Она все время твердит, что с ним, наверно, случилось несчастье. Откровенно говоря, у меня самого появляются тревожные мысли.

— Скажите, старый граф любит своего сына?

— Безусловно. Но, как однажды с горечью вырвалось у молодого человека, старый магнат любит не его душу, не его сердце, а в нем самого себя. Болеслав в глазах отца единственный продолжатель знаменитого рода Ржевусских, его блестящий представитель, тот, кем можно гордиться. Если вы знакомы с поразительной спесью польских магнатов, вам будет ясна и любовь старого графа к сыну. И вот я решил обратиться к вам. Вы, только вы, господин Путилин, можете пролить свет на загадочное исчезновение молодого человека, которого я люблю, как родного сына. Спасите его!

Путилин сидел в глубокой задумчивости, какая-то тревожная мысль пробегала по его лицу.

— Не правда ли, ваше превосходительство, вы не откажете в этой горячей просьбе?

Путилин поднял голову.

— Я нахожусь в очень щекотливом положении, господин Ракитин. Вмешиваться официально в это дело мне не только неудобно, но я даже не имею права на подобное вмешательство. Во-первых, заявление об исчезновении молодого графа должно ис-

ходить от его отца, а во-вторых... В Варшаве имеется своя сыскная полиция.

— Значит, вы отказываетесь? — с отчаянием в голосе воскликнул старый барин.

Путилин опять задумался.

— Ну ладно. Я попытаюсь. Ваше дело меня очень заинтересовало.

Глава 3

ПУТИЛИН В ВАРШАВЕ

В замке старого магната

Всю дорогу до Варшавы — мы ехали в отдельном купе первого класса — Путилин не спал.

Он был окружен целым рядом толстых фолиантов.

— *Poter noster! Qui est in Coelum... Credo in aeternam vitam...*¹ — бормотал сыщик.

— Что это, Иван Дмитриевич, никак ты на старости лет за изучение латыни принялся? — спросил я в сильном изумлении.

— Спи, спи, доктор! — невозмутимо ответил он.

Вот и гордая, пышная столица бывшего Польского королевства. Мы приехали в Варшаву в те достопамятные дни, когда она глухо волновалась.

В роскошном номере Центрального отеля, где мы остановились, Путилин принялся спешно переодеваться. Он облачился в безукоризненный длинный черный сюртук, надел крупный орден.

— Что значит этот парад, Иван Дмитриевич? — спросил я не без удивления.

— Я еду сейчас с визитом.

* * *

Замок графа Сигизмунда Ржевусского представлял собой настоящий дворец. Немудрено, что за такими стенами аристократы Речи Посполитой чувствовали себя маленькими царьками.

В великолепном с белыми колоннами зале граф Ржевусский заставил очень долго себя ждать. Наконец послышались шаги и в зал вошел старый магнат. Не подавая руки, слегка лишь наклонив полуседую гордую голову, он холодно спросил:

— Чем обязан видеть у себя пана... пана Путилина? — Он поднес визитную карточку Путилина к самому носу, обидно-небрежно вчитываясь в то, что на ней написано.

¹ Отче наш! Иже еси на небесех... Верую в жизнь вечную (лат.).

— Сейчас я буду иметь удовольствие объяснить пану... пану Ржевусскому цель моего визита... — в тон ему ответил «пан» Путилин.

Это простое «пану Ржевусскоу», вместо «пану графу», для старого магната оказалось равносильным удару хлыста. Огоньки гнева вспыхнули в его глазах. Голова надменно откинулась назад.

— Я не знаю «пана Ржевусского», я знаю графа Ржевусского... — резко проговорил он с сильным акцентом.

— Равно как я не знаю «пана Путилина», а знаю его превосходительство Путилина, начальника Петербургской сыскной полиции, — насмешливо ответил ему Путилин.

— Попрошу вас ближе к цели. Что вам угодно?

— Прежде всего сесть. Не знаю, как принято в Варшаве, но у нас в Петербурге я это любезно предоставляю каждому посетителю. Магнат побагровел.

— Прошу вас, — сделал он величественный жест рукой, точно феодальный герцог, принимающий своего вассала.

— Изволите ли видеть, граф, возвращаясь из-за границы и очутившись в Варшаве, я случайно узнал об исчезновении вашего сына, молодого графа Ржевусского... — начал Путилин, не сводя пристального взгляда с лица старого магната.

— Случайно? Должен сознаться, что случайность играет большую роль в вашей профессии, — саркастически прервал его граф.

— Вы правы, в деле раскрытия преступлений и поимке многих негодяев случай — могущественный пособник правосудия.

— Ну-с?

— Узнав об этом, я решил проверить справедливость этих слухов и с этой целью явился к вам.

— Попрошу извинить меня, но... для чего?

— Для того, чтобы предложить вам свои услуги, если эти слухи справедливы.

Путилин почувствовал на своем лице острый, пронизывающий взгляд надменного магната.

— Могу я узнать, ваше превосходительство, откуда до вас дошел слух об исчезновении моего сына, графа Болеслава Ржевусского?

— Случайно в зале первого класса вокзала до меня долетели обрывки разговора компании молодых людей, принадлежащих, по видимому, к лучшему обществу Варшавы.

— Попрошу извинить пана... *padon*, генерала, но мне было бы любопытно узнать, отчего вы так заинтересованы участью пропавшего, как вы говорите, моего сына?

— Если вам угодно, я скажу вам совершенно откровенно. Совсем недавно судьба подарила мне случай спасти от смертельной опасности исчезнувшего таинственным образом сына петербургского миллионера-купца Вахрушинского.

— Я знаю об этом вашем блестящем розыске, — почему-то очень взволнованно проговорил старый граф.

— Тем лучше. Так вот, когда я услышал об исчезновении вашего сына, у меня мелькнула мысль: а что, если и в данном случае мы имеем дело с каким-нибудь тайным преступлением? Я поспешил приехать к вам, граф, и, признаюсь, ожидал с вашей стороны более любезного приема. Прошу вас не забывать, что я действую совершенно бескорыстно.

Старый магнат взволнованно приподнялся с золоченого кресла и стал нервно ходить по залу. Видимо, какая-то упорная, глухая борьба происходила в его душе. Казалось, что он хочет что-то сказать своему непрошеному гостю, но то, что боролось в нем, противилось этому. Путилин сидел бесстрастно-спокойный, скрестив руки на груди.

Вдруг старый граф круто остановился перед Путилиным и хрипло произнес:

— Да, мой сын, единственный сын, исчез бесследно вот уже девять дней...

— И вас не тревожит это исчезновение, граф?

Горький смех, в котором зазвенели сарказм, гнев, обида, тревога, разнесся эхом по залу замка.

— А, будь вы кто хотите — пан, генерал, черт или святой, — но я вам скажу, что не тревожусь особенно потому, что знаю, где находится мой сын!

Граф хрустнул пальцами.

— Вы... вы знаете, где находится ваш сын? — в сильнейшем изумлении даже привстал Путилин.

— Да. Лучше, чем кто-либо, лучше, чем сыскная полиция всего мира.

— Вы простите меня, граф, но — ради Бога! — почему же вы не пытаетесь отыскать его, выволить из того плена, куда он попал по неосторожности или же неосмотрительности? Еще раз повторяю, мои, может быть, нескромные вопросы продиктованы только чувством искреннего желания помочь вашей беде.

— Га! — вырвалось у старого Ржевусского. — Вы спрашиваете, почему я не делаю попытки спасти моего сына, мою гордость, мою единственную утеху в жизни? Извольте, я вам скажу тоже откровенно — потому что это бесполезно, потому что этого плена желал и добивался мой сын.

— Я вас не понимаю, граф... — искренне вырвалось у Путилина.

Жилы напряглись на шее и висках магната.

— Его сгубила проклятая любовь! Исчезновение Болеслава — дело рук проклятых Ракитиных.

— Что?! — переспросил Путилин. Он провел рукой по лбу, словно стараясь привести свои мысли в порядок.

Граф Ржевусский с удивлением посмотрел на него.

— Что с вами?

— Вы... Вы дадите мне честное, благородное слово графа Ржевусского, что все, что вы сказали сейчас, — святая правда?

— Я никогда не лгал! — гордо ответил варшавский феодал.

— В таком случае... Я боюсь, что ваш сын действительно или уже погиб, или на краю гибели.

— Во имя Пречистой Девы, что означают ваши слова?! Вы что-нибудь знаете?

Как изменилось это холодное, надменное лицо! Сколько чисто отцовской любви и страха засветилось в его глазах!

— Знаю. Слушайте, граф.

Путилин шаг за шагом начал рассказывать ошеломленному графу о приезде Ракитина, о том, как этот человек умолял его спасти молодого человека.

— Это... Это правда?

Лицо графа было смертельно бледно. Пот проступил на лбу.

— Правда, граф.

Магнат оперся обеими руками на маленький золоченый столик.

— Так... так где же мой сын, ваше превосходительство? — с ужасом прошептал он.

— Вот для того, чтобы узнать это, я и приехал к вам в Варшаву. Как видите, ваше сиятельство, моя профессия не всегда заслуживает такого обидно-пренебрежительного отношения, каким вы одарили ее.

Граф, взволнованный, подошел к Путилину.

— Простите меня. Вы, как умный человек, отлично поймете чувства, которые обуревали меня. Я против этого брака. Кто может осудить меня за это? Разве не каждый отец относится ревниво к своему детищу?

— Простите, граф, теперь нам некогда говорить об этом, надо спасать вашего сына.

— Да-да! — рванулся польский магнат к своему врагу — начальнику русской сыскной полиции. — Теперь и я вас умоляю, спасите Болеслава! Я весь к вашим услугам. Угодно переехать из гостиницы в мой замок? Распоряжайтесь, как вам угодно.

— Благодарю вас, но как раз этого не надо делать. Если вам угодно, чтобы я спас вашего сына, — если только это не поздно, — я вас попрошу держать мой приезд в Варшаву в полной тайне. Я буду являться к вам, когда мне потребуется. Мой пароль: «Pro Christo morior» — «Умираю за Христа».

Путилин, сопровождаемый графом, направился к двери. В ту секунду, когда он взялся за дверную ручку, послышался голос:

— *Libertas, serenissime?*¹

— Amen! — ответил граф. — Амины!

Мгновенным движением Путилин прикрыл рукой свой орден.

Дверь отворилась, и на пороге показался упитанный патер, который громко по-польски обратился к магнату:

— Имею высокое счастье откланяться вашему ясновельможному сиятельству...

¹ Свободны, ваша светлость? (лат.)

ТАЙНЫЙ ТРИБУНАЛ СВЯТЫХ ОTCОВ

Смертный приговор

Низкая сырая комната со сводчатым потолком тонула в полумраке. В этой тьме скрывались очертания каких-то странных, непонятных предметов: высокой лестницы, жерновов, жаровен, колодок. Чем-то бесконечно унылым, страшным веяло от всей обстановки этого непонятного помещения.

Колеблющийся свет длинных толстых свечей, вставленных в высокие канделябры, бросал багровые блики на каменные стены, сводчатый потолок, с которого порой сбегали капли воды и падали со стуком на плиты комнаты.

За длинным столом, на котором горели эти странные свечи, сидело семь человек, все с характерными лицами иезуитов в обычных сутанах.

— Итак, — начал сидевший посередине стола высокий худощавый человек в фиолетовой сутане, к которому особенно почтительно относились остальные присутствовавшие, — сегодня нам предстоит, святые отцы, постановить окончательный приговор по делу молодого безумца.

— Так, так, — послышался ответ заседающих.

— Вы, конечно, все осведомлены о причине нашего конклава в этом печальном, но необходимом для пользы святой церкви месте? Вам известно со слов тайного донесения достопочтенного духовника графов Ржевусских о преступлении молодого графа? Вепе. Теперь, стало быть, мы можем начать совещание. Я ставлю два вопроса: виновен ли безумец в преступлении, которое он собирается совершить, и если виновен, то к какому наказанию он за это должен быть присужден? Ваши аргументы, святые отцы.

— Виновен... Виновен... Виновен... — раздались голоса.

— Более мотивированно.

— Переход в лоно проклятой православной церкви... Поношение святой католической... Издевательства и насмешки над нами, скромными ее служителями. Это — *maxima culpa*¹, это измена Христу.

— И, взвесив все это, какое наказание?

Минуту в комнате со сводчатым потолком царило молчание.

— *Mors*... Смерть! — погребальным эхом пронеслось по помещению.

— *Sic!* Так. Но все это было против обвиняемого, не найдется ли голос и за него?

— Прошу благословения святых отцов, но я думаю, это наказание не соответствует преступлению, которое юноша собирается совершить.

¹ Высшая вина (*лат*)

— Как?! — в один голос воскликнули заседающие.

— Виноват, я не так сформулировал свою мысль, — смутился престарелый служитель. — Я хотел сказать, что тут молодость... Любовь... Легкомыслие... кроме того, ради высокочтимого графа Сигизмунда Ржевусского нам бы следовало пощадить жизнь его единственного сына. Он оказывал столько услуг нашей святой церкви.

— Ваши ответы? — обратился к святым отцам председательствующий.

— Отдавая должное любвеобильному сердцу моего сослужителя во Христе, я считаю, однако, необходимым резко разойтись с ним во мнениях, и вот по каким причинам, — послышался еле слышимый голос доносчика-предателя, исповедника N-ского костела. — Во-первых, в то политически смутное время, которое мы переживаем, нам нужны верные католики, а не перебежчики-ренегаты. Если сегодня ради прекрасных глаз москальки обвиняемый готов переменить религию, то... поручитесь ли вы, святые отцы, что завтра ради еще более прекрасной наружности новой еретички он не променяет и свою политическую веру, свои убеждения? Где же наш политический патриотизм?

— Верно, верно, — прокатилось под мрачными сводами.

— Я продолжаю. Во-вторых, допустим, юноша раскается... Ужас объел его душу... Он будет просить о помиловании, но... Откуда мы его выпустим? Это вы приняли в соображение? Разве это наше тайное прибежище под Вислой, где мы укрепляем веру и тайно собираемся для важнейших решений, уже не должно составлять величайшего секрета для наших врагов? А если выпущенный безумец граф предаст нас? В таком случае для чего было изобретать название «Unum est hoc iter ad mortem»¹?

— Верно, верно! Смерть, смерть! — послышались теперь уже возбужденные голоса.

— Но какая?

— Я полагал бы... Мы думали бы... поцелуй бронзовой Девы!

Тот, кто заступился за обвиняемого, в ужасе закрыл лицо руками.

— Это чересчур жестоко... — еле слышно вылетело из-под капюшона.

— Приведите сюда обвиняемого! — бесстрастно отдал приказ старший из судей.

Прошло несколько минут. Где-то послышался резкий скрип двери, раздались гулкие шаги по каменным плитам перехода. Дверь в судилище распахнулась, и на пороге появилась высокая стройная фигура молодого человека.

— Потрудитесь приблизиться к столу, граф Болеслав Ржевуский! — сурово проговорил иезуит в фиолетовой рясе.

¹ Это единственный путь к смерти (лат.)

Голова молодого человека гордо откинулась назад, в глазах засверкало бешенство. Он сделал несколько шагов по направлению к своим судьям и резко спросил:

— Кто вы? На каком основании и по какому праву вы смеете мне приказывать? Честное слово, я начинаю думать, что имею дело с бандой каких-то негодяев!

— Вы слышите? — прошептал настоятель N-ского костела.

— Меня обманным путем по подложной записке залучают в пустынное место, хватают, везут и, точно преступника, заключают в каземат какого-то проклятого подземелья. Что вам надо от меня? Что должна означать вся эта подлая комедия? Если вам угодно денег, выкупа, извольте. Я вам их дам, подавитесь проклятым золотом, но потрудитесь немедленно меня освободить!

— Вы спрашиваете, кто мы. Мы — тайный трибунал, охраняющий высшие интересы святой церкви, — еще более сурово проговорил главный иезуит.

— Это что же такое? Вроде Совета десяти Великой святой инквизиции? — насмешливо спросил молодой граф.

Но помимо воли смертельная бледность покрыла его лицо.

— Вы можете богохульствовать. Перед смертью у вас еще хватит времени раскаяться в ваших страшных грехах.

— Перед... смертью? — вздрогнул Ржевусский. — Вы шутите, святой отец?

— Увы, бедный безумец, мои уста еще никогда не произносили шуток. Мы обсудили ваше преступление. Оно ужасно. Вы изрекли ужасную хулу на церковь. Нашим совместным решением вы приговариваетесь к смертной казни через поцелуй бронзовой Девы. Вы обречены с ней на вечную жизнь.

— Что?! — воскликнул молодой человек и пошатнулся.

Глава 5

ГЕРОИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Письмо к настоятелю

Я провел первую ночь в Варшаве отвратительно. Вы поймете причину этого, если я вам скажу, что Путилин, уехав вечером к графу Ржевускому, вернулся только... в шесть часов утра!

При виде его вздох радости вырвался у меня из груди.

Путилин подробно ознакомил меня со своим визитом к старому магнату.

— Скажу тебе, доктор, откровенно, что случившееся явилось для меня полной неожиданностью. У меня ведь было нешуточное подозрение на участие в деле исчезновения молодого графа самого отца.

Лицо Путилина было угрюмо и сосредоточенно.

— И если я прежде не тревожился за жизнь молодого человека, то теперь уверен, что жизнь его висит на волоске. Это дело куда серьезнее, чем дело об исчезновении сына Вахрушинского, с «белыми голубями и сизыми горлицами».

— Как, опаснее даже этого?

— Безусловно. Там, несмотря на весь ужас, который мог произойти с молодым человеком, он все-таки остался бы жив. А тут смерть, и, наверное, лютая, мучительная.

— Прости, Иван Дмитриевич, но я тебя не вполне понимаю. Ты говоришь об опасности, угрожающей молодому человеку, с такой уверенностью, точно знаешь, где он находится.

— Да, я это знаю.

— Как?! Ты это знаешь?

— Еще раз повторяю, знаю. Знаю так же, как знал на второй день розысков, где находился молодой Вахрушинский.

— Так, ради Бога, в чем же дело?

— В том, чтобы найти способ проникнуть туда, где он находится.

— Разве это так трудно?

— Поразительно трудно. Не забывай, что не всегда приходится иметь дело с наивными сектантами-изуверами из простолюдинов или же из мещан-купцов российской закваски. Случается нарываться на дьяволов в шелковых одеяниях.

Я, каюсь, хлопал глазами.

— Всю эту ночь я выслеживал их.

— Кого? Этих дьяволов?

— Да. Я заметил среди них необычайное волнение, кажется, готовятся к кровавому каннибальскому пиру. В своих поисках я чуть не утонул в этой проклятой Висле... Однако я еле стою на ногах. Я сосну часа два, а затем мне придется прибегнуть к героическому средству.

— Ты думаешь обратиться за содействием к властям?

Мой друг усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Нет, доктор, это было бы самое нежелательное. К этому прибегнешь ты, если... Если со мной случится несчастье.

* * *

— Ну, что? — взволнованно спросил граф Сигизмунд Ржевуский Путилина, приехавшего к нему с условленным паролем. — Но, Боже мой, что с вами, ваше превосходительство? Вас не узнать... Вы ли это?

Перед магнатом стоял человек с круглым одутловатым лицом без бакенбард.

— Мои бакенбарды до времени спрятаны, граф... — усмехнулся Путилин. — Дело, однако, не в них, а в вашем сыне.

— Вы узнали что-нибудь?

— Да, кое-что, и очень невеселое. Ваш сын в смертельной опасности.

Граф побледнел.

— Но где он, что с ним?

— В точности я не могу вам этого сказать, да и некогда. Сейчас вы должны предпринять нечто.

— Я?

— Да Садитесь и пишите письмо.

— Кому? — прошептал совсем сбитый с толку надменный магнат.

— Вы это сейчас узнаете. Прошу писать, ваше сиятельство, следующее. «Любезный padre Бенедикт! Чувствуя себя очень скверно, прошу вас немедленно посетить меня. Граф С. Ржевусский».

— Видит Бог, я ничего не понимаю! Зачем мне приглашать настоятеля N-ского костела?

— Вы желаете спасти вашего сына? — резко проговорил Путилин, пристально глядя графу в глаза.

— О! — только и вырвалось у магната.

— В таком случае я вас попрошу беспрекословно следовать моим распоряжениям.

— Но что я буду с ним делать?

— Вы, разыгрывая из себя больного, настойчиво попросите его остаться в замке и провести с вами всю эту ночь... Во всяком случае, до того времени, когда я приду к вам.

— А если он не согласится, ссылаясь на важные дела?

— Тогда вы употребите насилие над святым отцом, то есть попросту не выпустите его из замка, хотя бы для этого потребовалось вмешательство вашей челяди.

— Помилуйте, господин Путилин, вы требуете невозможного! — воскликнул испуганно граф. — Ведь это скандал, преступление, разбой. Какое я имею право производить насилие над человеком, да к тому же еще духовным лицом?

— В случае чего я ответственность приму на себя. Впрочем, если вам неудобно, мне остается покинуть вас.

— Хорошо! — с отчаянием махнул рукой старый граф.

Через час перед его замком остановилась карета, из которой вышел католический священник. Прошло минут сорок, и он вышел из замка обратно.

Очевидно, старый магнат не исполнил приказания Путилина.

Глава 6

НОЧНАЯ ПРОЦЕССИЯ

Два багровых факела и несколько зажженных свечей в церковных канделябрах тускло освещали странную процессию, двигавшуюся по мрачным длинным коридорам. Тут царил такой зловещий

густой мрак, что этого света хватало только на то, чтобы не споткнуться, не удариться о стены коридора.

Вслед за двумя фигурами в черных рясах шел высокий, худощавый человек, за ним попарно — шесть лиц

— Не думал я, что мне придется совершать это печальное путешествие, — раздался под мрачными сводами резкий, властный голос

— Что делать... Так хочет Бог

— Осужденный предупрежден, что казнь произойдет сегодняшней ночью?

— Пока еще нет. Ради сострадания к юному безумцу-святотатцу час искупления греха не торопились сообщать ему заранее.

И опять жуткое безмолвие, молчаливое шествие таинственной процессии.

Но вот пол коридора стал как бы покатым, словно он спускался вниз.

— Осторожнее, здесь так скользко, — слышались голоса.

Воздух сразу изменился, повеяло невероятной сыростью, точно от болота. Пол стал влажным, откуда-то сверху падали крупные капли холодной воды.

Свет факелов и свечей колыхался вздрагивающими языками, словно под порывами воздуха. Лязгнули замок и засов железной двери, пахло еще более отвратительной сыростью, и процессия стала осторожно спускаться вниз. Казалось, будто неведомые призраки, появившиеся на земле, вновь устремляются в ее таинственные недра.

— Однако с последнего раза воды здесь прибавилось! — прозвучал опять тот же резкий голос.

* * *

— Как они смеют?! Как они смеют?!

В бешенстве юный граф бросался к железной двери и что есть силы колотил в нее руками и ногами.

— Пустите меня! Преступники, палачи, вы слышите меня?!

Ни звука, ни шороха, точно в могиле. Он бросался к окну и каждый раз в ужасе отшатывался.

Вспомнились ему угрожающие слова: «Смотрите! Бог иногда мстит вероотступникам!» Но ведь он не отступил от Христа. А какой же есть еще Бог? «Вы приговариваетесь к смерти через поцелуй бронзовой Девы», — погребальным звоном гудит в ушах приговор судей-палачей. Болеслав Ржевусский громко, жалобно зарыдал.

Вдруг он вскочил и прислушался. Что это? Голоса? Шаги? Да, да, все яснее, ближе... Вот уже у самых дверей его каземата. Молодой граф задрожал.

С протяжным скрипом раскрылась дверь. На пороге со свечами в руках стояло несколько фигур, одетых в сутаны.

— Так как вам трудно говорить, отец Бенедикт, то позвольте мне вместо вас напутствовать на смерть и поддержать дух преступника... — донеслось точно издалека до несчастного молодого человека.

Два монаха-иезуита торжественно внесли какое-то белое одеяние.

— Что это? Что это значит? Что вам надо? — в ужасе попятился Болеслав Ржевусский от вошедших.

— Сын мой! — начал торжественным голосом старый монах. — Вы уже выслушали смертный приговор, вынесенный тайным трибуналом святых отцов. Этот приговор будет приведен в исполнение сейчас. Соберитесь с духом и призовите на помощь Господа.

Два монаха приблизились к осужденному.

— Наденьте это одеяние, а свое скиньте. Это последний наряд приговоренных.

Они протянули обезумевшему от ужаса молодому человеку белый балахон с широкими разрезными рукавами, веревку и белый остроконечный колпак.

— Прочь! — иступленно воскликнул граф, отталкивая от себя служителей-палачей. — Спасите меня! Спасите!

— Я должен предупредить вас, сын мой, что, если вы не облачитесь добровольно, придется прибегнуть к силе. Возьмите же себя в руки. Вы умели бесстрашно поносить святую церковь, умейте же храбро умереть. Я буду читать, а вы повторяйте за мной: «Pater noster, qui es in coelum...»

— Помогите! — прокатился опять безумный крик ужаса.

Но веревка уже была ловко накинута на руки осужденного. Граф рванулся, но его повалили на соломенный тюфяк и насильно стали облачать в страшный предсмертный наряд.

— Свяжите ноги! — отдал приказ иезуит. — Готово? Поддерживайте его с двух сторон и ведите!

Из камеры вышла белая фигура мученика со связанными руками и спутанными ногами.

Глава 7

ПОЦЕЛУЙ БРОНЗОВОЙ ДЕВЫ

Шествие открывал престарелый прелат с распятием в руках. За ним, поддерживаемый двумя черными сутанами, шел осужденный граф. Теперь он не кричал, не сопротивлялся. Предсмертный ужас овладел им.

Когда процессия поравнялась с той таинственной комнатой-судилищем, где был вынесен смертный приговор, из нее вышла новая процессия, которую возглавлял верховный иезуит. У всех в руках были зажженные свечи.

При виде новых лиц Ржевуский словно пришел в себя. С раздирающим душу криком он рванулся из рук державших его иезуитов.

— Во имя Бога, спасите меня! Пощадите меня!

— Вы призываете имя Бога? С каких это пор вы, еретически поносивший Христа и святую церковь, уверовали в него? — раздался резкий, суровый голос.

— Неправда! Клянусь крестом, я не поносил ни Бога, ни святую церковь!

— Вы поносили тех, кто служит величию Христа! Довольно! В этом мире уста ваши больше не будут произносить хулы. Вы предстанете сейчас на суд Его самого.

По знаку, поданному старшим духовным лицом, мрачные своды страшного коридора огласились торжественно-заунывными звуками реквиема.

Поняв, что все кончено, что спасения нет и быть не может, граф стал точно безумным. Грозовым голосом он старался заглушить страшное похоронное пение по живому человеку.

В конце коридора, в нише виднелась бронзовая статуя Богоматери. Спокойно скрещенные руки, печать святой благодати и любви на святом челе.

— Что это? Что это такое?

— Статуя Святой Девы.

— Но вы приговорили меня к смерти через поцелуй бронзовой Девы?

— Так.

— Как же я могу умереть через поцелуй святых бронзовых уст? Да не мучьте меня, говорите! Я с ума схожу, палачи!

— Вы это узнаете, — загадочно ответил добровольный палач. — Где отец Бенедикт? Он должен дать последнее напутствие осужденному.

Отца Бенедикта не было! Он исчез.

— Что это значит? Где он? — строго спросил верховный иезуит.

— Не знаем... Может, отлучился... Он, кажется, болен...

— Тогда исполните эту обязанность вы, отец Казимир.

Молодой граф пошатнулся.

— Кончено, все кончено! Смерть... идет!

Его глаза с ужасом, тоской и мольбой были устремлены на кроткий лик бронзовой Богоматери.

— Спаси меня! Спаси меня! — жалобно простонал он.

— Вы должны покаяться в ваших грехах, сын мой. Скоро вы предстанете перед Вечным Судией.

— Не хочу! Пустите меня, пустите! — осужденный почувствовал, что его крепко держат и все ближе подводят, подталкивают к бронзовой статуе.

— Говорите, повторяйте за мной, сын мой: «Обручаюсь я с тобой на жизнь вечную, Святая Дева Мария».

— Salve, o Santissima... — грянули иезуиты, но в ту же секунду громовый голос покрыл голоса певших:

— Стойте! Ни с места, проклятые злодеи!

Из-за колонны выскочил Путилин и одним прыжком очутился около осужденного.

— Вы спасены, вы спасены, граф! Мужайтесь!

Крик ужаса огласил своды инквизиционного логова иезуитов. Они отшатнулись, замерли, застыли. Подсвечники со звоном выпали из рук палачей.

Путилин быстро разрезал веревки. Граф чуть не упал на плиты в обмороке.

— Ну-с, святые отцы, что вы на это скажете?

Оцепенение иезуитов еще не прошло. Это были живые статуи.

Путилин вынул два револьвера и направил их на обезумевших от страха тайных палачей святого ордена.

— Итак, во славу Божию вы желали замарать себя новой кровью невинного мученика?

Первым пришел в себя верховный иезуит.

— Кто вы? Как вы сюда попали? — прошептал он дрожащим голосом.

— Кто я? Я Путилин и отец Бенедикт! — злобно расхохотался сыщик.

— Негодяй... Предал! — бешено вырвалось у монахов.

— Вы ошибаетесь. Отец Бенедикт и не подозревает о моем существовании. Он благополучно беседует с графом Сигизмундом Ржевусским.

Молодой человек бросился целовать руки Путилину.

— Что вы? Что вы? — отшатнулся тот.

— Вы спасли меня от смерти, но от какой? Я ничего не мог понять.

— Вы... Вы ошибаетесь, граф! — вдруг ласково заговорил верховный иезуит. — Все это было святой шуткой, чтобы попугать вас. Мы и в мыслях не имели убивать вас. Вас решили наказать за ваши дерзости по адресу духовных лиц.

— Вы говорите «шутка»? Хороша шутка! Я вам сейчас покажу, какая эта шутка. Не угодно ли вам поцеловать бронзовую Деву?

— Зачем?.. К чему?.. — побледнел важный иезуит, отшатываясь от статуи.

— А, вы не хотите? Вы трясетесь? Ну так смотрите!

И Путилин, подняв с пола длинный факел, шагнул к статуе.

— Не подходите! Не смейте трогать! — закричал иезуит, бросаясь к Путилину.

— Ни с места! Или даю вам слово, что я всажу в вас пулю.

Он нажал факелом на бронзовые уста статуи, и в ту же секунду руки бронзовой Девы стали расходиться, и из них медленно появились блестящие острые клинки. И не только из рук появилась блестящая сталь. Из уст, из глаз, из шеи — отовсюду засверкали

ножи. Объятия раскрылись, как бы готовые принять несчастную жертву, а затем быстро сомкнулись.

— Великий Боже! — простонал молодой граф.

— Вот какой поцелуй готовили вам ваши палачи! В ту секунду, когда вы прикоснулись бы к устам бронзовой Девы, вы попали бы в чудовищные объятия. В ваши глаза, рот, грудь, руки вонзились бы эти острые клинки, и вы медленно, в ужасных мучениях испустили бы дух.

Не выпуская револьверов из рук, Путилин выбрался со спасенным графом из мрачного логова иезуитов.

* * *

Негласное секретное расследование не смогло обнаружить статуи бронзовой Девы. Очевидно, ее немедленно куда-нибудь убрали или уничтожили.

ПОХИТИТЕЛИ НЕВЕСТ

Глава 1

БОГАТАЯ СВАДЬБА

В Н-ской столичной церкви заканчивались спешные приготовления к богатому венчанию.

Одни служители расстилали нарядный, но довольно потертый ковер, другие устанавливали аналой, осматривали паникадило, люстры, смахивали пыль, что-то чистили тряпками.

— Старайся, Егор, сегодня, кажись, нам хорошо перепадет! — вполголоса говорил один сторож другому.

— Неужто очень уж богатые?

— Чего богаче: миллионы венчаться будут. Невеста — первешняя богачиха, единственная дочка купца первой гильдии Сметанина, жених тоже страшный богач будет, сын купца Русанова. Вот и выходит, что миллионы на миллионы пойдут.

Это известие окрылило Егора. Мысль о щедрых чаевых утроила его старание, и он с каким-то зверским удовольствием плевал на тряпку и обтирал ею перила и карнизы иконостасов.

На клиросе уже толпились певчие в парадном одеянии. Регент особенно суетился и волновался.

— Вы, Колюченко, кажется, опять уже «того»? Успели уже, насвистались? Эх, что с вами делать!.. Сегодня ведь трудный концерт предстоит.

В голосе регента слышалась укоризна.

— Не беспокойтесь, Иван Елпамидонтович, как вам известно, октаве необходимо подкрепление. Какая же мыслима октава без водки? Конфуз один выйдет... А я вот как гряну: «Гря-а-ди, гряди, голубица!..»

И он грянул, действительно, так, что у регента выпал из рук камертон, а долгоязыый сторож вздрогнул и чуть не выругался.

В церкви были уже и батюшка, и отец дьякон.

— Хорошая свадьба! — убежденно крякал отец дьякон.

— Душеспасительная... — соглашался батюшка.

Кое-кто из публики, толпившейся около церкви, проник внутрь. Это поставило в тупик церковный причт. Как отнестись к этому? Пускать любопытных в церковь или не пускать?

— Распоряжений особых не было... Стало быть, можно... — решил батюшка. — Как в храм Божий не пускать людей?

Любопытные заполнили всю церковь.

К ней уже начали съезжаться приглашенные на церемонию венчания. То и дело подкатывали экипажи, из которых выходили именитые петербургские купцы и купчихи, разодетые в шелка и бархат, сверкающие драгоценными камнями.

Высадив своих богатых владельцев, экипажи отъезжали в сторону.

Сквозь узкий проход между двух стен толпы зевак проходила вереница свадебных гостей. Церковный староста, видя, что любопытных прибывает все больше и больше, крикнул сторожам:

— Протяните канаты! Живо, живо!

Шумит, волнуется, судачит и злословит толпа.

Наконец из роскошной кареты вышел жених, окруженный щегольскими шаферами, под руку с посаженным отцом.

— Ах, молодой, красивый! — заволновалась толпа.

— И такой миллионщик!

В церкви уже зажжены люстры, паникадило, вся она сверкает морем огня. Блеск свечей переливается в бриллиантах нарядных дам и девиц богатого купеческого сословия.

Теперь началось ожидание невесты. Любопытство и нетерпение толпы достигло крайнего напряжения.

Глава 2

ПРЕРВАННОЕ ВЕНЧАНИЕ

Невеста с усами

Почти одновременно к церкви подъехали две кареты, запряженные дивными рысаками. Из первой кареты вышла невеста, окруженная «подругами», вторая карета отъехала в сторону.

Те, кто ожидал прибытия невесты, чтобы посмотреть, какова она, были жестоко разочарованы: из-под плотного шелкового тюля-газа фаты лица совсем не было видно. К тому же невеста не отнимала от лица кружевного платка.

— Что это она так закрылась?

— Стыдится, может...

— Да чего ей стыдиться-то? Говорят, красавица писаная.

В сопровождении посаженной матери, рыхлой купчихи в богатейшем наряде, невеста вошла в храм.

Навстречу ей спешил жених, кудрявый молодой человек во фраке, с глупой, бараньей физиономией.

— Дорогая... — тихо шепнул он невесте.

— Гря-а-ди, гряди, голубица! — грянул хор приветствие.

На одну секунду невеста остановилась, вздрогнула, словно страшась идти дальше, но потом, очевидно взяв себя в руки, под руку с женихом направилась к аналою.

— Что это она платок держит у лица? Плачет, что ли?

— А как же не плакать, последний девичий денек, чай!

Сотни жадных, любопытных глаз устремлены на пару, которую сейчас будут венчать.

Священник, мягко, ласково улыбаясь, встречает жениха и невесту, ставит их у аналая. Шафера занимают свои места за женихом и невестой. Заливаются тенора, гудит октава. «Гря-а-ди, гряди, голубица!..»

Венчание началось. Но не успел священник произнести несколько слов, как вдруг церковь огласилась безумно-страшным криком жениха:

— Господи, что это?!

Храм вздрогнул. Все как один человек направили свои взоры на венчающихся, и то, что они увидели, заставило их испустить возгласы, полные не меньшего страха и изумления:

— Глядите! Глядите! Что это такое?

Невеста стояла, откинув с лица венчальную фату.

— Усы! Мужчина!

Батюшка отшатнулся. Жених окаменел. На лице невесты красовались весьма изрядные усы!

— Что это?.. Кто это?.. — бормотал жених, бледный как полотно, с выпученными глазами.

Пользуясь общей паникой, вернее, общим оцепенением, невеста с усами быстро направилась к выходу.

В «сеньях» храма к ней бросилась высокая мужская фигура, закутанная в широкий плащ, и подхватила невесту на руки.

— Скорее! Моя! Моя! — прозвучал громкий ликующий голос.

Все шарахнулись в стороны.

Держа невесту на руках, похититель выбежал на паперть, сбегал по ступенькам и крикнул:

— Семен, давай!

Лихо подкатила карета, похититель со своей добычей вскочил в нее, и она скрылась за углом.

* * *

Когда столбняк, овладевший всеми, прошел, началось неопишное.

— Что же это такое? — дрожащим голосом спросил донельзя пораженный священник, обращаясь к жениху, окруженному толпой родственников и знакомых, как его, так и невесты.

Тот бессмысленно хватался за голову и вдруг бросился к посаженной матери невесты.

— Как же это так? Кого вы привезли?!
За ним наступал и его посаженный отец.
— Стыд! Позор! Бесчестие! Кого вы привезли, матушка?
— Как кого? — лепетала обезумевшая от всего происшедшего посаженная мать. — Глашеньку Сметанину...
— Это с усами-то? Это у Глашеньки в одну ночь усы выросли? Да это бунт, заговор!
Купчиха упала в обморок.
Общая паника все усиливалась.
Жених ломал в отчаянии руки и громко рыдал. Его утешали шафера, родственники, знакомые.
Батюшка уныло смотрел на дьякона.
— Тридцать пять лет священствую, а такого «чуда» не видавал... — сокрушенно бормотал он.
— Что говорить, «душеспасительная» свадьба, отец Александр, как вы соизволили ее назвать... — насмешливо отвечал дьякон.
К вечеру весь Петербург кричал о необыкновенном приключении с венчанием двух отпрысков известнейших миллионеров-купцов.

Глава 3

«ОТЫЩИТЕ НЕВЕСТУ, ГОСПОДИН ПУТИЛИН»

Было около девяти часов вечера. Я сидел у Путилина в его служебном кабинете, обсуждая необычайное происшествие в Н-ской церкви.

— Хочешь держать пари, доктор, что они явятся ко мне? — улыбаясь, спросил Иван Дмитриевич.

— Кто «они»?

— Ну, потерпевшие, конечно... Честное слово, будь я на их месте, я так бы и поступил!

— Ты говоришь о трагическом венчании?

Путилин улыбнулся еще шире.

— Трагическом... Ах, доктор, как ты любишь сгущать краски. По-моему, тут гораздо более комического, чем трагического.

— Но ведь это необычайно, как хочешь...

— Совершенно верно. И наперед скажу тебе — дело это очень трудное, но не мрачное...

— Иван Дмитриевич! — вырвалось у меня. — Неужели уже все разгадал?

В дверь кабинета постучали.

— Ваше превосходительство, вас желают видеть...

— Господа Русановы? — спокойно спросил сыщик.

— Да-с... — удивленно ответил дежурный агент.

— Пусть войдут.

В кабинет вошли два посетителя, один — уже старик, красивый, важный, упитанный, другой — молодой человек в пиджаке, с глупым, бараньим лицом.

— Господа Русановы? — обратился к ним Путилин.

— Да-с, ваше превосходительство... — ответил старик.

— Прошу покорно. По делу неудачного венчания?

Миллионер Русанов-отец удивленно вскинул глаза.

— А вы... вы уже знаете?..

— Я, голубчик, начальник сыскной полиции, поэтому я все должен знать.

И, повернувшись к молодому человеку, неудачливому жениху, шутливо проговорил:

— Эх, молодой человек, молодой человек! Нехорошо... Из рук невесту выпустили! Проворонили!..

Молодой Русанов густо покраснел, с досадой мотая кудрявой бараньей головой.

— Как же-с... Помилуйте...

— Усов испугались? Подумаешь какая невидаль!

— Как, ваше превосходительство! — в один голос воскликнули Русановы. — Вы находите удивительным, что у девушки вдруг под венцом выросли большие усы?!

— Совершенно верно, ровно ничего удивительного не вижу в этом... — бесстрастно, с улыбкой ответил мой друг.

Посетители в сильном изумлении уставились на Путилина.

— Вы как это, всерьез или в шутку, ваше превосходительство? — В голосе старика миллионера послышалась досада.

— Я не имею обыкновения шутить, любезный господин Русанов. Ну-с, в чем дело? Невеста вашего сына, дочь купца первой гильдии Аглая Сметанина, действительно исчезла. Вы, конечно, из церкви бросились в дом ее родителей, что вы там узнали?

— Да-с, поехали туда... С матерью дурно сделалось. Отец волосы на себе рвет. А узнали мы, что Аглая честь честью отбыла из дома с подружками и посаженной матерью в карете в церковь. А вот что дальше произошло — это непостижимо...

— Усов у вашей невесты не было? — повернулся Путилин к жениху.

— Что вы-с, помилуйте... Да ежели бы у нее были усы, разве я предложил бы ей руку и сердце? Слава Богу, мы и безусых девиц при нашем капитале найдем сколько угодно.

— Итак, невеста вашего сына бесследно исчезла? И вы желаете...

— Чтобы вы, ваше превосходительство, помогли нашему горю, распутали эту необыкновенную историю.

— Вы никаких особых подозрений не имеете?

Старик миллионер взглянул на сына.

— Ты как, Васенька, ничего не примечал? А?

Васенька отрицательно покачал головой.

— Ничего-с особенного-с...

— Она была влюблена в вас, ваша невеста?

— Как сказать-с... Девушки конфузятся высказывать свои чувства...

Раздался стук в дверь.

— Входите! — крикнул Путилин.

В кабинет бомбой влетела толстая купчиха, расфранченная, но со шляпой, съехавшей набок. За ней еле поспевал помощник Путилина.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!.. — завопила она.

— Ради Бога! Что такое, что случилось? — спросил Путилин.

— Украли! Выкрали!

— Что украли? Да вы успокойтесь, сударыня, придите в себя, объясните толком.

— Как я приду в себя, когда я из себя вон вышла?! — еще громче завопила купчиха, бросаясь в кресло.

— В чем дело, Виноградов?

— Почти одинаковый случай. Сейчас у госпожи Сосипатровой исчезла дочь-невеста. Выкрадена из кареты во время следования к венцу в церковь Спаса.

— Что?! — вскочил старик Русанов. — Слава те, Господи!

В голосе миллионера слышалось ликование. Он даже размашисто перекрестился.

Это неожиданное восклицание привело в ярость прибывшую купчиху, бросившуюся, как разъяренная тигрица, к Русанову.

— Как?! — взвизгнула она. — Что это вы сказали, батюшка? Слава Богу? Это — слава Богу, что у меня дочь из-под венца похитили? Да как вы, старый пес. .

— Именно, слава Богу! Потому, значит, не я один в конфузе, что у моего сына невесту украли, — с чувством удовлетворенного купеческого самолюбия произнес Русанов.

Путилину пришлось вмешаться, чтобы прекратить перебранку взволнованных родителей.

— Что произошло?

— А то, господин начальник, что, когда ехала карета с моей дочерью-невестой, вдруг поравнялась с ней другая. Не успели опомниться посаженная мать и шаферицы, как дверца той кареты распахнулась, в нашу карету впрыгнул злодей и, схватив на руки мою дочь, исчез.

— С кем должна была венчаться ваша дочь?

— С откупщиком К-вым, — всхлипнула купчиха.

— Хорошо, господа, я сделаю все, что могу, чтобы найти похитителей ваших невест.

Когда мы остались одни, Путилин шутливо спросил меня:

— Скажи, доктор, медицина не знает таких случаев, когда у барышень вдруг моментально вырастают усы?

— До сих пор, мой друг, таких чудес не бывало.

— Однако видишь — чудеса существуют.

Путилин погрузился в продолжительное раздумье.

— Помилуй Бог, забавный случай! — вдруг оживленно воскликнул он.

— Ты считаешь это дело серьезным?

— Смотря в каком смысле. Если насчет крови и убийства, этого в данных случаях не имеется, но сами по себе похищения совершены ловко, и, может быть, не так-то легко будет их раскрыть.

Глава 4

НАЧАЛО «КРИВОЙ» ПУТИЛИНА

В доме Сметанина, отца невесты с усами, нас встретили не особенно приветливо.

Мать невесты слегла в постель, отец был темнее тучи. Он рвал и метал, рыча аки лев...

— Вот дочку вашу хочу попытаться разыскать, любезный господин Сметанин... — проговорил Путилин.

— Чувствительно благодарен, а только можно бы и без этого обойтись, — угрюмо ответил старый купец.

— Как?! Вы не хотите отыскать свою дочь?

— Совершенно верно, особого желания не имею.

— Почему же?

— А потому, ваше превосходительство, куда же она годится после такого сраму? На всю столицу ослабилась и фамилию мою обесчестила.

— Ну, какое тут бесчестие... — утешил «миллионщика» Путилин. — Меня вот Русанов-старик просил отыскать невесту его сына, вашу дочь.

— Да ну? Неужто? Значит, не вполне прогневался?

В голосе Сметанина послышалась радость.

— Да ведь я бы и вам рекомендовал подождать гневаться на вашу исчезнувшую дочь. А что, если в этой необыкновенной оказии скрывается преступление?

Купец побледнел.

— А именно?

— А то, что вашу дочь могла похитить какая-нибудь банда негодяев. Знаете ли вы, что произошло почти одновременно с исчезновением вашей дочери?

И Путилин поведал ошеломленному миллионеру о похищении дочери-невесты купчихи Сосипатровой.

— И у нее! Что же... что же это такое, ваше превосходительство?

— А вот это-то и надо расследовать.

— Явите такую милость! Вовеки благодарен буду.

— Где комната вашей дочери? Надо ее осмотреть.

Сметанин провел нас через комнаты, убранные с поражающей купеческой роскошью.

— Вот ее комнаты, ваше превосходительство.

Они, как и все жилые помещения тогдашнего купечества, были меблированы очень просто.

На диване, на стульях, на креслах — всюду в беспорядке валялись различные принадлежности женского туалета.

— С момента одевания вашей дочери к венцу эта комната не прибиралась? — спросил Путилин.

— Нет, до того ли было? Это страшное известие как громом поразило нас всех...

— Вы не помните, в каком платье была ваша дочь до венчального наряда?

Сметанин развел руками.

— Ей-Богу, не упомяну. Все из головы вышибло!

— Скажите, кто прислуживает вашей дочери?

— Девушка, Паша.

— Она, то есть ваша дочь, хорошо к ней относится? Любит ее?

— О да! Моя дочь не гордячка, добрая, приветливая, так уж воспитана.

— Пригласите эту девушку сюда.

Через несколько минут перед нами стояла хорошенькая девушка с бойким, плутоватым лицом, несколько смущенным.

— Вы слышали, милая, какое несчастье приключилось с вашей барышней? Ее похитили из-под венца.

— Да-с, слышала, — не поднимая глаз, пролепетала она.

— Вам жалко барышню?

На еле уловимый миг в лукавых глазенках горничной промелькнул какой-то огонек.

— Очень-с!

— А ведь она нашлась! — вдруг быстро выпалил Путилин.

— Да неужто? — отпрянула девушка, и в ее возгласе было больше испуга, чем радости.

Путилин усмехнулся.

— Ну-с, милая, а теперь покажите, в каком платье была ваша барышня до одевания в подвенечный наряд. В этом?

Он взял с кресла тонкое батистовое платье.

— Ах нет, не в этом! Позвольте мне это... Я уберу... Тут такой беспорядок... — в сильном смущении залепетала горничная.

— Теперь можете идти! — властно приказал Путилин.

Растерянный взгляд, и девушка ушла.

В платье Путилин отыскивал карман.

— Помилуй Бог, чего только не приходится делать! — шутливо бросил он нам.

Через несколько секунд в его руках оказалась розовая бумажка. Он подошел к окну и углубился в чтение.

— Вы что-то нашли, ваше превосходительство? — спросил Сметанин.

— Так, пустяки... А вот вы лучше скажите: ваша дочь шла под венец с Русановым не по любви?

— Как сказать... Она плакала, просила пообождать со свадьбой, но перед моей волей смирилась. У нас, в купечестве, еще, слава Богу, дети отцов слушаются...

— И пропадают, как пропала ваша дочь? — насмешливо бросил Путилин.

Миллионера-купца передернуло.

— Так что, ваше...

— Так что, любезный господин Сметанин, дочь вашу я поищу и, быть может, найду, но что она не будет женой Русанова — в этом я могу вам поручиться.

— Это-с почему?

— Потому. Пока — прощайте. Лишь только что узнаю, скажу вам.

Путилин сухо попрощался с хозяином дома, и мы уехали. Сидя в коляске, Иван Дмитриевич раздраженно заметил:

— Экие мастодонты каменного века! Сами калечат жизнь, счастье своих детей и сами же первые поют Лазаря.

— Ты что-нибудь узнал, Иван Дмитриевич?

— Только то, что я и предполагал. Но где находится эта красавица Глашенька, я не знаю, доктор.

— А как же с делом Сосипатровой?

— Видишь ли, если моя «кривая» не обманет меня в этом деле, то она вполне приложима и к похищению сей купеческой дочери. Решив первое уравнение, мы быстро решим и второе.

Глава 5

НЕОБЫЧАЙНОЕ НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Около двенадцати часов ночи я услышал знакомый звонок.

«Неужто Иван Дмитриевич? — радостно подумал я. — Верно, случилось что-нибудь новое, экстренное».

Не успел я выскочить из спальни, смежной с моим приемным кабинетом, как в него вошел, громко звеня шпорами и пристукивая саблей, гусарский полковник.

Я попятился.

— Что вам угодно? — в чрезвычайном удивлении спросил я.

— Попросить вас, доктор, немедленно одеваться, чтобы следовать вместе со мной.

С нами крестная сила. Голос-то Путилина!

— Иван Дмитриевич, да неужто это ты?

Путилин — это был он — громко расхохотался.

— Что, удивлен? Таким ты еще меня никогда не видел?

— Черт знает что такое... Ты, кажется, твердо решил сводить меня с ума своими сюрпризами...

— Однако живо, живо! Нам нельзя терять времени, доктор! Мы должны ехать.

— Куда?
— Далеко. В Колпино.
— Что? В Колпино? Сейчас? Ночью? Зачем? Да сейчас уже и поезда нет.

Моему изумлению не было границ.

— Когда ты только избавишься от этой постоянной привычки засыпать меня вопросами? А как мы доберемся туда, не беспокоя: нас ожидает лихая тройка.

Через несколько минут мы уже находились в коляске.

— Ну, лихо валяй, Николай! — возбужденно крикнул кучеру мой друг.

По его голосу я понял, что он находится в отличном состоянии духа, какое у него бывает всегда, когда он нападает на верный след.

Признаюсь, меня разбирало сильное любопытство. «Что за история? Зачем мы ночью катим в Колпино?» Но, наученный горьким опытом, я знал, что все расспросы бесполезны до тех пор, пока мой друг сам не сочтет нужным объясниться. Я только кряхтел, ожесточенно курия сигару.

— Любопытно? — вдруг спросил Путилин, лукаво поглядывая на меня.

— Ничуть... — с притворным равнодушием ответил я.

— Ой, врешь, доктор! — тихо рассмеялся он. — Вижу по тому, как ты дымишь сигарой. Признайся, что моя форма тебя смущает.

— Отчасти...

— С чего, дескать, Иван Дмитриевич обратился в гусарского полковника? Правда?

— Правда.

— Ну, так знай, что я тебе еще и не такой сюрприз приготовил. Знаешь ли ты, куда и зачем мы едем?

— Понятия не имею, за исключением того, что мы едем в Колпино.

— Мы... — Путилин сделал паузу. — Мы едем в церковь венчаться с тобой.

Как ни был я искушен всевозможными трюками сыщика, я не поверил своим ушам.

— Что такое? Венчаться? Мы с тобой?!

— Венчаться. Мы с тобой. Вот в этом чемодане твой подвенечный наряд.

Я не мог выговорить ни слова от изумления.

— Ты шутишь?

— Нимало, — ответил Путилин, раскрывая чемодан и вынимая из него белое платье, белые туфли, фату, флердоранж. — Помилуй Бог, если в фешенебельной петербургской церкви могла венчаться купеческая дочь с гусарскими усами, то почему в скромной колпинской церкви не может случиться такая оказия? Прошу покорно, доктор, скинуть с себя все, что полагается, и облачиться в наряд невинной голубицы.

— Иван Дмитриевич, не рехнулся ли ты? — воскликнул я.

Путилин передернул плечами.

— Честное слово, доктор, ты заставляешь меня сожалеть, что вместо тебя я не взял с собой мою агентшу. Но я хотел доставить тебе удовольствие... Ну-ну, мой друг, облачайся...

Не прошло и пяти минут, как рядом с Путилиным сидела невеста, не скажу, чтобы очень изящная.

— Скорей! Потрогивай, Николай! — покрикивал на кучера Путилин.

Мы ехали по шоссе, тянувшемуся рядом с полотном железной дороги. Душная июньская ночь, когда еще заря с зарей сходится, кончалась. Вот-вот должно было появиться солнце во всем своем сверкающем великолепии.

— Что же я должен делать? — обратился я к моему «жениху».

— Молчать. Остальное предоставь мне, — невозмутимо ответил Путилин.

Мы подъехали к Колпино.

Глава 6

В ГОСТЯХ У КОЛПИНСКОГО СВЯЩЕННИКА

Колпино в то время было совсем маленьким, глухим посадом с церковью, с небольшими деревянными домишками, пользовавшимися недоброй репутацией. Несколько раз там обнаруживались тайные притоны фальшивомонетчиков, воров-рецидивистов и даже убийц.

Когда мы въехали в него, посад еще спал. Ни души, ни звука. Даже собаки не лаяли.

— К дому священника, около церкви! — отдал Путилин приказ кучеру.

Мы проехали несколькими узкими улицами, если только эти закоулки между домишками можно так назвать, и остановились около одноэтажного деревянного домика, потонувшего в зелени сада.

— Ну-с, вот мы и приехали, — пробормотал мой друг. — Теперь прошу тебя опустить вуаль на лицо и не произносить ни слова.

Он вылез из коляски.

— А я?

— Пока погоди.

Подойдя к высокому крылечку и поднявшись по его ступеням, Путилин постучал в дверь.

В саду неистово залаяли собаки.

— Кто там? — раздался недовольный женский голос.

— К батюшке приехали... — ответил Путилин.

— Да кто вы будете?

— Отворите, тогда увидите.

— Как бы не так! А если вы разбойники?

— А вы сами кто будете?

— Я матушка попадья.

— Так вы вот что, матушка: пойдите к вашему супругу... Он спит?

— Почивает.

— Будите его скорей, скажите, что из Петербурга гусар приехал с барышней. Он знает, по какому делу.

Но будить батюшку не пришлось. Очевидно, он или кого-нибудь поджидал, или же сон его был очень чуток.

Дверь распахнулась.

— Иди-иди, не твоего ума тут дело, — бросил старенький священник своей попадье.

Та, однако, терзаемая, по-видимому, острейшим любопытством, выглянула и всплеснула руками.

— Военный! Невеста! Батюшки святы!

И быстро скрылась.

На лице священника, вышедшего в одном подряснике, при виде Путилина изобразилось некоторое недоумение.

— Ну, вот, батюшка, доставил вам невесту. Позвольте представиться: однополчанин нашего друга, полковник Путилин.

— Весьма приятно-с... Польщен честью. Изволили сказать — Путилин? Не родственник ли нашему знаменитому начальнику сыскальной полиции Ивану Дмитриевичу Путилину?

Путилин усмехнулся.

— Нет-с, батюшка, не состою в родстве.

Несмотря на все мое необычайное положение в роли и костюме невесты, я еле удержался от смеха.

— Простите уж великодушно, что стою перед вами в столь неприглядном виде, — пробормотал старый иерей. — А скажите, какую же из двух невест изволили вы привезти?

— Как какую из двух? — в сильнейшем изумлении вырвалось у Путилина.

— Так-с. Ведь сейчас двух будем окручивать... — улыбнулся старик.

Путилин провел рукой по лбу — этот жест появлялся у него всякий раз, когда его что-либо сильно озадачивало — и вдруг громко рассмеялся.

— Невесту первого обратившегося к вам, батюшка!

Хохот Путилина был настолько заразительным, что и батюшка тихо рассмеялся.

— Девицу Сметанину, значит? Ах, бедокуры вы, бедокуры! Эдакие фортели выкидываете! Нагорит мне здорово за ваши гусарские проделки...

Путилин расхохотался еще пуще.

— Однако, батюшка, я думаю, что коляску следовало бы ввести во двор, не равно кто увидит. Хоть и рано еще, а вдруг кто проснется.

— Верно-верно, — смущенно залепетал иерей. — А невестушка?

— Я ее сейчас высажу, и мы подождем вас здесь, у крылечка.
— А в горницы? Милости просим в горницы...
— Нет, не беспокойтесь. Мой друг ведь говорил вам, когда мы приедем? Когда назначено венчание?
— Да часов в пять утра, а может быть, и раньше. Они ведь, как вам известно, вместе приедут.
— Да-да... Но он просил меня прямо привести невесту в церковь. Уж вы будьте добры, батюшка, одевайтесь скорее. Времени терять нельзя.
— Да-да... Сейчас... Сию минуту... Ах, Господи...
Путилин подошел ко мне, помог высадиться из коляски и накиннул на меня шинель.
— Въезжай в ворота! — отдал он приказ кучеру. — Сейчас их откроют.
— Иван Дмитриевич, голубчик, хоть одно слово. В чем дело?
— Я ждал одно, но не ожидал другого. Помилуй Бог, вот неожиданность — погонишься за одним зайцем, а поймаете двух!
Ворота распахнулись, коляска въехала во двор.
На пороге домика появился священник с дряхлым стариком в подряснике.
— А это пономарь — псаломщик мой. Пожалуйте!

Глава 7

В ЦЕРКВИ, В ОЖИДАНИИ СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА

— Ну, Кузя, отворяй с Богом!
Кузя, которому было лет за семьдесят, отпер большой замок на железной двери, раскрыл ее, и мы вошли внутрь церкви. Миром и покоем, святой тишиной повеяло на нас.
Церковь была маленькая, бедная. Тут не сверкали золотом и драгоценными камнями ризы икон, тут не было нарядных ковров, серебряных паникадил... Но зато тут была масса воздуха, света. Лучи солнца врывались через окна и заливали храм золотыми потоками.
— Ну, Кузя, готовься, — обратился к псаломщику батюшка.
Путилин посмотрел на часы.
— Да, теперь надо скоро ожидать.
— Мне-то недолго облачиться... Скажите, барышня, вы, конечно, по доброй воле идете под венец? — вдруг обратился ко мне старый священник.
Я, твердо памятуя приказание моего друга, молчал.
— Вы не удивляйтесь, батюшка, что невеста молчит. Сами понимаете — волнение, тревога, утомление... А только Сметанина идет, безусловно, по доброй воле. Да, впрочем, кто же таким романтическим образом, уводом, венчается не по любви?

— Это вы точно сказали, господин полковник, — мягко, тихо рассмеялся старый батюшка. — А вы, извините, как полагаете, почему я решился на такое венчание?

— Чрезвычайно добро и любезно с вашей стороны, хотя и рискованно... — пробормотал Путилин.

— Вы, может, полагаете, что я на деньги польстился? Нет, полковник, из-за денег я не пошел бы на это дело. А вот случай был со мной один в моей долгой священнической службе.

Лицо симпатичного иерея омрачилось.

— Какой же случай, батюшка?

— А такой, извольте видеть. Вот как бы теперь, к примеру сказать, обратился ко мне один молодой человек. «Повенчайте, — говорит, — ради Бога, нас, батюшка, без бумаг невесты. Свадьба, — говорит, — уводом. Мы любим друг друга, а родители невесту мою за другого прочат». Я наотрез отказался. «Ни за что, — говорю, — нипочем!» Он аж в слезу. «Что ж, — говорит, — нам делать? Так взять ее жить — ее только ославишь, сраму предашь. Ждать — за другого волоком потащат в церковь. С деньгами да бумагами в порядке кто же не окрутит?» Так я и отказался.

Ушел мой бедный молодой человек, а через неделю я в газете прочитал, что он застрелился.

Поверите ли, оторопь, жуть, тоска взяла меня. Мой, думаю, грех. Повенчай я их, ничего бы этого не случилось. Долго я мучился да и решил, что, ежели ко мне когда кто иной еще обратится с такой же просьбой, уважить сию просьбу, обвенчать.

И вот-с, спустя столько-то лет, случай и выходит с вашими знакомыми. Я даже обрадовался — грех старый сниму с души. А денег мне не надо, нам со старухой моей жить немного осталось, хватит...

Путилин, человек чрезвычайно добрый, чувствительный, был растроган рассказом старого священника и с чувством пожал ему руку.

— Вот какие светлые личности попадают среди духовенства, — бросил он мне. — Позвольте, я слышу топот лошадей. Кажется, едут.

— И то, и то! — засуетился батюшка. — Что ж, пойду встречу бедоуров!

И с этими словами он засеменял старческими ногами к выходу из храма.

Глава 8

ТРИ НЕВЕСТЫ И... ДВА ЖЕНИХА

Путилин, схватив меня за руку, потянул назад, шепнув:

— Тут вот выступ притвора, спрячемся здесь. Любопытно послушать их объяснение. Играть комедию, так до конца!

Не прошло и нескольких минут, как послышались шаги, звон шпор и раздались голоса:

— Ну, батюшка, вот и мы!

И вслед за этим веселым, звучным мужским голосом раздался трясущийся, вздрагивающий голос батюшки:

— Позвольте, а кто же эта девица в подвенечном уборе?

— Как кто? Моя невеста, батюшка! — удивленно воскликнул другой мужской голос.

— Как-с ваша невеста? — заикнулся старый священник.

— Очень просто: моя невеста. Да что с вами, батюшка?

— Позвольте, сколько же невест-то всего? Три, значит?

Голос священника дрожал. В нем слышалось не только изумление, но и испуг.

— Как три? Откуда вы взяли третью? Вот моя невеста, вот невеста моего приятеля. Вы простите меня, батюшка, я вас не понимаю.

В голосе офицера звучало несказанное удивление.

— Нет-с, вы уж дозвоьте мне вас не понять! — взволновался старый иерей. — Я еще, по милости Божьей, из ума не выжил и до трех считать не разучился, и трех невест на двух женихах повенчать никак не могу-с!

— Il est devenu fou! Он сошел с ума! — с отчаянием в голосе по-французски воскликнул один из прибывших.

— Эта невеста — раз, та невеста — два, а эта девица — уже три. Как ни считайте, выходит три.

— Да какая та невеста? О ком вы говорите? — звякнули шпоры.

— Та-с, которая приехала сейчас с вашим приятелем. Ваша невеста.

— Что?! Что такое?! Моя невеста приехала с моим приятелем?! Да вы... вы, извините, с ума сошли, батюшка! Вот моя невеста, она стоит перед вами!

— Коля, ради Бога, что это значит? — послышался испуганный женский голос.

— Да, с вашим приятелем, Путилиным... Девица Сметанина... — продолжал батюшка.

— С Путилиным?! — послышались испуганные возгласы.

— Да-с!

— С каким Путилиным?

— С полковником гусарским...

— Нет, батюшка, вы ошибаетесь, не с гусарским полковником, а с начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции! — громко проговорил Путилин, выходя из укрытия.

Его внезапное появление было подобно неожиданному удару грома.

Барышни пошатнулись и, наверное, упали бы, если бы их не подхватили офицеры. Бедняга священник остоленел.

Первым опомнился высокий, стройный офицер. Он сделал шаг к Путилину и гневно крикнул:

— Что это за мистификация, что за маскарад? Кто вы, милостивый государь, и по какому праву вы одеты в этот мундир?

— Кто я, вы уже слышали. А по какому праву я в мундире, я не обязан вам давать ответа. Я имею право наряжаться так, как мне угодно для пользы дела. А вот мне было бы интересно знать, по какому праву вы изволили облачиться в какой-то плащ, ворваться в церковь и похитить невесту... с усами? — отчеканил сыщик.

Офицер растерялся, опешил.

— Так как вы предпочитаете невест с усами, господин Неведомский, то я и захватил с собой для вас таковую.

С этими словами Путилин вывел меня за руку и сорвал вуаль с моего лица, которое в эту минуту выглядело, по всей вероятности, весьма глупо.

— Рекомендую — девица Сметанина, ваша невеста с усами и даже с бородой!

Нет слов описать выражение лиц нашей группы, того столбняка, который овладел всеми, за исключением меня и Путилина.

— Ну-с, господа, что же мы будем теперь делать? Как мне прикажете поступить с вами? По закону я могу вас не арестовывать, — обратился Путилин к офицерам, — так как это дело вашего военного начальства... Но ваших невест я обязан арестовать вследствие заявлений их родителей.

Обе невесты заплакали.

— И вы это сделаете? — вырвалось у обоих женихов.

— Я обязан.

— Честное слово, мы этого не допустим!

— Вы окажете сопротивление? Не забывайте, господа, что это уже явится тяжким преступлением, за которое вас по головке не погладят.

Взбешенные офицеры были блее полотна.

И вдруг, к моему глубокому удивлению, Путилин громко и весело расхохотался.

— Вы еще смеетесь?! — рванулся один из женихов, Неведомский.

— Ну да! И знаете почему? Потому что я нашел счастливый выход для всех вас.

— Какой?

— У вас шаферов нет?

— Вы продолжаете издеваться, господин Путилин?

— Я вас спрашиваю, у вас шаферов нет?

— Нет.

— Ну, так вот, позвольте нам с доктором заменить их вам. Живо к аналою, господа, живо! Батюшка, пожалуйста!

— Как-с? Венчать?! — пролепетал все еще не пришедший в себя священник.

Оба офицера радостно бросились к Путилину и схватили его руки.

— Господин Путилин! Да неужто? Вы не шутите?

— Да что же с вами поделаешь теперь? Не везде же найдется такой добрый, милый батюшка. Бог с вами, но только помните, что о моем шаферстве — никому. А то мне дадут по шапке.

Оба офицера чуть не задушили моего друга в своих медвежьих объятиях.

— Ну-ну, довольно, пустите! А знаете ли вы, что из-за вас Путилин первый раз в своей жизни оскандалился?

— Как так?

— Очень просто. Родителям ваших невест я обещал разыскать сих барышень и вернуть их им.

— Да ведь вы и разыскали! — радостно-возбужденно ответил офицер.

— Разыскать-то разыскал, да вернуть-то их я уже не смогу. Теперь это уже ваше дело будет...

Через несколько минут у аналоя началось необычайное венчание первой пары. Шафером был Путилин, выследивший и накрывший «преступников-похитителей»!

Так же повенчали и вторую пару.

* * *

После венчания Путилина окружили и пристали к нему с расспросами.

— Иван Дмитриевич, дорогой, как это вы унюхали?

— По обстановке я решил сразу, что похищение романтического свойства, по дерзкой смелости и отваге предположил, что сделано это людьми военными. У вас, молодая моя красавица, в кармане вашей юбочки я записку нашел. Ах, какая вы неосторожная барынька! Разве можно такие записки не уничтожать? Ай-ай-ай!

Путилин вынул розовый листок бумаги и прочел: «Голубка моя! Посылаю тебе наши гусарские усы. Другого выхода нет, следят за тобой так, что выкрасть тебя можно только из церкви. Поступи, как я тебя учил. Пробудешь немного у меня, потом поедem в Кол. Священник согласился. Целую тебя, твой *Владимир Н.*».

«Молодая» закрыла лицо руками.

— Ну-с, имея в руках сие, остальное узнать было не так трудно... — весело смеялся Путилин. — А вот вас тут захватить я не ожидал, — обратился он к другой повенчанной паре. — Я пока выследил ваших друзей, а на вас еще только точил зубы.

КВАЗИМОДО ЦЕРКВИ СПАСА НА СЕННОЙ

Труп на паперти

Было около десяти часов утра.

Я, в шлафроке, сидел за кофе, как вдруг раздался звонок, и в переднюю торопливо вошел любимый сторож-курьер Путилина.

— От Ивана Дмитриевича спешное письмецо! — подал он мне знакомый синий конвертик.

Я быстро распечатал его и пробежал глазами записку.

В ней стояло: «Дружище, приезжай немедленно, если хочешь присутствовать при самом начале нового, необычайного происшествия. Дело, кажется, не из обычных. Твой Путилин».

Нечего и говорить, что через несколько минут я уже мчался на моей гневной лошадке к своему гениальному другу.

— Что такое? — ураганом ворвался я в кабинет Путилина.

Путилин был уже готов к отъезду.

— Едем. Некогда объяснять Все распоряжения сделаны?

— Все, ваше превосходительство! — ответил дежурный агент.

— На Сенную! — отрывисто бросил Путилин кучеру.

Дорогой, правда недалей, Путилин не проронил ни слова. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Лишь только мы выехали на Сенную, мне бросилась в глаза огромная черная толпа, запрудившая площадь. Особенно плотной была она у церкви Спаса.

— К церкви! — отдал отрывистый приказ Путилин.

— Па-а-ди! Па-а-ди! — громко кричал кучер.

Проехать сквозь эту живую стену, однако, было не так-то легко. Того гляди — кого-нибудь задавишь.

Но чины полиции, заметив Путилина, принялись энергично расчищать путь нашей коляске.

— Осади назад! Назад подайся! Что вы, черти, прямо под лошадей прете? Расходитесь.

«Что случилось?» — стояла передо мной загадка.

Мы остановились, вылезли из коляски. Толпа расступилась, образуя тесный проход.

Путилин быстро прошел им и остановился около темной массы, лежащей у самых ступенек паперти.

Тут же находилось несколько должностных лиц: судебный следователь, прокурор, судебный врач и другие.

— Не задержал? — здороваясь с ними, проговорил Путилин.

— Нисколько. Мы только что сами приехали.

Я подошел поближе, взглянул, и неприятно жуткий холодок пробежал по моей спине.

На мостовой, лицом кверху, лежал труп красивой молодой девушки, одетой чрезвычайно просто: в черный дипломат, в черной, смоченной кровью косынке. Откуда шла кровь — понять сначала было мудрено.

— Следственный осмотр уже произведен? — спросил я моего знакомого доктора.

— Поверхностный, конечно, коллега.

— И что вы обнаружили? — полуобернулся Путилин к полицейскому врачу.

— Девушка, очевидно, разбилась. Перелом спинного хребта, руки и ноги тоже переломаны. Картина такая, что девушка упала на мостовую с большой высоты.

Путилин поднял глаза вверх. На один момент.

— А вы не допускаете, доктор, что тут, возможно, не падение, а переезд девушки каким-нибудь ломовым, везшим огромную тяжесть? — задал вопрос судебный следователь.

Я, вместе с моим приятелем-врачом, производил осмотр трупа.

— Нет! — в один голос ответили мы. — Здесь, при этой обстановке, неудобно давать вам, господа, подробную мотивировку нашей экспертизы. Везите труп, мы еще раз осмотрим его подробно, произведем вскрытие, и тогда — всем вам будет ясно.

Толпа глухо шумела.

Народ все прибывал и прибывал. Несмотря на увещания полиции, нас страшно теснили.

В ту минуту, когда труп еще лежал на мостовой, к нему протиснулся горбун. Это был крохотного роста урод-человек.

Огромная голова, чуть не с полтуловища, над которой безобразным шатром вздымалась копна рыже-бурых волос. Небольшое, в кулачок, лицо. Один глаз был закрыт совершенно, другой — представлял собой узкую щелку, сверкавшую нестерпимым блеском. Лицо его, точно лицо скопца, было лишено какой бы то ни было растительности. Несуразно длинные, цепкие руки, одна нога — волочащаяся, другая — короткая. Огромный горб подымался выше безобразной головы.

Это подобие человека внушало страх, ужас, отвращение.

— Куда лезешь? — дал на него окрик полицейский чин.

— Ваши превосходительства, дозволейте взглянуть на упокойницу! — сильным голосом, столь мало идущим к его уродливо-тщедушной фигурке, взволнованно произнес страшный горбун.

На него никто из властей не обратил внимания.

Никто, за исключением Путилина. Он сделал знак рукой, чтобы полицейские не трогали горбуна, и, впиваясь в лицо его, мягко спросил:

— Ты не знал ли покойной, почтенный?
— Нет... — быстро ответил урод.
— Так почему же ты интересуешься поглядеть жертву?
— Так-с... любопытно... Шутка сказать: перед самой церковью и вдруг эдакое происшествие.

Путилин отдернул покрывало-холст, которым уже накрыли покойницу.

— На, смотри!

— О Господи!.. — каким-то всхлипом вырвалось из груди урод-да-горбуна.

Темно... темно...

Мы долго — с врачом-товарищем — возились над трупом.

Когда его раздевали, из-за пазухи простенькой ситцевой кофточки выпала огромная пачка кредитных билетов и процентных бумаг.

— Ого! — вырвалось у судебного следователя. — Да у бедняжки — целое состояние... Сколько здесь?

Деньги были сосчитаны. Их оказалось сорок девять тысяч семьсот рублей.

Путилин все время ходил нервно по комнате.

— Ну, господа, что вы можете сказать нам? Кто она? Что с ней?

— Девушка. Вполне целомудренная девушка. Повреждения, полученные ею, не могли произойти ни от чего иного, как только от падения со страшной высоты.

— Но лицо-то ведь цело?

— Что же из этого? При падении она грохнулась навзничь, на спину.

Путилин ничего не ответил.

Следствие закипело.

Было установлено следующее: в семь часов утра (а по другим показаниям — в шесть) прохожие подбежали к стоявшему за углом полицейскому и взволнованно сказали ему:

— Что же ты, господин хороший, не видишь, что около тебя делается?

— А что? — строго спросил тот.

— Да труп около паперти лежит!

Тот бросился и увидел исковерканную мертвую девушку.

Дали знать властям, Путилин — мне, а остальное — вы знаете. Вот и все, что было добыто предварительным следствием. Те свидетели, которые первыми увидели несчастную девушку, были подробно допрошены, но из их ясных, кратких показаний не пролился ни один луч света на это загадочное страшное дело.

Правда, один — добровольно явившийся — свидетель показал, что, проходя после поздней вечеринки по Сенной, он слышал женский крик, в котором звучал ужас.

— Но, — добавил он, — мало ли кто кричит жалобно в страшные темные петербургские ночи. Я думал, так, какая-нибудь гуляющая ночная бабенка. Много ведь их тут по ночам шляется. Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие.

— А в котором часу это было?

— Да так примерно в пять утра, а может — позже.

Весть о происшествии быстро облетела Петербург.

Толпы народа целый день ходили осматривать место страшного случая.

Целая рать самых опытных, искусных агентов, «замешавшись» в толпе, зорко приглядывалась и внимательно прислушивалась к лицам толпы и к их открытым речам.

Устали мы за этот день анафемски! С девяти часов утра и до восьми вечера были на ногах.

В девять часов мы сидели с Путилиным за ужином.

Лицо его было угрюмое, сосредоточенное. Он не притронулся к еде.

— Что ты думаешь об этом случае? — вдруг спросил он меня.

— А я, признаюсь, этот вопрос только что хотел задать тебе.

— Скажи, ты очень внимательно осмотрел труп? Неужели нет никаких знаков насилия, борьбы?

— Никаких.

— Нужно тебе сказать, дружище, — задумчиво произнес Путилин, — что этот случай я считаю одним из самых выдающихся в моей практике. Признаюсь, ни одно предварительное следствие не давало в мои руки так мало данных, как это.

— Э, Иван Дмитриевич, ты всегда начинаешь с «заупокоя», а кончаешь «засдравием»! — улыбнулся я.

— Так ты веришь, что мне удастся раскрыть это темное дело?

— Безусловно!

— Спасибо тебе. Это придает мне энергии.

— Темно... темно, — тихо бормотал он сам про себя.

Мой друг опять погрузился в раздумье.

Он что-то начал чертить указательным пальцем по столу, а затем вдруг его лицо на еле уловимый миг осветилось довольной улыбкой.

— Кто знает, может быть... да, да, да...

Я знал привычку моего друга обмениваться мыслями с самим собой и поэтому нарочно не обращал на него ни малейшего внимания.

— Да, может быть... Попытаемся!

Он встал и, подойдя ко мне, спросил:

— Хочешь следить за всеми перипетиями этого дела?

— Что за вопрос!

— Так вот, сегодня ночью тебе придется довольно рано встать. Ты не посетуешь на меня за это? И потом — ничему не удивляйся. Я, может быть, привезу тебе маленький узелок.

Я заснул как убитый, без всяких сновидений, тем сном, которым спят люди измученные, утомленные.

Меня разбудил громкий голос Путилина:

— Вставай, вот и я!

Я протер глаза и быстро вскочил с постели.

Передо мной стоял рваный золоторотец. Худые, продранные штаны. Какая-то бабья кацавейка... Вокруг шеи обмотан грязный гарусный шарф. Дико всклокоченные волосы космами спускались на сине-багровое лицо, все в синяках.

Я догадался, что передо мною — мой необыкновенный друг.

— Ступай! — отдал я приказ лакею, на лице которого застыло выражение сильнейшего недоумения.

— Постой, постой, — улыбаясь, начал Путилин, — ты не одевайся в свое платье, а вот не угодно ли тебе облачиться в то, что я привез в этом узле.

И передо мною появились какие-то грязные лохмотья вроде тех, которые были на Путилине.

— Что это?

— А теперь садись! — кратко изрек Путилин. — Позволь мне заняться твоей физиономией. Она слишком прилична для тех мест, куда мы едем...

Среди нищей братии

«Бум! Бум! Б-у-ум!» — глухо раздавался в раннем утреннем промозглом воздухе звон большого колокола Спаса на Сенной.

Это звонили к ранней обедне.

В то время ранняя обедня начиналась чуть ли не тогда, когда кричали вторые петухи.

Сквозь неясный, еле колеблющийся просвет раннего утра можно было разобрать с трудом очертания черных фигур, направляющихся к паперти церкви.

То были нищие и богомольцы.

Ворча, ругаясь, толкая друг друга, изрыгая отвратительную брань, спешили сенновские нищие и нищенки скорее занять свои места, боясь, как бы кто другой, более храбро-нахальный и сильный, не перехватил «теплого» уголка.

— О Господи! — тихо неслись шамкающие звуки беззубых ртов стариков и стариц — богомольцев, крестившихся широким крестом.

Когда Путилин и я подошли к паперти и, пройдя ее, ступили в «сени» церкви, нас окружила озлобленная рать нищих.

— Это еще что за молодчики проявились? — раздались негодующие голоса.

— Ты как, рвань полосатая, смеешь сюда лезть? — наступала на Путилина отвратительная старая мегера.

— А ты что же: откупила все места, ведьма? — сиплым голосом дал отпор Путилин.

Теперь взбеленились все.

— А ты думаешь, даром мы тут стоим? А? Да мы себе каждый местечко покупаем, ирод рваный!..

— Что с ними разговаривать долго! Взашей их, братцы!

— Выталкивай их!

Особенно неистовствовал страшный горбун.

Все его безобразное тело, точно тело чудовища-спрута, колыhalось порывистыми движениями. Его длинные цепкие руки-щупальца готовы были, казалось, схватить нас и задавить в своих отвратительных объятиях.

Я не мог удержать дрожи отвращения.

— Вон! Вон отсюда! — злобно рычал он, наступая на нас.

— Что вы, безобразники, в храме Божиим шум да свару поднимаете? — говорили с укоризной некоторые богомольцы, проходя притвором церкви.

— Эх, вижу, братцы, народ вы больно уж алчный!.. — начал Путилин, вынимая горсть медяков и несколько серебряных монет. — Без откупа, видно, к вам не влезешь. Что с вами делать? Натe, держите!

Картина вмиг изменилась.

— Давно бы так... — проворчала старая мегера.

— А кому деньги-то отдать? — спросил Путилин.

— Горбуну Евсеичу! Он у нас старшой. Он — староста.

Безобразная лапа чудовища-горбуна уже протянулась к Путилину.

Улыбка бесконечной алчности зазмеилась на его страшном лице.

— За себя и за товарища. Только помните: две недели третью часть выручки — нам на дележ. А то все равно сживем!..

Ранняя обедня подходила к концу.

Путилин с неподражаемой ловкостью завязывал разговор с нищими и нищенками о вчерашнем трагическом случае перед папертью Спаса.

— Как вы, почтенный, насчет сего думаете? — с глупым лицом обращался он несколько раз к горбуну.

— Отстань, обормот!.. Надоел! — злобно сверкал тот глазом-шелкой.

— У-у, богатый черт, полагать надо! — тихо шептал Путилин на ухо соседу-нищему.

— Да нас с тобой, брат, купит тысячу раз и перекупит! — ухмылялся тот. — А только — бабник, да и здорово заливает за воротник.

По окончании обедни оделенная копейками, грошами и пятаками нищая братия стала расходиться.

— Мы пойдем за горбуном... — еле слышно бросил мне мой знаменитый друг.

Горбун шел скоро, везя по земле искривленную, уродливую ногу.

Стараясь быть незамеченными, мы шли, не выпуская его ни на секунду из виду.

Раз он свернул налево, потом — направо, и вскоре мы очутились перед знаменитой Вяземской лаврой.

Горбун юркнул в ворота этой страшной клоаки, чудеса которой приводили в содрогание людей с самыми крепкими нервами.

Это был расцвет славы Вяземки — притона всей столичной сволочи, обрушивающейся на петербургских обывателей.

Отъявленные воры, пьяницы-золоторотцы, проститутки — все свили здесь прочное гнездо, разрушить которое было не так-то легко.

Подобно московскому Ржанову дому Хитрова рынка, здесь находились и ночлежки — общежития для сего почтенного общества негодяев и мегер, и отдельные комнатки-конуры, сдаваемые за дешевую цену аристократам столичного сброда.

Притаившись за грудой пустых бочек, мы увидели, как страшный горбун, быстро и цепко поднявшись по обледенелой лестнице, заваленной человеческими экскрементами, вошел на черную «галдарейку» грязного, ветхого надворного флигеля и скрылся, отперев огромный замок, за дверью какого-то логовища.

— Ну, теперь мы можем ехать! — задумчиво произнес Путилин, не сводя глаз с таинственной двери, скрывшей чудовище-горбуна.

— Ты что-нибудь наметил? — спросил я его.

— Темно... темно... — как и вчера ночью, ответил он.

Мать жертвы

В Сыском Путилина ожидал сюрприз.

Лишь только мы вошли, предварительно переодевшись, в кабинет, как дверь запахнулась, и в сопровождении дежурного агента вошла, вернее, вбежала, небольшого роста худощавая пожилая женщина.

Одета она была так, как одеваются мешанки или бедные, но «бла-а-а-родные» чиновницы — «цироки»: в подобие какой-то черной поношенной шляпы, прикрытой черной косынкой, в длинном черном дипломате.

Лишь только она вошла, как сейчас же заплакала, вернее, заголосила:

— Ах-ах-ах... ваше... ваше превосходительство...

— Что такое? Кто эта женщина? — спросил Путилин агента.

— Мать вчерашней девушки, найденной перед церковью Спа-са... — доложил агент.

Лицо Путилина было бесстрастно.

— Садитесь, сударыня... Да вы бросьте плакать... Давайте лучше побеседуем... — пригласил Путилин.

— Да ка-а-ак же не плакать-то?! Дочь — единственная... Леночка моя ненагля-а-а-дная... Видела ее, голубушку...

Из расспросов женщины выяснилось следующее. Она — вдова скромного канцелярского служителя, умершего от запоя. После смерти кормильца в доме наступила страшная нужда.

Она шила, гадала на кофейной гуще, обмывала даже покойников — словом, делала все усилия, чтобы «держаться на линии» со своей Леночкой.

— А она-с красавица у меня была! Характеру Леночка была гордого, замечательного, можно сказать. И-и! Никто к ней не подступайся! Королева прямо! В последнее время тоже работать начала. На лавки белье шили мы... Шьет, бывало, голубушка, а сама вдруг усмехнется да и скажет: «А что вы думаете, мамаша, будем мы с вами богатые, помяните мое слово!» Да откуда, говоришь ей, богатство-то к нам слетит, Леночка? А она только бровью соболиной поведет. «Так, — говорит, — верю я в счастье мое...»

Сильные рыдания потрясли вдову-чиновницу.

— А вот какое счастье на поверку вышло! А-а-ах!..

— Скажите, сударыня, ваша дочь часто отлучалась из дома?

— Да не особенно... Когда работу относить надо было.

— Когда последний раз до катастрофы ушла из дому ваша дочь?

— Часов около семи вечера. Жду ее, жду — нет. Уж и ночь настала. Тоскует сердце. Ну, думаю, может, к подруге какой зашла, ночевать осталась. Ан — и утро! А тут вдруг услышала: девушку нашли мертвой у церкви Спаса. Бросилась туда. Говорят, отвезли уж куда-то. Разыскала.

— Скажите, а ведомо ли вам, что за лифом вашей дочери были найдены сорок девять тысяч семьсот рублей?

На вдову нашел столбняк.

— К... как? Сколько? — обезумела она.

Путилин повторил.

— А... где же деньги? — загорелись глаза с «цикорки».

— У нас, конечно, сударыня.

— А вы... куда ж их денете? Я ведь мать ее, я — наследница. Мы невольно улыбнулись.

— Нет уж, сударыня, этих денег вы не наследуете, — ответил Путилин. — А вот лучше скажите: откуда, по вашему мнению, у вашей дочери могла взяться такая сумма?

Вдова захныкала.

— А я почему знаю, господин начальник.

Путилин сдал вдову на руки своему опытному помощнику. От нее надо было взять подробные сведения о всех знакомых вдовы, о тех магазинах, куда Леночка сдавала работу. Соответственно с этим целая рать агентов должна быть направлена по горячим следам.

Но я ясно видел, что Путилин распоряжался как бы нехотя, словно сам не доверял целесообразности тех мер розыска, которые предпринимал.

Я хорошо изучил моего гениального друга. Я чувствовал, что делает он все это больше для пустой формальности, для очистки совести.

— Позовите мне Х! — отдал он приказ.

Х был любимый агент Путилина. Силач, бесстрашный и находчивый.

— Слушайте, голубчик, сейчас мы с вами побеседуем кое о чем. Затем он обратился ко мне:

— Поезжай, дружище, домой и ожидай меня ровно в восемь вечера. Сегодня ночью мы продолжим наши похождения. Только отпусти лакея.

В логовище зверя

Стрелка часов показывала ровно восемь, когда раздался звонок. Я поспешно открыл дверь и попятился, удивленный: первой вошла в мою переднюю... девушка, которую я вчера видел убитой на Сенной площади.

Крик ужаса готов был сорваться с моих уст, как вдруг раздался веселый смех Путилина, вошедшего вслед за девушкой.

— Не бойся, дружище, это — не привидение, а только моя талантливая сотрудница по трудному и опасному ремеслу.

— Фу-у, черт возьми, Иван Дмитриевич, ты всегда устроишь какую-нибудь необыкновенную штучку! — вырвалось у меня. — Но, Боже мой, какой великолепный маскарад! Совсем она!

Я, подробно осматривавший труп, заметил даже большую черную родинку на левой щеке девушки.

Путилин был искусно загримирован, но в обыкновенной сильно поношенной и продранной триковой тройке.

— А мне в чем ехать? — спросил я.

— Да так, как есть... Только сомни воротник и обсыпь себя мукой или пудрой...

Я исполнил повеления моего друга, и через несколько минут мы вышли из квартиры.

У ворот нас ждал любимый агент Путилина.

— Все?

— Все.

«Малинник», знаменитый вертеп пьянства и разврата, гремел массой нестройных голосов.

Если ужасы Вяземки днем были отвратительны, то неопишуемые оргии, происходящие ночью в «малиннике», были поистине поразительны. Все то, что днем было собрано, наворовано, награблено, — все вечером и ночью пропивалось, прогуливалось в этом месте.

Тут, мнилось, Бог совершенно отступался от людей, и люди, опившиеся, одурманенные зверскими, животными инстинктами, находились во власти Сатаны.

Когда мы подошли, стараясь идти не вместе, а поодиночке, к этой клоаке, Путилин сказал:

— Барынька, вы — оставайтесь здесь. Мы с доктором войдем сюда и, наверное, скоро вернемся.

Мы вошли в ужасный притон.

Первое, что бросилось нам в глаза, была фигура страшного горбуна.

Он сидел на стуле, низко свесив ноги, свои страшные длинные ноги. Было такое впечатление, будто за столом сидит только огромный горб и огромная голова.

Лицо горбуна было ужасно. Сине-багровое, налившееся кровью, оно было искажено пьяно-сладострастной улыбкой.

На коленях его, если можно только это назвать коленями, сидела пьяная девочка лет пятнадцати.

Она, помахивая стаканом водки, что-то кричала тоненьким сиплым голоском, но что она кричала — за общим гвалтом разобрать было невозможно.

— Горбун! Дьявол! — доносились возгласы обезумевших от пьянства и разврата людей.

Кто-то где-то хохотал животным хохотом, кто-то плакал пьяным плачем.

— Назад! — шепнул мне Путилин.

Мы быстро, не обратив на себя ничьего внимания, выскочили из этого смрадного вертепа.

Я был поражен. Для чего же мы отправились сюда?..

— Скорее! — отдал приказ Путилин агенту и агентше, поджидавшим нас.

Нас толкали, отпуская по нашему адресу непечатную брань. Кто-то схватил в охапку агентшу, но, получив здоровый удар от агента, с проклятием выпустил ее из своих рук.

— Дьявол! Здорово дерется!..

Минуты через две мы очутились перед той лестницей, ведущей на «галдарейку» флигеля, по которой сегодня утром подымался горбун.

Путилин поднялся первый. За ним — агент, потом я, последней — агентша-сыщица.

— Вы ничего не знаете? — терзаемый любопытством, тихо спросил я ее.

— Да разве он скажет что-нибудь наперед? — ответила загадочно она.

Вот и эта галерея, вонючая, зловонная.

Она была почти темна. В самом конце ее только из крошечного окна лился тусклый свет сквозь разбитое стекло, заклеенное бумагой.

Перед нами была небольшая дверь, обитая старой-престарой клеенкой. Длинный засов, на нем — огромный висячий замок.

— Начинайте, голубчик! — обратился Путилин к агенту.

Послышался чуть слышный металлический лязг инструментов.

— А теперь, господа, вот что, — обратился уже к нам Путилин. — Если замка не удастся открыть, тогда я немедленно возвращусь в «малинник», а вы... вы караульте здесь. Смотрите, какое тут чудесное помещение.

С этими словами Путилин подвел нас к конуре, напоминающей нечто вроде сарая-кладовой.

Я недоумевал все более и более.

— Иван Дмитриевич, да объясни ты хоть что-нибудь подробнее.
— Тсс! Ни звука! Ну как?
— Великолепно! Кажется, сейчас удастся, — ответил агент.
— Ну?
— Готово!
— Bravo, голубчик! — довольным голосом произнес Путилин.
— Пожалуйста! — раздался шепот агента.
— Прошу! — пригласил нас Путилин, показывая на открывшуюся дверь.

Первой вошла агентша, за ней я. Путилин остановился в дверях и обратился к агенту:

— Ну, а теперь, голубчик, закройте, вернее — запируйте нас на замок таким же образом.

— Как?! — в сильнейшем недоумении и даже страхе вырвалось у меня. — Как?! Мы должны быть заперты в этом логовище страшного уродца.

— Совершенно верно, мы должны быть заперты, дружище... — невозмутимо ответил мой друг. — Пойдите, господа, пропустите меня вперед, я вам освещу немного путь.

Путилин полез в карман за потайным фонарем.

В эту секунду я услышал звук запираемого снаружи замка. Много лет прошло с тех пор, но уверяю вас, что этот звук стоит у меня в ушах, точно я его слышу сейчас. Чувство холодного ужаса пронизало все мое существо. Такое чувство испытывает, наверное, человек, которого хоронят в состоянии летаргического сна, когда он слышит, что над ним заколачивают крышку гроба, или осужденный, брошенный в темницу-подземелье, при звуке захлопываемой за ним навеки двери каземата.

— Ну, вот и свет! — проговорил Путилин.

Он держал впереди себя небольшой фонарь.

Узкая полоса света прорезала тьму.

Мы очутились в жилище страшного горбуна.

Прежде всего, что поражало, — был холодный, пронизывающе сырой воздух, пропитанный запахом отвратительной плесени.

— Брр! Настоящая могила... — произнес Путилин.

— Д-да, неважное помещение, — согласился я.

Небольшая комната — если только это логовище, грязное, смрадное, можно было назвать комнатой — была почти вся завалена всевозможными предметами, начиная от разбитых ваз и кончая пустыми жестяными банками, пустыми бутылками, колченогими табуретами, кусками материй.

В углу стояло подобие стола. На всем этом толстым слоем лежала пыль и грязно-бурая толстая паутина. Видно было, что страшная лапа безобразного чудовища — горбуна — не притрагивалась ко всему этому в течение многих лет.

Около стены было устроено нечто вроде кровати. Несколько досок на толстых чурбаках; на этих досках — куча отвратительного тряпья, служившего, очевидно, подстилкой и прикрытием уроду.

— Не теряя ни минуты, я должен вас спрятать, господа! — проговорил Путилин.

Он зорко осмотрелся.

— Нам с тобой, дружище, надо быть ближе к дверям, поэтому ты лезь под этот угол кровати, а я в последнюю минуту займу вот эту позицию. — И Путилин указал на выступ конуры, образующий как бы нишу. — Теперь — и это главное — мне надо вас, барынька, устроить. О, от этого зависит многое, очень многое! — загадочно прошептал Путилин.

Он оглядел еще раз логовище горбуна.

— Гм... скверно... Но нечего делать! Придется вам поглотить пыли и покушать паутинки, барынька. Потрудитесь спрятаться вот за сию пирамидку из всевозможной дряни, — указал Путилин на грудку различных предметов. — Кстати, снимайте скорее ваш дипломат. Давайте его мне. Его можно бросить куда угодно, лишь бы он не попадался на глаза. Отлично... вот так. Ну-ка, доктор, извольте взглянуть на сие зрелище!

Я, уже влезший под кровать, выглянул и испустил подавленный крик изумления.

Предо мною стояла — нет, я не так выразился — не стояла, а стоял труп Леночки, убитой девушки. С помощью удивительно «жизненного» трико телесного цвета получалась — благодаря скудному освещению — полная иллюзия голого тела. Руки и ноги казались кровавыми обрубками, вернее — раздробленной кровавой массой.

Длинные волосы, смоченные кровью, падали на плечи беспорядочными прядями.

— Верно? — спросил Путилин.

— Но... это... — заплетающимся голосом пролепетал я, — это черт знает что такое.

На меня, съжившегося под кроватью, нашел настоящий столбняк.

Мне казалось, что это — какой-то кошмар, больной, тяжелый, что все это не действительность, а сон.

— Ну, по местам! — тихо скомандовал Путилин, туша фонарь. — Да, кстати, барынька, зажимайте крепко нос, дышите только ртом. Тут слишком много пыли, а пыль иногда — в деле уголовного сыска — преопасная вещь... Тсс! Теперь — ни звука.

Наступила тьма и могильная тишина.

Я слышал, как бьется мое сердце тревожными, неровными толчками.

Из могилы

Время тянулось страшно медленно. Секунды казались минутами, минуты — часами.

Вдруг до моего слуха донеслись шаги человека, подходящего к двери.

Послышалось хриплое ворчание, точно ворчание дикого зверя, вперемешку со злобными выкриками, проклятиями... Загремел замок.

— Проклятая!.. Дьявол!.. — совершенно явственно долетали слова.

Лязгнул засов, скрипнула — как-то жалобно — дверь, и в конуру ввалился человек. Кто он — я, конечно, не мог видеть, но сразу понял, что это — страшный горбун.

Он был, очевидно, сильно пьян. Изрыгая отвратительную ругань, натолкнулся на край кровати, отлетел потом в противоположную стену и направился колеблющейся походкой в глубь логовища.

— Что? Сладко пришлось, ведьма? Кувырк, кувырк, кувырк... Ха-ха-ха! — вдруг разразился иступленно-бешеным, безумным хохотом страшный горбун.

Признаюсь, я похолодел от ужаса.

Вдруг конура осветилась слабым синевато-трепетным светом. Горбун вычиркнул серную спичку и, должно быть, зажег спальную свечу, потому что комната озарилась тускло-красным пламенем.

— Только ошиблась, проклятая, не то взяла! — продолжал рычать горбун.

Он вдруг быстро наклонился под кровать и потащил небольшой черный сундук.

Мысль, что он меня увидит, заставила заledenеть кровь в моих жилах. Я даже забыл, что у меня есть револьвер, которым я могу разmozжить голову этому чудовищу.

Горбун, выдвинув сундук, поставил дрожащей лапой около него свечку в оловянном подсвечнике и, все так же изрыгая проклятья и ругательства, отпер его и поднял крышку. Свет свечи падал на его лицо. Великий Боже, что это было за ужасное лицо! Клянусь вам, это было лицо самого дьявола!.. Медленно, весь дрожа, он стал вынимать мешочки, в которых, видимо, было золото, а потом — целая кипа процентных бумаг и ассигнаций.

С тихим захлебывающимся смехом он прижимал их к своим безобразным губам.

— Голубушки мои... Родненькие мои... Ах-ох-хо-хо! Сколько вас здесь... Все мое, мое!..

Человек-чудовище беззвучно хохотал. Его единственный глаз, казалось, готов был выскочить из орбиты. Страшные, цепкие щупальца-руки судорожно сжимали мешочки и пачки. Но почти сейчас же из его груди вырвался озлобленный вопль-рычание:

— А этих нет! Целой пачки нет!.. Погубила, осиротила меня!

— Я верну их тебе! — вдруг раздался резкий голос.

Прежде чем успел опомниться, я увидел, как горбун — в ужасе — запрокинулся назад.

Его лицо из сине-багрового стало белее полотна. Нижняя челюсть отвисла и стала дрожать непрерывной дрожью.

К нему медленно подвигалась, тихо, плавно, словно привидение, девушка-труп.

Ее руки были простерты вперед.

— Ты убил меня, злое чудовище, но я... я не хочу брать с собою в могилу твоих постылых денег. Они будут жечь меня, не давать покоя моей душе.

Невероятно дикий крик, крик, полный смертельного ужаса, огласил мрачное логовище.

— Скорее! Ползи к двери. Сейчас же вон отсюда, — услышал я подавленный шепот Путилина.

Я пополз из-под угла кровати к двери.

— Не подходи! Не подходи! Исчадие ада!.. — в смертельном ужасе лепетал горбун.

Девушка-труп приближалась к чудовищу-горбуну все ближе и ближе.

— Слушай, убийца! — загробным голосом говорила девушка. — Там, на колокольне, под большим колоколом, прикрытые тряпкой, лежат твои деньги. Я пришла с того света, чтобы сказать тебе: торопись скорее туда и возьми эти проклятые деньги, за которые ты убил меня такой страшной смертью.

Обезумевший от ужаса страшный горбун, сидевший к нам спиной, замер.

Путилин быстро и тихо, толкнув меня вперед, открыл ногой дверь.

— Беги немедленно что есть силы! Спускайся по лестнице! К воротам!

Я несся что было духу. Оглянувшись, я увидел, что за мной несутся Путилин и агент. Потом мелькнула белая фигура и с ловкостью истой акробатки сбежала с лестницы.

— Поздравляю вас, барынька, с удачным дебютом! — услышал я голос Путилина.

На колокольне

Мы поднимались по узкой винтообразной лестнице Спасской колокольни.

Я, еще не успевший прийти в себя после всего пережитого, столь необычайного, заметил кое-где фигуры людей.

Очевидно, Иван Дмитриевич делал заранее известные распоряжения. Фигуры почтительно давали нам дорогу, затем — после того как Путилин им что-то отрывисто шептал — быстро ступали.

Когда мы поднялись на колокольню, было ровно два часа ночи.

— Ради Бога, друг, зачем же мы оставили на свободе этого страшного горбуна? — обратился я, пораженный, к Путилину.

Тот усмехнулся.

— Положим, он не на свободе. Он «кончен», то есть пойман, за ним — великолепный надзор. А затем... Я хочу довести дело до конца. Знаешь, это моя страсть и это — моя лучшая награда. Позволь мне

насладиться одним маленьким эффектом. Ну, блестящая дебютантка, пожалуйста сюда, за этот выступ! Я — здесь, ты — там!

Мы разместились.

Первый раз в моей жизни я попал на колокольню.

Колокола висели большой темной массой.

Вскоре выплыла луна и озарила их своим трепетным сиянием, и что-то таинственно-чуждое было в этой картине, полной мистического настроения.

По лестнице послышались шаги. Кто-то тяжело и хрипло дышал — и вот появилась страшная, безобразная фигура горбуна. Озаренная лунным блеском, она, эта чудовищная фигура, казалась воспроизведением больной, кошмарной фантазии.

Боязливо озираясь по сторонам, страшный спрут-человек быстро направился к большому колоколу. Тихо ворча, он нагнулся и стал шарить своей лапой...

— Нету... нету... Вот так!.. Неужели ведьма проклятая надула?..

Огромный горб продолжал ползать под колоколом.

— Тряпка... где тряпка? А под ней мои денежки! Ха-ха-ха!.. — усиливал свое ворчание человек-зверь.

— Я помогу тебе, мой убийца!

С этими словами из места своего прикрития выступила девушка-труп, сотрудница Путилина.

Горбун испустил жалобный крик. Его опять, как и там, в конуре, затрясло от ужаса.

Но это продолжалось одну секунду. С бешеным воплем страшное чудовище одним гигантским прыжком бросилось на имитированную «Леночку» и сжало ее в своих страшных объятиях.

— Проклятая дочь Вельзевула! Я отделаюсь от тебя! Я сброшу тебя во второй раз!..

Крик, полный страха и мольбы, прорезал тишину ночи:

— Спасите! Спасите!

— Доктор, скорее! — крикнул мне Путилин, бросаясь сам как молния к чудовищному горбуну.

Наша агентша трепетала у него в руках.

Он, высоко подняв ее в воздухе, бросился к перилам колокольни.

Путилин первый схватил — с большой силой — горбуна за шею, стараясь оттащить его от перил.

Я дал удар под ноги горбуну.

Он грянул навзничь, не выпуская, однако, из своих цепких объятий бедную агентшу, которая была уже в состоянии глубокого обморока.

— Сдавайся, мерзавец! — приставил Путилин блестящее дуло револьвера ко лбу уроды. — Если сию секунду ты не выпустишь женшину, я разнесу твой безобразный череп.

Около лица горбуна появилось и дуло моего револьвера.

Цепкие, страшные объятия уроды разжались и выпустили полужадушенное тело отважной агентши.

Горбун до суда и до допроса разбил себе голову в месте заключения в ту же ночь.

При обыске его страшного логовища в сундуке было найдено... триста сорок тысяч двести двадцать рублей и несколько копеек.

— Скажи, Иван Дмитриевич, — спросил я позже моего друга, — как удалось тебе напасть на верный след этого чудовищного преступления?

— По нескольким волоскам... — усмехаясь, ответил Путилин.

— Как так?! — поразился я.

— А вот слушай. Ты помнишь, когда протиснулся незнакомый мне горбун к трупу девушки, прося дать ему возможность взглянуть на «упокойницу»? Вид этого необычайного уроды невольно привлек мое внимание. Я — по привычке — быстро и внимательно оглядел его с ног до головы, и тут случайно мой взор упал на пуговицу его полурваной куртки. На пуговице, заматавшись, висела целая прядка длинных волос. Волосы эти были точно такого же цвета, что и волосы покойной.

В то время, когда я открывал холст с лица покойницы, я незаметным и ловким движением сорвал эти волосы с пуговицы. При вскрытии я сличил эти волосы. Они оказались тождественными. Если ты примешь во внимание, что я, узнав, где девушка разбилась от падения со страшной высоты, поглядел на колокольню, а затем узнал, что горбун — постоянный обитатель церковной паперти, то... то ты несколько оправдаешь мою смелую уголовно-сыскную гипотезу. Но это еще не все. Я узнал, что горбун — богат, пьяница и развратник. Для меня все стало ясно.

— Что же ясно? Как ты проводишь нить между горбуном и Леночкой?

— Чрезвычайно просто. Показания ее матери пролили свет на характер Леночки. Она безумно хочет разбогатеть. Ей рисуются наряды, бриллианты, свои выезды. Я знал, что она работала на лавку близ церкви Спаса. Что удивительного, что она, прослышав про богатство и женолюбие горбуна, решила его «пощипать»?

Сначала, пользуясь своей красотой, она вскружила безобразную голову чудовища. Это было время флирта. Овладев всецело умом и сердцем горбуна, безбоязненно рискнула прийти в его логовище. Там, высмотрев, она похитила эти сорок девять тысяч рублей. Горбун узнал, и... любовь к золоту победила любовь к женской красоте. Он решил жестоко отомстить и действительно сделал это.

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ И СИЗЫЕ ГОРЛИЦЫ

Исчезновение сына миллионера

Я сидел с моим другом Путилиным в его кабинете, и мы вели задумчивую беседу о последних чудесах криминального Петербурга. В дверь постучались, и на приглашение Путилина войти перед нами выросла фигура дежурного агента.

— Вас домогается видеть по неотложному и важному делу купец Вахрушинский, ваше превосходительство... — доложил агент.

— Вахрушинский?.. — поднял брови Путилин. — Это кто же: не этот ли миллионер?

— Должно быть, он.

— Попросите его сюда.

Через секунду в кабинет вошел высокий, тучный, кряжистый, как дуб, старик. Если бы не седые волосы густой шевелюры и длинной роскошной бороды, его нельзя бы было назвать стариком: так свеж был румянец его полных щек — еще без морщин, — таким молодым блеском сверкали его красивые глаза.

Одет он был в очень длинный, из дорогого тонкого сукна сюртук и в лакированные высокие сапоги гармоникой. На шее и на груди виднелись регалии, состоящие из нескольких медалей и двух крестов-орденов.

«Какой великолепный тип именитого, честного торгового гостя!» — подумал я.

— Я к вам, ваше превосходительство... — взволнованно начал он.

— Господин Вахрушинский?

— Так точно. Сила Федорович Вахрушинский, потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии и кавалер...

— И очень щедрый благотворитель. Я много слышал о ваших крупных пожертвованиях на богоугодные дела, господин Вахрушинский. Прошу вас садиться. Чем могу служить?

Вахрушинский сел и искоса бросил на меня взгляд.

— Не беспокойтесь, господин Вахрушинский, — поймав этот взгляд, проговорил Путилин. — Это мой ближний друг и доктор. Он — мой верный спутник по многим темным и запутанным розыскам. В его присутствии вы можете говорить совершенно спокойно и откровенно. Но если почему-либо вам нежелательно...

— Ах, нет, в таком случае очень рад, очень приятно! — пожал мне руку купец-миллионер.

Путилин выжидательно смотрел на него.

— Такое дело, ваше превосходительство, что и ума не приложу. Горе на меня свалилось непосильное: сын мой единственный, наследник мой пропал!

Голос старика красавца задрожал. Он судорожно хватался за красную ленту с медалью, словно она душила его горло.

— Я вижу, — проговорил Путилин, — что вы очень взволнованы. Очевидно, вам будет трудно дать мне связный рассказ происшествия. Поэтому будьте добры отвечать мне на вопросы.

— Верно... сам не в себе я... — глухо вырвалось у именитого купца.

— Сколько лет вашему сыну? — начал допрос мой друг.

— Двадцать четыре.

— Холостой или женатый?

— Холостой... хотя одно время был как бы на положении жениха.

— Когда исчез ваш сын?

— Дней пять тому назад. Я сначала думал, что он вернется, мало ли, думаю, куда отлучился, а вчера старший приказчик вдруг и подает мне письмо. Прочел — от него!

— Письмо с вами?

— Так точно. Вот оно.

И миллионер протянул Путилину листок и конверт из дешевой полусерой бумаги.

Вот что стояло в письме:

«Дражайший мой родитель! Сколь мне ни скорбно покидать Вас, оставляя Вас на старости лет одного, я, однако, делаю это, памятуя слова Священного Писания: «...и оставши дом свой и пойдешь за Мною». Знаю, много Вы будете убиваться, но Господь в Сионе своим простит меня, а Вас поддержит. Простите меня и за то еще, что захватил с собою те восемьдесят тысяч рублей, которые были у меня на руках от получки за постав товара. Не на худое дело, а на Божье взял я эти деньги. Великое спасение уготовлю себе и Вам. Меня не разыскивайте: не найдете, хотя я и неподалеку от Вас жить буду. Буду денно и нощно молиться, чтобы и Вы сообразились на лоно истинного спасения души. Любящий Вас во Христе и Богородице сын Ваш *Дмитрий*».

Путилин задумчиво повертел записку в руках.

— Скажите, пожалуйста, вы не замечали каких-либо особых странностей в характере вашего сына?

— Как сказать? Особенного ничего. Тихий, скромный, вином не баловался, насчет женского пола — до удивительности воздержан был. Любил-с книжки читать духовного, божественного содержания.

— В вашем доме появлялись странники и странницы?

— Когда покойница жена жива была, принимала она их. С Афона, от разных монастырей. А с ее кончины — отрезал я это, потому что откровенно скажу: не люблю я этих ханжей и ханжешек. Лукавые они праведники.

Миллионер-купец вдруг поднялся и чуть не в ноги поклонился Путилину.

— Ваше превосходительство! Господин Путилин! Явите Божескую милость: разыщите моего сына! Одно подумайте: единственный ведь он у меня, ему все дело передать, помирая, хотел. Радовал он меня ндравом своим примерным, денно и ночью благодарил я Создателя за него! Ничего не пожалею: озолочу агентов ваших, миллион пожертвую на богадельни, разыщите мне только его! Усовещу я его, образумлю; может, и переменится парень. Вы — вон ведь орел какой! Каких-каких только дел не раскрыли! Помогите же бедному отцу!.. К вам обратился, не хочу дело предавать полицейской огласке...

И Вахрушинский нудно зарыдал тяжелым мужским рыданием.

— Голубчик... бросьте... не надо так отчаиваться... никто, как Бог... может быть, и отыщем вашего сынка! — взволнованно вырвалось у Путилина. — Я сам лично приму участие в вашем деле. Вот что: сейчас я должен проехать в ваш дом и осмотреть комнату вашего сына.

Лицо красавца старика осветилось радостной улыбкой:

— Лошадки мои ждут меня тут. Живо предоставлю вас, благодетель, в домишко мой!..

Жирное пятно

«Домишко» Силы Федоровича Вахрушинского оказался настоящим дворцом. Мы прошли анфиладой роскошно убранных комнат, сверкающих позолотой, богатством истинно купеческой окладки.

Вдруг, пройдя несколько коридоров и спустившись маленькой лестницей, мы очутились совсем в ином царстве.

Тут обстановка была серенькая, «мещанско-купецкая». Пахло постным маслом, щами.

— Это ваша черная половина? — спросил Путилин.

— Точно так, ваше превосходительство. А вот и комната сына моего.

В ту минуту, когда мы хотели войти в эту комнату, дверь ее быстро распахнулась, и на пороге появилась фигура седенького человека.

— Ты что здесь делал, Прокл Онуфриевич? — спросил его Вахрушинский.

— Да горенку Дмитрия Силыча прибирал... — старческим высоким голосом ответил старик, бросая на нас удивленный взгляд голубоватых выцветших глаз.

И быстро скрылся в темном закоулке-коридоре.

Комната молодого Вахрушинского отличалась поразительной скромностью убранства.

Простой деревянный стол, на котором аккуратно, в порядке лежали синие тетради. Над столом — такая же простенькая полочка, на ней — книги в темных переплетах. В углу — кровать,

крытая дешевым шерстяным одеялом, иконы, стул с продранной клеенкой, вот и все.

— Ого, ваш сын — настоящий отшельник! — произнес Путилин, зорко оглядывая комнату-келью молодого миллионера.

— Господи! Золото, всяческая роскошь были ему предоставлены мною. Не захотел. «Ничего лишнего, — говорит, — мне не надо, папаша. От прихотей грех заводится».

Путилин стал разглядывать книги, тетради.

Вдруг, разглядывая одну тетрадь, он быстро повернулся к купцу-миллионеру и спросил его:

— Скажите, пожалуйста, у вас по средам и пятницам едят постное?

— Да-с! — ответил весьма удивленный Вахрушинский.

— Ну, а я могу узнать, что у вас, например, сегодня на горячее варили молодцам и приказчикам?

Лицо миллионера было чрезвычайно глупо: оно попросту окаменело от изумления.

— Я сейчас узнаю, ваше превосходительство! — проговорил он, быстро выходя из комнаты.

— Прости меня, Иван Дмитриевич, — начал я, подходя к моему другу, который быстро вырвал половину страницы тетради, — что я вмешиваюсь в твои «первые шаги» розыска. Но ради Бога, неужели «горячее» может играть какую-нибудь роль в деле розыска пропавшего миллионера?..

— Как все — нет; но как частность — да... — усмехнулся мой друг.

— Сегодня варили щи, вашество... — проговорил миллионер-купец, входя в комнату своего исчезнувшего — столь таинственным образом — сына.

— С грибами? — спросил Путилин.

— А... а вы почему же это знаете? — удивленно спросил Вахрушинский.

— Не в этом дело, голубчик. Скажите: кто это вышел из комнаты вашего сына? Это ваш старший приказчик?..

— Воистину чудодеев вы, ваше превосходительство! — восторженно вырвалось у купца-старика. — Истину изволили сказать. Это мой старший приказчик.

— Пригласите его сюда!

Путилин зажег свою лампу-фонарь, свой знаменитый потайной фонарь, и спрятал его в карман. Падали уже темные сумерки раннего зимнего дня.

— Скажите, пожалуйста, любезный Прокл Онуфриевич, — обратился Путилин к вошедшему старичку, — кто доставил вам письмо от исчезнувшего молодого хозяина Дмитрия Силыча?

— А так, примерно сказать, какой-то неизвестный, не то мужик, не то парень. Сунул мне в руку — и давай лататы!..

— Так-с... А вы лица этого человека, таинственного посланца, не заметили.

— А именно-с? — почтительно насторожился тот.

— Было ли лицо его с бородой или без бороды?

— Не заметил-с... — ответил старший приказчик.

Путилин быстро вытащил из кармана фонарь и направил рефлектор на лицо старшего приказчика.

— И ни одного гнуса не заползло в то время, когда вам, любезный, передавали письмо? — загремел вдруг Путилин громовым голосом.

От неожиданности и я, и миллионер-хозяин вздрогнули и даже привстали со своих мест.

— Виноват-с... Невдомек мне, о чем изволите спрашивать.

— Ничего больше... Идите, голубчик... — мягко ответил Путилин.

Путилин долго сидел задумавшись.

— Скажите, пожалуйста, господин Вахрушинский, вы вот давеча говорили мне, что сын ваш был, считался почти женихом. Что это за история с его сватовством?.. Кто была его невеста?

— А вот извольте видеть, как дело обстояло. Около года тому назад отправился сын мой по торговым делам на Волгу. Пробыл он там порядочно времени. Познакомился в Сызрани со вдовой купчихой-миллионершей Обольяниновой и с ее единственной дочерью — красавицей Аглаей Тимофеевной. Вернулся. Сияет весь от радости. Поведал о знакомстве. Я сразу смекнул, в чем дело. Вскоре прибыли в Питер и Обольянинова с дочкой. Поехал я к ним, стал бывать. Однажды меня и спрашивает сын: «Дашь, отец, согласие на брак мой с Аглаей Тимофеевной?» — «Дам, — отвечаю, — с радостью». Однако вдруг все дело круто изменилось: перестал сын бывать у волжской купчихи, стал темнее тучи. Тоска на лице так и светится. Стал я допытываться о причине всего этого. Молчит, а то пустяками отговаривается. А ночи все почти напролет ходит по комнатке этой, охает, вздыхает, то молиться начнет, то плачет. А теперь, как известно вашему превосходительству, и вовсе исчез.

— Скажите, с момента исчезновения вашего сына вы не были у волжской купчихи и ее дочери?

— Нет-с. Что мне у них делать?..

— У них есть какое-нибудь торговое дело?

— И не одно. И мануфактурное, и железное, и рыбное.

— Отлично. Так как мне хотелось бы повидать бывшую полуневесту вашего сына, то мы сейчас устроим вот что: вы меня отвезете к Обольяниновым и представите им как крупного петербургского промышленника. Доктора мы можем выдать за моего управляющего-доверенного.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — живо ответил Вахрушинский.

Коленкоровый платок

— Это их собственный дом? — спросил Путилин, когда мы остановились перед отличным каменным особняком близ церкви Иоанна Предтечи.

— Нет-с, это дом их тетки, петербургской богатейки.

Дверь нам открыла женщина довольно старая, понурого вида, одетая во все черное.

— Здравствуйте, Анфисушка, дома ваши-то?

— Дома-с... — ответила черная женщина. — Пожалуйста.

— Так вы скажите самой-то, что приехал, дескать, Сила Федорович с двумя промышленниками об деле поговорить.

Мы быстро разделись и вошли в зал.

Тут не было той кричащей роскоши, что у Вахрушинского, но, однако, и тут все было очень богато.

Не успели мы присесть, как дверь из какой-то соседней комнаты распахнулась, и вошла девушка.

Очевидно, она не ожидала нас встретить здесь, потому что громко вскрикнула от удивления и испуга.

Одета она была довольно странно и необыкновенно. Длинный, светло-лилового цвета бархатный сарафан-летник облегал ее роскошную, пышную фигуру. На груди сверкали ожерелья из всевозможных драгоценных камней. Руки были все в кольцах. А на голове — простой коленкоровый белый платок, низко опущенный на лоб.

Из-под него выглядывало красивое, удивительно красивое лицо. Особенно замечательны были глаза: огромные, черные, дерзко-властные.

— Простите, Аглая Тимофеевна, мы, кажись, вас напугали? — направился к ней Вахрушинский. — Нешто Анфисушка не предупредила? Мы — к мамаше, по делу торговому. Позвольте представить вам незваных гостей.

Путилин, назвав себя и меня вымышленными купеческими фамилиями, низко и почтительно поклонился красавице в сарафане.

— Очень приятно... — раздался ее певучий, несколько вздрагивающий голос.

Она была еще в сильном замешательстве.

Путилин, удивительно ловко подражая купеческому говору и даже упирая на «о», стал сыпать кудреватые фразы.

Я видел, что он не спускает пристального взгляда с лица красавицы, но главное — с ее белого коленкорового платка на голове.

— Эх-с, Аглая Тимофеевна, сейчас видно-с, что вы с Волгиматушки, с нашей великой поилицы-кормилицы!

— Почему же это видно? — усмехнулась молодая Обольянинова.

— Да как же-с. Я сам на Волге жывал. Где в ином месте можно сыскать такую расчудесную женскую красоту? Вы извините меня. Я человек уж не молодой, комплиментом обидеть не могу. А потом, и наряды-с: у нас теперь в Питере все норвят по-модному, а вы-с

вот в боярском сарафане. Эх, да ежели бы к нему кокошничек вместо белого платочка...

Быстрым, как молния, движением девушка сорвала с головы коленкорový платок.

Я заметил, как сильно дрожали ее руки.

— Извините... я совсем забыла, что в утреннем наряде щеголяю...

Глаза ее сверкнули. Губы тронула тревожная усмешка.

Черная женщина, Анфисушка, явилась и доложила, что «сама» извиняется, что за недомоганием не может нас принять.

— Ничего-с, в следующий раз завернем! — проговорил Путилин.

Когда мы вышли, он обратился к Вахрушинскому:

— Вот что я вам скажу: дело ваше — далеко не легкое. Однако надежды не теряйте. Помните только одно: вашего сына надо как можно скорее отыскать. Он — в серьезной опасности.

Возвращаясь к себе, Путилин был хмур, задумчив.

— Белый или черный... черный или белый... Гм... гм... — вылетали у него односложные восклицания.

Я не говорил ни слова. Я знал привычку моего друга говорить с самим собой.

— Скажи, пожалуйста, — вдруг громко обратился он ко мне, — тебе никогда не приходила мысль, что черный ворон может обратиться в белого голубя?

Я поглядел на Путилина во все глаза.

— Бог с тобой, Иван Дмитриевич: ты задаешь такие диковинные вопросы...

Путилин — московский гастролер

На другой день, часов около четырех, ко мне приехал Путилин. В руках он держал чемодан, под шубой я заметил дорожную сумку через плечо.

— Я не мог предупредить тебя раньше, потому что был занят по горло. Если тебе улыбается мысль совершить со мной одно путешествие...

— Куда?

— В Москву. Но торопись. До отхода поезда остается немного времени.

Я наскоро уложил чемодан, и через час мы сидели в купе первого класса.

Утомительно долгой дорогой (тогда поезда ходили куда тише, чем теперь) Путилин не сомкнул глаз. Просыпаясь, я заставлял его за просмотром каких-то бумаг-донесений.

Откинувшись на спинку дивана, он что-то бормотал про себя, словно заучивая нужное ему наизусть.

— Ты бы отдохнул, Иван Дмитриевич... — несколько раз обращался я к нему.

— Некогда, голубчик! Надо зубрить особую тарабарщину.

— Скажи: мы едем по этому таинственному делу исчезновения сына миллионера?

— Да. Ах, кстати, я забыл тебе сказать, что сегодня по этой дороге, но ранее нас, проследовали знакомые тебе лица.

— Кто именно? — удивился я.

— Старший приказчик Вахрушинского и красавица в бархатном сарафане с белым платочком на голове.

— Как? Откуда ты узнал это?

Путилин расхохотался:

— Прости, ты говоришь глупости! Какой же я был бы сыщик, если бы не знал того, что мне надо знать?

— И причина их внезапного отъезда?

— У первого — желание как можно скорее спасти от опасности своего молодого хозяина, у второй... как бы тебе лучше объяснить? — ну, загладить промах с белым коленкорovým платочком, что ли...

— Стало быть, этот приказчик будет помогать тебе в деле розыска молодого Вахрушинского?

— О да! И очень... — серьезно проговорил мой друг. — А теперь не мешай мне, спи.

Сквозь полудремоту, овладевавшую мною от мерного покачивания поезда, до меня доносилось бормотание Путилина:

— «По пиво духовное...» «По источника нетления...»

«Что за чертовщину он несет!» — неотвязно вилась около меня докучливая мысль.

Подъезжая к самой Москве, Путилин сказал:

— Из многих дел, свидетелем которых ты был, это — одно из наиболее опасных. Если меня не разорвут в клочки — я окончательно уверю в свою счастливую звезду.

К моему удивлению, лишь только подошел поезд, нас встретил... любимый агент Путилина.

Путилин что-то отрывисто его спросил, и мы вместе поехали в гостиницу, оказавшуюся чрезвычайно грязным заведением для приезжающих и находящуюся на одной из окраин тогдашней Москвы.

— Почему тебе пришла фантазия остановиться в таком вертепе? — спросил я Путилина.

— Так... надо... — ответил он.

Несмотря на то что был уже вечер, он отправился куда-то с агентом и вернулся далеко за полночь.

Под поздний вечер второго дня нашего пребывания в Москве (в течение всего этого времени Путилин почти не бывал дома) он вытащил чемодан и, порывшись в нем, вынул из него какую-то странную одежду.

— Надо, доктор, чуть-чуть преобразиться. Сегодня мне предстоит весьма важное похождение.

— «Мне»? — спросил я. — Но почему же не нам?

— Увы, мой друг, на этот раз я никого не могу взять туда, куда собираюсь. Дай Бог, чтоб удалось и одному-то проникнуть.

— Стоило тогда мне трястись в Москву... — недовольно проворчал я.

— Не говори. Ты и мой агент, вы можете мне оказать помощь. Слушайте. Пока я окончательно не убедился в правильности моего предположения, я по многим соображениям не хочу обращаться к содействию моих московских коллег. Вдруг «знатный гастролер» да оскандалится! Конфуз выйдет... Я вас оставлю неподалеку от того места, куда постараюсь проникнуть. У меня есть очень резкий сигнальный свисток. Если вы его услышите — можете с револьверами в руках броситься ко мне на помощь. Кстати, голубчик, вот вам приблизительный план. — И Путилин подал агенту листок бумаги, на котором было что-то начерчено.

Перед тем как надеть пальто мещанского облика, Путилин облачился... в белый хитон-плащ с изображением красных чертей.

— Это что такое? — попятился я от него.

— Мантия Антихриста, любезный доктор! — тихо рассмеялся Путилин. — Кто знает! Быть может, она избавит меня от необходимости прибегнуть к револьверу. Последнее было бы весьма нежелательно. Ну, а теперь — в путь.

Было половина двенадцатого, когда мы вышли из нашей грязной гостиницы и направились по глухим улицам и переулкам этой отдаленной от центра московской слободы.

Темень стояла страшная. Не было видно ни зги.

Улицы были совершенно безлюдны. Только откуда-то из-за заборов доносился злобно-неистовый лай и вой цепных собак. Вскоре Путилин замедлил шаги.

— Мы сейчас подойдем.

Пред ним, по левой стороне улицы, высился черной массой дом, за ним — ряд построек. Все это было обнесено высоким дощатым забором.

— Ну-с, господа, я встану здесь, у ворот. Вы переходите на ту сторону. Вы знаете, — обратился он к агенту, — тот забор, окружающий пустырь, который мы с вами осматривали вчера?

— Еще бы, Иван Дмитриевич!

— Ну, так вот вы с доктором и притаитесь за ним.

Время потянулось медленно. Где-то послышался крик первых петухов.

Почти одновременно с их криком на пустынной улице стали вырисовываться темными силуэтами фигуры людей. Они крадучись, боязливо подходили к воротам таинственного дома, в котором не светилося ни малейшего огонька.

Так как я люблю рассказывать связно и последовательно, то позвольте мне продолжать теперь со слов самого Путилина. Вот что рассказал он мне в пять часов утра этой ночи о своем посещении этого дома.

В страшном «сионе». Мантия Антихриста

Я зорко вглядывался в ночную тьму. Лишь только увидел приближающиеся фигуры людей, как сейчас же троекратно постучал в ворота.

— Кто будете? — раздался тихий голос.

— Человек Божий... — так же тихо ответил и я.

— А куда путь держишь?

— К самому батюшке Христу.

— А по что?

— По «пиво духовное», по «источник нетления».

— А сердце раскрыто?

— Любовь в нем живет.

— Милость и покров. Входи, миленький.

Ворота, вернее, калиточка в воротах распахнулась, и я быстро направился, пробираясь по темным сеням и узким переходам, в особую пристройку к нижнему этажу, выдвинувшуюся своими тремя стенами во двор и представлявшую из себя нечто вроде жилого летнего помещения. Тут, почти занимая все пространство пристройки, был навален всевозможный домашний скраб.

Услышав за собой шаги, я спрятался за ткацким станком. Мимо меня прошел высокий, рослый детина и, подойдя к углу, быстро поднял крышку люка и скрылся в нем. Через минуту он вышел оттуда.

— Никого еще из деток там нет... — вслух пробормотал он, выходя из постройки.

Быстрее молнии я бросился к этому люку. Дверца его была теперь открыта. Я спустился по узкой лесенке и попал в довольно обширную подземную комнату, слабо освещенную и разделенную дощатой перегородкой на две половины. Тут не было ни души.

Я быстро вошел в смежную, еще более просторную и ярко освещенную паникадилом подземную комнату. Тут тоже не было никого. В переднем углу перед божницей с завешенными пеленой иконами стоял большой, накрытый белоснежной скатертью стол с крестом и Евангелием посередине.

Я моментально забрался под стол. К моему счастью, он был на простых четырех ножках, без перекладки, так что я отлично уместился под ним. Но из-за скатерти я ничего не видел! Тогда осторожно я прорезал в скатерти ножом маленькую дырочку, в которую и устремил лихорадочно-жадный взор. Не прошло и нескольких минут, как в странную, таинственную комнату стали входить белые фигуры людей обоего пола. Эти люди были одеты в длинные белые коленкорové рубахи до пят.

— Христос воскресе!

— Свет истинной воскресе!

— Сударь-батюшка воскресе!

— Царь царем воскресе! — посыпались странные взаимные приветствия.

Я не буду тебе сейчас за недосугом времени рассказывать подробно все, что начали делать эти люди. Скажу только, что вдруг я побледнел и задрожал от радости. Я увидел среди собравшихся старшего приказчика и красавицу Аглаю Тимофеевну. Оба они были одеты в такие же белые рубахи. К красавице Обольяниновой все обращались помимо «сестрицы» еще с титулом «Богородицы».

Затаив дыхание, я смотрел на старшего приказчика.

Лицо его было ужасно! Глаза, в которых сверкал огонь бешенства, казалось, готовы были испепелить всех страшных безумцев, собравшихся здесь.

— И тако реку: «Бых среди вас, но ушед аз есмь, во новый Сион тайного белаго царя путь продержал, яко восхотех плодов райских вкусить в кипарисовом саду...» — загремел вдруг старый изувер.

Он быстро уселся на пол и, точно одержимый бесами, заколотил себя по груди кулаками.

Страшная комната и страшные люди в белых рубахах вздрогнули, замерли, затаив дыхание.

Сотни воспаленных глаз, в которых сверкало сектантское безумие, устремились на того пророка, который, по его словам, был когда-то среди них, но теперь ушел в какой-то таинственный «кипарисовый сад».

— И паки реку: «Проклятию, треклятию и четвероклятию подлежит всяк женолюбец!» Ужли не читали вы: «Откуда брани и свары в вас? Не отсюда ли, не от сластей ли ваших, воюющих во удех ваших?» Рази не сказано: «Да упразднится тело греховное» и паки: «Умертвите уды ваша, яже — блуд, нечистоту, страсть и похоть злую; уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную». «Погубится душа от рода своего у того, кто не обрежет плоти крайния своея в день осмый!» А вспомните, детки, что вещает пророк Исайя: «Кажденикам лучшее место сынов и дщерей дается». Апостолы вещают: «Неоженившийся печется о Господних, как угодити Господеву, а женившийся печется о мирских, как угодити жене». Вникните и рассудите, детки, куда ведет вас ваше жало греховное, ваш змий-похотник? На погибель вечную, на погибель! Зане глаголено: «Блудники и прелюбодеи и осквернители телесем своим отыдут во огонь негасимый вовеки. И горе им будет, яко никто же им подаст воды, когда ни ороси глава их, ниже остудит перст един рук их, ни паки угаснет или пременит течение свое река, или утишатся быстрины реце огненной, но вовеки не угаснет никогда же».

Старший приказчик-изувер вскочил.

Его всего трясло. Лицо стало багровым.

— Гляньте, как живете вы, что вы делаете? Вожделение содомское, плотское похотение, лобзание и осязание, скверное услаждение и запаление — вот ваши утехы, ваши бози. Аще реку вам: «Не заглядывайтесь братья на сестер, а сестры на братьев! Плоть убо взыскует плоть, вы же духовное есте и, яко сыны света, вслед батюшки Искупителя тецете, истрясая в прах все бесовские

ополчения. Бойтесь, страшитесь! Трепещите! Накроет вас земля и прочие камни за ваше к вере нерадение!»

Несколько минут после этой страстной сектантско-изуверской проповеди в ритуальной комнате царило гробовое молчание. Все были подавлены, поражены, словно пригнулись. Но... прошли эти минуты, и при пении: «Дай к нам Господи, дай к нам Иисуса Христа» — словно чудом все преобразилось. Куда девался страх на лицах, понурость, смиренность! В глазах изуверов и изуверок засверкали прежние безумные огоньки. Мужчины стали приближаться к женщинам.

Клубы кадильного дыма стали обволакивать комнату, фигуры сектантов. Вся комната наполнилась как бы одним общим порывисто-горячим дыханием. Чувствовалось, что то безумие, которое властно держит в своих цепких объятиях эту массу людей, вот сейчас, сию минуту должно прорваться и вылиться в чем-нибудь отвратительном, гадком, страшном. И действительно, так и случилось.

Я увидел, как около красавицы — волжской купеческой дочери — завертелся на одной ноге рыжий детина.

Вдруг вся масса сумасшедших людей закружилась, затопала, завизжала и, подобно урагану, понеслась друг за дружкой в круг, слева направо.

Страшная комната задрожала. Отрывочные слова песни, ужасная топотня голых ног о пол, шелестение в воздухе подолов рубах, свист мелькавших в воздухе платков и полотенец — все это образовало один нестройный, страшный, адский концерт. Казалось, в одном из кругов ада дьяволы и дьяволицы справляют свой бесовский праздник.

— Ах, Дух! Ах, Дух! Царь Дух! Бог Дух! — гремели одни.

— О, Ега! О! О, Ега! Гоп-та! — иступленно кричали другие.

— Накати! Накати, благодать, накати! — захлебывались третьи.

— Отсеците убо раздирающая и улаждающая, да беспечалие примите! Струями кровей своих умойтесь и тако с Христом блаженны будете! Храните девство и чистоту! Неженемые не женитесь, а женимые разженитесь! — высоким, тонким бабым голосом до ужаса страшно кричал старший приказчик. — Отсеку! Отсеку! Печать царскую наложу! В чин архангельский произведу! Божьим знаменем благословлю! Огненным крестом окрещу! Кровь жидовскую спущу!..

Но старика приказчика теперь плохо слушали. За общим гвалтом, за этим диким ужасным воем его слова терялись. Едва ли не один я их слышал. Огни вдруг стали притухать. Я увидел, как бесновато скачущий перед красавицей Аглаей Обольяниновой рыжий парень в белой рубахе иступленно схватил ее в свои объятия и повалил на пол.

Времени терять было нельзя. Надо было воспользоваться удобным моментом общего повального безумия, ибо началась отвратительная по своему бесстыдству оргия.

Я тихонько выполз из-под стола и пополз по направлению к выходной двери комнаты, ведущей к той, откуда можно было выбраться через люк.

Благополучно миновав — благодаря полутьме — это пространство, я бросился к лестнице люка и быстро поднялся по ней. Но лишь только я попал в верхнюю пристройку, как передо мной выросла огромная фигура.

— Стой! Откуда? Почему до «пролития благодати»? — раздался свистящий шепот.

Я почувствовал, как железная по силе рука схватила меня за шиворот.

— Сатана бо есмь! Сатана бо есмь! — дико вскрикнул я и, быстро выхватив свой фонарь, направил свет его на лицо державшего меня.

Я забыл вам сказать, что пальто свое я снял и спрятал за ткацким станком, что я находился в моей мантии Антихриста. Страшный крик ужаса вырвался из груди рыжего детины.

Он отпрянул от меня и застыл.

— Свят, свят, свят!.. Сатана... дьявол... Чур меня!..

— Погибнешь! — грянул я и быстрее молнии бросился бежать к воротам.

Стражник, прислуживающий около них, при виде развевающейся белой фигуры с изображением красных чертей, мчащейся с фонарем, бросился лицом наземь. А остальное вы знаете.

Да, остальное мы знали, я и агент, чуть не три часа стоявшие и мерзнувшие под прикрытием забора.

Мы видели, как около трех часов ночи из ворот таинственного дома выскочила белая фигура.

— Это он! — шепнул мне агент.

Мы бросились к этой фигуре, которая оказалась действительно Путиным.

Агент накрыл его своим пальто. Мы не шли, а бежали и вскоре очутились в нашей гостинице.

Таковы были приключения первого московского похождения. Таков был рассказ Путилина.

Стрелка часов показывала около шести часов утра. Путилин был спокоен, хотя немного бледен.

Мы с агентом слушали его, затаив дыхание.

— Вот что, голубчик, сию минуту летите на телеграф и сдайте эти депеши! — обратился Путилин.

Он быстро набросал несколько слов на двух листках, вырванных из записной книги.

Когда мы остались одни, Путилин подошел ко мне и сказал:

— Запомни на всю твою жизнь, что я никогда не испытывал такого ледящего кровь ужаса, какой я испытал несколько часов тому назад. Я, закаленный в сыских боях, был близок к обмороку.

— Скажи: есть ли практическая цель твоего безумного риска?

— Как посмотреть на этот вопрос... — загадочно ответил он.

— Но ты ведь разыскиваешь сына миллионера?

— Да.

— Какое это имеет отношение к нему?

— Никакого. И, представь, в то же время — большое. Ты знаешь мою «кривую»? Если она вывезет меня завтра, я буду триумфатором. Я упрям. Я — если хочешь знать — скорее упушу дело, чем разрушу эту «кривую». Но мне кажется, что я не ошибаюсь в данном случае.

— Стало быть, завтра предстоит похождение...

— Решительнее сегодняшнего... — усмехнулся Путилин. — Честное слово, или завтра твой друг совершит что-то, или московские сыщики будут смеяться над «знаменитым» Путилиным. Дай мне рюмку коньяку. Я чувствую себя прескверно... Сейчас я засну.

Действительно, минут через десять послышалось мерное, ровное похрапывание Путилина, не спавшего почти трое суток.

«Кипарисовый сад». Пророк «тайного белого царя»

На другой день Путилин исчез с утра.

Уходя, он бросил нам:

— Я вернусь ровно в семь часов вечера.

Признаюсь, я провел отвратительный день. Мысль о том, что сегодня ночью должен разыгаться финал таинственной истории, не давала мне покоя.

«А если вместо успеха — полное фиаско?» — проносилось в голове.

Мы с агентом передумали и переговорили немало. Ровно в семь часов вернулся Путилин.

— Телеграммы нет?

— Есть, — ответил я, подавая ему полученную около трех часов дня депешу.

Путилин быстро проглядел ее и потом протянул мне. Вот что стояло в ней:

«Мчусь с экстренным заказным. Машинист старается вовсю. Прибуду к восьми часам.

Вахрушинский».

— Сию же минуту, голубчик, летите на вокзал и встретьте его! — отдал приказ Путилин агенту. — Везите его сюда.

Когда мы остались одни, я спросил его:

— Мы его будем ожидать?

— Да. Но только до девяти часов. Если с поездом случится замедление, агент доставит Вахрушинского на место... Ну что, доктор, сегодня ты хочешь присутствовать со мной на последнем розыске?

— Ну, разумеется! — ответил я.

— Отлично, отлично! — потер руки мой друг.

— Ты сегодня без переодеваний? Без своей страшной мантии?

— Да. Сегодня это не потребуется...

В половине девятого дверь номера нашего распахнулась, и в него ураганом влетел миллионер-старик.

Он так и бросился к Путилину:

— Господи! Ваше превосходительство! Да неужели нашли?

— Пока — нет еще. Но, кажется, напал на след... — уклончиво ответил Путилин. — Я вызвал вас так спешно потому, что, может быть, вы понадобится... — И обратился к агенту: — Вы помните тот трактир, где мы были?

— Конечно.

— Так вот, вы отправитесь туда вместе с господином Вахрушинским. Там находится переодетая полиция. Пароль — «Белый голубь». Лишь только вы явитесь туда, сейчас же возьмите с собою побольше людей и оцепите с соблюдением самых строжайших предосторожностей ту часть сада, которую я вам показывал. Ждите моего сигнального свистка и тогда бросайтесь немедленно. Пора, господа, двигаться! Мы поедем с доктором.

Нас поджидали сани и быстро помчали по безлюдным, пустынным улицам. Скоро мы очутились на окраине одной из подмосковных слобод, но не той, где были вчера.

Путилин слез и велел кучеру (я уже знал, что это переодетый полицейский) поджидать нас тут.

Перед нами расстился огромный огород с бесчисленными рядами гряд, запущенных легким снегом. Рядом с ним возвышался каменный двухэтажный дом. Окна старинного типа, как верхнего, так и нижнего этажей, были наглухо закрыты железными ставнями с железными болтами. Ворота с дубовыми засовами. Высокий бревенчатый забор с большими гвоздями вверху окружал сад, примыкающий к дому.

— Нам надо пробраться туда, в самую середину сада... — шепнул мне Путилин.

— Но как нам это удастся? Смотри, какой забор... и гвозди...

— Иди за мной! Мы поползем сейчас по грядам и проникнем с той стороны огорода. Я высмотрел там отличное отверстие.

Мы поползли. Не скажу, чтоб это было особенно приятное путешествие.

Мы ползли на животе по крайней мере минут десять, пока не уперлись в забор.

Путилин приподнял оторвавшуюся доску забора и первый пролез в образовавшееся отверстие. Я — за ним. Мы очутились в саду.

Он был тих, безмолвен, безлюден. В глубине его виднелась постройка-хибарка типа бани.

— Скорее туда! — шепнул мне Путилин.

Через секунду мы были около нее.

Путилин прильнул глазами к маленькому оконцу.

— Слава Богу, мы не опоздали! Скорее, скорее!..

Он открыл дверь, и мы вошли во внутренность домика.

Это была действительно баня. В ней было жарко и душно.

Топилась большая печь. Яркое пламя бросало кровавый отблеск на стены, на полки, на лавки.

Путилин зорко оглядел мрачное помещение, напоминающее собою застенки средневековой инквизиции.

— Скорее, доктор, лезь под полук! Там тебя не увидят. Я спрячусь тут, за этим выступом. Торопись, торопись, каждую секунду могут войти.

Действительно, лишь только мы разместились, как дверь бани раскрылась, и послышалось пение старческого голоса на протяжно-заунывный мотив:

Убить врага не в бровь, а в глаз,
Разом отсечь греха соблазн
Попрать телесно озлобленье,
Сокрушить ада средостенье

Признаюсь, меня мороз продрал по коже. Эта необычайная обстановка, этот заунывный напев, эти, непонятные мне, какие-то кабалистические слова...

— Иди, иди, миленький!.. — раздался уже в самой бане тот же высокий, тонкий старческий голос. — Иди, не бойся! Ко Христу идешь, к убелению, к чистоте ангельской.

Вспыхнул огонек.

Теперь мне стало все видно. Старичок, худенький, небольшого роста, вел за руку высокого, стройного молодого человека.

Он зажег тонкую восковую свечу и поставил ее на стол, на котором лежали, на белом полотенце, крест и Евангелие.

Старик был в длинной холщовой рубахе до пят, молодой человек тоже в белой рубахе, поверх которой было накинуто пальто.

— А ты теперь, миленький, пальто-то скинь. Жарко тут, хорошо, ишь как духовито! Благодать! Пока я крест раскалять буду, ты, ангелочек, почитай Евангелие. От евангелиста Матфея. Почитай-ка: «И сущь скопцы, иже исказиша сами себе царствия ради небесного».

Страшный старикашка подошел к ярко пылавшей печке, вынул острый нож с длинной деревянной ручкой и всунул его в огонь, медленно повертывая его. Нож быстро стал краснеть, накаливаться.

Я не спускал глаз с молодого человека.

Лицо его было искажено ужасом. Он стоял как пришибленный, придавленный. Его широко раскрытые глаза, в которых светился смертельный страх, были устремлены на скорчившуюся фигуру старика, сидящего на корточках перед печкой и все поворачивающего в огне длинный нож.

Моментами в глазах его вспыхивало бешенство. Казалось, он готов был броситься на проклятого гнома и задавить его. Губы его, совсем побелевшие, что-то тихо, беззвучно шептали...

— Страшно... страшно... не хочу... — пробормотал он.

— Страшно, говоришь? И-и, полно, милушка! Сладка, а не страшна архангелова печать... И вот верь, вот ни столечки не больно... — утешал молодого человека страшный палач.

— Ну, пора! — поднялся на ноги старик. — Пора, милушка, пора! Зане и так вчера дьявол явился в страшной пелене. Не к добру это!..

И он с раскаленным добела ножом стал приближаться к молодому человеку.

— Встань теперь, Митенька, встань, милушка! Дело Божеское, благодатное... Одно слово: «Духом Святым и огнем...» Не робь, не робь, не больно будет.

Молодой человек вскочил как безумный. Он весь трясся. Пот ужаса капал с его лица.

— Не хочу! Не хочу! Не подходи!

— Поздно, миленький, поздно теперь! — сверкнул глазами старик. — Ты уж причастие наше принял...

— Не дам... убегу... вырвусь... — бормотал в ужасе молодой человек.

— Не дашь? Хе-хе-хе! Как ты не дашь, когда я около тебя с огненным крестом стою? Убежишь? Хе-хе-хе, а куда ты убежишь? Нет, милушка, от нас не убежишь! Сторожат святые, чистые, белые голуби час вступления твоего в их чистую, святую стаю. Поздно, Митенька, поздно. Никто еще отсюда не выходил без убеления, без приятия чистоты... Брось, милушка, брось, не робь! Ты закрой глазки да «Христос воскрес» затыни.

— Спасите меня! Спасите! — жалобно закричал молодой человек голосом, в котором зазвенели ужас, мольба, смертельная тоска.

— Никто не спасет... никто не спасет. Христос тебя спасет, когда ты убелишься! Слышишь? — прошептал «мастер» с перекошенным от злобы лицом.

И он шагнул решительно к молодому человеку, одной рукой хватая его за холщовую рубаху, другой протягивая нож.

— Я спасу! — раздался в эту страшную минуту голос Путилина.

Он быстро выскочил из засады и бросился на отвратительного старика.

Одновременно два страшных крика пронеслись в адской бане: крик скопческого «мастера»-пророка и крик молодого человека:

— А-ах!..

— Доктор, скорее к молодому Вахрушинскому!

Я бросился к несчастному молодому человеку и едва успел подхватить его на руки. Он упал в глубоком обмороке. Страшные пережитые волнения да еще испуг при внезапном появлении Путилина дали сильнейший нервный шок.

Путилин боролся с проклятым стариком.

— Стой, негодяй, я покажу тебе, как убелять людей! Что, узнал меня, Прокл Онуфриевич, гнусный скопец?

— Узнал, проклятый дьявол!.. — хрипел тот в бессильной ярости, стараясь всадить нож в Путилина.

Но под дулом револьвера, который мой друг успел выхватить, изувер затрясся, побелел и выронил нож.

Быстрым движением Путилин надел на негодяя железные браслеты и, выйдя из бани, дал громкий сигнальный свисток.

В саду бродили какие-то тени. Это «чистые, белые голуби» ожидали с каким-то мучительным наслаждением крика оскопляемого. Для них не было, как оказывается, более светлого, радостного праз-

дника, как страшная ночь, в которую неслись мучительные вопли жертв проклятых изуверов.

Крики ужаса старшего приказчика и несчастного Вахрушинского были поняты «белыми голубями» именно как крики «убеленья».

И вот они, дожидавшиеся этого сладостного момента, выскочили из горенок своего флигеля и приблизились к зловещей бане.

Не прошло нескольких секунд, как в сад нагрянула полиция, руководимая агентом.

Начался повальный осмотр — облава этого страшного изуверского гнезда, оказавшегося знаменитым скопческим «кораблем».

— Оцепляйте все выходы и входы! — гремел Путилин. — Никого не выпускайте!

К нему, пошатываясь от волнения, подошел старик миллионер.

— Господин Путилин... Ради Бога... жив сын? Нашли его?

— Нашел, нашел, голубчик! Жив он, идемте к нему! — радостно-возбужденно ответил Иван Дмитриевич.

С большим трудом мне удалось привести в чувство несчастного молодого Вахрушинского, едва не сделавшегося жертвой подлых изуверов.

В ту секунду, когда он открыл глаза, вздохнул, в страшную баню входили Путилин и потрясенный отец-миллионер.

— Митенька! Сынок мой! — закричал, бросаясь к нему, Вахрушинский.

Молодой человек, не ожидавший, конечно, в этом месте увидеть отца, вскочил, точно под действием электрического тока.

— Батюшка?! Дорогой батюшка! — вырвался из его груди крик сыновней радости.

И он бессильно опустился на грудь старика. Слезы, благодатные слезы хлынули у него из глаз. Они спасли скопческую жертву от нервной горячки или, быть может, даже от помешательства.

— Господи... — сквозь рыдания вырывалось у старика Вахрушинского. — Да где мы? Куда ты попал?.. Что это... почему ты в этой длинной рубахе?.. Митенька... сынок мой любимый.

Путилин стоял в сторонке. Я увидел, что в глазах его, этого дивного человека, сверкали слезы.

— Вы спрашиваете, господин Вахрушинский, где вы находитесь? — начал я, выступая вперед. — Знайте, что вы и ваш сын сейчас в мрачном гнезде отвратительного скопческого «корабля». На вашем сыне белая рубаха потому, что вот сейчас, вернее, с полчаса тому назад ваш сын должен быть оскопленным, если бы...

— Боже Всемогущий! — хрипло вырывалось у миллионера. Его даже шатнуло. — Как?! Его, моего сына единственного, моего наследника, опору моих старых лет, хотели оскопить? Сынок мой, Митенька, да неужели правда?

— Правда, батюшка... — еле слышно слетело с побелевших губ несчастного молодого человека.

Старик миллионер осенил себя широким крестом, сделал шаг вперед и вдруг грузно опустился на колени перед Путилиным и поклонился ему в ноги, до земли.

— Спасибо тебе, Иван Дмитриевич, по гроб жизни моей — великое тебе спасибо! То, что ты сделал — сына мне спас, — никакими деньгами не отблагодарить... В ноги тебе поклониться надо, и я сделаю это!

Растроганный Путилин поднял старика миллионера.

Через несколько минут мы выходили вчетвером из бани, в которой «ангелы» и «пророки» «тайного белого царя» изуродовали не одну молодую жизнь.

Во флигеле мелькали огни, слышались испуганные крики, возня...

К великому сыщику подскочил полицейский чин.

— Идем, ваше превосходительство, повальный обыск. Мы ожидаем вас.

— Меня? — иронически произнес Путилин. — С какой стати меня? Я, любезный полковник, свое дело сделал. Я ведь гастролер у вас и, кажется, роль свою выполнил успешно. Теперь дело за вами. Я предоставляю вам, как местным властям, знакомиться впервые с тем гнусным притоном изуверов, который столь пышно расцветал и расцвел... у вас под носом, под вашим бдительным надзором. Имею честь кланяться! Моим московским коллегам передайте, что я не особенно высокого мнения об их способностях.

* * *

Остаток ночи мы провели впятером в грязной гостинице, где остановились.

Мы были все настолько взволнованны, что о сне, об отдыхе никто и не помышлял, за исключением молодого Вахрушинского, которого я чуть не насильно уложил в кровать.

— Дорогой Иван Дмитриевич, как дошли вы до всего этого? — приставал старик миллионер к моему другу.

— С первого взгляда на комнату-келью вашего сына, господин Вахрушинский, я сразу понял, что сын ваш страдает известной долей того религиозного фанатизма, которым так выгодно и плодотворно умеют пользоваться прозелиты всевозможных изуверских сект, орденов, братств. В проклятом старике, вашем старом приказчике, которого мы застали в комнате вашего сына, я распознал не особенно старого скопца. По-видимому, он перешел в скопчество года три-четыре, потому что еще не вполне преобразился в «белого голубя». Но уже голос его стал бабьим, уже щеки его стали похожи на пузыри, словно налитые растопленным салом. Когда же я увидел на одной из страниц тетради вашего сына свежее жирное пятно, для меня стало ясно, что по каким-то тайным причинам почтенный изувер залезал в тетрадь молодого человека. У Обольяниновых бывшая невеста вашего сына допустила непростительный промах, сразу раскрыв, что она хлыстовка.

— Хлыстовка?! О Господи... — содрогнулся Вахрушинский.

— Волжская красавица, ха-ха-ха, забыла снять с головки белый коленкорový платочек, одетый особенным хлыстовским манером. Что исчезновение вашего сына тесно связано с приказчиком-скопцом и с экс-невестой хлыстовкой — в этом я уже не сомневался, но являлся вопрос, куда он попал: в хлыстовский или же в скопческий «корабль»? Узнав о внезапном отъезде в Москву скопца и хлыстовки, я бросился за ними, послав предварительно в том же поезде агента, который сидит перед вами. Он проследил, куда направились с вокзала и волжская купеческая дочь, и ваш приказчик. На другой день я был на радении хлыстов. Среди них я не увидел вашего сына. Тогда я бросился к скопцам — «белым голубям». Остальное вы знаете.

Молодой человек, оказывается, не спал. Раздался его вздрагивающий голос:

— Совершенно верно. А попал я к скопцам потому, что не понимал, в чем заключается та «чистота», о которой они все говорили и пророчествовали. Проклятый Прокл якобы от имени Аглаи мне передавал, что она решила только тогда выйти за меня замуж, если я «убелюсь», восприму «Христову печать — огненное крещение», если я сделаюсь «белым голубем». Об ужасе, который меня ожидал, я сообразил только в последнюю минуту, там, в этой страшной бане. Но было уже поздно, и, не явись господин Путилин — я бы погиб.

ГРОБ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

Гений зла

Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль.

Вдруг он круто остановился передо мной.

— А ведь я его все-таки должен поймать, доктор!

— Ты о ком говоришь? — спросил я моего друга.

— Да о ком же, как не о Домбровском! — с досадой вырвалось у Путилина. — Целый год он играет со мной, как кошка с мышкой. Много на своем веку видел я отъявленных и умных плутов высокой марки, но признаюсь тебе, что подобного обер-плута еще не встречал. Гений, ей-Богу, настоящий гений! Знаешь, я искренно им восхищаюсь.

— Что же, тебе, Иван Дмитриевич, особенно должна быть приятна борьба с этим господином, так как вы — противники равной силы.

— Ты ведь только вообрази, — продолжал Путилин, — сколько до сих пор нераскрытых преступлений этого короля воров и убийц лежит на моей совести! В течение одиннадцати месяцев — три кражи на огромную сумму, два убийства, несколько крупных мошеннических дел — подлогов. И все это совершено одним господином Домбровским! Он прямо неуловим! Знаешь ли ты, сколько раз он меня оставлял в дураках? Я до сих пор не могу без досады вспомнить, как он провел меня с делом похищения бриллиантов у одного ювелира. Как-то обращается ко мне этот известный ювелир с заявлением, что из его магазина началось частое хищение драгоценных вещей: перстней, булавок, запонок с большими солитерами огромной ценности.

«Кого же вы подозреваете?» — спросил я ювелира.

«Не знаю, прямо не знаю, на кого и подумать. Приказчики мои — люди испытанной честности, и, кроме того, ввиду пропавшей у учредил за всеми самый бдительный надзор. Я не выходил и не выхожу из магазина, сам продаю драгоценности, и... тем не менее не далее как вчера у меня на глазах, под носом, исчез рубин редчайшей красоты. Ради Бога, помогите, господин Путилин!»

Ювелир чуть не плакал. Я решил взяться за расследование этого загадочного исчезновения бриллиантов.

«Вот что... Не хотите ли вы взять меня на несколько дней приказчиком?» — спросил я его.

Бедняга страшно изумился.

«Как?!» — сразу не сообразил он.

«Очень просто: мне необходимо быть в магазине, чтобы следить за покупателями. Как приказчику, это будет чрезвычайно удобно».

На другой день, великолепно загримированный, я стоял рядом с ювелиром за зеркальными витринами, в которых всеми цветами радуги переливались драгоценные камни.

Я не спускал глаз ни с одного покупателя, следя за всеми их движениями. А вечером услышал подавленный крик злополучного ювелира:

«Опять, опять! Новая пропажа!»

«Да быть не может? Что же исчезло?»

«Булавка с черной жемчужиной!»

Я стал вспоминать, кто был в этот день в магазине. О, это была пестрая вереница лиц! И генералы, и моряки-офицеры, и штатские денди, и великосветские барыни, и ливрейные лакеи, являющиеся с поручениями от своих знатных господ.

Стало быть, среди этих лиц и сегодня был поразительно ловкий мошенник. Но в каком виде явился он? Признаюсь, это была не легкая задача...

На другой день я получил по почте письмо. Помню его содержание наизусть. Вот оно:

«Любезный г. Путилин! Что это Вам пришла за странная фантазия обратиться в приказчика этого плута-ювелира? Это не к лицу гениальному сыщику. Ваш *Домбровский*».

Когда я показал это письмо ювелиру, он схватился за голову.

«Домбровский?! О, я погиб, если вы не спасете меня от него. Это не человек, а дьявол! Он разворует у меня постепенно весь магазин!..»

Прошел день, без покражи. Я был убежден, что гениальный мошенник, узнав меня, не рискнет больше являться в магазин и что его письмо — не более как дерзкая бравада.

На следующий день, часов около пяти, к магазину подкатила роскошная коляска с ливрейным лакеем на козлах.

Из коляски вышел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую трость с золотым набалдашником, полуседой джентльмен — барин чистой воды. Лицо его дышало истым благородством и доброжелательностью.

Лишь только он вошел в магазин, как ювелир с почтительной поспешностью направился к нему навстречу.

«Счастлив видеть ваше сиятельство...» — залепетал он.

«Здравствуйте, здравствуйте, любезный хозяин, — приветливо-снисходительно бросил важный посетитель. — Есть что-нибудь новенькое, интересное?»

«Все что угодно, ваше сиятельство».

«А кстати: я хочу избавиться от этого перстня. Надоел он мне что-то. Сколько вы мне за него дадите?»

Ювелир взял перстень и долго его разглядывал. Это был огромный солитер дивной воды.

«Три тысячи рублей могу вам предложить за него...» — после долгого раздумья проговорил он.

«Что? — расхохотался старый барин. — За простое стекло — три тысячи рублей?»

«То есть как — за стекло? — удивился ювелир. — Не за стекло, а за бриллиант».

«Да бросьте, это — лондонская работа, поддельный бриллиант. Мне подарил его мой дядюшка как образец заграничного искусства подделывать камни».

Злополучный ювелир покраснел как рак. Его, его, величайшего знатока, специалиста, пробуют дурачить!

«Позвольте, я его еще хорошенько рассмотрю».

Он стал проделывать над бриллиантом всевозможные пробы, смысл и значение которых для меня, как для профана, были совершенно темны и непонятны.

«Ну что, убедились?» — мягко рассмеялся князь.

«Убедился... что это — бриллиант самый настоящий и очень редкой воды».

Выражение искреннего изумления отразилось на лице князя.

«И вы не шутите?»

«Нимало. Неужели вы полагаете, что я не сумею отличить поддельного камня от настоящего?»

«И вы... вы согласны дать мне за него три тысячи рублей?»

«И в придачу даже вот эту ценную по работе безделушку», — проговорил ювелир, подавая князю булавку с головкой-камеей тонкой работы.

«Ах, какая прелесть!.. — восхищенно вырвалось у посетителя. — Ну-с, я согласен продать вам этот перстень, но только с одним условием».

«С каким, ваше сиятельство?»

«Во избежание всяческих недоразумений потрудитесь дать мне расписку, что купили у меня перстень с поддельным бриллиантом за три тысячи рублей».

«О, с удовольствием! — рассмеялся ювелир. — Вы извините меня, ваше сиятельство, но вы большой руки шутник!»

Расписка была написана и вручена. Важный посетитель протянул ювелиру драгоценный перстень.

«Сейчас я тороплюсь по делу, но через час заеду к вам. Вы подберите мне что-нибудь интересное».

«Слушаюсь, ваше сиятельство!»

Вскоре коляска отъехала от магазина.

Прошло минут пять. Я заинтересовался фигурой какого-то господина, очень внимательно разглядывающего витрину окна.

Вдруг яростный вопль огласил магазин.

Я обернулся. Злосчастный ювелир стоял передо мной блее полотно.

«Господин Путилин... Господин Путилин...» — бессвязно лепетал он.

«Что такое? Что с вами? Что случилось?» — спросил я, недоумевая.

«Фальшивый... фальшивый!» — с отчаянием вырвалось у ювелира.

«Как фальшивый? Но вы же уверяли, что это — настоящий бриллиант?..»

Ювелир хватался руками за голову.

«Ничего не понимаю... ничего не понимаю... Я видел драгоценный солитер, который вдруг сразу превратился в простое стекло».

Зато я все понял. Этот важный посетитель был не кто иной, как Домбровский. У гениального мошенника было два кольца, капля в каплю похожие одно на другое. В последнюю минуту он всучил ювелиру не настоящий бриллиант, а поддельный.

Путилин прошелся по кабинету.

— А знаешь ли ты, что третьего дня опять случилась грандиозная кража? У графини Одинцовой похищено бриллиантов и других драгоценностей на сумму около четырехсот тысяч рублей. Недурно?

— Гм... действительно, недурно, — ответил я. — И ты подзреаешь...

— Ну, разумеется, его. Кто же, кроме Домбровского, может с таким совершенством и блеском ухитриться произвести такое необычайное хищение! Кража драгоценностей произошла во время бала. Нет ни малейшего сомнения, что гениальный вор находился в числе гостей, ловким образом проник в будуар графини и там похитил эту уйму драгоценностей.

— И никаких верных следов, друже?

— Пока никаких. Общественное мнение страшно возбуждено. «В высших инстанциях» несколько косятся на меня. Мне было поставлено вежливо на вид, что ожидали и ожидают от меня большего, что нельзя так долго оставлять на свободе, неразысканным, такого опасного злодея. Откровенно говоря, все это меня страшно волнует. Но я ему устроил зато везде и всюду страшную засаду.

— Попробовали бы они сами разыскать подобного дьявола... — недовольно проворчал я, искренно любивший моего друга.

— Но клянусь, что я еще не ослаб и во что бы то ни стало поймаю этого господина! — слегка стукнул ладонью по столу Путилин.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Путилин.

Вошел дежурный агент и с почтительным поклоном подал Путилину элегантный конверт.

— Просили передать немедленно в собственные руки вашему превосходительству.

— Кто принес, Жеребцов? — быстро спросил Путилин.

— Ливрейный выездной лакей.

— Хорошо, ступайте.

Путилин быстро разорвал конверт и стал читать.

Я не сводил с него глаз и вдруг заметил, как краска гнева бросилась ему в лицо.

— Ого! Это, кажется, уж чересчур! — резко вырвалось у него.

— В чем дело, друже?

— А вот прочти.

С этими словами Путилин подал мне элегантный конверт с двойной золотой монограммой.

Вот что стояло в письме:

«Мой гениальный друг!

Вы дали клятву поймать меня. Желая прийти Вам на помощь, сам извещаю Вас, что сегодня, ровно в три часа дня, я выезжаю с почтовым поездом в Москву, по Николаевской железной дороге. С собой я везу все драгоценности, похищенные мною у графини Одинцовой. Буду весьма польщен, если Вы проводите меня.

Уважающий Вас *Домбровский*».

Письмо выпало у меня из рук. Я был поражен, как никогда в моей жизни.

— Что это: шутка, мистификация?

— Отнюдь нет. Это правда.

— Как?!

— Я отлично знаю почерк этого мошенника. Это один из его блестяще смелых трюков. Домбровский любит устраивать неожиданные выпады.

— А ты не предполагаешь, что это сделано для отвода глаз? В то время, когда мы будем его караулить на Николаевском вокзале, он благополучно удерет иным путем.

Путилин усмехнулся.

— Представь себе, нет. Он действительно, если только мне не удастся узнать его, непременно уедет с этим поездом, и непременно по Николаевской дороге. О, ты не знаешь Домбровского! Неужели ты думаешь, что, если бы это был обыкновенный мошенник, я не изловил бы его в течение года? В том-то и дело, что он равен мне по силе находчивости, дерзкой отваге. Он устраивает такие ходы, какие не устраивал ни один шахматный игрок мира.

Путилин взглянул на часы.

Стрелка показывала половину второго.

— Я принимаю вызов. Bravo, Домбровский, честное слово, это красивая игра! — возбужденно проговорил мой друг. — Итак, до отхода поезда остается полтора часа. Гм... немного...

Путилин провожает мошенника

На Николаевском вокзале в то время не царило при отходе поездов того сумасшедшего движения, какое вы наблюдаете теперь. Пассажиров было куда меньше, поезда ходили значительно реже.

Было без сорока минут три часа, когда я спешно подъехал к Николаевскому вокзалу.

Почти сейчас же приехал и Путилин.

Железнодорожное вокзальное начальство, предупрежденное очевидно, встретило его.

— Вы распорядились, чтобы несколько задержали впуск пассажиров в поезд? — спросил он начальника станции.

— Как же, как же. Все двери заперли. Могу поручиться, что ни один человек незаметным образом не проникнет в вагоны.

Путилин, сделав мне знак, пошел к выходу на перрон вокзала.

Поезд, уже готовый, только еще без паров, был подан.

Он состоял из пяти вагонов третьего класса, двух вагонов второго и одного — первого класса, не считая двух товарных вагонов.

— Надо осмотреть на всякий случай весь поезд... — задумчиво произнес Путилин.

Мы обошли все вагоны. Не было ни одного уголка, который не был бы осмотрен нами.

Увы, поезд был пуст, совершенно пуст!

Мы прошли всем дебаркадером. Всюду стояли жандармы, оберегая все выходы и входы.

У каждого вагона стояли опытные агенты, мимо которых должны были пройти пассажиры.

Мы вернулись в зал первого класса.

Тут было не особенно много пассажиров. Мой друг зорко всматривался в лица мужчин и женщин, одетых по-дорожному, с традиционными сумками через плечо.

Особенное внимание привлекал высокий рыжий господин с огромными бакенбардами, с чемоданом в руках. Это был тип англичанина туриста.

— Пора пускать публику садиться в вагоны! — незаметно шепнул начальник станции.

— Пускайте! — так же тихо ответил Путилин.

Путилин встал у дверей, не спуская пристального взгляда с пассажиров.

Прошел один, другой, третья...

— Скажите, пожалуйста, который час? — по-английски обратился Путилин к высокому рыжему джентльмену.

Тот удивленно вскинул на него глаза.

— Виноват, я не понимаю, что вы говорите! — холодно бросил он.

Пассажиров больше не оставалось.

Дверь была моментально заперта на замок, и отдан был приказ пропускать с «осмотрительностью».

Публика почти вся уже расселась по вагонам.

— Его нет! — на ходу бросил Путилину агент, дождавшийся выпуска последнего пассажира из зала третьего класса.

— Садитесь при последнем звонке в вагон первого класса, там — рыжий господин с черным большим чемоданом. Не спускайте с него глаз. Следуйте по пятам. Мы будем обмениваться записками, — тихо проговорил Путилин.

Поезд был наполнен.

Под предлогом, что кем-то из пассажиров обронен ридикюль с ценными вещами, агенты, кондукторы и жандармы вновь самым тщательным образом обшарили весь поезд. Путилин, якобы муж потерявшей ридикюль дамы, сопровождал им.

Результат был тот же: Домбровского в поезде не было, если только рыжий... До отхода оставалось около девяти минут.

Когда Путилин с довольной усмешкой, обследовав все вагоны, выходил из последнего, своды дебаркадера огласились звуками стройного похоронного пения. Четыре здоровенных факельщика несли большой гроб лилового бархата. Он в их руках мерно и тихо колыбался.

За гробом шла женщина в трауре, горько, безутешно рыдавшая. Ее истеричный плач, полный тоски, ужаса, глухо раздавался под сводами вокзала.

За гробом шли певчие в кафтанах с позументами.

— Куда, в какой вагон вносить? — спросили начальника станции двое черных факельщиков, несших гроб.

— Да вот прямо — в траурный, не видите разве? — недовольно буркнул начальник станции. — Точно в первый раз.

Гроб внесли в вагон. Вновь раздалось заунывное пение.

Путилин, человек в высокой степени религиозный, стоял у печального вагона без шляпы на голове.

Чувствительный и добрый, как все талантливые, благородные люди, он с искренним соболезнованием обратился к даме в трауре:

— Простите, сударыня... Вы так убиваетесь... Кого вы потеряли? — И Путилин указал на гроб, вносимый в траурный вагон.

Прелестное заплаканное личико молодой женщины посмотрело сквозь черный креп на Путилина.

— Мужа... Я потеряла мужа, моего дорогого мужа.

Она заломила в отчаянии руки и, поддерживаемая каким-то почтенным седым господином, вошла в вагон первого класса.

— Третий звонок, — отдал приказ начальник станции.

— «Со святыми упоко-о-ой...» — грянули певчие под звуки станционного дребезжащего колокола.

Исчезнувший покойник

Я еще никогда не видел моего друга в таком странном состоянии духа, как тогда, когда мы возвращались в карете с вокзала. Моментами он казался темнее тучи; моментами лицо его освещалось довольной улыбкой.

Он не проронил ни слова.

Только тогда, когда карета свернула в какой-то переулок, неподалеку от управления сыскной полиции, он обратился ко мне:

— Сегодняшний вечер и сегодняшняя ночь должны кое-что выяснить. Если ты хочешь присутствовать при всех перипетиях моей решительной борьбы с этим дьяволом, то приезжай часов в семь ко мне в управление. Я ожидаю важные донесения.

Сделав несколько визитов по больным, наскоро переодевшись и закусив, я ровно в семь часов входил в служебный кабинет моего друга.

— Ну что?

— Пока ничего... — сумрачно ответил Путилин.

Мы стали беседовать о некоторых случаях из криминальной хроники Парижа.

— Дешеша! — вытянулся курьер перед Путилиным.

Путилин нервно вскрыл ее.

— Проклятие! — вырвалось у него.

«Мы напали на ложный след. Черный чемодан не принадлежит Домбровскому. Жду ваших распоряжений», — стояло в телеграмме.

Путилин черкнул на листе бумаги:

«Следуйте дальше, вплоть до Москвы».

Беседа о некоторых чудесах антропологии прервалась.

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Вдруг он вскочил с места и как испуганный забежал по кабинету.

— Дурак! Болван! Старый осел, прозевал! Прозевал! — вырывалось у него.

Он, казалось, готов был вырвать все свои волосы. Он, мой дорогой уравновешенный друг, был прямо страшен.

Я невольно вскочил и бросился к нему:

— Ради Бога, что с тобой?! Что случилось?

— Случилось то, что мы с тобой действительно проводили Домбровского. Я даже с ним, представь, раскланялся.

— Так почему же ты его не арестовал?

Путилин не слушал меня. Быстрее молнии он написал несколько слов на бумаге.

— Дешешу скорее отправлять! Постойте, вот вторая! Да стойте, черт вас возьми, вот третья!

Я ровно ничего не понимал, у меня, каюсь, даже мелькнула мысль: не сошел ли с ума мой гениальный друг.

— Скорее ко мне Юзефовича.

Через несколько секунд в кабинет вошел маленький, юркий человечек. Путилин что-то шепнул ему на ухо.

— Через сколько времени?

— Да так часа через два-три.

Мы остались вдвоем.

Путилин подошел ко мне и, опустив руку на плечо, проговорил:

— Я посрамлен. Гениальный мошенник сыграл со мной поразительную штуку. Он надел мне на голову дурацкий колпак. Но помни, что за это я дам ему настоящий реванш. А теперь я тебе вот что скажу: содержание тех телеграмм, которые я сейчас получу, для меня известно.

Прошло несколько минут.

Я, заинтересованный донельзя, весь обратился во внимание.

— Дешеша! — опять вытянулся перед Путилиным курьер.

— Им подай! — приказал Путилин. — Ну, докториус, вскрывай и читай!

— «Начальнику сыскной полиции его превосходительству Путилину. Сим доношу Вам, что следовавшая за покойником дама в трауре бесследно исчезла из вагона 1-го класса, в котором ехала. Осталось только несколько забытых ею вещей. Куда делась — неизвестно. Начальник станции Z и агент X».

Телеграмма была отправлена со станции Боровенки. Время получения — 10 часов 38 минут вечера.

— Что это значит? — обратился я, удивленный, к Путилину. Путилин был бледен от бешенства.

— Это значит только то, что ты вскрыешь очень скоро новую депешу.

Действительно, через полчаса, а может и больше, нам подали новую депешу:

«Случилось необычайное происшествие. Обеспокоенный внезапным исчезновением дамы с трауром, я по приезде поезда на следующую станцию вошел в вагон с покойником. Дверь вагона была настежь открыта. Крышка гроба валялась на полу. Гроб оказался пустым. Покойник украден. Что делать?»

Я захлопал глазами.

Признаюсь откровенно, у меня даже волосы встали дыбом на голове.

— Как покойник украден? — пролепетал я. — Кому же надо красть покойника?..

— Бывает... — усмехнулся Путилин, быстро набрасывая слова на бумагу.

— Депеша! — опять выросла перед нами фигура курьера.

— Что ж, читай уж до конца мою сегодняшнюю страшную корреспонденцию! — бросил мой друг.

— «Благодарю Вас за то, что Вы меня проводили. От Вас, мой друг, я ожидал большей находчивости. Я сдержал свое слово: Вы проводили меня. Искренно Вас любящий *Домбровский*».

— Понял ты теперь или нет? — бешено заревел Путилин, комкая в руках депешу.

От всей этой абракадабры у меня стоял туман в голове.

— Ровно ничего не понимаю, — искренно вырвалось у меня. Секретный шкаф открылся.

Перед нами стоял Юзефович.

— Ну?!

— Он здесь. Я привел его.

— Молодец! Впусти его.

Дверь отворилась, и в кабинет робко, боязливо вошел невысокий человек в барашковом пальто-бекеше.

Странный заказчик

— Вы содержатель гробового заведения Панкратьев? — быстро спросил Путилин.

— Я-с, ваше превосходительство! — почтительно ответил он.

— Расскажите, как было дело!

— Было-с это четыре дня тому назад, — начал гробовщик. — Час уже был поздний, мастерская была закрыта. Мы спешно кончали гроб. Вдруг через черный ход входит господин, отлично одетый.

«Вы хозяин?» — обратился он ко мне.

«Я-с. Чем могу служить?»

«Я приехал заказать вам гроб».

«Хорошо-с. А к какому сроку вам требуется его изготовить».

«Да как успеете... — ответил поздний посетитель. — Я хорошо заплачу».

«А вам для кого гроб требуется, господин?» — обрадованный посулом щедрой платы, спросил я.

«Для меня!» — резко ответил он.

Я-с вздрогнул, а потом скоро сообразил: ну, конечно, шутит господин.

«Шутить изволите, хе-хе-хе, ваше сиятельство!»

А он-с и вонзился в меня своими глазами.

«Я, любезный, нисколько не шучу с вами! Вам нужна мерка? Так потрудитесь снять ее с меня. Не забудьте припустить длину гроба, потому что когда я умру, то, конечно, немного вытянусь».

Я-с, признаюсь, ваше превосходительство, нехорошо себя почувствовал, даже побелел весь, как потом мне рассказывали жена и подмастерье. Оторопь, жуть взяли меня. Первый раз в жизни моей приходилось мне для гроба снимать мерку с живого человека.

Однако делать нечего, взял я трясущимися руками мерку и стал измерять важного господина.

Когда покончил я с этим, он и говорит:

«Сейчас я вам объясню, какой я желаю гроб, а пока... нет ли у вас какого-нибудь готового гроба, чтобы я мог кое-что сообразить?..»

Я указал ему на гроб, который мы уже обтягивали глазетом.

Посетитель подошел к нему и полез в него.

«Дайте подушку!» — строго скомандовал он.

«Агаша! Давай подушку свою!» — приказал я жене.

Та-с со страхом, тихонько крестясь, подала мне подушку.

Через секунду посетитель лежал, вытянувшись, в гробу.

«Дайте крышку!» — приказал он. — Прикройте меня ею!..»

Поверите ли, как стал я закрывать гроб крышкой, аж зубы у меня защелкали. Что, думаю, за диво такое? Уж не перехватил ли я, грешным делом, лишнего с приятелем-гробовщиком в погребке, уж не снится ли мне страшный сон? Даже за нос свой, ваше превосходительство, себя уцепил.

«Отлично!» — громко вскричал важный господин, вылезая из гроба.

«Про... прочная работа...» — заикнулся я.

«Ну-с, любезный хозяин, теперь я вам объясню, какой гроб вы должны мне сделать. Прежде всего, вы должны мне сделать гроб с двойным дном».

«Как-с с двойным дном?» — попятился я.

«Очень просто: именно с двойным дном. Разве вы не знаете, что такое двойное дно? На первом дне буду лежать я, а подо мной должно находиться пустое пространство, сиречь — второе дно. Ширина его не должна быть большая... Так примерно вершка в три-четыре. Поняли?»

«П... понял-с...» — пролепетал я.

«Затем, в крышке гроба, в уровень с лицом моим, вы вырежете три дырочки-отверстия: две — для глаз, одну — для рта. Сверху вы прикроете их кружочками из бархата. Вы примерьте-ка лучше, любезный!»

Господин вновь влез в гроб. Я-с, накрыв его крышкой, мелом очертил на ней, где должны быть дырочки для глаз, для рта.

«Затем, и это весьма важно, вы должны поставить в углах крышки такие винтики, чтобы покойник в случае, если бы он захотел, мог совершенно свободно отомкнуть завинченную крышку. Поняли? Гроб обейте лиловым бархатом. Ну-с, сколько вы возьмете с меня за такой гроб?»

Я замаялся. Сколько с него заломить при такой okazji? Барин чудной, богатей, видно.

«Не знаю, право, ваше сиятельство...» — пробормотал я.

«Пятьсот рублей довольно будет?» — улыбнулся он, вынимая из толстого бумажника пять радужных.

Я-с, обрадованный, спросил, куда они прикажут доставить гроб.

«Я сам за ним заеду, любезный. Если все хорошо сделаете, я прибавлю еще пару таких же билетов. До свидания».

Когда он ушел, мы долго с женой и подмастерьем обсуждали это необычайное, можно сказать, посещение и этот диковинный заказ. Жена-с моя — женщина нрава решительного — выхватила у меня деньги и прикрикнула на меня:

«Ну, о чем ты сусолишь? Тебе-то что? Мало ли какие затеи приходят в голову сытым господам? Пшел стругать гроб!»

— Ну, а дальше что, Панкратьев? — спросил Путилин.

— Через сутки, к вечеру, приехал этот господин, гробом остался доволен, дал, как обещался, две радужных и увез гроб с собою.

— Ступайте! Вы свободны! — отрывисто бросил Путилин.

— Покорнейше благодарим, ваше превосходительство! — кланяясь чуть не до земли, радостно проговорил гробовщик, пятясь к дверям.

Когда мы остались одни, Путилин искренно восторженно проговорил:

— Помилуй Бог, какой молодец! Тот день, когда я его поймаю, будет днем моего наивысшего торжества!..

Изумруд с крестом

Прошло несколько дней.

Необыкновенное приключение с таинственным гробом, из которого во время хода поезда исчез покойник, стало известно петербургской, вернее, всей русской публике и породило самые разноречивые и нелепые толки.

— Вы слышали страшную историю с гробом! Покойник убежал!

— Ну, уж это вы извините: покойники не бегают.

— Но позвольте, это же факт, что гроб оказался пустым?

— Из этого следует, что покойника выкрали.

— Но с какой целью?

— Весьма возможно, что покойник имел на себе драгоценности... Мошенники пронюхали об этом, проникли в вагон и...

— Обокрали его? Прекрасно. Но зачем же им, мошенникам, мог понадобиться сам покойник? Ведь это — лишняя и страшная обуза.

Такие и в подобном роде разговоры можно было услышать везде. Стоустая молва, по обыкновению все преувеличивая, перевирая и сдобривая своей досужей фантазией, создала целую чудовищную легенду о появлении какой-то страшной, таинственной шайки «мистических» злодеев, выкрадывающих для ритуальных целей покойников из гробов.

Дело дошло до того, что во время похорон родственники, прежде чем гроб их близкого опускали в могилу, требовали, чтобы перед опусканием гроба крышка его была вновь открыта, дабы убедиться, что гроб не пуст!

Путилин был в подавленном состоянии.

Раскрыть истинный смысл чудесного происшествия с гробом он в интересах дела не мог.

— Хорошенькую кутерьму поднял этот негодяй! — ворчал он. — Воображаю, как хохочет он теперь!..

Доставленный немедленно в сыскную полицию — под строжайшим инкогнито! — виновник всей кутерьмы — гроб с двойным дном — был тщательно исследован.

В то время как мой друг обшаривал пространство, находящееся между первым дном и вторым — потайным, я услышал его подавленно-радостный крик:

— Ага! Хотя что-нибудь, хоть что-нибудь найдено...

— В чем дело? — спросил я, удивленный.

— Смотри!

Путилин держал в руке огромный изумруд.

Этот драгоценный камень был необычайной величины и красоты, принадлежащий к породе редчайших изумрудов-кабошенов. Внутри него — по странной игре природы — совершенно ясно виднелся крест.

Не успели мы как следует осмотреть его, как вошел курьер и подал Путилину депешу:

«Спешу предупредить Вас, мой гениальный друг, что я вчера благополучно прибыл в Петербург. Весь — в Вашем распоряжении и к Вашим услугам.

Домбровский».

— Это уж чересчур! — вырвалось у меня.

— Начинается вторая стадия борьбы... — усмехнулся Путилин. — Ты свободен? — после десятиминутного раздумья спросил меня он.

— Совершенно.

— Поедем, если хочешь, вдвоем. В одном месте ты меня пождешь, в другое — мы войдем оба.

Наша карета остановилась около роскошного барского особняка на аристократической улице.

Путилин скрылся в подъезде.

Теперь, для плановости рассказа о знаменитых похождениях моего друга, я вам воспроизведу ту сцену, о которой позже рассказывал мне он.

Путилин поднялся по дивной лестнице в бельэтаж. Дверь подъезда распахнул ливрейный швейцар, а дверь квартиры — лакей в безукоризненном фраке.

— Графиня дома? — спросил Путилин.

— Их сиятельство дома-с...

Через минуту Путилин был принят графиней.

— Скажите, графиня, это ваш изумруд? — показывая ей замечательный кабшон, спросил он.

Крик радости вырвался из груди графини:

— Мой, мой! Боже, господин Путилин, стало быть, вы нашли мои драгоценности?!

— Увы, графиня, пока еще я не нашел ни драгоценностей, ни их похитителя. Но кто знает, может быть, скоро мне это удастся. Я к вам с просьбой.

— В чем дело?

— Разрешите мне от вашего имени сделать газетные публикации приблизительно такого рода: «Графиня Одинцова сим объявляет, что тот, кто разыщет и доставит ей похищенный в числе многих ее драгоценностей крупный изумруд, в коем виднеется крест, составляющий фамильную редкость, переходящую из рода в род Одинцовых, — получит в награду сто тысяч рублей».

— Как?! — в сильнейшем недоумении вырвалось у графини. — Но ведь изумруд найден. Вот он — в моих руках. К чему же тогда объявление? И потом — это огромная награда... Я ровно ничего не понимаю.

— Успокойтесь, графиня... — усмехнулся Путилин. — Спешу успокоить вас, что на самом деле вам никому не придется платить ни копейки. Это объявление нужно мне для особых целей, мотивы которых я не буду сейчас приводить вам.

— О, в таком случае — пожалуйста, пожалуйста...

Путилин вышел от графини и сел в карету, в которой я его поджидал.

— Гм... — несколько раз вырвалось у него в раздумье.

Карета остановилась около лавки, на вывеске которой был изображен гроб и стояла надпись: «Гробовое заведение Панкратьева».

— Сюда мы можем войти вместе! — обратился ко мне мой друг. В мастерской гробовщика заказчиков не было.

Из рядом находящейся комнаты выскочил на звонок гробовщик Панкратьев и при виде Путилина побледнел как полотно.

— Ну, любезнейший, я к тебе в гости! — тихо проговорил Путилин.

— Ваше... превосходительство... — пролепетал дрожащим голосом злосчастный гробовщик.

— Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!

— Ваше превосходительство, не погубите! Видит Бог, я тут ни при чем. Польстился на деньги, сделал этот проклятый гроб с двойным дном, а для какой надобности — и сам не знаю. Грех, за него теперь и отвечай...

Путилин рассмеялся.

— Ну, так вот слушай теперь, Панкратьев: в наказание за этот грех я назначаю тебе такую кару: к завтрашнему дню ты должен мне изготовить новый гроб, и тоже с двойным дном.

У гробовщика зашевелились волосы на голове. Он даже попятился от Путилина.

— К-как-с? Опять-с гроб с двойным дном?!

Признаюсь, и я был удивлен не менее гробового мастера. Что за странная фантазия пришла в голову моему другу?

— Опять. И опять — с двойным дном, — продолжал Путилин. — Только на этот раз дно второе должно быть несколько иное. Слушай теперь мой заказ. Покойник должен лежать не наверху, а в пространстве между первым дном и вторым. Поэтому, дабы гроб казался не уродливо большим, а обыкновенным и — запомни это! — точь-в-точь таким же, как и тот, который ты сработал щедрому заказчику, — ты сделай вот как: первое дно подыми как можно выше, тогда пространство между двумя доньями будет настолько широкое, что туда можно будет вполне уместить покойника. Понял?

— Так... точно-с... — обезумевшим от страха голосом пролепетал гробовщик.

— Затем, первое дно почти совсем не прикрепляй. Сделай так, чтобы покойник, если ему придет фантазия, мог совершенно свободно выскочить из гроба. В этом фальшивом первом дне просверли такие же отверстия, которые ты сделал в гробовой крышке первого гроба. И помни, Панкратьев: если хоть одна собака узнает, какой гроб ты мастеришь, — я тебя туда упеку, куда Макар телят не гонял! Все сам делай; подмастерья не допускай к работе, жене своей — ни гугу! За гробом я пришлю завтра сам и, конечно, — со смехом добавил Путилин, — за него ровно ничего тебе не заплачу, ибо ты за первый гроб довольно уже содрал.

Путилин заболел

На другой день утром, проглядывая газеты, я натолкнулся на объявление графини Одинцовой, которое вы уже знаете, но которое я в то время еще не знал.

Я подивился немало.

«Как? — думал я. — Но ведь этот разыскиваемый изумруд — тот самый, который мой друг нашел вчера в потайном отделении таинственного гроба. Вот так штука! Воображаю, как обрадует Путилин несчастную потерпевшую графиню!»

Вдруг мой взор упал на статью с жирным, крупным заголовком:

«К таинственной истории с гробом и исчезнувшим из него покойником».

С живейшим любопытством я погрузился в чтение этой статейки. Приведу вам ее содержание:

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы в свое время явным. Мы очень рады, что можем первые разгадать то таинственное приключение с гробом, о котором не перестает говорить столица, и кажется, что наши читатели оценят наши старания пролить свет на это мрачное, темное дело. Оказывается, в гробу, который во время следования поезда вдруг оказался пустым, находился вовсе не мертвец, а... «живой покойник». Этот «живой покойник» — знаменитый мошенник и убийца Домбровский, придумавший этот дьявольски остроумный способ бегства с целью избежать захвата и ареста агентами, поджидавшими злодея на всех вокзалах. Увы, наш талантливый русский Лекок, г. Путилин, на этот раз оказался не на высоте своего исключительного дарования. Он посрамлен гениальным мошенником. Гроб, доставленный в сыскную полицию, оказался самым обыкновенным гробом, и только на крышке его обнаружены были дырки, ловко замаскированные бархатом, через которые преступник дышал. В гробу ровно ничего не найдено. В настоящее время, как редчайшее уголовно-криминальное орудие, гроб помещен в музей Сысского отделения. Мы имеем случай его осматривать. Вследствие пережитых волнений с г. Путилиным случился нервный удар. Состояние здоровья его внушает серьезные опасения».

Когда я прочел это, то даже вскочил и долго не мог прийти в себя от изумления.

«Что это такое?! Как могли господа газетчики пронюхать об этом деле, которое держалось в безусловной тайне, строжайшем секрете! И потом — главное, — откуда они взяли, что с Путилиным случился нервный удар? А что, если действительно с ним случилось вечером нехорошо? — мелькнула у меня тревожная мысль. — Ведь мы расстались с ним около четырех часов дня, после гробовщика».

Я немедленно велел закладывать мою гнедую лошадку и через несколько минут мчался уже к моему другу.

— Что с Иваном Дмитриевичем? — быстро спросил я курьера.

— Ничего-с... — удивленно смотря на меня, ответил сторож.

Я влетел в кабинет. Путилин сидел за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги.

Он взглянул на меня и с улыбкой бросил:

— Я знал, что ты сейчас приедешь. Я ожидал тебя.

— Что с тобой? Ты заболел?

— Я? Наоборот: чувствую себя превосходно.

— Так что же это значит? — протянул я ему номер газеты.

Путилин усмехнулся:

— Ах, ты про эту глупую заметку? Мало ли что врут репортеры.

— Но откуда, скажи, они могли пронюхать об истории с гробом?

— А черт их знает...

Я подивился в душе тому безразличию и спокойствию, с какими мой друг отнесся к появлению в газете сенсационного разоблачения.

— Если ты свободен, приезжай, дружище, часа в три, — сказал Путилин.

В три часа я был у него.

— Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать.

Итальянский ученый

Тот, кто никогда не бывал в сыскных музеях, не может себе представить, какое это мрачное и вместе с тем замечательно интересное место!

Мрачное потому, что все здесь напоминает, вернее, кричит о крови, ужасах преступлений, самых чудовищных; интересное потому, что тут вы наглядно знакомитесь со всевозможными орудиями преступлений.

Какая страшная коллекция криминально-уголовных «документов». Чего тут только нет! Начиная от простой «фомки» и кончая самыми замысловатыми инструментами, на некоторых из них зловеще виднеются темно-бурые, почти черные пятна старой запекшейся крови.

Ножи, револьверы, кинжалы, топоры, веревки, мертвые петли, «ошейники», пузырьки с сильнейшими ядами, шприцы, с помощью которых негодяи отравляли свои жертвы, маски, фонари с потайным светом.

О, всего, что тут находилось, невысказанно перечислить!

Тут воочию вставала перед устранным взором вся неизмеримая по глубине и ужасу бездна человеческого падения, человеческой зверской жестокости, жажды крови.

Страшное, нехорошее это было место.

Посередине комнаты стоял знаменитый гроб лилового бархата. Путилин бросил на него быстрый взгляд и, подойдя к нему, поправил подушку.

— Вот он, виновник моих злоключений!.. — задумчиво произнес он. — Правда, он выглядит все таким же, друже?

— Ну, разумеется. Что с ним могло сделаться? — ответил я, несколько удивленный.

— Ну, а теперь мне надо с тобой поговорить.

— Великолепно. Ты только скажи мне, для чего ты заказал вчера несчастному гробовщику второй гроб с двойным дном?

Путилин рассмеялся.

— Да так, просто фантазия пришла. Наказать его захотел.

Конечно, это объяснение меня не удовлетворило.

Я почувствовал, что сделано это моим другом неспроста. Но для чего? Я, однако, решил об этом у него не допытываться.

— Так в чем дело?

— А вот видишь ли: не улыбается ли тебе мысль сделаться на сегодня, а может быть, и на завтра сторожем нашего музея?

Я от удивления не мог выговорить ни слова.

— Если да, то позволь мне облачить тебя вот в этот костюм.

И с этими словами Путилин указал на форменное платье сторожа-курьера, приготовленное им, очевидно, заранее.

— Тебе это надо? — спросил я моего друга.

— Лично мне — нет. Я хочу доставить тебе возможность насладиться одним забавным водевилем, если... если только, впрочем, он состоится. Говорю тебе откровенно, я — накануне генерального сражения.

Я ясно видел, что Путилин был действительно в нервно-приподнятом настроении.

— Но ты, конечно, дашь мне инструкции соответственно с моей новой профессией, вернее — ролью? Что я должен делать.

— Ты останешься здесь. Лишь только ты услышишь первый звонок, ты придешь ко мне в кабинет. А там я тебе все объясню быстро и скоро.

Я начал переодеваться и вскоре превратился в заправского курьера-сторожа.

Мой друг натянул мне на голову парик, прошелся рукой искусного гримера по моему лицу и затем внимательно оглядел меня с ног до головы.

— Честное слово, доктор, ты делаешь громадные успехи!

И покинул меня.

Прошло с час.

Я почувствовал себя, откровенно говоря, чрезвычайно глупо.

В сотый раз я осматривал знакомые мне до мелочей страшные орудия музея.

Послышался звонок.

Я быстро пошел в кабинет моего друга, минуя ряд комнат. Я видел, с каким изумлением глядели на меня обычные сторожа сысского управления.

— Откуда этот новенький появился? — доносился до меня их удивленный шепот.

В кабинете перед Путилиным стоял его помощник, что-то объясняя ему. В руках Путилина была большая визитная карточка, которую он рассматривал, казалось, с большим вниманием.

При моем входе помощник Путилина взглянул на меня недоумевающе:

— Вы разве не узнаете, голубчик, нашего дорогого доктора, всегдашнего участника наших походов?

Помощник расхохотался.

— Да быть не может! Вы?!

— Я.

— Ну и чудеса начинают у нас твориться!

— Скажи, пожалуйста, ты никогда не слыхал о таком господине? — спросил меня Путилин, подавая визитную карточку, которую держал в руке.

Я взял карточку и прочел:

ПРОФЕССОР ЕТТОРЕ ЛЮИЗАНО

Член Римской Академии наук,
занимающий кафедру судебной
медицины.

Рим

— Не знаю... — ответил я.

— Скажите, голубчик, чего домогается этот господин? — обратился к помощнику Путилин.

— Он на плохом французском языке обратился ко мне с просьбой осмотреть — научных целей ради — наш криминальный музей. Наговорив кучу любезностей по адресу нашего блестящего уголовного сыска, он заметил, что в осмотре музея ему не было отказано ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

— Вы сказали ему, что разрешение осмотра музея посторонним лицам зависит от начальника, а что начальник, то есть я, в настоящее время болен?

— Сказал. На это он ответил, что обращается с этой же просьбой ко мне как к вашему заместителю.

Путилин забарабанил пальцами по столу и выдержал довольно продолжительную паузу.

— Как вы думаете, разрешить ему осмотр?

— По-моему, отчего же нет. Неловко... Нас и так дикарями за границей считают.

— Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно, голубчик: в середине осмотра вы должны выйти из комнаты под предлогом отдачи экстренных распоряжений. Идите! Вы впустите этого чудака профессора не ранее, как я дам вам обычный условный звонок.

Помощник удалился.

— Слушай же ты, докториус: сию минуту ступай туда, и, лишь только во время осмотра мой помощник удалится, ты немедленно выйди за ним следом. Понял? Профессор на секунду останется один. Следи за часами. Ровно через две минуты иди в музей.

Я следил за часовой стрелкой.

Минута... вторая... Я быстро направился в «кабинет преступной музейности».

Он был пуст.

Я встал у дверей.

Где-то послышался звонок. Почти в ту же секунду дверь музея распахнулась, и в сопровождении идущего впереди помощника Путилина появилась фигура итальянского ученого-профессора.

Это был настоящий тип ученого: высокий, сутуловатый, с длинными седыми волосами, с огромными темными очками на носу.

— О, какая прелесть у вас тут, — шамкал на ломаном французском языке Этторе Люизано. — Какая блестящая коллекция! В Лондоне... А... скажите, пожалуйста, это что же? — И он указал на гроб, мрачно вырисовывающийся на фоне преступно-страшной обстановки.

— Это последнее орудие преступления, профессор! — любезно объяснил помощник Путилина.

— Гроб?!

— Да.

— О, какие у вас случаются необычайные преступления! — удивленно всплеснул руками итальянский ученый.

Начался подробный осмотр.

Профессор, живо всем интересуясь, поражал своим блестящим знанием многих орудий преступления.

— Боже мой! — шамкал он. — У нас в Италии точь-в-точь такая же карманная гильотина!

— Простите, профессор, я вас покину на одну секунду. Мне надо сделать одно важное распоряжение относительно допроса только что доставленного преступника... — обратился помощник Путилина к профессору.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — любезно ответил тот.

Я направился следом за помощником.

— Так что, ваше высокородие... — проговорил я, скрываясь за дверью соседней комнаты.

Прошло секунд пять, а может быть, и минута. Теперь это изгладилось из моей памяти.

Вдруг страшный, нечеловеческий крик, полный животного смертельного ужаса, прокатился в кабинете-музее.

Я похолодел.

— Скорее! — шепнул мне помощник Путилина, бросаясь на крик.

Мы оба бросились туда и, распахнув дверь, остановились, пораженные.

Гроб стоял, приподнявшись!

Из него в полроста вырисовывалась фигура Путилина с револьвером в правой руке.

Около гроба, отшатнувшись в смертельном страхе, стоял с поднятыми дыбом волосами ученый-профессор.

Его руки были протянуты вперед, словно он защищался от страшного привидения.

— Ну, господин Домбровский, мой гениальный друг, здравствуйте! Сегодня мы квиты с вами? Не правда ли? Если в этом гробу я проводил вас, зато вы встретили меня в нем же.

— Дьявол! — прохрипел Домбровский. — Ты победил меня.

На Домбровского надели железные браслеты. Он перед этим спросил, как милости, пожать руку Путилину.

— Знаете, друг, если бы вы не были таким гениальным сыщиком, какой бы гениальный мошенник мог выработаться из вас!

— Спасибо! — расхохотался Путилин. — Но я предпочитаю первое.

— Как ты все это сделал? — спрашивал я вечером Путилина. Триумф был полный.

— Как?.. Видишь ли... И объявление, и статья — были делом моих рук. Это я их напечатал. Гроб, который ты видел, был второй гроб, в дно которого я и спрятался. Я был убежден, что Домбровский, случайно оставивший изумруд в гробу, явится — при таком щедром посуле — за ним. Когда мне подали карточку «профессора», я знал уже, что это — Домбровский. Когда вы вышли из кабинета-музея, негодяй быстро подошел к потайной части гроба. Он лез за поисками драгоценного изумруда. В эту секунду я, приподняв фальшивое дно, предстал перед ним. Остальное тебе известно.

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Письмо архимандрита. У отцов отшельников

Я только что вернулся после визитации больных, как услышал знакомый звонок моего друга Путилина.

— К тебе, доктор! — входя в мою приемную, проговорил Путилин. — Фу-у, устал! Ну и зима же выдалась, будь ей неладно! Столько дел, столько дел...

— Но ведь ты без этого — как рыба без воды.

Путилин рассмеялся.

— Ты прав. Моментами страшно хотелось бы отдохнуть, но... при первом намеке на выдающееся дело — я встряхиваюсь и бросаюсь на розыски с юношеским жаром и пылом. Нет, видно, горбатого только могила исправит.

Он протянул мне письмо на плотной хорошей бумаге.

«Ваше превосходительство милостивый государь Иван Дмитриевич! Я решаюсь обратиться к Вам с всепокорнейшей просьбой расследовать некоторые таинственные явления, кои за последнее время стали твориться в нашем монастыре, настоятелем коего я состою. Поелику вследствие недуга не могу посетить Вас лично, убедительно прошу не отказать приехать в нашу обитель. Призывая на Вас благословение Божие, с истинным почтением слуга Ваш покорный о. архимандрит Валентин, настоятель Н-ского монастыря».

— Что ты на это скажешь?

— Ты был уже там?

— Нет. Я заехал за тобой. Если хочешь, поедem вместе.

— Хочу ли я! Ну конечно, мой великий друг, но... будет ли удобно?

— Отчего же нет, мой великий ассистент! — улыбнулся Путилин.

Мы поехали.

Минут через сорок перед нами вырисовались ворота огромного и богатейшего Н-ского монастыря, столь популярного в Петербурге. У ворот находился страж, к которому и обратился Путилин:

— Скажи, любезный, как нам попасть к отцу настоятелю?

— А вот-с, все прямо, потом-с за большим правым белым собором свернете налево. Там — каменный корпус-флигель, в нем обитает его высокопреподобие.

Когда мы проходили огромным наружным помещением монастыря, в пространстве которого мог бы уместиться целый уездный городок тогдашней России, нам встретился какой-то не то монах, не то послушник.

Он внимательно и зорко оглядел нас, поклонился и мягковкрадчиво обратился к Путилину:

— Вы не к отцу ли Валентину, нашему архимандриту-настоятелю изволите следовать?

— Да, к нему. А вы почему же, отче, это знаете? — спросил Путилин.

— Отец настоятель приказал мне поглядывать вас, дабы проводить к нему. У нас здесь долго ли запутаться?.. Помещение, как изволите видеть, обширнейшее. Пожалуйте!

И монах повел нас, идя впереди.

— Это чрезвычайно любезно со стороны отца Валентина... и чрезвычайно глупо... — услышал я тихое бормотание моего друга.

Мы миновали один собор, другой — и вскоре очутились перед огромным белым каменным флигелем, расположенным полуциркулем.

В окнах виднелись белые кисейные занавески, горшочки с цветами герани, олеандра и «сережек» и деревянные клетки с птичками.

— Здесь кельи братии, отче?

— Да-с, а вот эти окна принадлежат помещению отца архимандрита, — предупредительно пояснил ведущий нас монах-отшельник.

Мы вошли в подъезд, поднялись по ступеням отлогой лестницы и, попав в длинный коридор, остановились перед красивой дверью светлого ясеня.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа... — троекратно стукнул в дверь монах.

— Аминь! — послышался из-за двери высокий, приятного тенорового тембра молодой, звучный голос.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий, стройный юноша, одетый в черный подрясник.

Он был необычайно красив. Роскошные густые волосы светло-золотистого цвета шатром поднимались над белым, словно из мрамора выточенным лбом. Большие синие глаза, в которых горел пламень какого-то религиозного экстаза-фанатизма.

Это, если хотите, был блестящий тип первомученика-христианина, одного из тех, которые сотнями погибали на арене кровавого языческого цирка Рима в лютых когтях хищных зверей или же на «иллюминационных» крестах роскошных садов безумного Нерона.

— К нашему отцу настоятелю... — показывая на нас, обратился к юноше монах.

— Пожалуйте! — с низким поклоном пригласил нас юноша, по-видимому келейник.

— Как позволите о вас доложить его высокопреподобию?

— Скажите, голубчик, что по письму отца Валентина, — уклончиво ответил Путилин.

Мы разделись и вошли в большую комнату — келью, своим роскошным убранством напоминающую скорее богатую гостиную, чем жилище отца сподвижников.

Тут были отличная фисгармония, мягкая мебель, крытая темно-синим бархатом, зеркала, цветы, ковер, картины-портреты в дорогих золотых рамах, правда, духовного содержания и духовных лиц — иерархов церкви.

В воздухе пахло каким-то ароматическим курением.

Красавец келейник скрылся за портьерой из синего бархата и вскоре вышел оттуда обратно.

— Идут-с!.. — проговорил он, бросая на Путилина неуловимо быстрый взгляд своих святительско-подвижнических синих глаз.

Явление призрака. Огненный крест. Число зверя

— Добро пожаловать, ваше превосходительство Иван Дмитриевич! — слышался мягкий старческий голос.

К нам подходил, сильно прихрамывая на правую ногу, с высокой палкой с золотым набалдашником в руках невысокий, довольно тучный старик архимандрит симпатичной наружности.

Путилин встал и подошел под его благословение.

— Благословите, ваше высокопреподобие, — проговорил он. — А это — доктор, мой ближний друг.

Я подошел тоже под благословение архимандрита.

— Вы уж, ради Бога, простите меня, что я дерзнул беспокоить вас, но, как изволите видеть, не в силах сам был приехать к вам: нога от ревматизма застарелого совсем опухла.

— Вот и отлично, что я захватил с собой доктора, отец Валентин: он осмотрит вашу ногу и подаст вам помощь. А пока... в чем дело? Что у вас тут стряслось в монастыре?

— Такое дело... я даже не рискую и сказать, что за дело...

— А именно? Виноват, мы — совершенно одни?

— Там только в первой комнатке келейник мой, послушник Серафим...

— Гм... как подходит это имя к его наружности! — улыбнулся Путилин. — Однако, ваше высокопреподобие, нельзя ли его под каким-либо благовидным предлогом удалить на время? Откровенно говоря, я люблю вести разговоры такого рода без свидетелей...

Через секунду серафимоподобный келейник Серафим был отослан к отцу казначею с каким-то сложным запросом.

— Итак, отец Валентин? — обратился мой друг к настоятелю монастыря.

— Изволите видеть... У нас в монастыре появилось привидение. — Голос отца настоятеля задрожал, словно он видел и сейчас перед своими глазами это привидение. — Дней десять тому назад утром, после службы церковной, явились ко мне некоторые из братии. Они были бледны, взволнованы донельзя и прерывающимися

от страха голосами поведали, что все они в разное время ночи, выходя из своих келий в коридор, видели следующее: по коридору тихо, беззвучно словно плыла фигура человека в сером плаще. Признаюсь, сначала я отнесся к этому недоверчиво. «Полно, отцы, может, вам это почудилось?» — сказал я им.

«Нет, отец настоятель, клянемся вам, что мы видели таинственную серую фигуру. Не может же нам всем привидеться одно и то же».

Чтобы успокоить монашескую братию, я отслужил в коридоре молебен с водосвятием, окропив святой водой коридор, стены.

Вдруг на следующую ночь, когда я стал забываться сном после невыносимых болей в ноге, в коридоре раздался и глухо прокатился под сводами невероятно дикий, страшный крик. Крик был настолько ужасен, что я, поверите ли, даже похолодел весь и не мог сотворить крестного знамения. Опомнившись, я через секунду, набросив на себя рясу, поспешил в коридор. Серафимушка, келейник мой, тоже бледный со страху, спешил облачиться в подрясник.

Когда мы вышли в коридор, тонуший во мраке и тускло озаренный крохотным светом лампы, висящей перед иконой в конце коридора, мы увидели прислоненную к стене фигуру почтенного старца, монаха Досифея.

— Смотрите... смотрите... на стене!.. — бормотал он замирающим от ужаса голосом.

Я глянул и сам задрожал, еле удержавшись на ногах. На стене огненными буквами, переливаясь трепетно-синим светом, горело такое вот изображение:

+

А. 6. Jan. 6. Час. 6

666

Аще через злато погибель

Разбуженная криком, из всех келий стала высыпать в коридор наша братия. «Господи Иисусе! Свят, свят, свят! Что приключилось?» — раздалась их испуганные голоса. И многие из монахов видели сие страшное знамение и устремились до потери сознания...

— Скажите, отец Валентин, — вдруг прервал настоятеля Путилин, до сих пор не проронивший ни слова, — долго продолжалось это огненное видение.

— А право, не могу вам точно определить. Сами изволите понимать, в каком душевном трепете мы пребывали.

— Так. Теперь позвольте мне задать вам ряд вопросов. Появление призрака в сером плаще, равно как и огненного знамения повторялось с той ночи?

— Да, неоднократно.

— В различных местах или же только в коридоре?

— Серого призрака видели только в коридоре, а страшное знамение — и в церкви. Когда, сопровождаемая мною, братия на днях вошла в церковь на утреннее моление, мы ясно увидели на стене сей огненный крест и сии загадочные буквы и слова.

— Скажите теперь, у вас в обители не находится посторонних людей?

— Никого.

— Может ли, например, кто-нибудь ночью проникнуть в монастырь.

— Нет. Сторожа у нас служат по многу лет, честности и верности они примерной. К нам попасть ночью так же трудно, как и в крепость. Никого не пропустят.

— Ну, а если... Впрочем, нет, ничего... Скажите, у вас лично не является никаких предположений?

— Никаких, достоуважаемый Иван Дмитриевич. В том-то и горе, что ума не приложу. Одно скажу: сердце мое ноет, словно беду какую предчувствует. Монастырь весь в страхе. Оторопь всех взяла. Молиться покойно не можем. Думал я, думал и порешил к вам за помощью обратиться. Вы — человек замечательный, ума проникновенного... Помогите!

— Мне бы хотелось осмотреть кое-что... — задумчиво произнес Путилин.

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогой гостюшка! Я уж сам проковыляю, сам вас всюду проведу, куда надобно.

Мы вышли в переднюю архимандритского помещения и стали облачаться в шубы.

— И ты иди, Серафимушка, с нами, — ласково обратился отец настоятель к возвратившемуся от казначея келейнику.

Крючок воротника у шубы Путилина зацепился за его вицмундирный фрак.

— Будьте добры, голубчик, отцепите! — обратился Путилин к красавцу юноше. — Нет, не тут... повыше... вот, вот... у самой шеи... Чуть не у носа самого... Отлично! Спасибо!

Подземный ход. Носовой платок. Козни Сатаны

Мы начали с осмотра коридора, по обеим сторонам которого были расположены кельи монахов.

— Скажите, вы помните то место, где появилось огненное знамение?

— Вот здесь! — ответил серафимоподобный келейник, показывая на стену.

Путилин близко-близко наклонил лицо к стене, словно стараясь прозреть в ней что-то невидимое.

— И вы не ошибаетесь, голубчик, именно здесь? — круто обернулся он к красавцу юноше.

— Нет, господин, я запомнил хорошо, — ответил он.

— Отлично... отлично... Ну-с, пойдете дальше.

Мы прошли один, и другой, и третий коридоры.

Из келий порой выглядывали старые и молодые, худые и толстые лица монахов.

— Мир с вами! Мир с вами! — бросал направо и налево отец настоятель.

Монахи низко кланялись и скрывались в своих кельях. Очевидно, они догадались, что происходит какой-то осмотр-следствие, и поняли, что присутствие их вовсе не желательно и не нужно.

— Угодно, может, вам, достоуважаемый Иван Дмитриевич, в келейках побывать?

— Нет, отец Валентин, пока мне этого не надо, ответил Путилин.

Проходя первым коридором, мы уткнулись в стену, в которой находилась небольшая железная дверь, закрытая крест-накрест железными же массивными болтами. Огромный висячий замок висел на скрепах.

— Что это за дверь? Куда она ведет? — обратился Путилин к отцу настоятелю.

— Это старинный подземный ход, ведущий в ризницу, находящуюся при главном соборе.

— Скажите, пожалуйста, отец Валентин, этим ходом когда-нибудь пользуются теперь?

— Никогда. Вот уже сколько лет он закрыт как с этой стороны, так и с той, которая ведет из ризницы.

— Не будете ли вы так любезны, — обратился Путилин к келейнику, — принести мне со стола отца Валентина носовой платок, который я там забыл. У меня сильный насморк.

Когда келейник скрылся за проходами коридора, Путилин быстро спросил архимандрита:

— Скажите, могу я проникнуть туда, за эту дверь, во всякое время, когда бы мне это ни понадобилось?

— Разумеется, Иван Дмитриевич, если это вам надо. Ключ я имею.

— Что у вас там находится, в ризнице? Виноват, она закрыта и с той стороны такой же дверью?

— Да, и с той. А в ризнице у нас большие сокровища хранятся. Драгоценнейшая золотая утварь — дары царей и вельмож и иных благочестивых щедрых жертвователей. Жемчуга, иные разные драгоценные камни...

— Какое у нас сегодня число? — вдруг обратился ко мне мой друг.

— Четвертое... — ответил я.

— Слушайте теперь меня внимательно, отец Валентин: сегодня и завтра я буду являться к вам. В каком бы виде я ни приходил, вы должны помнить, что это — я. Ничему вы не должны удивляться, поняли? Ровно ничему.

Глаза симпатичного настоятеля стали испуганными, круглыми.

— О, Господи... — со стоном вылетело у него. — Все буду делать, что прикажете... Прямо сокрушение... Этакая напасть!

— А теперь позовите братию, если не всю, то хоть нескольких.

Келейник вернулся и подал Путилину платок.

— Благодарю вас, голубчик! А-пчи! А-пчи!

Я следил пристально за моим другом и видел, что он чихает весьма натурально.

— Ты простудился, однако... — сказал я ему.

— Ничего... пустяки... скоро пройдет, дня через два... — про-
бормотал он.

«Динь-динь-динь...» — пронесся под сводами монастырского коридора звон небольшого колокола, висевшего в углу.

Это отец архимандрит Валентин сзывал братию.

Почти сейчас же двери всех келий распахнулись, и вскоре коридор заполнился черными фигурами монахов.

Все с тревогой и недоумением смотрели на нашу группу.

— Святые отцы! — начал Путилин. — Ваш глубочтимый настоятель отец архимандрит Валентин поведал мне о тех таинственных явлениях, кои имели место в вашей священной обители. Недоумевающий, старающийся блюсти ваш покой, он решил обратиться ко мне за помощью. Сейчас, исследовав все дело, я пришел вот к какому выводу.

Воцарилась удивительная тишина. На бесстрастное лицо Путилина были устремлены десятки глаз.

— Я пришел к тому решению, что ни о каких злоумышлениях здесь не может быть и речи. Все, чему вы были свидетелями, есть козни, происки и проделки нечистой силы.

— А-а-х! — пронесся испуганно-подавленный шепот-возглас монашествующей братии.

— Да! — убежденно и сильно продолжал Путилин. — Это — Сатана. Вы заметили это звериное число из Апокалипсиса — 666? Кто, кроме Сатаны, знает чудодейственную силу этого кабалистического числа? Поэтому вот вам мой совет, отцы: ночью старайтесь не выходить из своих келий в коридор, дабы не устрашаться духом. Отец Валентин, вкупе с вами, отслужит еще несколько молебнов, и Бог поможет, нечистая сила, смущающая покой святой обители, сгинет, пропадет и будет посрамлена.

Путилин поклонился монахам, отвесившим ему поясные поклоны, и подошел к отцу настоятелю:

— Я уезжаю, ваше высокопреподобие. Благословите. Молитесь, и все наваждение пройдет... Моя помощь здесь — бессильна.

* * *

Когда мы вышли из монастырских врат и уселись в поджидавшие нас сани, я, пораженный, обратился к моему другу:

— Как?! Ты серьезно веришь, что тут замешана, вернее, действует нечистая сила?

— Да! — невозмутимо ответил он.

— Ради Бога, ты ли это говоришь, Иван Дмитриевич?!

— Я тебе говорю и прошу запомнить, доктор, что тут все происходит по наущению Сатаны.

Я был вне себя от изумления.

— Признаюсь тебе, я полагал совсем другое.

— А именно? — повернулся ко мне Путилин.

Уголки губ его трогала веселая усмешка.

— Я полагал, что это — проделки какого-нибудь монаха. Греха таить нечего: наши монахи, особенно такого богатого монастыря, не отличаются особенной воздержанностью насчет и питания, и... женского пола. Плоть берет дух. Мне пришла мысль, что этот призрак — какая-нибудь замаскированная Дульцинея...

— Браво, доктор, ты положительно делаешь огромные успехи в деле сложного сыска! Остроумно, остроумно!

Минуты через две он вдруг сказал мне:

— Дело гораздо серьезнее, чем ты предполагаешь... и гораздо интереснее.

— Так, стало быть, друже, ты уже вывел свою «кривую»?

— Посмотрим, посмотрим... — рассеянно ответил великий сыщик. — Ты будь сегодня дома. Я заеду опять за тобой.

Ночь в печке. Снова огненное явление

Но я напрасно в этот вечер и в эту ночь прождал моего друга: он не приехал за мной.

«Верно, передумал что-нибудь...» — философски утешал я себя.

Откровенно говоря, это меня страшно заинтересовало. Что за тайна кроется в монастырском происшествии?

Я, по природе всегда большой мистик, увлекающийся теософическими и оккультными науками, проломал всю ночь голову над разрешением этой мудреной монастырской проблемы. Около десяти часов утра ко мне приехал Путилин.

— Прости, — начал он, входя, — что я не исполнил своего слова, не заехал за тобой вчера.

— Ты, очевидно, отложил свою поездку в монастырь.

— Нет, вчера я был там и пробыл почти всю ночь.

— Как?! — вырвалось у меня. — Ты был и не заехал за мной.

Путилин мягко рассмеялся.

— И не стыдно тебе, Иван Дмитриевич, что ты меня надул? — вырвалось у меня с укоризной.

— Ну, ну, прости и не сердись, дружище. Во-первых, должен тебе сказать, что мне и одному-то было чрезвычайно трудно проникнуть инкогнито в богоспасаемую обитель, а во-вторых, при всем моем желании я не ухитрился бы всунуть и тебя в печку.

— Как всунуть в печку? В какую печку? Зачем в печку? — удивленно переспросил я.

— Очень просто: в ту не особенно обширную печку, которая находится в монастырском коридоре, где я провел часть ночи и едва не был сожжен живьем.

У меня мурашки пробежали по коже.

— Да расскажи ты толком, Иван Дмитриевич, о приключениях твоих в сегодняшнюю ночь!

— Всего рассказывать — некогда, а часть, если хочешь, изволь.

— Прежде всего, как ты инкогнито проник в монастырь?

— Очень просто: в костюме трубочиста. Мне пришлось очень внимательно осмотреть несколько печей, прежде чем я попал в келью отца архимандрита. Чудак старик! От пережитых волнений он совершенно забыл мои инструкции вчера. Он чуть не вытолкнул меня. «Не надо, не надо осматривать, печи все недавно осмотрены!» И только тогда, когда я ему выразительно мигнул, он вспомнил, догадался. Скажу тебе, что я был и в главном соборе под предлогом осмотра печи. Часть вечера я пробыл, спрятавшись, в помещении отца Валентина.

Почтенный старец все ахал и охал, глядя на мою оригинальную наружность. Затем, уловив минуту, я пробрался незаметно к коридорной печи и вошел в нее. Честное слово, это было не особенно приятное помещение! Я весь скрючился и чуть не задохнулся в узком пространстве... Вдруг я слышу, что к печи подходят и начинают совать туда дрова. Ты можешь вообразить себе, докториус, мое положение? У меня волосы зашевелились на голове! Уже чиркнула спичка и жадно лизнула своим пламенем сухую растопку, как вдруг, к моей великой радости, я услышал голос настоятеля:

«Не надо топить сегодня, не надо, чадо! И так в кельях духота до изнеможения. Ишь на улице какая оттепель!...»

И проклятый истопник, чуть-чуть меня не изжаривший живьем, быстро загасил растопку.

— В этом мой промах... — тихо рассмеялся Путилин. — Я забыл предупредить почтенного архимандрита, где я буду находиться.

— Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, для чего тебе понадобилось лезть в печь.

— Для того, чтобы полюбоваться на привидение.

— И ты его видел?

— О да! Действительно, фигура в сером плаще проплыла по коридору.

— Ты смеешься надо мной? — недовольно вырвалось у меня.

— Ничуть...

— Как?! Ты видел привидение?

— Видел.

— И может быть, видел и огненное таинственное знамение, столь устранившее монастырскую братию?

— И его, это знамение, видел.

— И на стене горела эта дьявольская кабалистика?

— Да еще как горела! Чудесно! Великолепно!

Путилин посмотрел на часы.

— Вот что: сегодня я тебя не надую и ровно в двенадцать часов ночи приеду к тебе.

— В мантии Антихриста или в костюме трубочиста?

— Ничего подобного. В собственном естественном виде. Тебе тоже не придется гримироваться или переодеваться. Оставайся та-

ким, каков ты есть. Кстати, нас будет трое там, куда мы проникнем.

— С нами крестная сила! — шутливо ответил я. — Кто же будет третий? Уж не Сатана ли сам?

— Нет, ты не угадал... — расхохотался Путилин. — Не Сатана, а... отец настоятель, архимандрит Валентин.

Я, привыкший к чудесам моего друга, только пожал плечами. Он погрузился в продолжительное раздумье.

— Скажи, доктор, ты уезжаешь сейчас? — задал он мне быстрый вопрос.

— Да. В одиннадцать часов утра я еду на практику.

Путилин оглядел меня.

— Ты, очевидно, пойдешь одеваться?

— Ну да. Я облачусь в сюртук и... Но скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, почему ты спрашиваешь меня об этом?

Мой друг усмехнулся.

— Позволь мне минут на пять удалиться в твою комнату, где ты одеваешься. До тех пор пока ты не услышишь звонка, туда не входи. Итак, ожидай сигнала.

С этими словами он встал и скрылся в соседней комнате.

— Ничего не понимаю... — пробормотал я, оставшись один.

Я стал проглядывать список моих больных, которых должен был навестить.

Прошло минут пять-шесть.

Резкий звонок раздался из моей спальни, находящейся рядом с кабинетом.

Я быстро направился туда.

Вошел и подивился немало.

В ней царила глубокая тьма.

— Иван Дмитриевич, ты здесь? — громко спросил я.

Молчание. Гробовое молчание было ответом.

— Помилуй Бог, Иван Дмитриевич, что это тебе пришла за странная фантазия играть в прятки? — продолжал я.

Только я собрался вычиркнуть огня, как в ту же секунду загремел голос:

— Смотри! Смотри! Направо, на стене!

В голосе звучал страх и ужас.

Я вздрогнул, быстро обернулся направо и почувствовал, что у меня на голове зашевелились волосы.

— Что это... что это? — прошептал я.

На стене ярко горел большой огненный крест.

Он переливался сине-трепетным сиянием, то уменьшая силу света, то разгораясь все сильнее и сильнее.

Под ним горели таинственные цифры: три шестерки, дающие апокалипсическое число 666, которое, как известно, названо «звериным».

Еще ниже сверкали слова:

«Воистину погибнешь через злато».

Мысль, что со мной происходит моментальная галлюцинация зрения, охватила меня и пронизала все мое существо.

— Иван Дмитриевич... — в ужасе прошептал я.

Миг — и видение исчезло.

Моя комната сразу осветилась светом яркого, солнечного дня. Передо мной, скрестив руки на груди, с насмешливой улыбкой на холодно-бесстрастном лице стоял Иван Дмитриевич.

— Что с тобой, доктор? Ты блеее полотна.

— Я не понимаю... я теряю голову... что это такое?..

— Ты видел что-нибудь страшное?

— Ну, разумеется... сейчас, сию секунду... на стене — крест... огненные цифры, слова... — пробормотал я в сильном замешательстве.

— Почему же ты полагал, что я смеюсь над тобой, когда я несколько минут тому назад тебе рассказывал, что я видел таинственное огненное явление — знамение в монастыре? — в упор поглядел на меня Путилин.

— Не знаю... ровно ничего не знаю и не понимаю... — схватился я руками за голову.

— То-то и есть, доктор, что «на свете случается и то, что никогда не снилось нашим мудрецам»... Огненный крест и кабалистические слова-пророчества меня преследуют исправно, как ты мог сейчас убедиться воочию.

Ночь в соборе. Монастырская ризница

Было около часу ночи, когда мы подъехали к воротам Н-ской обители.

Монастырский страж при воротах, очевидно предупрежденный, пропустил нас безмолвно, лишь низко поклонившись. Огромный монастырь спал тихим, безмятежным сном. Спали его соборы, флигеля, службы, спало его роскошное кладбище с дорогими надгробными памятниками.

Яркая зимняя луна заливала своим ровным чудесным светом это царство отрешенцев от мира.

— Мы идем, открытые со всех сторон. Разве ты не боишься, что нас могут увидеть?

— Будь покоен, этого мы можем не бояться... — усмехнулся великий сыщик.

Мы шли довольно долго и наконец очутились перед большой церковью прекрасной архитектуры.

— Это — главный собор монастыря... — бросил Путилин.

У огромной церковной двери, на паперти, виднелась маленькая фигура какого-то человека.

— Осторожнее! — шепнул я моему гениальному другу. — Смотри: там кто-то притаился...

— Ничего... Мы сейчас его поймаем...

И Путилин стал подыматься по ступеням собора.

— Я вас не заморозил, отец Валентин? — улыбаясь, спросил он.

— Нет-с, я вышел ровно, как вы сказали, уважаемый Иван Дмитриевич. Но, откровенно говоря, у меня зуб на зуб не попадает по другой причине: больно уж все это страшно, диковинно! Я-с не знаю, что вы удумали, а только жуть меня берет... Помилуй Бог, какие страсти стали твориться в нашем монастыре! Я, престарелый игумен, лезу ночью в собор, когда до заутрени еще часа три...

— Ничего, ничего, отец Валентин, что ж поделывать, когда у вас в обители призраки и огненные знамения появились.

Я заметил, как при этих последних словах бедняга архимандрит вздрогнул.

— Скажите, вы хорошо спали?

— Отлично-с. Сделал все, как вы сказали. Велел не беспокоить, не будить меня, ссылаясь на сильное недомогание, даже если бы появилось двадцать призраков.

— Вы ушли незамеченным?

— Никто-с не видал.

— Ну и отлично! А теперь идемте в собор.

Отец настоятель вытащил огромный ключ и отпер им дверь.

Мы вошли в притвор.

— Теперь закройте дверь на ключ, отец Валентин!

Большой собор был тускло освещен красноватым и синеватым светом лампад.

Этот свет ложился прихотливыми бликами на позолоту и мрамор икон, на золотые ризы, усыпанные драгоценными камнями.

Тут было сладостно и вместе с тем страшно, жутко: церковь, как и кладбище, ночью навевает какое-то особенное, тревожно-мистическое настроение.

Отец Валентин, опираясь на палку, с большими усилиями и трудом опустился на колени и положил несколько земных поклонов.

— О, Господи... — пронесся по уснувшему собору его молитвенный старческий шепот.

Пройдя целым рядом соборных закоулков, мы очутились перед дверью, запертою огромным замком.

Отец Валентин отпер его, и мы вошли в большую сводчатую комнату.

Путилин зажег свой знаменитый потайной фонарь с сильным рефлектором.

Когда блеснула полоса яркого света, я осмотрелся по сторонам. Великий Боже, что это было за волшебное хранилище всевозможных сокровищ!

Золотые чаши, кубки, тарелки, жбаны, многие из которых были усыпаны драгоценными камнями, в полосе света заискрились, засверкали; переливаясь всеми цветами радуги, горели бриллианты, рубины, сапфиры, смарагды, топазы, аметисты.

Целые горы жемчуга; богатейшие, кованого золота, облачения; непрестольные кресты; хоругви, древки которых были тоже украшены драгоценностями...

— Однако! — невольно вырвалось у меня. — Это точно грот сокровищ из «Тысячи и одной ночи».

— Веками скапливалось... — ответил симпатичный старец архимандрит.

Путилин подошел к двери, которую я до сих пор не заметил, и стал внимательно к чему-то прислушиваться.

— Что это он делает? — как-то невольно вслух вырвалось у меня.

— Не говорите, господин доктор... — тихо прошептал настоятель. — Удивительный человек наш Иван Дмитриевич... Где-где только он не побывал вчера! И-и, диву даюсь, воистину...

Путилин отошел от двери и приблизился к нам.

— И как только вы, дорогой отец Валентин, не боитесь, что сюда могут забраться крысы и погрызть все эти сокровища? — участливо обратился он к архимандриту.

— Да откуда им взяться, достоуважаемый Иван Дмитриевич? Помещение — каменное, двери — железные. Нигде — ни дырочки.

— А помните, что сказано в Святом Писании? «Тварь негодная, подобно ржавчине, и железо прогрызает...»

И Путилин указал на железную потайную дверь.

— Ну, об это зубки сломает... — добродушно рассмеялся отец настоятель. — Великий затейник вы, Иван Дмитриевич!

— Таким уж уродился, ваше высокопреподобие, — в тон ответил ему знаменитый сыщик.

И через минуту добавил:

— Однако, господа, сколь мне ни приятно беседовать с вами и пребывать в вашем обществе, я должен расстроить нашу компанию. Надо вас и доктора спрятать. Не угодно ли вам, отец Валентин, сокрыться за этой хоругвью... Вот так... Отлично...

— О, Господи, Господи... — зашамкал престарелый настоятель.

— А тебя, доктор, собственно говоря, следовало бы в архиерейский саккос облачить... за твое мудрое разрешение монастырской тайны, но так как мне некогда возиться с тобой, то притаись за этот сундук. Теперь я прячу мой фонарь и прошу вас не только не говорить, но и не дышать громко. Могильная тишина, могильная тишина!

И действительно, наступила могильная тишина и могильная тьма.

Ни один луч света не проникал в ризницу — хранилище несметных монастырских сокровищ.

Сколько времени прошло, я не могу вам сказать, так как в этой могильной тьме часы были бесполезной вещью.

Признаюсь откровенно, мои довольно крепкие нервы с каждой минутой натягивались все более и более.

Тоскливо-жуткое ожидание чего-то неведомого, что, очевидно, должно было случиться, наполняло сердце каким-то трепетом.

Было так тихо, что я слышал биение собственного сердца, которое все отбивало неровное: «Тук-тук!.. Тук тук-тук!..»

— Тсс! — раздался еле слышный шепот Путилина. — Я слышу, как грызут крысы...

Я насторожился, весь обратившись в слух.

Действительно, и до меня донеслись звуки, которые я сразу понять не мог: точно кто скребся о железо.

С каждой секундой звуки усиливались, становясь отчетливее, смелее.

Теперь слышался тихий лязг железного предмета о железо. Звуки доносились с той стороны, где находилась потайная дверь ризницы-хранилища.

— Господи... что это? — уловил я жадным слухом испуганный шепот отца настоятеля.

«Дрр... дрр... дзинь...» — уже совершенно громко пронеслось в ризнице.

Я замер, затаил дыхание.

Прошло несколько секунд, слышался скрип ржавых петель, и наша темная могила озарилась красноватым светом толстой восковой свечи.

Через обширную хоругвь и груды золотых облачений, за которыми я сидел, спрятавшись, мне было все видно.

Потайная дверь ризницы распахнулась. На пороге стояла фигура призрака в сером плаще со свечой в руках.

Быстро, неслышно призрак приблизился к тому месту, где сверкали драгоценные камни.

— Красота... красота какая! Господи! И все мое... и взять все могу!.. — слышался захлебывающийся от восторженного экстаза голос. И рука призрака жадно потянулась к грудам сверкающих драгоценностей.

Эта рука захватывала полной горстью сверкающие бриллианты, рубины, изумруды, аметисты, топазы, сапфиры, опуская их в карманы серого плаща-мантии.

Тот ларец-сундук, за которым я был спрятан, находился почти около железной потайной двери, теперь полуоткрытой.

Страшный призрак стоял ко мне спиной.

Вид несметных монастырских сокровищ, видимо, совсем его опьянил.

Он выпускал подавленные возгласы восторга, в которых слышалась какая-то болезненная, лютая алчность.

Он бормотал отдельные несвязные фразы вперемежку с тихим смехом.

— Накопили... Все возьму... Сатана похитил... Через золото бо идет погильель.

Он так увлекся своей страшной работой, что не обратил даже внимания на то, как с резким звоном упали два золотых кубка на каменные плиты ризницы.

Очевидно, этот звон его не устрасил.

Ведь он один, совсем один — в этот поздний ночной час — в хранилище сокровищ! Кто увидит, кто услышит его?

Вдруг я почувствовал чье-то легкое прикосновение к моему плечу.

Я вздрогнул, обернулся.

Перед собой я разглядел полусогбенную фигуру моего друга. Он стоял, прикрываясь массой развешанных церковных одеяний, близ меня.

Не произнося ни слова, не шевеля губами, он быстрым движением руки указал мне на полуоткрытую потайную дверь.

Этот жест означал приглашение немедленно следовать туда.

Действительно, я увидел, как Путилин опустился на пол и на животе быстро-быстро пополз к двери.

Миг — и он скрылся в зияющей темной пасти за дверью.

Раздумывать было некогда. Я распластался на полу и через несколько секунд, употребив все усилия, чтобы не задеть чего-нибудь, скрылся за дверью.

В подземелье. Серафимоподобный в мантии призрака

Удушливый запах подземелья, полный сырости и затхлости, ударил мне в лицо.

Не было видно ни зги.

Я почувствовал прикосновение руки Путилина и услышал его тихий шепот:

— Сворачивай налево... Держись за мою руку, а то рискуешь разбить голову о стены.

Мы действительно свернули налево и проползли еще несколько шагов.

Блеснула узкая полоска света.

Я увидел теперь Путилина. Он стоял передо мной, держа в руке свой потайной фонарь.

— Ради Бога, Иван Дмитриевич, где мы?

— В потайном-подземном ходе, соединяющем здание общежития монахов с хранилищем монастырских сокровищ...

— Но кто этот страшный призрак?..

— Ты это скоро узнаешь.

— Но почему же ты оставил его там, в ризнице, где он похищает драгоценности?

— Так ведь он с ними пойдет мимо нас. Мы еще сумеем отобрать у него все, что надо.

— А как же бедняга архимандрит? Ведь он теперь там один, лицом к лицу со страшным призраком в сером?

— Будь покоен: отец Валентин спрятан так хорошо, что они не увидят лица друг друга. Помешать, спугнуть призрака почтенному настоятелю не придется, потому что у него со страху, наверное, прилип язык к гортани. Однако мне некогда... Мы не должны терять времени. Идем, но скользи как тень. Под сводами шаги отдаются и разносятся гулко.

Чувство страха, овладевшее мною в хранилище сокровищ при внезапном появлении страшного призрака, начинало несколько проходить.

С живейшим любопытством осматривался я по сторонам.

Узкий, аршина в два, коридор тянулся не прямо, а все время делая изгибы, переходы. Пройдешь шагов двадцать прямо, смотришь, поворот направо, оттуда — налево, потом — опять прямо.

Великий сыщик шел с замечательной уверенностью, словно эти катакомбы были ему давно и отлично известны.

Правда, я заметил, что он не спускает пристального взора со стен подземного хода.

Низкий сводчатый потолок придавливал, словно могильной плитой.

На некоторых стенах я замечал кресты старинного изображения; в двух переходах мне бросились в глаза железные решетки, вделанные в стену.

Я не удержался, чтобы не задать вопроса моему другу:

— Как ты думаешь, не были ли тут замурованы люди?

— Дорогой доктор, твоя фантазия разыгрывается на романтический лад. Ведь это — русский монастырь, а не католический, где для вящей славы Бога царили ужасы святой инквизиции. У нас, правда, существует знаменитый монастырь, Суздальская крепость, где много тайн и ужасов погребено.

Еще несколько переходов — и мы очутились перед небольшой железной дверью.

— Осторожнее! — вдруг схватил меня за руку и потянул к себе Путилин. — Ты непрослительно рассеян. Смотри, что у тебя под ногами.

Я с удивлением увидел в каменном полу, у самой двери, темную и, как мне показалось, глубокую яму. Две плиты лежали близ нее, точно крышки люка.

— Что это такое? — обернулся я к Путилину.

Он усмехнулся.

— Это потайной ход... в потайном ходе. Понимаешь?

— Ровно ничего.

— С чем тебя и поздравляю.

Он быстро нагнулся, схватил плиты и закрыл ими зияющее углубление-яму.

Затем он что-то начертил на плитах и сейчас же обратился ко мне:

— Тише... Я слышу шаги... Скорее сюда!

Схватив меня за руку, он увлек меня за выступ левого перехода.

— Теперь — ни звука!.. Затаи дыхание!.. — еле слышно слепо тело с его губ.

Прошло несколько секунд.

Красное пламя заиграло на стенах подземного коридора, и вскоре показалась высокая фигура серого призрака.

Он шел, держа в руке толстую свечу, которая и бросала на стены, потолок, на пол багрово-желтый отблеск.

Лица призрака я не мог рассмотреть: оно, за исключением глаз, было закрыто капюшоном от плаща.

Призрак все ближе и ближе подходил к железной двери, перед которой была яма, прикрытая теперь плитами.

Вдруг страшный крик, полный смертельного ужаса, огласил подземный коридор и глухо прокатился под сводами.

Призрак зашатался и весь задрожал, словно увидел перед собою нечто чудовишно страшное.

— Закрыто! Закрыто! Господи... кто положил эти плиты?! — каким-то захлебывающимся голосом дико-жалобно прокричал он.

Свеча, которую он держал в руке, задрожала и упала, потухнув, на каменный пол.

Могильная тьма воцарилась в коридоре.

И почти сейчас же эту тьму прорезал еще более отчаянно-испуганный вопль:

— Крест! Огненный крест!..

Теперь мною снова овладел холодный ужас. Эти вопли были настолько дики, страшны, что я весь похолодел. Я выглянул из нашего прикрытия и увидел на плитах пола два светящихся креста.

Мимо нас, почти задев меня, пронесся призрак. Путилин схватил фонарь и без всяких предосторожностей бросился вслед за призраком.

Еще переход, еще несколько шагов, и вслед за призраком мы ворвались в заповедное хранилище монастырских сокровищ.

— Отец Валентин, выходите! — загремел Путилин. Одним прыжком он очутился около призрака, в ужасе простершего руки вперед, и направил на него яркий свет фонаря.

— Ну, серафимоподобный Серафим, предстаньте теперь перед нами в своем естественном виде, а не в этой дурацкой мантии! — насмешливо обратился к нему Иван Дмитриевич. — Довольно маскарада в святых стенах почтенной обители.

Резким движением Путилин сдернул капюшон с головы «призрака».

Огромная шапка-шатер красивых золотистых волос. Ангелоподобное лицо с синими глазами, в которых сверкал теперь непередаваемый ужас.

— Вот, уважаемый отец настоятель, творец огненных видений-знамений и «страшный призрак» в сером стоит перед вами собственной своей персоной.

От пережитых волнений, страха, необычности всего происшедшего, от удивления, граничащего со столбняком, бедный старец Валентин еле стоял на ногах (так что я вынужден был поддержать его) и чуть слышно шевелил губами:

— Всемогущий Боже!.. Что это?.. Серафимушка... Ты?

— Он, он, отец Валентин. Ну, драгоценности сюда!

Миг — и келейник-вор, задумавший столь безумно смелое преступление и, надо отдать ему справедливость, столь блестяще едва не выполнивший его, с воплем бросился на колени.

— Простите! Пощадите! Сам не знаю... По наущению Сатаны.

Он ползал на коленях, стараясь схватить ноги отца настоятеля и Путилина.

— Как мог ты помыслить?! — шептал отец Валентин.

— Наваждение... Смилуйтесь!

— Пойдемте, господа! — позвал Путилин. — Я вам сейчас покажу, каким путем Сатана проводил благочестивого келейника в ад. Потрудитесь принять от него драгоценности. Ну, а с ним вы можете делать все, что вам угодно. Лично мне этот молодчик не нужен. Если вы решите судить его не своим, духовным, а общим судом, — я к вашим услугам.

Минут через двадцать мы подходили к знаменитой железной двери потайного хода.

— Ну, любезный сын Сатаны, показывайте ваши далеко не святительские фокусы! — насмешливо бросил преступнику келейнику Иван Дмитриевич.

Тот замялся в страхе, смятении.

— Ну, ну, живее! — дал резкий, повелительный окрик Путилин.

Дрожащими руками серафимоподобный келейник отнял с пола две каменные плиты.

Под ним углубление-яма, которое я уже знал.

— О, Господи! — в ужасе шамкал престарелый отец настоятель. — Эдакое злодейство. И кто же? Кто — враг страшный? Свой! Свой, монашествующий! Келейник мой!

— Да, отец Валентин, должен сознаться, что подобная штука была бы по плечу иному гениальному мошеннику. Ну-с, — повернулся он к негодяю в послушнической рясе, — кому идти туда первому? Угодно вам, чтобы я первый спустился, или вы будете любезны проследовать вперед?

И с этими словами Путилин бесстрашно скрылся в зияющей яме.

— Доктор, — крикнул он мне, — не спускайте глаз с молодчика!

Прошло несколько минут.

Я и отец архимандрит с замиранием сердца ожидали, что будет дальше.

Вдруг дверь загремела с той стороны, залязгали болты и замок, и с протяжным скрипом дверь распахнулась.

На пороге стоял гениальный сыщик.

— Здравствуйте, господа! — весело проговорил он.

— Что это... кто это?... — в один голос вырвалось у меня с отцом настоятелем.

— А я-с под дверью прошел. Маленький подкопец. Вот откуда он начинается.

В коридоре братских келий, у железной двери, виднелась такая же дыра-спуск. Около нее тоже были приподняты две плиты.

— Ну, а дверь я открыл моим ключом, по слепку, сделанному мною вчера ночью.

Путилин повернулся к обезумевшему от ужаса преступнику:

— Вот только куда вы, голубчик, землю от подкопа девали?

— Я... я бросал ее в отхожее место, пронося под плащом.

— Сколько времени вы изображали из себя роющую крысу?

— Семь месяцев. Когда все спали, я выходил и начинал подкоп. Но однажды недавно я чуть не попался, так как отец Герсеваний страдал бессонницей и часто выходил в коридор.

— И тогда вы решили устроить братию, дабы ей неповадно было мешать вашей дьявольской работе. С этой целью вы придумали чертовски остроумный фокус. Вы достали большой кусок фосфора и — честное слово! — очень эффектно представили на стене страшное огненное явление.

Наш разговор в коридоре был услышан некоторыми не спящими монахами.

Двери келий осторожно, боязливо полуотворились, и из них показались испуганные лица отрешенцев от мира.

Мы все поспешно вошли в помещение отца Валентина.

— Но как, замечательный вы человек, дошли до раскрытия этой премудрости? — обратился еле державшийся на ногах настоятель к моему другу.

— Как? — со смехом ответил он, не спуская глаз с творца огненного креста. — Вот Серафим вел себя не очень опытно. Когда я спросил его, где, на каком месте стены он увидел огненное знамение, он указал мне на место, на котором оно не могло появиться.

— Почему? — живо спросил я.

— Потому, доктор, что от него не пахло фосфором, оно не было испещрено теми характерными полосами, какие оставляет после себя этот химический продукт.

— Но он мог вымыть стену.

Путилин усмехнулся:

— Тогда бы и руки его, Серафима, утром были чистыми, а между тем... крючок от моей шубы выдал его.

— Как так крючок?

— Очень просто. Помните, у меня крючок шубы зацепился за мой вицмундирный фрак? Сделал я это нарочно. Мне необходимо было посмотреть руки, обнюхать их у этого молодца. Я попросил его отцепить крючок. Один взгляд, и я многое понял: пальцы его правой руки желты. Это от фосфора.

— А как вы, уважаемый Иван Дмитриевич, посмотрели на эту загадочную надпись.

Путилин улыбнулся:

— Ключ хотите, отец Валентин? Извольте. «Года шестого, то есть настоящего; января шестого; в шесть часов утра». «Аще через злато погибель» — указание на цель запугивания — на монастырские деньги. Когда я увидел дверь, ведущую из коридора в сокровищницу монастыря, мне все стало ясно. Две плиты около двери издавали при ударе по ним ногою пустой звук. Я догадался о подкопе. На следующую ночь, когда меня чуть-чуть не изжарили в печи, я проник в него, в этот подкоп, найдя фальшивые плиты. Остальное вы знаете...

ОДИННАДЦАТЬ ТРУПОВ БЕЗ ГОЛОВЫ

Страшная посылка

Это было в 187... году, вскоре после назначения моего друга начальником сыскной полиции. Надо вам сказать, что два последних года перед этим были особенно чреватые зверскими кровавыми происшествиями. Путилин просто с ног сбился. Иногда ночью он посылал за мной:

— Друг мой, мне нужна твоя помощь. Определи, сколько времени, по-твоему, мог жить этот убитый после полученной им раны. Мне это необходимо знать.

Так как Путилин никогда не спрашивал ничего зря, я всегда старался дать ему как можно более точный ответ.

Был февраль. В воздухе уже пахло весной.

Я сидел у Путилина, в его служебном кабинете.

Вдруг послышался нервный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Путилин.

На пороге кабинета стоял старший дежурный агент, взволнованный, бледный.

— Ваше превосходительство, страшные преступления! — заикаясь, проговорил он.

— В чем дело? — озабоченно спросил Путилин.

— Сию минуту нам сообщено, что в трех различных районах города найдены три трупа.

— Что же в этом особенно страшного, голубчик? — слегка усмехнулся Путилин.

— Вы не дослушали меня, ваше превосходительство. Дело в том, что все три трупа без головы.

— Как без головы? — привскочил Путилин.

— Так-с. Головы у всех отрезаны. Судя по свежести крови, головы отрезаны очень недавно и, очевидно, не от трупов, а от живых людей.

Путилина передернуло. Каюсь, и я почувствовал себя нехорошо.

— Вот что, голубчик, сию секунду дайте знать прокурору, судебному следователю и врачу. Я еду сейчас туда. Ты поедешь со мной, Иван Николаевич?

— Что за вопрос? Разумеется... — ответил я.

— Где трупы? — отрывисто спросил Путилин.
— Один — за Нарвской заставой, другой — близ деревни Волково, третий — близ Новодевичьего монастыря.
— Все — окраины... — вырвалось у Путилина.

Только мы собрались выйти из кабинета, как в дверь послышался новый стук.

— Ну, что еще там? Кто там? Идите!..

Два сторожа бережно внесли объемный ящик, завернутый в черную клеенку.

— Это что? — удивленно спросил Путилин.

— Посылка на ваше имя, ваше превосходительство! — гаркнули сторожа.

— Кто принес?

— Час тому назад доставлена посыльным. Велено доставить в ваши собственные руки.

Путилин сделал досадливый жест рукой.

— Нельзя терять времени... А между тем...

И Иван Дмитриевич выразительно посмотрел на меня.

— Надо вскрыть посылку, — ответил я ему.

— Живо! Живо! Вскрывайте! — отдал он приказание сторожам.

Ловкими привычными руками те распутали бечевки и разрезали черную клеенку. Под ней — грубо отесанный белый деревянный ящик.

Мы все близко подвинулись к нему. Путилин был впереди.

— Подымай крышку! — нетерпеливо бросил он сторожам.

— Ишь ты... как крепко гвоздями приколочена... — ответили сторожа, стараясь ножами поднять крышку таинственного ящика.

Наконец доски отскочили с треском и характерным сухим лязгом сломанных гвоздей.

— С нами крестная сила! — раздался дико-испуганный крик отпрянувших от ящика сторожей. — Головы! Головы!!

Путилина тоже словно отшвырнуло назад.

Старший дежурный агент замер на месте. Лицо его было блее полотно.

В ящике, на смоченном кровью грубом холсте, лежали рядом, одна к другой, три отрезанные головы.

На что уж я, как доктор, привык к всевозможным кровавым ужасам, а тут, поверите ли, при виде этих страшных мертвых мужских голов задрожал, как какая-нибудь нервная барынька.

— Ваше... ваше превосходительство... — первый нарушил столбняк, охвативший всех, здоровенный детина-сторож. — Тут бумага какая-то лежит!

И, бережно сняв с одной из голов лист в четвертинку плохонькой бумаги, смоченный по краям кровью, он протянул ее Путилину.

С дрожью в руках взял это страшное послание Путилин.

— Вы... вы ступайте пока! — отдал он приказ сторожам.

Те, словно радуясь, что могут избежать дальнейшего лицезрения страшных голов, быстро покинули кабинет.

Путилин начал громко читать:

— «Посылаем тебе, твое превосходительство, в дар гостинец — три головы. Жалуем тебя этой наградой за твое усердие, с коим ты раскрыл, накрыл и предал шайку «Стеньки Разина». Исполать тебе, мудрый сыщик! А еще скажем, что таких голов получишь ты еще восемь, всего будет одиннадцать. А двенадцатую голову получить тебе уже не придется, потому голова эта будет твоя собственная. Бьет челом тебе

А. Г. Г.».

— Недурно! — вырвалось у Путилина.

— Ловко! — вырвалось у меня.

Я быстро подошел к ящику и, схватив одну голову, низко нагнулся над ее широко раскрытыми глазами.

— Что ты делаешь? — испуганно спросил меня Путилин.

— Разве тебе, Иван Дмитриевич, не известно, что порой в зрачках убитого запечатлевается образ убийцы? Зрачки глаз убиваемого воспринимают, как негатив, черты лица убийцы.

Увы! Как я ни бился, ничего, ровно ничего я не мог узреть в мертвых, остекленевших глазах. В них застыли только ужас и невыразимое физическое страдание.

— Ну? — с надеждой в голосе спросил меня мой друг.

— Ничего!

— В таком случае едем, не теряя времени... Я принимаю вызов этой страшной банды. Клянусь, что я или первый из восьми сложу свою голову, или раскрою этих чудовищ!..

Одиннадцатая голова. В мертвецкой. «Хрустальный дворец»

Петербург был объят паникой.

Весть о том, что появилась какая-то страшная шайка злодеев, обезглавливающих обывателей, моментально облетела приневскую столицу.

Стоустая молва преувеличивала, как это всегда бывает, число жертв, и петербуржцы в ужасе кричали: «Бродят ужасные люди-звери! Они нуждаются в теплой человеческой крови. Отрезав голову, они выбирают из тела всю кровь для каких-то особенных целей».

Высшим начальством моему другу Путилину было вежливо, но категорически поставлено на вид, что он обязан как можно скорее раскрыть эти неслыханные злодеяния.

— Вы, Путилин, большой талант. Окажитесь на высоте вашего призвания и на этот раз. Население страшно взволновано. Необходимо успокоить общественное мнение.

— Я сделаю все, что в моих силах... — скромно, но твердо ответил Путилин.

Осмотр трупов и местностей, где они были найдены, не дал никаких положительных и интересных результатов.

Районы эти были глухие, кишашие отбросами столичного населения, а трупы — совершенно голые. Моргов тогда у нас не существовало. Опознать личности убитых, таким образом, являлось делом далеко не легким.

На ноги было поставлено все: внезапные осмотры всех подозрительных притонов, ночлежек, целая рать опытных сыщиков-агентов дневала и ночевала в разных местах.

Прошло восемь дней. И каждый день неукоснительно в Сыскное отделение доставлялось по одной свежестриженной мертвой голове. Как, каким таинственно-чудесным образом ухитрялись страшные злодеи посылать Путилина «в дар гостинец», эти зловещие презенты, до сих пор осталось нераскрытой тайной.

Теперь Петербург уже не волновался, а прямо замер от ужаса. «Последние времена настали! Близо пришествие Антихриста! Скоро будет светопреставление!»

Я никогда не видал моего друга Путилина в таком состоянии духа, как в эти проклятые дни! Он не говорил ни слова, а по своей привычке все что-то чертил ногтем указательного пальца на бумаге.

— Ваше превосходительство, одиннадцатая голова прибыла!.. — трясаясь от ужаса, доложили ему.

Путилин даже бровью не повел.

— Стало быть, дело остается за двенадцатой, то есть за моей?

— Помилуйте, ваше превосходительство, что вы, храни Господь!

В течение этих страшных восьми дней, что прибывали мертвые головы, я сопровождал великому сыщику не в одном из его безумно смелых походов, иногда с переодеваниями, разумеется.

Особенно любопытными и врезавшимися мне в память являются два: одно — посещение мертвецкой при Н-ской больнице, куда были свезены все обезглавленные трупы и все отрезанные головы, и другое — посещение страшного «Хрустального дворца», о котором я впервые получил представление.

Столичное население было широко оповещено, что все желающие могут в течение целого дня являться в покойницкую больницы для опознания трупов.

Я приехал туда с моим другом утром. Он распорядился, чтобы у входа мертвецкой были поставлены сторожа, которые впускали бы посетителей не более как по одному человеку сразу.

Когда мы первый раз вошли в мертвецкую, я невольно вздрогнул и чувство неприятного холода пронизало все мое существо.

На что уж, кажется, я, по моей профессии, должен был бы привыкнуть ко всевозможным тяжелым картинам, а главное — к трупам, однако тут, поверите ли, пробрало и меня.

Тяжелый, отвратительный запах мертвечины, вернее, смрадное зловоние разлагающихся тел ударило в лицо.

Казалось, этот страшный запах залезает всюду: и в рот, и в нос, и в уши, и в глаза.

— Брр! — с отвращением вырвалось у великого сыщика. — Не особенно приятное помещение. И если принять еще во вни-

мание, что нам придется пробыть здесь несколько часов, а то и весь день...

— Как?! — в ужасе воскликнул я. — Здесь? В этом аду? Но для чего? Что мы будем тут делать?

— Смотреть... наблюдать... — невозмутимо ответил он. — Видишь ли, несколько раз в моей практике приходилось убеждаться, что какая-то таинственная, непреодолимая сила влечет убийц поглядеть на свои жертвы. Вспомни хотя бы страшного горбуна, Квазимодо церкви Спаса на Сенной.

— Но где же мы будем наблюдать? Откуда?

— Для этого мы должны спрятаться, доктор, вот и все.

— Но куда же здесь спрятаться?

— А вот из этих гробов мы устроим великолепное прикрытие, откуда нам будет все видно и слышно.

Я закурил сигару и стал отчаянно ею дымить. Путилин не отнимал от лица платка, надушенного сильными духами.

Но разве все это могло заглушить до ужаса смрадный трупный запах?

Пока мой друг сооружал нечто вроде высокой баррикады из гробов, я с содроганием глядел на покатые столы мертвецкой.

Какое страшное зрелище, какая леденящая душу картина!

Рядом, близко друг к другу, лежало восемь голых трупов без голов. Все это были сильные, здоровые тела мужчин, но страшно обезображенные предсмертными страданиями-судорогами. Так, у одного трупа были скорчены руки и ноги чуть не в дугу, у другого — пятки были прижаты почти к спине.

Рядом лежали восемь же отрезанных голов.

Эти головы были еще ужаснее трупов! Точно головы безумного царя Ииуйи, в которые он играл, как в бирюльки.

У некоторых глаза были закрыты, у других открыты, и в них застыло выражение смертельного ужаса и смертельных мук.

Тусклый, хмурый свет падал на эту страшную гекатомбу мертвых тел из высокого оконца покойницкой.

— Ну, доктор, пора! Пожалуйста сюда! — пригласил меня Путилин.

Поверите ли, я был рад спрятаться даже за такое мрачное прикрытие, лишь бы только не видеть этого зрелища.

По условленному знаку в мертвецкую стали впускать посетителей по одному.

Кого тут только не было, в этой пестрой, непрерывно тянущейся ленте публики! Это был живой, крайне разнообразный калейдоскоп столичных типов, начиная от нищенки и кончая расфранченными барыньками, любительницами, очевидно, сильных ощущений; начиная от последних простолудинов и кончая денди в блестящих цилиндрах.

Все входили и почти без исключения отшатывались в ужасе назад, особенно в первый момент. «О, Господи!» — в страхе шептали-шамкали ветхие старушки, творя молитвы и крестя себя дрожащей рукой.

Были и такие посетители обоего пола, которые с громким криком страха сию же секунду вылетали обратно, даже хорошенько еще ничего не разглядев.

С двумя дамами сделалось дурно: с одной — истерика, с другой — обморок. Их обеих подхватил и вывел сторож.

— И чего, дуры, лезут... — невольно ворчал талантливый сыщик.

Тут, кстати, не могу не упомянуть об одном водевильном, курьезном эпизоде, столь мало подходящем к этому страшному и мрачному месту.

В мертвецкую вошел какой-то хмурый, понурый мещанин. Он истово перекрестился и только собрался начать лицемерие этой «веселенькой» картины, как вдруг я, наступив на край гробовой крышки, потерял равновесие и... и грянулся вместе с ней на пол.

Крик ужаса огласил покойницу.

Мещанин с перекошенным от ужаса лицом вылетел как пуля, крича не своим голосом:

— Спасите! Спасите! Покойники летят, покойники!

Я быстро, еле удерживаясь от хохота, вскочил и пристроился, как и прежде.

— Это черт знает что такое, доктор! — начал мой друг строго распекать меня, хотя я отлично видел, что губы его трясутся от сдерживаемого смеха. — Ты, батенька, не Бобчинский, который в «Ревизоре» влетает в комнату вместе с дверью. Эдак ты мне все дело можешь испортить...

Продолжать шепот было невозможно, так как в это царство ужаса вошла новая посетительница.

Меня несколько удивило то обстоятельство, что, войдя, она не перекрестилась, как делали это все, а без тени страха и какого-либо смущения решительно подошла к трупам и головам.

Она стояла к нам вполоборота, так что мне был виден профиль ее лица.

Этот профиль был поразительно красив, как красива была и вся ее роскошная фигура с высокой грудью. Среднего роста, одета она была в щегольской драповый полудипломат, в белом шелковом платке на голове.

Она несколько секунд простояла молча, не сводя взора с трупов и голов, потом вдруг быстрым движением схватила одну из голов и приставила к обезглавленному туловищу.

Затем через несколько секунд она так же быстро сдернула мертвую голову и, положив ее на прежнее место, пошла к выходу.

Лишь только успела она перешагнуть порог, как Путилин быстрее молнии выскочил из своей мрачной засады, бросился к двери и закрыл ее на задвижку.

— Скорее, доктор, помоги мне расставить гробы на их прежнее место.

Я стал помогать ему.

— Ну, а теперь быстро в путь!

Он высоко поднял воротник шубы, так что лицо его не стало видно, и, отдернув задвижку, вышел из покойницкой.

— А как же ты врешь, что поодиночке пускают? — напустилась на сторожа вереница посетителей. — А их вон там трое было.

Путилин быстро шел больничным двором, направляясь к воротам. Я еле поспевал за ним.

Впереди мелькал белый платок.

— Чуть-чуть потише... — шепнул мне сыщик.

Когда платок скрылся в воротах, мы опять прибавили шаг и вскоре вышли на проспект. Тут, на углу больничного здания, на тротуаре стояла женщина в белом платке рядом с высоким, дюжим парнем в кожаной куртке и высокой барашковой шапке. Они о чем-то оживленно и тихо говорили.

Когда мы поравнялись с ними, женщина пристально и долго поглядела на нас.

Потом, быстро подождав извозчика, они уселись в сани и скоро скрылись из наших глаз.

— Ну и мы отправимся восвояси! — спокойно проговорил Путилин.

В тот же день, под вечер, он приехал ко мне переодетый и загримированный самым отпетым золоторотцем.

Обрядив и меня в ужасные отрепья, он протянул серебряный портсигар.

— Эту вещь ты будешь продавать в «Хрустальном дворце», если понадобится.

— Где? — удивился я.

— Увидишь... — лаконично бросил он.

И вскоре действительно я увидел этот «великолепный» дворец.

В одном из флигелей большого дома в Тарасовом переулке, рядом с «Ершами», внизу, в подвальном этаже, висела крохотная грязная вывеска: «Закусочная».

Когда мы подошли к обледелым ступеням, ведущим в это логовище, нам преградил дорогу какой-то негодяй с лицом настоящего каторжника.

— А как Богу молиться? — сирым голосом прорычал он, подозрительно впиваясь в нас щелками своих узких, заплывших от пьянства глаз.

— По Ермилу-ножичку, по Фомушке-Фоме да по отвертке-куме! — быстро ответил бесстрашный сыщик.

— А-а... — довольным тоном прорычал негодяй. — Много охулили?

— Кисет с табаком да кошель с пятакom.

Путилин быстро спустился в подвал, я за ним.

Когда мы вошли внутрь этого диковинного логовища, я невольно попятился назад: таким отвратительным зловонием ударило в лицо.

Несмотря на то что тут было очень много народа, холод стоял страшный. Ледяные сосульки висели на грязных окнах, снег искрился в углах этого воровского подвала.

Только бесконечно меткий и злой юмор воров и мошенников мог придумать для этой страшной дыры такое название, как «Хрустальный дворец»!

В первой конуре виднелось нечто вроде стойки с какой-то омерзительной снедью.

Во второй «комнате», очень большой, занимающей все пространство подвального помещения, шла целая эпическая комедия из жизни преступного Петербурга. Столов и стульев не было почти ни одного. Посередине стояла высокая бочка, опрокинутая вверх дном. Около нее стоял седой старик в продранной лисьей шубе с типичным лицом скопца.

Вокруг него полукругом теснилась толпа столичной сволочи, то и дело разражаясь громовым пьяным хохотом.

— Кто еще найдет, что продать? Принимаю все, кроме девичьего целомудрия, как вещи, ровно ничего не стоящей... для меня, по крайней мере, почтенные дамы и кавалеры! — высоким, пискливо-бабьим голосом выкрикивал скопец — скупщик краденного.

— Ха-ха-ха! Ах, шут ты дери! — заливалась сиплыми голосами воровская братия «Хрустального дворца».

— А штаны примешь? — спросил кто-то.

— А в чем же к столбу пойдешь, миленький, когда кнутом стегать тебя будут? Что же тогда ты спустишь?..

Новый взрыв хохота прокатился по подвалу.

Но были и такие, которые с хмурым лицом подходили и бросали на дно бочки серебряные, золотые и иные ценные вещи.

Высохшая рука скопца быстро, цепко, с какой-то особой жадностью хватала вещь.

— Две канарейки, миленький...

— Обалдел, знать, старый мерин? — злобно сверкал глазами продающий. — За такую вещь — и две канарейки.

— Как хочешь... — апатично отвечал скопец.

Я не спускал глаз с лица моего друга. Я видел, что он словно кого-то высматривает.

Вдруг еле заметная усмешка тронула углы его губ.

Я проследил за его взором и узнал высокого парня в кожаной куртке и барашковой шапке.

— А вы чего же стоите, миленькие? — вдруг повернулся к нам отвратительный старик скопец. — Имеете что обменять на фальшивые государственные деньги, ибо настоящие-то фабрикуете только вы?

На нас сразу обратили внимание.

Не скажу, чтобы я почувствовал себя особенно приятно. Я знал, что, если заметят наш грим, нам несдобровать или, в лучшем случае, придется выдержать жаркую схватку.

— Ну, ты, сударь батюшка, Христос из «Кипарисового сада», нас не учи, какие у нас деньги. У нас-то деньги кровью достаются, не то что у тебя, обкорналого жеребца!

Глазки скопца засверкали бешенством, но зато эта фраза имела решительный успех среди отверженных.

— Ловко его! Молодчага! Так его, старого пса!..

Путилин швырнул на дно бочки серебряные часы.

— Не возьму! — резко взвизгнул скопец.

— А... а ежели в таком случае сумочку твою да на шарапа я пушу? Ась?

— А-го-го-го! — загрохотал «Хрустальный дворец».

Трясущимися от злобы руками старик схватил часы и вышвырнул Путилину пять рублей.

Это была огромная цифра, попросту говоря — взятка. Старый негодяй испугался угрозы переодетого сыщика и хотел его задобрить.

Когда мы выходили из страшного подвала, около дверей стоял парень в кожаной куртке. Он о чем-то тихо шептался с чернобородым золоторотцем.

«Так, стало, сегодня придешь туда?»

«Приду...»

«Упомни: Расста...»

В эту секунду он заметил нас и сразу смолк.

На девятый день, после довольно обширной прогулки, навестив чуть не двенадцать больных, я, усталый, сидел перед горящим камином. Мысль о моем друге Путилине неотступно преследовала меня. Я думал об этом таинственном отрезании одиннадцати голов. Все трупы вместе с полицейским врачом исследовал и я. Меня поразила одна особенность: все одиннадцать были обезглавлены одним способом: сначала нож втыкался острием в сонную артерию, а затем сильным и ловким движением производился дьявольский «кружный пояс», благодаря которому голова отделялась от туловища.

Утомленный этими страшными бессонными ночами и дневной практикой, я, согретый огоньком камина, задремал. Это был не сон, а так, какое-то кошмарное забытье. Рисовались голые трупы, кровь, отрезанные головы.

Сильный звонок вывел меня из состояния этого полубреда, полукошмара. Я вздрогнул и вскочил с кресла.

Передо мной стоял мой лакей.

— Что такое?

— Так что, барин, какая-то компания подъехала на тройке. Важный, но хмельной купчик молодой желает вас видеть, — доложил он мне.

— Пусть войдет!

Дверь моего кабинета распахнулась. На пороге в роскошной собольей шубе, отороченной бобрами, стоял красавец — молодой купчик. Сзади него во фраках со значками вытянулись два лакея в летних пальто.

— Что вам угодно? — направился я к собольей шубе.

Лицо красавца купчика осветилось веселой улыбкой.

— Помощь нам подать, господин доктор!

— Позвольте, господа, в чем дело? Кто из вас болен? Почему вы все трое ввалились в мой кабинет? Там есть приемная.

Какой-то леденящий ужас и страх под влиянием кошмарного забытья охватили меня.

— Не узнаешь? — подошел ко мне вплотную купчик в собольей шубе.

— Позвольте... Кто вы?..

Саркастический хохот пронесся по моему кабинету.

— Я-то кто? А Ивана Дмитриевича Путилина знаешь?

— Как?! Ты?!!

— Я. Собственной своей персоной, дружище! Довольно заниматься маскарадом. Едем. Ты, конечно, не откажешься присутствовать при том, как будут снимать «двенадцатую голову», а именно голову с туловища твоего друга?

Затем, переменив шутливый тон на серьезный, он тихо мне проговорил:

— Захвати с собой хирургический набор и все вообще, что требуется для оказания первой помощи. Я боюсь, что дело будет жаркое.

Через несколько секунд мы находились уже в санях, это были пошевни, крытые красным бархатом.

— Хорошо загримировался? — тихо смеясь, обратился ко мне Путилин.

— Чудесно! — искренно вырвалось у меня. — Но, ради Бога, скажи, куда мы едем?

Наступила долгая пауза. Мой друг что-то сосредоточенно чертил пальцем по заиндевевшим крыльям пошевней-саней.

— Прости, ты о чем-то меня спрашивал? — словно пробуждаясь после долгого сна, спросил он меня.

— Куда мы едем, Иван Дмитриевич?

— Ах, куда мы едем? Довольно далеко... может быть, на тот свет. Предупреждаю тебя, если ты боишься, сойди, пока есть время. Потом, при неуспехе, поздно будет. Ты веришь в меня?

— Верю! — вырвалось у меня.

— Так о чем же ты спрашиваешь?

— Неужели ты напал на верный след? — спросил я моего друга.

— Тсс!! И лошади имеют... уши! — тихо рассмеялся Путилин.

— Но-о-о, ми-лы-е-е! — лихо гаркнул ямщик-привстав с облучка.

Чуть не на тот свет

Чем дальше, тем местность, которой мы ехали, становилась все глуше и глуше. Огромный гранитный город остался далеко позади.

Потянулись какие-то пустыри, огороды. Изредка мелькали огоньки маленьких домиков.

— Это агенты? — указал я глазами на двух официантов во фраках.

— Ну конечно... — тихо рассмеялся Путилин. — Теперь слушай меня внимательно. Мы едем в кабачок-трактир «Расставанье». Я богатый загулявший купчик. Эти агенты — лакеи ресторана Бореля, сопровождающие меня как важного клиента их дома. Я не уплатил по крупному счету. Я кучу. У меня десятки тысяч в кармане. Лакеи это знают и хотят поживиться. Ты — шулер.

— Благодарю покорно! — расхохотался я.

— Тсс!.. Ты в этом грязном притоне будешь предлагать мне играть. Вынешь карты... Я выну деньги. А потом... а потом ты увидишь, что из этого выйдет. На, держи колоду карт.

— Но ведь это безумно смелая игра! — вырвалось у меня.

— Другого выхода нет. Ты знаешь меня: я никогда не отступаю. Я или выиграю, или проиграю это дело!

На углу двух дорог, в начале одной из которых виднелся пролесок, стоял двухэтажный деревянный домик, ярко освещенный.

— Ну-ну-у, милые, тпрр-у! — дико взвизгнул, ухнул и гаркнул ямщик.

Сани тихо подкатили к трактиру, над подъездом которого вывеска гласила: «Трактир «Расставанье».

Громкий звон бубенчиков и лихой окрик ямщика, очевидно, были услышаны в мрачном притоне, о котором давно уже ходила недобрая слава.

Дверь отворилась, из нее вырвались клубы белого пара.

Я взглянул быстро на Путилина и не узнал его.

Моментально все лицо его преобразилось. Пьяная, глупая улыбка расплылась по нему, и он сильно качнулся всем телом в мою сторону.

— Ваше сиятельство, купец хороший, приехали!! — отстегивая полость троечных саней, громко возгласил ямщик.

В ту же минуту «лакеи» бросились высаживать «его сиятельство».

— Кто такой будет? — подозрительно поглядывая узкими щелками глаз, прохрипел высокий рыжий трактирщик, типичный ценовальник былых времен.

— Ха-а-роший гость! — чмокнул языком ямщик.

Один из «официантов» юрко подлетел к рыжему трактирщику:

— От Бореля-с мы. Они-с — первеющий миллионер. Захмелели малость... ну, и того, по счету забыли уплатить. Мы решили их прокатить, авось очухаются, денежки с лихвой нам заплатят. А только скажите, хозяин, у вас насчет карманного баловства не практикуется? Потому — деньги ба-а-а-льшие при нем имеются... В случае чего нам в ответе придется быть.

— Не бойсь, не съедим... — усмехнулся рыжий трактирщик. — И тебе еще с лихвой останется...

— Хи-хи-хи!.. Сейчас видать образованного человека! — торжественно хихикнул «лакей от Бореля».

— А это кто с им рядышком сидит? — ткнул перстом по моему направлению негодяй.

— А так, примерно сказать, лизоблюд. Около их увивается. А коли говорить откровенно — так шулер. Он, шут его дери, ловко из семерки туза делает!

Путилин тихо мне шепнул:

— Да выводи же меня из саней...

— Ардальоша! Да очнись же! — громко начал я, расталкивая Путилина.

— А? Что?.. — глупо хлопал он глазами.

— Помоги ему! — важно процедил содержатель «Расставанья», подталкивая лакея.

Но другой «лакей» уже спешил мне на помощь.

— Пшли прочь! — нагло заявил он мне. — Обобрали купца хорошего на сорок тысяч, а теперь так сладко поете: «Ардальоша, Ардальоша!» Без вас высадим!..

Путилина поволокли из саней. Он, качнувшись несколько раз, вдруг обратился к рыжему трактирщику:

— А... а шампанское есть у тебя, дурак?

— Так точно-с, ваше сиятельство, имеется для именитых гостей, — поспешно ответил тот.

До сих пор я не могу забыть той страшной усмешки, которая искривила лицо этого рыжего негодяя. Клянусь, это была улыбка самого дьявола!

«Что будет? Что будет?..» — пронеслось у меня в голове.

В волчьей яме. Двенадцатая голова. На волосок от смерти

В первую минуту, когда мы вошли в ужасный трактир, ровно ничего нельзя было увидеть.

Клубы удушливого табачного дыма и точно банного пара колыхались в отвратительном воздухе, наполненном ужасным запахом водочного и пивного перегара и острым испарением — потом массы грязных человеческих существ.

Уверяю вас, это был один из кругов ада! Какое-то дикое звериное рычание, дикий хохот, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки, визг бабьих голосов, самая циничная площадная ругань — все эти звуки, соединяясь в одно целое, давали поистине адский концерт.

— Сюда пожалуйста, сюда, ваше сиятельство! — предупредительно позвал нас рыжий негодяй к большому столу.

Мало-помалу глаза свыклись с туманом, колыхающимся в этом вертепе.

Огромная комната... Столы, покрытые красными скатертями... Лавки... табуреты... Посередине — длинная стойка-буфет, заставленная штофами водки, чайниками, пивными бутылками. Почти все столы были заняты.

За ними сидели пьяные, страшные негодяи, вся накупь, вся сволочь, все подонки столичного населения.

Кого тут только не было! Беглые каторжники, воры-домушники, мазурики-карманники, коты тогдашней особенной формации, фальшивомонетчики.

У многих на коленях сидели женщины. Что это были за женщины! Обитательницы «малинника» из Вяземской лавры, молодые, средних лет и старые, они взвизгивали от чересчур откровенных ласк их обожателей.

— Ва-ажно, Криворотый! — стоял в воздухе адский хохот. — Ну-ка, ну-ка, хорошенько ее!

А Криворотый, саженный парень с опившимся лицом, зверски сжимал с своих объятий какую-то молодую женщину.

— Ах, ловко! Ах, ловко!

— Ох, пусти! Ой, бесстыдник... — кричала женщина.

В другом месте делили дуван.

— Я тебе... голову раскровеню бутылкой, коли ты со мной похорошему не поделюсь!

— Молчи, проклятый! — хрипел голос. — Получай, что следует, пока кишки тебе не выпустил!

Сначала за общим гвалтом и дымом наше странное появление не было замечено многими.

Но вот мало-помалу мы сделались центром общего изумленного внимания.

— Эй, мошенник, шампанского сюда! — громко кричал Путилин, раскачиваясь из стороны в сторону.

Его роскошная соболья шуба распахнулась, на жилете виднелась чудовищно толстая золотая цепь.

Я с тревогой, сжимая ручку револьвера, следил за аборигенами этой вонючей ямы. Боже мой, каким алчным и страшным блеском горели их глаза!

— Что это за птицы прилетели?

— Диковинно что-то...

— А што, братцы, не сыщики ли это к нам пожаловали.

— А и то, похоже что-то...

— Вынимай скорей карты! — тихо шепнул мне Путилин.

Я быстро вытащил колоду карт.

— Ардаляша, сыграем партиюку? — громко проговорил я на всю страшную комнату.

— Д... д... давай! — заплетающимся языком ответил Путилин. И, выхватив из бокового кармана толстую пачку крупных кредиток, бросил ее на стол.

— Ваше сиятельство, отпустите нас! Извольте рассчитаться... Мы свои заплатили... — в голос пристали к Путилину «лакеи из Бореля» — агенты сыскной полиции.

— Пошли вон, канальи! — пьяным жестом отмахнулся от них гениальный сыщик.

Теперь в «зале» воцарилась томительная тишина. Все привстали со своих мест и стали подходить к нашему столу.

Вид денег, и таких крупных, совсем ошеломил их. Только я стал сдавать карты, как Путилин пьяным голосом закричал:

— Н... не надо! Не хочу играть! Кралечку хочу какую ни на есть самую красивую! Нате, держите, честные господа мазурики!

И он швырнул столпившимся вора и преступникам несколько ассигнаций.

— Сию минуту, ваше сиятельство, прибудет расчудесная краля! — подобострастно доложил рыжий содержатель вертепа-трактира. — Останетесь довольны!

Прошла минута, и перед нами предстала красавица в буквальном смысле этого слова.

Когда она появилась, все почтительно почему-то расступились перед ней.

Это была героиня путилинского триумфа, среднего роста, роскошно сложенная женщина. Высокая, упругая грудь. Широкие бедра. Синие — удивительно синие глаза были опущены длинными черными ресницами. Красивый нос; ярко-красные губы; зубы ослепительной белизны. Из-под дорогого белого шелкового платка прихотливыми прядками спускались на прелестный белый лоб локоны.

Это была настоящая русская красавица, задорная, манящая, как-то невольно притягивающая к себе.

Она, насмешливо улыбаясь, подошла к Путилину.

— Ну, здравствуй, добрый молодец!

— Ах! — притворно всхлипнул Путилин.

Пьяно-сладострастная улыбка, блаженно-счастливая, осветила его лицо.

«Как гениально играет!» — невольно подумал я.

— Эй, рыжий пес, ну... ну, спасибо! Разодолжил! И взаправду чудесную к... кралю предоставил. На, лови сей момент сотенную! Эх, за такую красоту и сто тысяч отдать не жалко!

— А есть у тебя эти сто тысяч? — кладя свои руки на плечи Путилина, спросила красавица.

— На, смотри!

Путилин выхватил толстый бумажник и раскрыл его перед красавицей «Расставанья».

— Видишь? Ну все отдам за ласки твои!

Пьяный, гикающий вопль огласил вертеп.

— А вам, брат... братцы, тысячи пожертвую, помните, дескать, о купце Силе Парфеныче, который кралечку в смрадном месте отыскал!

Я не спускал взора ни с Путилина, ни с этой красавицы. И видел, как Путилин быстро-быстро скользнул взглядом по ее рукам, на пальцах которых виднелись еле зажившие порезы. Видел я также, каким быстрым, как молния, взглядом обменялась красавица с тремя огромными субъектами в куртках и барашковых шапках.

— В... вот что, хозяин! — чуть качнувшись, выкрикнул Путилин. — Держи еще сотенную и угощай всех твоих г... гостей! Я сейчас с раскрасавицей поеду... Эх, дорогая, как звать-то тебя?

— Аграфена! — сверкнула та плотоядными глазами.

— ...А скоро я вернусь. Часика этак через три, а может, и раньше. Поедешь со мной, Грунечка?

— Зачем ехать... Мы лучше пешком дойдем. Домишко мой убогий близко отсюда отстоит. Перины мягкие, пуховые... водочка сладкая есть... Эх, да размолодчик-купец, сладко тебя пригрею! Заворожу чарами моими, обовью руками тебя белыми, на грудях моих белых сладко уснешь ты...

— Га-га-га! Хо-хо-хо! — загремел страшный кабак-трактир.

— Ну что ж! Ехать так ехать! — воскликнул Путилин, грузно поднимаясь из-за стола.

Красавица Аграфена о чем-то тихо шепталась с двумя рослыми парнями с самой разбойничьей наружностью. Обрадованный даровым угощением кабак-притон ликовал.

Отовсюду неслись восторженные крики.

Путилин сильным голосом зашел:

Вот мчится троечка лихая
Вдоль по дороге столбовой.

И между словами песни удивительно ловко шепнул мне:

— Если они опоздают хоть на минуту — мы погибли.

— Кто «они»? — еле слышно проговорил я.

— Агенты и полицейские.

— Ну, в путь-дорожку! — пошла к выходу красавица Груня, пропуская впереди себя Путилина.

Меня словно осенило. Я подошел и тихо ей шепнул:

— Возьми и меня с собой. Если я его обыграю, а обыграю я его наверное, ты получишь от меня пять тысяч.

— Ладно!.. Идите с нами, господин хороший! — сверкнула она глазами.

— А вы здесь меня дожидаетесь! — отдал приказ «подгулявший купчик» — Путилин.

Этого маневра я не мог понять.

Но теперь уже поздно было спрашивать каких бы то ни было объяснений: с нас двоих «расстанная кралечка» не спускала острого наблюдательного взора.

Мы вышли на крыльцо разбойничьего вертепа.

Взглянули — и, должно быть, одновременно испытали одно и то же чувство ледящего ужаса.

Тройки не было, тройка исчезла!

Прежде чем я успел издать какой-то звук, я почувствовал, как Путилин незаметным движением сильно сжал мою руку.

— А где же... где моя троечка, разлапушка?

«Расстанная» красотка расхохоталась.

— А я к дому моему направила ее. Тут домик мой недалеко. Вот пройдем лесочком этим, свернем направо — там он и будет. Я так решила: лучше ты разгуляешься, коли пешочком пройдешься, хмель-то с тебя сойдет. А то на что ты похож? Ха-ха-ха!..

— Ах ты умница-разумница моя, — качнулся Путилин. Мы свернули за угол.

Очевидно, что тройка здесь не проезжала: выпавший пушистый снег был девственно нетронут. Следов полозьев не было и в помине!

Путилин шел несколько впереди. За ним — красавица Аграфена, я — сзади нее.

Месяц светил вовсю, заливая дивный пейзаж своим мертвенно-бледным, таинственно-чудным светом.

Вдруг три огромные черные тени вырисовались на снегу.

Я быстро обернулся.

Сзади нас, прикрываясь ветвями придорожных елей, на расстоянии приблизительно саженной десяти, тихо крались трое высоких мужчин.

Этого момента я не забуду никогда, до гробовой доски. Не хвастаясь, скажу, я не из трусливого десятка, но тут я почувствовал какой-то непреодолимый ужас. Вы должны представить себе, где все это происходило. Глухая, отдаленная пригородная местность. Кругом ни души. Только ели в снегу, только бесстрастный месяц. Позади — вертеп преступников, прямо по пятам — выслеживающие нас, как хищные звери, злодеи. Впереди — неведомая даль темного перелеска, где смерть, неумолимая смерть, казалось, уже заносила над нами свою дьявольскую косу!

«Что он сделал, что он сделал? — молнией пронеслось у меня в голове. — Как мог он, он, гениальный Иван Дмитриевич Путилин, так попасться?»

Я еще раз оглянулся назад и удивился: трех фигур уже не виднелось.

Зато я ясно увидел нечто неизмеримо более страшное и диковинное: *пушистая белая пелена снега как бы шевелилась все время.*

Очевидно, кто-то полз под снегом!

Для меня вдруг стало все совершенно ясно. Очевидно, негодяи, кравшиеся за нами, сообразили, что я их заметил, и придумали этот хитрый маневр: бросились в глубокую канаву, наполненную снегом, и поползли.

Вдруг Путилин круто остановился.

В ту же секунду, испустив короткий крик, красавица Аграфена одним прыжком бросилась на него.

В руках ее сверкнул огромный нож, которым она взмахнула над шеей Путилина.

— Убирайте того! — громко крикнула она.

Из канавы, как белые привидения, выскочили трое разбойников, и два из них бросились на меня, а третий — на помощь к разбойнице.

Я выхватил револьвер и выстрелил в негодяев.

Один из них с воем и хрипом раненого кабана грохнулся в снег.

Вслед за моим выстрелом, почти одновременно, гулко прокатился второй.

«Господи! Слава Богу! Стало быть, жив Путилин!» — пронизала меня радостная мысль.

Негодяй с ножом на меня наседал. Отстреливаясь от него, я обернулся и увидел такую картину: разбойник, бросившийся на помощь к своей страшной сообщнице, корчился на снегу, очевидно раненый, а Путилин с Груней катались по снегу в упорной, ожесточенной борьбе.

— Помоги... друг... Это не женщина, а дьявол! — хрипел Путилин.

— Отрежу! Сейчас отрежу твою поганую голову! — неистово-дико кричала страшная злодейка.

Я видел, как нож сверкал в воздухе и опускался на Путилина.

Не помня себя, я бросился к нему на помощь, но вдруг страшным ударом рыжего детины, по которому делал промахи, был сшиблен с ног.

— Попались, дьяволы! — захрипел он.

Я закрыл глаза, приготовившись умереть.

— Держитесь! Напрягайте силы! — вдруг загрели голоса.

Я раскрыл глаза, потрясенный, недоумевающий, и увидел, как разбойник, уже заносивший над моим горлом нож, задрожал, выпустил меня из своих железных объятий и бросился бежать.

Я быстро вскочил на ноги, не веря происшедшему чуду.

Со всех сторон из леса к нам бежали полицейские и солдаты.

Груню отрывали от Путилина.

Она так крепко и цепко впилась в него, что потребовались усилия нескольких полицейских, чтобы оторвать ее от моего друга.

— Ты жив? Не ранен! — подбежал я к нему.

— Кажется, не ранен! — хладнокровно проговорил Путилин.

— Ну и баба! — громко смеялись солдаты и полицейские, обрadowанные, что мы живы. — Этакая силища!

Они крепко держали ее за руки. Красавица Аграфена вырывалась из их рук отчаянно.

Она волочила за собою то в ту, то в другую сторону четырех здоровых мужчин!

— Ну, здравствуй, Грунечка! — подошел к ней Путилин. — Небось догадываешься, кто я? А? Я — тот самый, которому ты хотела отрезать двенадцатую голову.

— Постылый! Эх, жаль, сорвалось! — исступленно вырвалось у нее.

Лицо ее было страшно.

Красивые глаза ее почти вышли из орбит и метали пламя какого-то животного бешенства.

— Ну, а теперь, господа, скорее, скорее к притону! Оцепите всю местность, да, кстати, подберите этих негодяев. Они, кажется, еще живы! А красавицу мою держите крепче!

Мы почти бегом, сопровождаемые полицейскими и частью солдат, бросились к кабаку — притону «Расставанье».

Он был темен, как могила!

— Где же мои агенты? Неужели негодяи убили их? — тревожно шепнул мне Путилин.

С револьверами в руках мы поднялись на крыльцо трактира. Ни луча света! Ни звука!

— Стойте здесь, молодцы! — приказал Путилин солдатам. — Охраняйте этот выход, а мы пойдем во двор.

Ворота были раскрыты настежь. Виднелись свежие следы полозьев троечных саней.

— Так и есть: они удрали на нашей тройке!

Мы принялись осматривать внутренность двора.

— Васюков, Герасимов! — громко кричал Путилин, обегая двор.

— Скорее! Скорее! На помощь! — вдруг раздались крики из темного вертепа.

Блеснул огонек... он моментально стал разгораться в яркое пламя, и в ту секунду, когда мы ломились в заднюю дверь, чем-то забаррикадованную, в трактире уже бушевало море огня.

Вдруг со звоном разлетелась оконная рама, и один за другим оттуда выскочили наши агенты.

— Живы? — радостно вырвалось у Путилина. — Говорите скорее, что там делается?

Агенты были в крови.

— При ваших выстрелах и при вашем приближении негодяи поняли, что все погибло. Часть их успела удрать, а хозяин, быстро потушив лампы, заметался как угорелый. Мы притаились за столами. Тогда, очевидно, хозяин и еще несколько оставшихся воров выплеснули керосин и зажгли его, чтобы, пользуясь суматохой пожара, спастись бегством.

Внутри домика все трещало.

— Сдавайтесь! — крикнул Путилин. — Вам не уйти, вы оцеплены. Сдавайтесь, или вы сгорите!

Минута, другая... И наконец задняя дверь распахнулась, и из нее прямо в руки полицейским попало человек десять мрачных аборигенов страшного вертепа.

Наступало уже утро этой зловещей ночи, когда мы, разбитые, потрясенные, привезли, вернее, привели нашу славную добычу.

Только у заставы мы нашли подводы ломовых, на которых усадили пленных и сели сами.

Путилин ликовал.

Мы все горячо поздравляли его с блестящей победой.

Вся его шуба была в клочьях. Это красавица Груня во время борьбы располосовала ее своим страшным ножом.

Несмотря на ужасное утомление, Путилин сейчас же по прибытии приступил к допросу.

— Слушай, Аграфена, ты попалась. Запираться теперь поздно, глупо. Скажи, неужели это ты отрезала все одиннадцать голов?

— А тебе не все ли равно? — дерзко ответила она, ни на йоту не смущаясь и хищно оскаливая свои ослепительно белые зубы. — Что вот тебя не прирезала — про это жалею!

— Скажи, ты догадалась, что это я приехал к тебе в гости? — полюбопытствовал Путилин.

— А ты полагал нас провести? — цинично расхохоталась Груня.

— Ты что же — атаманша?

— Атаманша.

— Кто же твои сообщники? Предупреждаю тебя: если ты откровенно сознаешься во всем и выдашь твоих молодцов-удальцов, ты можешь рассчитывать на снисхождение суда.

— А если и не выдам, так дальше Сибири не угоните! — расхохоталась она. — А оттуда — эх как легко убежать!

Я не буду рассказывать вам всех подробностей длинного, запутанного следствия. Главное мое внимание было сосредоточено, конечно, на яркой, поразительной личности атаманши-«головорезки» Груни.

Ни до, ни после этого мне не случалось видеть женщины, подобной ей. Это был действительно дьявол в женском образе.

Чтобы вырвать у нее признание, ее подвергли пытке. Ей давали есть исключительно селедку и... ни капли воды.

Семь суток — чувствуете ли вы огромность этого срока? — она превозмогала страшную, мучительную жажду.

О, если бы вы видели, какими глазами глядела эта страшная преступница на Путилина!

Наконец она сдалась!

— Пить... Я все расскажу!.. — взмолилась она.

И рассказала, выдав главарей шайки.

— На своем веку зарезала я, — показывала она с поразительным хладнокровием, — двадцать восемь человек. Мне это — все равно, лишь бы ножик был удобный: острый и по руке. Сначала ткнешь в зашею, потом — прраз! — кругом шейки, только хрящики захрустят. Эх, хорошо!

Никто не мог без содрогания слушать эту страшную исповедь.

Торжество Путилина, нашедшего этого изверга естества, было полное.

Ее судили и приговорили к бессрочной каторге.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВАМПИРЫ-КРОВОПИЙЦЫ

Страшный балный гость. Драма в будуаре графини

Несмотря на поздний ночной, вернее, раннеутренний час (было около пяти утра), подле роскошного дома-особняка графа и графини Г. царило большое оживление.

Один из их частых и блестящих балов кончался.

Начался разъезд гостей, сплошь принадлежащих к петербургскому высшему свету, к самым отборным сливкам его.

— Карета его сиятельства князя В.! — зычно кричал огромный швейцар в расшитой ливрее, с булавой.

— Сани ее сиятельства графини С.!

— Карета барона Ш.!

Вывкрики шли непрерывно.

К подъезду, ярко освещенному, подкатывали экипажи.

Из подъезда, закутанные в богатые собольи ротонды, шубы, шинели, выходили великосветские гости и, поддерживаемые ливрейными лакеями-гайдуками, усаживались в кареты и сани.

— Пшел! — раздавался приказ, и лошади, застоявшиеся на морозе, дружно подхватывали.

Разъезд затихал.

Все реже и реже сверкали рефлекторы каретных фонарей у подъезда роскошного особняка, и скоро их уж совсем не стало видно.

Разъезд окончился, резная, с зеркальными стеклами дверь закрылась.

В морозной зимней ночи воцарилась удивительная тишина.

Некоторое время еще из окон графского особняка вырывались волны яркого света от золоченых люстр, бра, канделябров, но мало-помалу огни стали притухать то в одном, то в другом окне.

Блестяще-феерическая «иллюминация» вечно пирующего в утонченных празднествах-оргиях российского барства погасла.

Дом-дворец погрузился во тьму.

* * *

Но там, внутри этого палаццо, жизнь еще не совсем замерла.

Еще сытые, вернее, пресыщенные, развратные лакеи в своих смешных камзолах и гамашах спешно свершали, доканчивали свою работу: крали объедки и опивки с барских столов и приводили в порядок анфиладу роскошных зал и гостиных, стараясь оставить себе поменьше труда на утро, к которому все должно было принять свой обычный вид.

— Довольно, ступайте спать... В девять часов утра dokonчите все остальное! — внушительно отдал приказ тучный, упитанный мажордом.

И все разошлись.

...Графиня встретила со своим великолепным супругом у дверей своей половины.

— Всегда, всегда — царица бала! — восторженно поцеловал он руку жены.

— Но как я устала! Спокойной ночи, впрочем, утра, — томно улынулась она, целуя его в лоб.

Вот и ее будуар, такой нарядный, красивый, весь пропитавшийся запахом ее любимых духов.

— Скорей, скорей в постель! До смерти устала!

И, упоенная сознанием своей красоты, молодости, блестящего положения в свете, своим сегодняшним триумфом, она направилась через будуар в спальню.

Но лишь только она успела сделать несколько шагов, как вдруг остановилась, вся задрожав и похолодев от ужаса.

— Боже мой... Что это?!

Она пробовала крикнуть, но голоса не было. Она пыталась броситься бежать, но ноги, ее изящные прелестные ножки в бальных туфлях, словно приросли к пушистому ковру.

Высокие китайские ширмы, прикрытые развесистыми листьями пальмы, зашевелились, заколыхались, и из-за них показался яркий свет двух огненных огромных глаз, напоминающих собою круглые фонари.

Миг — и что-то страшное, бесконечно страшное стало подыматься, расти и одним прыжком ринулось к ней.

Это «что-то» была фигура какого-то отвратительного чудовища — не то зверя, не то человеческого существа.

Обезумевшей от ужаса графине бросились в глаза черная мантия-крылья, развевающаяся вокруг чудовища. Голова — почти совершенно круглая. Но какая голова!

Широко раскрытая пасть с толстыми, красными губами, из которых высовывался красный язык, нечто вроде змеиного жала. Огромные круглые глаза чудовища горели багровым светом. Но руки, готовые вот-вот схватить ее, были как бы человеческие.

— Ни с места, графиня! Ни одного звука, ни одного движения, иначе вы погибнете, — раздался в роскошном будуаре хрипло-свистящий шепот страшного чудовища.

Какой поистине дьявольской насмешкой звучали эти слова: «Ни одного звука! Ни одного движения!»

И без предупреждений об этом несчастная великосветская красавица не могла, благодаря смертельному страху-столбняку, ни крикнуть, ни двинуться.

А страшное крылатое чудовище с лицом вампира все ближе и ближе подходило к ней.

— Я — последний гость вашего бала, но и самый страшный, графиня. Что? Вы боитесь меня? А, не бойтесь: я не страшнее тех напудренных, раздушенных лживых господ, которые с лестью на устах, но со смертельной завистью и ненавистью на сердце скользя сейчас по паркету вашего дворца. Я — кровопийца-вампир.

— Господи... — еле слышно слетело с побелевших уст графини.

— Да, я — вампир. Вы никогда не слышали о существовании этих существ, которые так любят прижиматься к теплым грудям людей и медленно, с наслаждением высасывать капля по капле всю их кровь?.. Но слушайте меня. Я принадлежу к породе особых вампиров: я не щажу мужчин, но всегда щажу женщин... таких красивых, как вы, графиня.

Голос, несомненно человеческий, несколько привел в себя великосветскую львицу.

— Я... я, кажется, сплю, брежу... или схожу с ума... Что вам надо? Пощадите меня... кто вы?..

Она говорила как бы в припадке сомнамбулизма, тихо, не сводя устранных глаз с отвратительного призрака-чудовища.

— Кто я? Вы уже знаете. Что мне надо? Вас. Пощадить вас? Хорошо. Я пощажу вас, но с одним условием.

— С... каким... условием?..

— Вы должны принадлежать мне, или вы погибнете. К утру найдут ваш труп. Он будет белее вашего платья. Я люблю вас, вы должны быть моей. Клянусь вам, вы не знаете, что такое любовь существ особого мира, сверхчеловеческой области!

И чудовище сделало шаг по направлению к графине.

— Во имя неба, спасите меня! — громко крикнула она. — Кто там... спасите...

Но крик ее был заглушен тяжелыми портьерами, мягкой мебелью, пушистым ковром...

А вампир все ближе, ближе... Уже его цепкие страшные руки-лапы касаются ее... Уже свет его багровых глаз впивается в ее искаженное ужасом лицо, уже слышно у самых щек, у самых губ его горячее, прерывистое дыхание.

— Ах! — пронесся последний вопль-крик бедной жертвы. Высоко взмахнув руками, она покачнулась, зашаталась и грянулась навзничь, во весь рост.

Граф у Путилина. Видение будочника

— Теперь вся надежда на вас, дорогой господин Путилин! Вы один только можете расследовать это непостижимое и страшное приключение ночью в будуаре моей жены.

Такими словами окончил свой рассказ сильно взволнованный граф, приехавший к Путилину в два часа дня, стало быть, очень скоро после злополучного бала.

Признаться откровенно, я, присутствовавший при этом объяснении графа с великим сыщиком, был поражен и озадачен немало.

— Как чувствует себя теперь графиня? — спросил Путилин.

— Теперь несколько лучше, хотя все еще в очень нервном, возбужденном состоянии. Около нее — целый консилиум докторов. Утром же ее нашли лежащей на ковре в глубоком обмороке.

— И когда графиня была приведена в чувство, она рассказала вам о страшном ночном приключении?

— Да, господин Путилин.

— Скажите, граф, ваша супруга не страдает нервами?

— О нет! До сих пор она не имела понятия ни об истериках, ни об обмороках. Всегда веселая, живая, полная силы, молодости. Мой друг погрузился в раздумье.

— Конечно, вы были страшно потрясены, граф, но, однако, не заметили случайно, не произведено ли какое-нибудь хищение из будуара вашей супруги?

— Мне кажется, что нет. Все драгоценности, надетые на ней: диадема, кольцо, серьги, браслеты, кольца — в целости.

— Вы произвели допрос вашей прислуги: не слышали они какого-нибудь шума, не видели кого-нибудь выходящим из дома?

— О да. Они клянутся, что ничего не слышали и ничего не видели.

— А кстати, штат вашей прислуги весь налицо? Ни один человек не исчез сегодня поутру?

— Все налицо. У меня у самого мелькнула мысль, не является ли это гнусной проделкой какого-нибудь своего, домашнего негодяя.

— Я сделаю все от меня зависящее, граф, чтобы пролить свет на это загадочное приключение... — с чувством проговорил Путилин. — Помилуй Бог, какие страсти завелись у нас в Петербурге: вампиры-кровопийцы!

— Спасибо, большое вам спасибо!

Граф распростился с нами и уехал.

Когда мы остались одни, мой друг повернулся ко мне и быстро спросил:

— Что ты скажешь на это, доктор? Не правда ли, случай чрезвычайного интереса.

— Совершенно верно. При этом и чрезвычайной загадочности.

— Твое мнение?

— Как врачу, мне является мысль, не имеем ли мы дело с любопытным явлением, известным в медицине под определением

психоневрозной галлюцинации. У барыньки от всех этих шумных балов могли скрытым, незаметным образом разыгаться нервы настолько, что ее хватил припадок молниеносного помешательства. Ну а как не врачу, а своему другу, другу знаменитого сыщика, мне приходит в голову такое соображение: не замешан ли во всей этой драме самый обыкновенный любовный адюльтер... Наши чопорные матроны на этот счет грешат, ей-Богу, не менее, чем деревенские Матрены.

— Браво, доктор! — оживленно воскликнул мой друг. — Твое последнее соображение мне нравится...

— Ваше превосходительство! — раздался голос агента в дверях кабинета. — Какой-то будочник-полицейский домогается вас видеть.

— Так впустите его, голубчик.

В кабинет в своей классически знаменитой форме былых полицейских-будочников почтительно-робко вошел саженный детина. Вошел и вытянулся, руки по швам.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — гаркнул он.

Путилин улыбнулся. Он сам, вышедший из маленьких полицейских чинов, любил этих наивных, бравых «служивых» и всегда относился к ним мягко, сердечно и в высшей степени доброжелательно.

— В чем дело, голубчик? По какой надобности ко мне пожаловал?

— По необнокновенной!

— Почему же ты в квартал свой не обратился, если у тебя необыкновенный случай?

— Так точно, ваше превосходительство, мы обращались с донесением, а нам, как бы сказать, по шее накостыляли.

— Нам? — расхохотался Путилин. — Кому же «нам»: тебе и мне?

Будочник даже засопел от страха.

— Ну, ну, выкладывай, что с тобой стряслось.

— Так что, примерно, ваше превосходительство, по городу нечистая сила развезжает! — с какой-то отчаянной решимостью выпалил он.

— Что такое? Нечистая сила?

— Так точно-с! Стою это я позавчера у моей будки, вдруг гляжу, несется, словно вихрь какой, тройка, чуть не прямо на меня. Я, стало быть, еще ямщику крикнул: куда, дескать, дьявол, прешь? Поравнялась со мной, глянул я на седоков, кои в санях сидели, да так и присел наземь. Мать Пресвятая Богородица, страсть-то какая! Не люди в санях сидят, а нечистая сила, черти! Вот как перед Богом говорю, ваше превосходительство! Закутаны-то они в шубы человечьи, а лики-то у них сатанистские, дьявольские.

— Какие же именно?

— А так примерно сказать: глаза круглые, навывкате, будто шары какие, и горят это они огненным огнем. Стра-а-асть, голова

круглая, губищи — во какие! — оттопырены, и из них тоже быдто огонь идет. Ахнул я, а тройка уж мимо меня промчалась.

— Сколько людей... то бишь чертей, сидело в ней? Один?

— Никак нет, только не один... Три быдто, а то — четыре.

— А тебе все это не причудилось? Пьян ты не был?

— Никак нет, ваше превосходительство.

— И больше чем один был в санях?

— Больше.

— И тебе это не со страха в глазах утроилось?

— Никак нет-с!

— Один только раз видел заколдованную тройку?

— Вчера-с опять видел!

— Что же сказали тебе в квартале, когда ты рассказал о своем диковинном видении.

— Что быдто я пьян, а потом... того... наkostenяли.

— Ступай. Запишись у агента: кто ты, где твоя стоянка.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — лихо гаркнул будочник и вышел из кабинета.

— Однако... — задумчиво произнес Путилин. — Надо, доктор, действовать, и действовать поспешно. Помилуй Бог, первый раз в жизни мне придется иметь дело с существами из оккультных наук! Вампиры-кровопийцы... Гм... Так как я не имею удовольствия принадлежать к разряду красивых женщин, которых они, эти вампиры, милуют, то... то мне грозит смертельная опасность. Так ведь, доктор?

— Так, если тебя не вывезет твоя знаменитая «кривая»... — серьезно ответил я.

Драма в карете княгини. Петербург в панике

Прошли сутки, в течение которых я не видел моего друга. Под вечер я получил экстренную записку от него:

«Приезжай, доктор, немедленно. Помимо общего интереса, требуется твоя медицинская помощь. Вампиры не на шутку шалят!

Путилин».

Говорить ли вам, с какой быстротой мчался я к Путилину? Скажу только, что ровно через двадцать две минуты я ураганом влетел в его кабинет.

— Что такое... — начал было я и... осекся.

На широком диване в сильнейшей истерике билась элегантная красивая дама. Роскошная ротонда на белом тибете свесилась с ее плеч. Черный бархатный лиф был растегнут.

— Аха-ха... ха! А-а-а!.. — вырывались из ее прекрасного рта спазматические выкрики.

— Доктор, скорее окажи помощь княгине! — взволнованно обратился ко мне Путилин.

«Княгине? — удивился я. — Час от часу не легче: то графиня, то княгиня...»

Лицо ее было бледно, с легким синеватым оттенком. Очевидно, это был припадок сильной истерии.

— Был кто-нибудь из докторов?

— Никого, никого... Скорее, доктор! — нетерпеливо прошептал мой друг.

Барынька, очевидно, была в корсете. Прежде всего надо было ее расшнуровать.

Я подошел к ней, шепнув Путилину:

— Покуда я буду оказывать помощь княгине, расскажи хоть в нескольких словах, в чем дело.

— Сейчас мне донесли, что у подъезда нашего остановилась карета, что случилось какое-то несчастье. Я, словно предчувствуя что-то недоброе, бросился вниз. Действительно, у подъезда стояла щегольская карета с гербами. Я быстро распахнул дверцу и увидел эту даму, лежавшую в глубоком обмороке. Дверца противоположная была раскрыта.

— Не подходите! Ах! Пощадите! — вдруг раздался дико-испуганный крик в кабинете. — Вампир! Вампир! Кровопийца! Что вы со мной делаете?! Вы хотите высосать мою кровь?.. Спасите!

Путилин не закончил начатого рассказа, подошел ко мне и княгине.

— Сударыня... княгиня... Ради Бога, придите в себя, успокойтесь, — прошептал я, стараясь разорвать шнур от ее корсета. — Не бойтесь меня: я не вампир, а доктор.

— Нет, нет, вы лжете... вампир, вампир!.. Аха-ха-ха!.. — забилась у меня под руками бедная княгиня.

Благодарю покорно! Я — доктор, и вдруг — кровопийца-вампир!

— Иван Дмитриевич, давай скорее из моей сумки морфий и шприц, — отдал я приказ великому сыщику.

Путилин подал мне то и другое, продолжая хладнокровно рассказывать далее:

— Со слов насмерть перепуганного кучера я узнал следующее: когда карета почти поравнялась с нашим подъездом, до него, кучера, донесся из кареты подавленный крик. Он взглянул в окно кареты и увидел, как из нее быстрее молнии выскочила какая-то черная фигура. Его госпожа лежала, опрокинувшись навзничь. Предчувствуя несчастье, он круто остановил лошадей. Два дежурных агента внесли ее в мой кабинет. Узнав от кучера, кто его госпожа, я послал с ним агента за князем. Он сию минуту должен прибыть сюда.

Наполнив шприц слабой дозой морфия, я решил сделать новой жертве вампира подкожное впрыскивание, но лишь только я коснулся шприцем ее руки, как опять она вздрогнула, широко раскрыв испуганные глаза, и голосом, полным ужаса, закричала:

— Чудовище!!! Спасите!.. Выпивает кровь!

Она стала рваться с такой силой, что я — при всем моем желании — не в силах был сделать укола.

В эту минуту, к счастью, явился князь — ее муж. Узнав, в чем дело, он принялся горячо благодарить Путилина, произошла трогательная сцена с женой, приглашение-просьба «расследовать» дело, и... и, поддерживаемая своим мужем, вторая жертва вампира благополучно покинула кабинет.

Путилин, смеясь, развел руками.

— Вот и все, мой дорогой доктор, что дало мне предварительное следствие.

— Да, не много! Зато я попал в сонм кровопийц-вампиров. Вечно ты, Иван Дмитриевич, подведешь меня под какую-нибудь пакость! — шутливо ответил я.

Весть о таинственных приключениях с двумя высокопоставленными дамами каким-то чудом с быстротой молнии разнеслась по Петербургу.

Прошло два дня — и столица была объята паникой.

Начиная от фешенебельных гостиных и кончая улицей, только и было разговоров, что о каких-то извергах, высасывающих кровь из грудей живых людей.

Даже огненную тройку, запряженную дьяволами, с Сатаной на козлах видели!

«И гляжу это я, матушка, и только молитву творю: несется это, матушка, огненная колесница, а в ней — не к ночи будь помянуто! — красные хари».

«Да неужто? Ахти нас, грешных!» — испуганно прерывали «очевидицу» уштрашенные слушатели и слушательницы.

«Хорошо! Едет эфтая самая колесница, вдруг — стоп! Выскакивают хари звериные — и прямо ко мне шасть. «Крови, — кричат, — крови давай, Анфиса Кузьминична!» Сомлела это я со страха...»

«И что же, матушка, высосали?»

«Кровь-то? Высосали, окаянные, почитай, штофа два из меня крови высосали».

«А ты как же кровь-то двумя штофами вымерила? Ась?» — смеялись иные скептики.

В великосветских гостиных таких разговоров, конечно, не было, но зато там шло великолепное и тонко-язвительное шушуканье о приключениях с двумя их сиятельствами. Однако вскоре, дня через два, и эти злословия прекратились, ибо... ибо за этот срок мой друг уже насчитал шесть новых жертв неведомых чудовищ, в число которых попали и некоторые из шушукających великосветских львиц.

Тогда паника приняла огромные размеры.

Немногочисленные газеты того времени захлебывались в истерично-выгодном (для розницы) негодовании.

«Еще новая жертва неслыханных таинственных существ».

Вчера на груди (левой) графини уже совершенно ясно были видны укусы-проколы. Из графини выпущена вся кровь... Вампиры летают и пьют кровь массы жертв. Где же прославленный гений

нашего начальника сыскной полиции г. Путилина?! Наши жены и дочери в смертельной опасности, а наши Лекоки спят...»

— Ну не дураки ли, доктор? — со смехом обращался ко мне Путилин, читая эти газетные «ламентации». — Во-первых, никто из репортеров никогда и не видел «левой груди» графини, княгини, баронессы, а во-вторых... Как может обыкновенный смертный поймать «таинственных» «летающих» вампиров? Экие болваны, помилуй Бог!

— Ты напал на какой-нибудь след?

— Я начинаю выводить мою «кривую»... Вчера я беседовал с некоторыми пострадавшими, но... откровенно говорю тебе, доктор: это — одно из наиболее темных дел, какие только мне приходилось раскрывать.

— Старая песня, Иван Дмитриевич! — улыбнулся я. — С этого ты всегда начинаешь, выводя свою «кривую».

Двойное превращение Путилина

Часов около девяти вечера я услышал знакомый звонок.

Я отстранил лакея и сам открыл дверь.

Открыл — и все-таки спросил, не доверяя своим глазам:

— Неужели это ты?

— Я... — прозвучал в передней голос Путилина.

Лакей, стоявший близ меня и отлично знавший моего гениального друга, сотворил крестное знамение, в ужасе шарахнувшись в сторону.

Перед нами стояла страшная фигура какого-то легендарного чудовища: черная мантия и — великий Боже! — какое страшное лицо... Это было именно то знаменитое лицо вампира, которым бредил до смерти напуганный Петербург.

В моей полутемной передней сверкала пара круглых огненных глаз.

— Ты, верно, не ожидал посещения вампира, доктор? — тихо рассмеялся Путилин.

— Ваше превосходительство, да неужто это вы на самом деле? — почтительно-робко спросил его мой верный лакей, которого очень любил Иван Дмитриевич.

— Я, я, Игнат! Однако, доктор, нам надо торопиться. Идем в твой кабинет, мне надо побеседовать с тобой кое о чем.

И когда мы вошли в кабинет, он обратился ко мне:

— Смотри, доктор, как у тебя чадит лампа. Подверни огонь.

Покуда я нагнулся над лампой и убедился, что она вовсе не коптит, прошло не более нескольких секунд.

— Откуда ты это взял? — обернулся я к моему другу.

Обернулся и попытился от удивления: передо мной уже не было страшного вампира, а стоял совершенно мне незнакомый денди, в безукоризненном фраке, в высоких воротниках, туго стянутых черным галстуком.

Я глупо уставил глаза на это чудесное превращение.

— Что это... как же так.

Признаюсь откровенно, у меня забегали мурашки по спине. Мелькнула мысль: да на самом деле, кому я открыл дверь — Путилину или настоящему вампиру?

— Как же так? Очень просто. Смотри.

Великий сыщик указал на скинутую мантию и страшную маску.

— Но, ради Бога, что это за маскарад?..

— А вот садись и слушай.

Я сел. На меня глядело совсем иное лицо: за исключением глаз — ничего похожего на Путилина!

— Случай, как тебе известно, играет большую роль в удачных разрешениях самых мудрых проблем. Так вот, случай дал мне в руки маленькую путеводную нить, с помощью которой, быть может, мне удастся размотать запутанный клубок дела о вампирах.

— Какая же это нить? — страшно заинтересованный, спросил я.

— Эта вот штучка. — И Путилин показал мне золотой брелок-жетон. — Что там написано, я пока тебе не объясню, ибо... ибо могу ошибаться. Скажу тебе только, что все эти дни я с мучительной страстностью отыскивал одно помещение и, кажется, его нашел. Я еду сейчас туда.

— А я? — живо вырвалось у меня.

— Увы, доктор, я не могу тебя взять туда. Кстати, ты видишь перед собой барона...

И он назвал очень громкую фамилию.

— Видишь ли, в чем дело: так как я не могу тебя взять с собой, а между тем мало ли что может случиться со мною, ты должен занять известный наблюдательный пост. В случае, если я не выйду оттуда, из этого помещения, до двух-трех часов ночи, дай знать властям. Вот тебе моя карточка с моим предписанием.

— Стало быть, тебе грозит серьезная опасность? — тревожно осведомился я.

— Опасность — всегда серьезна... — отшутился Путилин.

— Но куда же ты это денешь? — спросил я, указывая на проклятую мантию и страшную личину вампира.

— Я все это оставлю в шубе... — невозмутимо ответил он.

Минут через пять мы уже ехали в карете.

Не скажу, чтобы я был покоен. Тревога за моего друга, с которым мы были неразлучны во многих делах, копошилась в моей душе.

«Один... едет неизвестно куда... Почему-то меня не берет с собою... А если он попадется в какую-нибудь дьявольскую ловушку?»

Я не удержался, чтобы не высказать своих опасений.

— Брось, доктор!.. Брось хныкать! Все обойдется, Бог даст, благополучно.

Мы проехали несколько улиц, и наконец карета замедлила ход.

— Слушай: кучер — кстати, мой агент — подвезет меня к подъезду этого вот дома. Лишь только я скроюсь в подъезде, он

поедет дальше, и вы остановитесь на том вот углу. Там — ваш наблюдательный пост. Понял?

Я утвердительно кивнул головой.

Карета подъехала к красивому темному особняку.

Путилин быстро выскочил из кареты и постучался в дверь особняка.

Прошло несколько секунд.

Дверь распахнулась, и он скрылся в подъезде.

Адамов клуб. Двойник барона

Массивная дубовая дверь захлопнулась за Путилиным.

Он очутился в великолепной прихожей — вестибюле из мрамора «дикого» цвета, украшенной высокими темно-бронзовыми канделябрами.

Путилин небрежно сбросил на руки открывшему ему дверь человеку в синем камзоле и белых гамашах свою шубу. На лице того отразилось сильнейшее удивление.

— Так рано сегодня, господин барон? — проговорил таинственный прислужник таинственного помещения.

— Еще из наших никого нет? — процедил сквозь зубы Путилин.

— Никого... — ответил синий камзол.

— Теперь слушайте меня, любезный... — протягивая ему крупную ассигнацию, сказал Путилин. — Кто бы ни приехал, вы не должны никому говорить ни слова, что я уже в клубе. Понятно? Никому!

— Слушаюсь, господин барон... Покорнейше вас благодарю.

Путилин стал подниматься по отлогой широкой мраморной лестнице.

«Помещение, однако, у них комфортабельное... Сразу видно, что имеешь дело с аристократами...» — прошептал про себя Путилин, иронически усмехаясь. Стены всюду были расписаны искусной живописью, но какого-то странного характера.

Особенно бросался в глаза огромный плафон декоративного письма, находящийся на стене первого зала, как раз против лестницы.

— «Гибель Содомы», — прочел Путилин крупную надпись над плафоном.

На нем, на первом плане, была изображена фигура красивой женщины, заломившей в отчаянии руки. А там, далее, — шла возмутительная оргия, приведшая библейский город к страшному концу — «огненному дождю». Завеса стыдливости была сорвана с самых интимных сторон содомского греха. Впечатление получалось поистине отвратительное для всякого неизвращенного человека.

Облако изумления отразилось на лице Путилина.

«Как же это совместить?» — пронеслось у него в голове.

Залы были прибраны, но пока безлюдны. Путилин с интересом осматривался по сторонам. Над некоторыми комнатами красовались

надписи вроде, например, следующих: «Чистилище», «Преддверие к блаженству», «Месса Содомы», «Бассейн живой воды» и тому подобное.

В некоторых местах ему бросилась в глаза одна и та же надпись:

«Не поддавайтесь соблазну женщины, ибо через женщину мир потерял райское блаженство».

В глубокой задумчивости присел Путилин на один из золоченых стульев гостиной, откуда ему были видны анфилады комнат и вход в них с лестницы.

— Так вот он, этот знаменитый Адамов клуб! — с дрожью в голосе прошептал он.

О, он давно уже слышал кое-что о нем! До него секретным образом доходили слухи о том, что пресыщенное, жуирующее барство в лице его представителей — аристократов-мужчин основало какой-то орден-союз вкупе с клубом, где проводит вечера и часть ночи.

Ему доподлинно было известно, что несколько раз в неделю часов до одиннадцати-двенадцати ночи к подъезду клуба подкатывают щегольские экипажи, из которых выскакивают великосветские денди. Что именно это за клуб — он не знал, да и мало интересовался. Так, думал он, прихоть, фантазия какая-нибудь, блажь на почве простого оригинальничанья. Правда, мелькала мысль, не является ли этот клуб сколком (только в другом роде) со знаменитого Евина клуба, основанного графиней Ростопчиной, известной поэтессой? Но и эта мысль его не тревожила: раз налицо не имеется подозрения о мошенническом или же о политически неблагонадежном сообществе, его роль кончается. Какое он имеет право вмешиваться в «забавы» и «развлечения» частных лиц, да притом еще таких высокопоставленных? «Пусть себе дурят», — решил он. Но теперь, когда у него мелькнуло одно серьезное подозрение, подкрепленное вещественным доказательством, он решил проникнуть в таинственный особняк. Проник — и большое недоумение тревожит теперь его душу.

«Что же это такое: неужели я ошибся? В этом отвратительном месте все кричит о ненависти к женщинам. Судя по всему, вплоть до надписей, это какой-то сектантский «корабль», только не хлыстов, скопцов или иных изуверов-сектантов, а какой-то особенный... Всюду — напоминание о Содоме. Но как же из Содомы могли появиться женолюбы? *Ведь по Библии в Содоме не было ни одного праведника*».

Путилин провел рукой по лбу.

— Темно... темно... — прошептал он.

Вдруг он вздрогнул, насторожился. До него донеслись мужские голоса, громкий смех, и в ту же секунду он увидел, как в зал вошли три лица. Один был в военной форме, два других — в бальных костюмах.

«Куда они направляются?»

И, заметив, что они, о чем-то оживленно беседуя, идут в ту гостиную, где он находится, Путилин быстро спрятался за широкую шелковую портьеру.

— Да брось, барон, чего ты так разволновался? — мягким, насмешливым голосом грассировал один денди другому.

— Но позвольте, господа, это ведь необыкновенно. Вы слышали, что сказал сейчас наш Игнат? Вы видели ужас, который отразился на его физиономии при виде меня? «Никого еще нет?» — спросил я его. Вдруг он выпучил на меня глаза, затрясся весь и с трудом, заикаясь, пролепетал: «Никого-с... за исключением вас». — «Как за исключением меня, когда я только что приехал, болван?» — «Никак-с нет, вы... вы давно уж приехали». И в ужасе вытаращил на меня глаза, чуть не крестясь. Что вы на это скажете?

— Да, это очень странно... — взволнованно прошептал военный.

— Пустяки! Просто болвану или причудилось, или хлопнул остатки нашего шампанского. А вот что ты брелок-жетон свой потерял — это скверно, барон. И где это тебя угораздило?

Барон схватился за голову.

— Ей-Богу, не знаю... Очевидно, в последний раз... тогда, с княгиней...

— Это вот посерьезнее твоего двойника.

— Я думаю, господа, что нам следует бросить эту затею. И мне, и тебе, барон, и тебе, граф, — нервно вмешался в разговор военный. — Пошутили — и баста. Во-первых, здесь на нас косятся. Мы не присутствуем на наших мессах Содома. Идет уже шушуканье. Нас могут заподозрить в ренегатстве. Во-вторых, конь о четырех ногах — и тот спотыкается. Можно попасться. А в-третьих, мне очень не нравится потеря тобою жетона и особенно твой двойник.

Барон побледнел.

— Ах, Жорж, ради Бога, не пугай меня этим проклятым двойником! Я боюсь, не к смерти ли это?

— Ну, как не стыдно, господа, так бабничать? — резко проговорил жизнерадостный денди. — Один-другой бокал шампанского, и ваши страхи рассеются, как дым от сигар. Впрочем... впрочем, хорошо. Я согласен на время превратиться вновь в правого члена нашего ордена-клуба, но с условием, что сегодня ночью мы предпримем последнюю экскурсию в область запрещенного нам царства женщин. Идет?

— Н... не знаю... — нерешительно пробормотал военный. — Как ты думаешь, барон?

— Что ж... Если в последний раз — пожалуй. Да к тому же, откровенно говоря, у меня сегодня кошки на сердце скребут... Какое-то отвратительное предчувствие.

— Пустяки! Итак, через час — в путь.

— По обыкновению, мы выедем вместе, а потом разъедемся, — возбужденно проговорил тот, кого называли графом. — У вас назначены визиты?

— Да... — в голос ответили барон и князь-военный.

— Отлично! Ну, а теперь, князенька, идем выпить бокал шампанского. Ты, барон?

— Нет, уволь, Вольдемар. Идите, я побуду немного здесь один... Мне надо прочесть письмо.

Те ушли. Барон остался один.

Портьера тихо зашевелилась, и из-за нее, скрестив руки на груди, вышел Путилин.

— Ну, барон, теперь мы можем побеседовать друг с другом без свидетелей... — по слогам отчеканил великий сыщик.

Подавленный крик ужаса вырвался из груди элегантного великосветского жуира.

Лицо его перекошилось от страха. Глаза, широко раскрытые, готовые, казалось, выскочить из орбит, были прикованы к его страшному двойнику.

— Что это... что это... привидение?! Мой двойник?.. Кто ты? — И барон простер руки вперед, словно желая защититься от зловещего призрака!

— Вы спрашиваете, кто я. Нет, я не ваш двойник, а ваша совесть, облеченная в плоть и кровь, любезный барон. Я — карающий призрак, карающая Немезида.

Со лба барона падали капли холодного пота. Он, близкий к обмороку, бессильно опустил на софу.

Путилин подошел к обеим дверям и запер их на ключ.

— Ну-с, теперь будем говорить серьезно. Прежде всего, успокойтесь, придите в себя и — Боже вас сохрани! — не кричите, ибо последствия этой тревоги могут быть роковыми для вас. Я — Путилин, начальник сысской полиции.

— Вы? Путилин?! — вскочил как ужаленный барон.

— С вашего позволения. Терять времени нельзя. Я буду краток. Вы попались, любезный барон, в преступлении, которое вам должно быть известно.

— Позвольте! — пришел в себя вероломный член Адамова клуба. — Я вас не понимаю... Что значит весь этот маскарад? Какое вы имеете право...

— Потрудитесь взглянуть на это.

Путилин невозмутимо-спокойно показал барону небольшой золотой жетон.

— Я нашел его... вы догадываетесь где?

— Я погиб! — прошептал жуир, закрывая лицо руками.

— Нет. Пока вы еще не погибли. Вы в моих руках, как сами понимаете, ибо я могу сию минуту вас арестовать. Но я вам предлагаю следующее: вы должны поменяться со мною ролями, и за это я обещаю вам не вмешивать вас в это некрасивое дело.

— То есть как это поменяться ролями, господин Путилин?

— Очень просто: вы останетесь здесь или можете уехать домой, но только не туда, куда вы собирались сейчас, а я вместо вас — видите, как я похож на вас, — прокачусь на вашей заколдованной

тройке вместе с графом и князем — вашими приятелями. Вы согласны?

Вся краска бросилась в лицо барону.

— Вы предлагаете мне бесчестие! Это ведь предательство с моей стороны.

— Называйте как угодно.

— Ни за что!

— Очень жаль. В таком случае я вас арестую. Завтра ваше имя прокатится по Петербургу. Вы погибнете и... ровно ничем не поможете этим вашим сообщникам по... шалостям, ибо одновременно с арестом вас я арестую и тех двух джентльменов, которые только что вышли отсюда. Через две минуты — ваш ответ.

И Путилин стал смотреть на золотую луковицу.

Страшная внутренняя борьба происходила, очевидно, в попавшемся бароне.

— Время прошло. Ну?

— Я... я лучше застрелюсь! — с отчаянием в голосе воскликнул барон.

— Стреляйтесь. Но тоже скорее. Или... «именем закона»...

— Постойте... погодите... Ну, хорошо, я согласен... Вы даёте мне честное слово, что я не буду вмешан в эту историю?

— Даю.

— Что же вы от меня требуете? Что я должен делать?

— Слушайте внимательно. Сейчас мы спустимся вниз вместе с вами. Ваши страшные атрибуты у вас в шинели?

— Да.

— Где вы перевоплощаетесь?

— Да тут же, в каморке, рядом с вестибюлем. Игнат — наш верный человек.

— Отлично. Я переоденусь в ваш плащ и маску и надену вашу шинель, вы облачитесь в мою шубу, затем вы прикажете Игнату оповестить графа и князя, что ждете их уже в санях. А сами отправляйтесь домой... нет, впрочем, лучше спрячьтесь тут же, в вашем клубе. Этим вы снимете с себя подозрение в измене. Поняли? Вы не будете виноваты ни в чем.

При виде двух одинаковых баронов, спускающихся по лестнице, человек в синем камзоле чуть не упал в обморок.

Огненная тройка. Путилин погиб. Гибель содома

Время тянулось до удивительности медленно.

Если вообще ожидание вещь не из приятных, то наше ожидание было вдвойне таковым, так как мы оба — я и милейший агент — тревожились за участь Путилина, скрывавшегося в подъезде неведомого дома.

— Что это может быть за дом? — тихо переговаривался я с агентом.

— Судя по нескольким экипажам, подъехавшим к нему, я думаю, что это клуб или какое-нибудь иное общественное собрание. В такой поздний час в гости ездить не принято.

— Но что там делает Иван Дмитриевич?

— Будьте покойны, доктор, наш орел зря не прилетел бы сюда.

— Однако... Один... Ночью... в неизвестном помещении... — пробормотал я.

Агент усмехнулся.

— Ну, за Ивана Дмитриевича особенно тревожиться не приходится.

— Однако, любезный мой, и орлы попадаютоя. Смотрите, что это?

Мы ясно увидели, как из подъезда вышла фигура, закутанная в шинель, и села в поджидавшую тройку. Спустя несколько минут вышли еще две фигуры, так же быстро уселись, ящик гикнул, и тройка, дружно подхваченная лихими конями, понеслась по направлению к нам. Я, сообразив, что она пронесется мимо нас, напряг все зрение, чтобы лучше рассмотреть таинственных ездоков. В эту секунду, когда она поравнялась с нами, у меня вырвался подавленный крик испуга.

За исключением ящика, в санях сидели не люди, а какие-то безобразные чудовища с круглыми головами и огромными огненными глазами.

— Огненная тройка! Вампиры! — прошептал я. — Вы видели, видели?

— Видел... — спокойно ответил агент.

— И вы говорите это таким спокойным тоном?

— А чего же волноваться, доктор? Мы ведь получили от Ивана Дмитриевича инструкции-приказания.

— Да, да... Стало быть, там, в этом доме, обитают эти дьяволы! И там один — наш друг!

— Подождем назначенного часа. Если он не явится, ну, тогда мы начнем действовать.

Несмотря на кажущееся спокойствие агента, я, однако, уловил в его голосе тревожные нотки.

Вот и этот назначенный час. Путилина не было.

— Ну, теперь быстрым аллюром к властям! — отрывисто бросил агент.

Мы мчались с бешеной быстротой. Вот и управление, к начальнику которого мне дал карточку мой пропавший друг.

Генерал еще не спал. Мой взволнованный вид и заявление, что я по важнейшему делу от Путилина, сделали то, что я немедленно был принят генералом.

— Что такое? Что случилось? — даже привскочил он.

— Путилин погиб!

Я подал ему карточку, рассказывая отрывисто, что сейчас произошло.

— И вы видели, доктор, эту заколдованную тройку с тремя вампирами-седоками?

— Видел, вот как вижу вас, генерал.
— И она отъехала от этого дома?
— Да. Ради Бога, торопитесь, генерал... Каждая секунда дорога.
— Успокойтесь, я еду сейчас туда сам.
Генерал позвонил и начал отдавать целый ряд приказаний.

* * *

Через полчаса «именем закона» дверца подъезда таинственного дома открылась, и в помещении Адамова клуба резко зазвенели жандармские шпоры. Переполох и смятение произошли необычайные. Изумленным властям предстали многие диковинные картины из библейской истории о грешном городе. Изумление и конфуз усугублялись еще тем обстоятельством, что участниками «шалостей» являлись высокопоставленные лица.

Путилина в клубе не оказалось.

Последний вампир

— Не скажу, чтобы я чувствовал себя хорошо, усевшись на эту «дьявольскую» тройку... — рассказывал нам Путилин в шесть часов утра этой памятной ночи. — Я не боялся почтенных вампиров, но боялся того, что голосом могу выдать себя и этим самым испортить эффект финального акта курьезно-мрачной трагикомедии. А ты ведь знаешь, доктор, что я люблю работать чисто, доводя дело до бесспорного конца.

Мы мчались, устрояя прохожих своей диковинной маской. Честное слово, это была забавная история! Я, Путилин, начальник сысской полиции, — в роли пресыщенного савраса, пугающего мирных обывателей столицы! Но нечего было делать: чтобы не выдать себя, надо было поступать так же, как поступали эти титулованные идиоты.

— Ты куда, Жорж? — обратился граф к князю.

— На бал к Я-вым. Ты разве забыл пари наше? Я дал слово, что сделаю такую же историю, какую ты проделал с графиней, но только... может быть, успешнее...

— Смотри не попадись! Теперь все в панике...

— Увидим! — хвастливо процедил сквозь зубы князь. — А ты?

— Потом узнаешь. Стой! Ну, я покидаю вас. Полного успеха!

И с этими словами граф выскочил из саней. Я остался вдвоем с князем.

— А ты, барон?..

— М... м... не знаю... Я, может быть, поеду домой, — промолвил я «неопределенным» голосом.

— Нет, ты сегодня невозможен... — недовольно ответил князь.

Мы подъезжали к ярко освещенному подъезду.

— Ну, я сюда. Ты поедешь дальше? — срывая с себя маску и пряча ее в карман, спросил князь.

— Нет, я пройдусь пешком... — опять промычал я, вылезая из саней.

Князь скрылся в подъезде.

Минут через пять я входил в роскошную переднюю — вестибюль дома Я-вых.

Тут дежурили ливрейные лакеи-гайдуки в ожидании выхода своих господ.

Наскоро сбросив шинель упитанному лакею, я быстро поднялся по лестнице и стоявшему у первой площадки лестницы лакею приказал:

— Пойди и немедленно вызови ко мне господина Я-ва. Скажи, что барон... просит его по экстренному делу.

Лакей посмотрел на меня с удивлением, но сейчас же бросился исполнять мое приказание.

Прошло несколько минут, и ко мне подошел элегантный господин средних лет, во фраке.

— Господин Я-ов? — спросил я.

— Да.

Облако недоумения лежало на его холодном, надменном лице.

— Я — Путилин, начальник сыскной полиции. Мне необходимо переговорить с вами по важному делу. Не найдется ли у вас уголка, где бы я мог объяснить вам причину моего приезда к вам?

— Пожалуйста... Сюда вот... — отвечал он, сильно пораженный.

Мы вошли в небольшую комнатку.

— Признаюсь, я поражен, господин Путилин... В чем дело? — начал он.

— Вы слышали про появление в Петербурге каких-то вампиров, про их жертвы?

— Как же, как же.

— Ну, так вот, я боюсь, что сегодня, через час, а может быть, и раньше один из них может смертельно напугать вашу супругу. Я приехал избавить ее и вас от этого потрясения. Предупреждаю вас, «вампир» уже в вашем доме.

— Что?! — побледнел как полотно Я-ов. — Вампир у меня?! В моем доме?! Вы... вы шутите, господин Путилин.

— Не имею этой привычки, особенно с незнакомыми мне людьми, — отрезал я. — Скажу вам более: я даже знаю, кто этот страшный «вампир». Вам угодно, чтобы он был пойман?

— О, господин Путилин! — взволнованно произнес Я-ов, схватывая меня за обе руки. — Спасите нас от этого ужаса! Как нам благодарить вас! Я теряю голову... Я ничего не понимаю...

— В таком случае мы поступим так.

И я начал диктовать ему мой план. Он, растерянный, пораженный, кивал головой:

— Хорошо... хорошо...

— А супругу вы предупредите, чтобы она не испугалась. Идемте.

Будуар тонул почти во тьме. Карельская лампа была почти совсем подвернута.

Дверь будуара тихо раскрылась, и в него вошла высокая фигура дамы в белом платье.

— Слава Богу, бал кончился... — послышался вздрагивающий женский голос.

В ту же секунду два ярко-огненных глаза вспыхнули во мраке будуара.

— Ни с места, сударыня, я вампир! Вы должны быть моей, иначе вы погибнете страшной смертью.

Перед белой фигурой женщины появилась высокая черная фигура со страшным лицом неведомого чудовища.

— Ах! — вскрикнула в испуге женщина.

«Чудовище» бросилось и схватило ее в свои объятия.

— Моя! Моя!

— Разве? — вдруг загремел я, выскакивая из-за портьеры. — Вы думаете, любезный князь, что госпожа Я-ва принадлежит вам? А как же ее супруг?

С зажженным канделябром в будуар ворвался господин Я-ов.

— Мерзавец! Негодяй! — прохрипел он, бросаясь на князя-вампира.

Крик ужаса вырвался из груди великосветского «шалуна».

— Ну, князь, довольно маскарада! Потрудитесь снять вашу страшную маску. Мы с вами отлично прокатились на тройке.

Маска слетела с его лица. Он в ужасе уставился на меня.

— Что это... барон?

— Двойник его, любезный князь! Путилин к вашим услугам!

Наутро князь-«вампир» застрелился. Барона Путилин не тронул, а графу не поздоровилось. Его карьера была окончена. Ввиду многих щекотливых причин дело об Адамовом клубе было замято. Но содом все-таки погиб, благодаря не... огненному дождю, а таланту гениального русского сыщика.

ТАЙНЫ ОХТИНСКОГО КЛАДБИЩА

Видения кладбищенского сторожа

Как-то сидели мы с Путилиным в его кабинете и вели оживленную беседу на тему о таинственных явлениях загробного мира, о привидениях, о проблемах теософской науки.

Путилин был всегда большим позитивистом, а я, каюсь, не смотря на мою профессию доктора, был склонен допускать «то, что и не снилось нашим мудрецам», как великолепно говорит Гамлет своему другу Горацио.

Как раз в разгар нашего страстного спора в дверь кабинета постучались и на приглашение войти на пороге появилась фигура старшего дежурного агента.

— Что вам, голубчик? — обратился к нему Путилин.

— Довольно странный случай, Иван Дмитриевич... — начал он. — Сейчас явился сторож Охтинского кладбища и сильно домогается вас видеть. На мой вопрос, зачем вы ему требуется, он заявил, что решил обратиться к вам, «так как у него на кладбище не все благополучно, покойники шалят», как он выразился.

Путилин чуть заметно вздрогнул.

Это было действительно удивительно странное совпадение: мы говорили сию минуту о явлениях с того света, а тут вдруг сейчас же подтверждение, что покойники ведут себя «неспокойно».

Я торжествующе поглядел на Путилина.

— Что? Видишь? — бросил я ему.

— Пока, положим, я ровно ничего не вижу... — улыбнулся он уголками губ.

Он повернулся к агенту:

— Скажите: а этот кладбищенский сторож — в своем уме? Он не пьян? Не в припадке белой горячки?

— Кажется, нет ничего подобного, но вид у него — растерянный, испуганный.

— Что ж, пустите его сюда.

Походкой, изобличающей бывшего солдата, в кабинет вошел среднего роста старик с щетинистыми усами и большим сизо-багровым носом и встал во фрунт.

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

— Здравствуй, любезный... Ты — кладбищенский сторож?
— Так точно, ваше превосходительство.
— Зовут тебя?
— Петр Оковчук.
— Так вот, Оковчук, что такое стряслось у тебя на кладбище?
— Примерно сказать, и сам понять не могу, а только — большие страсти...

— Ого! Даже — большие страсти? Расскажи, что это за страсти. Впрочем, скажи сначала, тебя послал кто-нибудь к нам, в Сыскное, или ты сам удумал?

— Я спервоначала докладывал кладбищенскому духовенству, что так и так, дескать, не все у нас благополучно на кладбище, а отец протоиерей и дьякон на меня напустились. «Ты, — говорят они, — верно, до того залил глаза винищем, что тебе всякая нечисть стала чудиться». Я оробел, а опосля рассказал обо всем приятелю моему, мастеру-монументщику. Тот мне и сказал: «Обратись, — говорит, — в сыскную полицию, они разберут все, мало ли что тут быть может. Ты — сторож, ты — отвечать будешь...»

— Отлично. Ну, а теперь рассказывай о твоих страхах и чудесах... — улыбнулся Путилин.

Старик сторож откашлялся в руку и начал:

— Примерно дней десять тому назад вышел я поздней ночью из своей сторожки, чтоб посмотреть, все ли спокойно на кладбище. Обогнув церковь и идя мимо крестов и памятников, вдруг увидел я красный огненный свет, как бы от фонаря. Он был далеко от меня и словно передвигался с места на место. Оторопь меня взяла. Кто, думаю, в такую глубокую ночь с фонарем на кладбище путается? Однако, осмелев, я пошел на диковинный свет, тихо стуча в деревянную колотушку.

Вдруг только, значит, сделал я несколько шагов, как закричит кто-то, как захочет жалобно таково: «Охо-хо-хо! А-ха-ха-ха!» Волосы заходили под картузом у меня. Творя молитву, бросился я к сторожке моей и всю ночь, вплоть до утра, стучал зубами со страху.

— А утром не обходил кладбище?

— Как можно, ваше превосходительство, обходил.

— И ничего подозрительного не усмотрел?

— Как есть ничего. Все в порядке: венки, значит, лампадки, образа.

— Продолжай дальше.

— На следующую ночь вышел я опять обходом. Этот раз решил колотушкой не стучать. Дай, думаю, втихомолку погляжу, что за чудо такое с красным огнем, будет он али нет... Хорошо. Иду это я вторым разрядом, что близ первого, ан — опять свет, только уж не красный, а зеленый... Увидел я его, и вот, поверите ли, ноги к земле приросли... Пошел я на него, вдруг задрожал весь и упал со страха. Между памятниками стояла белая фигура высокого покойника. Покойник махал белыми руками и жалобно стонал. Память у меня отлегла. Сколько времени провалялся я

около могил, так что не могу определить. Очулся я, когда уже светать начинало. Встал, перекрестился и — прямо к батушке и дякону. Рассказал им, а они меня, значит, и шуганули. «Пьяницы вы все, вот что!»

— Скажи, Оковчук, а ты в самом деле не переложил ли?

— Вот как перед истинным, ваше превосходительство. Ни капли во рту почитай уж месяц не было, потому зарок дал не пить.

— Скажи, ты видел красный и зеленый свет и покойника, вставшего из гроба, в одном и том же месте кладбища или в разных?

— Нет, ваше превосходительство, почитай в одном самом.

— Ты, конечно, хорошо знаешь это место и все памятники.

— Как нельзя лучше. Столько лет я ведь сторожем при кладбище... Каждую могилку знаю.

— Но точно указать тот памятник, где ты увидел страшное привидение, можешь или нет?

Старик сторож сокрушенно развел руками:

— Этого вот не могу, потому со страха плохо уж и видел я.

Путилин на минуту задумался.

— Вот что, Оковчук, пожалуй, ты хорошо сделал, что обратился ко мне. Сегодня я лично приеду к тебе под вечер. Ты караул меня и проводи в свою сторожку. Но помни: о моем приезде — никому ни гугу! Ни слова! Будь нем, как те могилы, которые ты охраняешь...

Когда мы остались вдвоем, Путилин с улыбкой обратился ко мне:

— Ну, доктор, тебе везет: таинственное приключение совсем в твоём излюбленном духе.

— А что ты думаешь, Иван Дмитриевич, обо всем этом?

— Пока еще ничего. А ты вот лучше, как доктор, скажи мне, не являются ли все эти видения почтенному сторожу как галлюцинация зрения, как последствия того обстоятельства, что он вдруг сразу круто бросил пить? Очевидно, он выпивал изрядно. Переход от пьянства к трезвости не мог ли вызвать известного мозгового явления, шока?

— Очень может быть. Медицина знает массу таких явлений, недаром алкоголизм дает такую поразительно огромную цифру душевных заболеваний.

— Что же, во всяком случае, проверить эту загадочную историю не мешает. Кстати, я пока свободен... Ты, разумеется, не прочь прокатиться со мною на Охтинское кладбище?

— О, с наслаждением! — вырвалось у меня. — Когда?

— Сегодня, под вечер, я заеду за тобой. Поджидай меня.

«Медный змий»

Падали ранние сумерки холодного осеннего петербургского дня, когда мы подъехали к Охтинскому кладбищу.

Свинцовое небо низко-низко повисло над ним и плакало холодными редкими слезами.

Было пронизывающе сыро, угрюмо, тоскливо.

С печальным шумом проносился ветер по почти обнаженным верхушкам кладбищенских деревьев, срывая последние желтые мертвые листья.

«Царство мертвых» навевало невыразимую печаль...

У ворот кладбища нас встретил старик сторож.

При виде моего знаменитого друга огромная радость засветилась в его полувыцветших старческих глазах.

— Изволили пожаловать, ваше превосходительство!.. — бросился он почтительно высаживать Путилина из экипажа.

— Не трусь, не трусь, старина, всех покойников твоих успокою, они не будут у меня бунтовать! — похлопал рукой по плечу сторожа. — Ну веди нас к тому таинственному месту, где тебя так напугал загробный свет и мертвец...

На кладбище было совершенно безлюдно.

Раз только, покуда мы шли узкими дорожками между рядами могил, нам встретился могильщик с железной лопатой в руках.

Он слегка приподнял картуз и безразлично поглядел на нас.

— Вот, ваше превосходительство, примерно в этом месте, — повернулся к Путилину старик сторож.

Тут, в этом пространстве, указанном им, находилось могил около пятнадцати... Скромных крестов было только два, остальные — все дорогие памятники.

— Здесь, верно, места подороже, для богатых? — спросил Путилин кладбищенского сторожа.

— Так точно-с.

Путилин стал обходить их, внимательно вглядываясь в памятники и вчитываясь в надписи их.

— «Отставной гвардии ротмистр...» «Потомственный почетный гражданин...» «Девица Любовь...» — бормотал он.

Вдруг услышал я его возглас:

— Смотри, доктор, какой интересный памятник, вернее — странный!

Я поднял глаза, и при виде этого памятника какое-то неприятно-тоскливое чувство овладело мною.

Передо мною был род широкого, большого металлического бассейна, у бортов которого находились небольшие отверстия, круглые дырки. Посередине его вздымался очень высокий, тонкий медный крест не общего могильного типа крестов, а какой-то особенный, странный. Высоты он был сажени в две. Ближе к верхушке его находилась узкая перекладина, с которой спускалась вниз по стволу медная змея с широко раскрытой пастью, с вытянутым из нее тонким змеиным языком.

— Что это? Это — настоящий «медный змий» из Библии? — вырвалось у меня с дрожью страха и отвращения. — Как могли разрешить поставить такой памятник? При чем на могиле изображение змия?

— Это — точно изволите говорить, ваше высокоблагородие... — угрюмо произнес кладбищенский сторож-старик. — Нехо-

роший это монумент, не христианский. Недаром его все обходят, хотя спервоначала многие приезжали из любопытства на него поглядеть.

— «Любезной матери и любезному отцу от их любящего сына», — громко вслух прочел Путилин надпись на узкой медной дощечке, находящейся как раз под свесившейся головой змеи.

— Давно стоит этот памятник? — задал он вопрос сторожу.

— Года два-три примерно.

— А ты не знаешь ничего больше про него?

— Без меня все это случилось. Я в это как раз самое время уезжал на пять месяцев в деревню свою. Мне опосля, как я вернулся и стал о нем спрашивать, рассказывали, что похоронены тут богатеи большие — старуха купчиха с мужем своим. Почитай чуть не в один день померли они. Потом, слышь, такая история вышла, что сын ихний начальство упросил разрыть могилу и выкопать гроба, а для чего — уж я не знаю. Только что, значит, стали могилу разрывать, а оттуда гады-змеи так и стали выползать. Страшная сила их! Так и лежат, клубками свернувшись, так и шипят! Жуть взяла всех. Отскочили от могилы и могильщики, и начальство, кое было, духовенство. Скорей стали опять засыпать ее, отслужили панихиду — и крышка. Спустя, значит, малое время сынок-то вот и поставил монумент сей.

Путилин, как мне казалось, рассеянно слушавший рассказ сторожа, вдруг опустился на колени и приложился ухом к одной из дыр в бассейне-памятнике. Он слушал что-то несколько секунд, потом встал и очень пристально, внимательно стал осматривать бассейн-постамент «медного змия».

— Ого, как непрочно работают наши монументных дел мастера! — усмехнулся великий сыщик. — Крест стоит так недолго, а уж шатается.

— Да им што: им бы только деньги сорвать... — философски заметил старик сторож.

Путилин еще минут десять повозился около отвратительного памятника.

— Ну, а теперь, старина, води нас к себе в гости, в твою сторожку.

Старик сторож повел нас.

— Мы долго останемся здесь, Иван Дмитриевич? — спросил я моего друга.

— Да, порядочное количество времени. Ранее глубокой ночи мы не выберемся отсюда.

— Так для чего же мы забрались в такую рань?

— Для того, чтобы при дневном еще свете полюбоваться некоторыми памятниками. Ночью при фонаре это было бы не совсем удобно.

— Гм... признаюсь, не особенно приятная перспектива торчать в этом мрачном месте столько часов... — недовольно пробурчал я. — Что мы будем тут делать?

— Разве? — рассмеялся Путилин. — Обстановка как раз по тебе, мистику и оккультисту. А время мы как-нибудь убьем в продолжении нашего спора, который был так неожиданно прерван.

В кладбищенской сторожке

А обстановка была действительно на редкость необычайная, такая, в какой я еще никогда не бывал с моим другом.

А куда только не заносила нас судьба! Бывали мы в самых страшных вертепах Сенной и иных столичных притонах, где заседали воры, убийцы, проститутки, бродяги; попадали в самые тайнозаповедные уголки сектантских изуверских «кораблей» (скопцов и хлыстов); доводилось нам дневать и ночевать в монастырских коридорах, подвалах и кельях; попадали мы на ослепительно блестящие рауты-балы петербургской знати, где величайшие мошенники и шулеры были облачены во фраки от Тедески.

Но сегодняшнее наше пребывание, честное слово, было особенно любопытно!

Ночь... Глухое, отдаленное кладбище... Крошечная хибарка кладбищенского сторожа...

И в ней — великий сыщик в генеральском чине и ваш покорнейший слуга, доктор медицины.

И по какому делу? По какому поводу? Абсолютно по совсем непонятному, по крайней мере для меня...

— Ну, старина, — ласково обратился Путилин к старику сторожу, — если уж ты назвал гостей, так будь и любезным хозяином. Не соорудишь ли ты самоварчика? Признаться, я чертовски прозяб, да и доктор тоже.

— О Господи, да с радостью, ваше превосходительство!.. Честь такая... Только не обессудьте: чайшко плохонький у меня... — зашевелился донельзя смущенный старик.

И вот вскоре в убогой конуре на колченогом столе появился и запел свою заунывно-тоскливую песню старый-престарый кривобокый самовар.

— Ну, доктор, распоряжайся, а я немного подумаю.

И, скрестив руки на груди, низко склонив свою характерную голову, Путилин погрузился в продолжительное раздумье.

Необычайность обстановки взвинтила мои нервы, и я, подобно Путилину, не притрагивался к налитому стакану чаю.

Злобные порывы осеннего ветра с воем пронеслись над сторожкой, словно хотели сорвать и унести ее старую крышу.

Мелкие, но частые капли дождя били в стекла маленького окна. Пламя крохотной жестяной лампы вздрагивало.

Путилин по своей всегдашней привычке что-то тихо бормотал сам про себя.

Несколько раз до меня долетало:

— Если так... нет, нет... но кто?

— Да, кто, доктор? — вдруг громко спросил Путилин.
Я от неожиданности вздрогнул.
— Что такое? О чем ты говоришь?
— Я тебя, мистика и оккультиста, спрашиваю, кто появляется в белом на могиле?
— Бог с тобой, Иван Дмитриевич, я-то почему знаю... — ответил я.
— Кто из этих мертвецов выходит из гроба и нарушает зловещий покой этого последнего пристанища мятущегося человечества?
— Свят, свят, свят! — донеслось до меня испуганное шамканье-всхлипывание старика сторожа.
Его всего трясло от страха.
Путилин посмотрел на часы.
Было начало одиннадцатого часа.
Он стал надевать пальто.
— Куда ты? — с удивлением спросил я его.
— Надо, почтенный доктор, еще раз осмотреть кое-что... — спокойно ответил он.
— Как?! Ты один собираешься идти в эту тьму в глубь кладбища? — вскричал я.
— Да. Ни ты, ни этот почтенный страж не нужны мне сейчас. Что касается тьмы — у меня, как тебе известно, есть отличный помощник.
И он указал на свой знаменитый потайной фонарь.
— Но мало ли что может случиться? Ты — один. Тут такая глушь... Разреши мне идти с тобой.
— Не надо. Мертвецов, выходцев из гроба, я не боюсь, а живых людей тоже — как тебе известно, я умею недурно стрелять из револьвера.
И он ушел.
Тревожное чувство не покидало меня.
Чтобы как-нибудь рассеяться, я втянул старика сторожа, предложив ему стакан чаю, в оживленный разговор. Но — увы! — вся тема разговора опять сводилась чудесным образом к кладбищу, покойникам, к тем разным случаям и происшествиям, вплоть до заживо погребенных, свидетелем которых довелось быть старику.
Правда, порассказал он мне немало любопытного.
Особенно врезался мне в память рассказ его о девушке, похороненной в состоянии летаргического сна.

Заживо погребенная

— Дело это, значит, было по весне. Утром прибыла на кладбище богатейшая погребальная процессия. Карет, венков — страсть! Господа все важные, сразу видать, что похороны — благородные. Узнал я, что хоронят генеральскую дочь, барышню восемнадцати годков. Плачу сколько было — и-и! Особенно мамаша

убивалась. Хорошо. Похоронили барышню, щедро всех оделили, мне даже трешку дали. Я в те поры, нечего греха таить, — задувал изрядно, пил, значит. На радостях-то я важно помянул покойницу с могильщиком Кузьмой. Вернулся в сторожку свою, вот в эту самую, и завалился спать. Проснулся — вечер, ночь почти. Вдруг это, значит, дверь моей сторожки с треском распахнулась, и вошел, почитай вбежал офицер. Молоденький такой, статный, красивый. Лицо — белее полотна, трясется весь. Прямо ко мне.

— Ты, — говорит, — кладбищенский сторож?

— Я, ваше благородие.

— Хоронили сегодня дочь генерала, девицу?

— Хоронили.

— Знаешь, где могила ее?

— Знаю. Как не знать.

Говорит это он так тяжело, словно вот душит что его. Чуть не плачет.

Что, думаю, за диво такое? Кто это, примерно, он, что так убивается, с чего это он ночью ко мне пожаловал? Признаться, за нос себя ухватил: не с угощения ли, мол, все сие снится мне.

Вдруг схватил это он меня за руку.

— Слушай, — говорит, — яви ты Божескую милость, пойдем скорей туда, к этой могилке, и раскопаем ее поскорее!

Я, как бы сказать, обалдел даже.

— Как, ваше благородие, раскопать? Могилку-то? Да зачем это? Да разве позволяют могилы раскапывать?

А он все сильнее трясет меня за руку.

— Ах, — говорит, — ничего ты не понимаешь! Нельзя могилы раскапывать, а живых людей хоронить можно?

Оторопь, жуть взяли меня.

— К... как так, ваше благородие, живых людей? Нешто живых людей хоронят?

А он, бедненький, аж руки заломил.

— Хоронят, хоронят, хоронят! — закричал он.

И как зарыдает, заголотит!

— Слушай, — говорит, — старик. Я любил эту девушку, скоро думал женихом ее сделаться. Она болезненная немного была, в забытье часто впадала. Однажды она мне сказала: если я умру, погодите меня хоронить, потому, может, это не смерть, а сон длительный будет. Теперь вот я в отлучке был, в дальнем городе, приехал сейчас вот, вдруг узнаю, что сегодня уж она похоронена.

Офицер, значит, забегал по моей сторожке.

— Живую похоронили! Живую закопали!

Бросился он ко мне опять, руки на плечи положил мне и, точно безумный, стал кричать:

— Скорее, скорее, старик, идем туда, откроем могилу, может, Бог даст, не поздно еще, может, она не проснулась еще в гробу!

Отшатнулся я от него.

— Нет, — говорю, — ваше благородие, от эфтого ослобоните, на такое дело я не пойду.

— Отчего? — кричит, а сам меня за грудки трясет.

— Оттого, значит, что за это меня не токмо со службы сгонят, а еще под суд предадут. Какое я имею полное право чужие могилы раскапывать? За это в Сибирь угонят.

— А крест у тебя на вороту есть? А ежели христианская душа в лютых муках погибнет?

— А вы, — говорю ему, — бегите, ваше благородие, к батюшке, к отцу настоятелю. Ему про все расскажите. Коли он разрешит, так мы в минуту могилку раскопаем, всех могильщиков скличем.

А он как заломит опять руки, аж пальцы захрустели.

— Да не согласятся, — кричит, — они без разрешения властей разных, а время идет! Господи! Господи!

И вдруг это бац мне в ноги:

— Смилуйся! Пойдем! Помоги!

— Не могу...

— Денег тебе дам... хочешь триста рублей?

— Нипочем, ваше благородие.

— Хочешь тысячу? Две? Только скорее, только скорее!

Трясет это его всего, аж жалостно глядеть.

— Встаньте, — говорю, — ваше благородие, не тревожьте себя: не пойду я на такое дело.

Вскочил это он. Лицо — темное, глаза сверкают.

— Убийца ты, вот кто! — закричал он и вдруг заприметил лопату.

Схватил это он ее и выскочил из сторожки моей.

Я — за ним. Что ж бы вы думали? Только что выскочили мы из сторожки, как на могильщика Кузьму наскочили. Он это ко мне шел опохмелиться. Офицер мой к нему. Быстро-быстро стал ему растолковывать, одной рукой лопату в руки сует, другой — сотельные билеты. Смотрю: Кузьма соглашается!

— Кузьма, в уме ль ты своем? — крикнул я ему.

— Ничего, — говорит, — Евсеич! Могилку живо откопаю да так же быстро и закопаю. До утра далече. Никто, кроме тебя, и знать про то не будет. А коли что случится — ты в стороне. Бог ее знает, может, его благородие и правду говорит. Неужто христианской душе погибать?

И принялись это они за свою страшную работу. А у меня вот, поверите ли, зубы со страха шелкают. Чем, думаю, дело это страшное кончится? Могилка-то барышни неподалеку от сторожки моей находилась. Хотя не видно мне было, а слышно очень хорошо. Сколько уж времени прошло, не помню теперь. Вдруг это как закричит кто-то таково страшным голосом! Ноги подкосились у меня! Побежал я, спотыкаясь, на крик и вот теперь, поверите ли, не могу вспомнить спокойно, что увидел я.

— Что же вы увидели, старина? — спросил я, сильно заинтересованный рассказом кладбищенского сторожа.

— Эх! Лучше бы не вспоминать... Могила, значит, разрыта. У ямы с побелевшим лицом стоит Кузьма, трясется, крестится. А в

могильной яме, у гроба, крышка которого открыта, бьется, ревет, кричит, головой о землю и гроб колотится офицер.

— Живую! Голубка моя! Живую тебя схоронили!..

Глянул я — Кузьма фонарем могилу осветил — и заглодел весь: барышня-то лежит в гробу спиной кверху. Ноги вытянуты, руки-то все в крови, искусаны...

Свист «медного змия». Привидение

Я облегченно вздохнул и внимательно посмотрел на него.

В эту минуту вернулся Путилин.

Лицо его было бесстрастно-спокойно.

— Скажи, в котором часу приблизительно ты видел свет на могилах и белое привидение?

— Так что, ваше превосходительство, примерно около часу ночи.

— Отлично. У меня, значит, есть еще время. Доктор, налей мне чаю и давай беседовать.

Наученный горьким опытом, что от моего друга ровно ничего не добьешься, пока он сам не захочет чего сказать, я не стал его расспрашивать ровно ни о чем.

Мало-помалу мы втянулись в продолжение нашего неоконченного спора о материализации душ и проболтали с час. Старик сторож тихо похрапывал, прикорнув на лавке, служившей ему постелью.

— Однако, кажется, пора! — произнес Путилин.

Старик сторож проснулся и вытянулся.

— Надеюсь, теперь-то ты меня возьмешь с собой? — живо спросил я Путилина.

— Нет. Сегодня ты... можешь чересчур испортить свои нервы, и притом совершенно бесполезно. Еще неизвестно, появится ли сегодня таинственный свет и выходец из гроба. Слушай. Я отлично изучил топографию местности кладбища. Я вас со сторожем размещу неподалеку от сторожки, откуда вы, если что явится, отлично будете все видеть.

— Но, мой друг, я, кажется, делил с тобой немало походов до конца! — запротестовал я.

Путилин усмехнулся:

— О, до конца еще далеко, доктор!.. Тут дай Бог с началом справиться... Во всяком случае, даю тебе слово, что при конце ты будешь присутствовать...

— Ты, стало быть, что-нибудь уже наметил?

— Кто знает... кто знает... — загадочно произнес он.

Мы вышли втроем из сторожки.

Осенняя непогода улеглась. Затих ветер, дождь перестал. Но тьма стояла, что называется, кромешная. Не было видно ни зги.

Мы молча, шлепая по лужам воды, шли за Путилиным, уверенно шагавшим в этой непроглядной тьме.

Что за удивительная способность была у этого замечательного человека быстро ориентироваться во всех обстоятельствах.

— Остановитесь вот здесь... — тихо прошептал он. — Если ночные видения повторятся и сегодня, вам будет отсюда отлично все видно. Я ухожу.

И с этими словами Путилин покинул нас.

Старик сторож шептал слова какой-то молитвы.

Прошло несколько минут, томительно тяжелых.

И вдруг мертвенную тишину кладбища прорезало какое-то то-скливо-страшное завывание. Казалось, кто-то не то плачет, не то хохочет. Звуки были настолько зловещи, ужасны, что у меня мурашки пробежали по коже.

— Барин, слышите? Слышите? — дрожащим голосом проговорил кладбищенский сторож, хватая меня за руку.

«У-у-у... а-ха-ха! У-у-у!» — продолжал проноситься по кладбищу вой, от которого кровь леденела в жилах.

Честное слово, я чувствовал, что у меня волосы поднимаются дыбом.

Прошло еще несколько минут, и холодный «белый» ужас овладел мною еще с большей силой: я совершенно ясно увидел синевато-фиолетовый свет...

— Свят! Свят! Свят! — дрожал старик сторож.

Вопреки приказанию моего гениального друга, я, собрав все свое мужество, пополз по направлению таинственного света. Какая-то непреодолимая сила влекла меня туда.

Но мне, не спускающему глаз с этого света, недолго пришлось ползти. Вскоре я испустил подавленный крик ужаса и замер, близкий к обмороку.

Около высокого-высокого креста я увидел... мертвеца.

Это была белая высокая фигура, плавно размахивающая руками.

Несколько секунд страшный призрак стоял, вытянувшись во весь рост, затем медленно стал опускаться к земле, словно уходя в нее, возвращаясь в свое мрачное жилище — гроб.

Одновременно погас и таинственный свет. Снова наступила непроглядная тьма, и только зловещий свист-вой продолжал нестись с того места, где только что было это страшное видение.

Не помня сам себя от ужаса, я пополз обратно и вскоре налетел на сторожа.

Сторож даже икал от страха.

— В... видели? В... видели? — прошамкал он.

Я бросился бегом к сторожке, вбежал в нее и, покрытый каплями холодного пота, бессильно опустился на лавку.

Минут через пять дверь распахнулась.

На пороге стоял Путилин.

Я быстро взглянул на него, и чувство огромного удивления и искреннего восхищения охватило меня: он был так же невозмутимо спокоен, как и всегда, как будто ровно ничего не случилось!

— Ты слышал? — подошел я к нему.

— Слышал.

— И видел?

— Что именно?

— Этот таинственный огонь и этого призрака в белом.

— Видел. И на более близком расстоянии, чем ты.

— И ты... ты совершенно спокоен?! Ты говоришь об этом таким тоном...

— А что же мне прикажешь делать? Падать со страха в обморок? Да? Браво, хорош бы я был «великий», как иные меня называют, сыщик! Нет, уж это я предоставляю лучше вам — нервным докторам, любящим заниматься чертовщиной и прочими оккультными благоглупостями.

— Позволь, Иван Дмитриевич, — вспыхнул я, задетый за живое. — Есть мера всякому неверию и всякому всеотрицанию. То, что сейчас произошло, есть факт реальный. Или, быть может, ты и это будешь опровергать? Быть может, у всех нас троих явилась моментальная массовая галлюцинация слуха и зрения?

— Вот что, доктор, этот спор мы закончим с тобой завтра, так как опять оба приедем сюда. А пока... пора по домам! Я устал и страшно хочу спать.

И Путилин, заявив дрожавшему от страха старику сторожу, что мы приедем завтра (вернее, сегодня, ибо был уже третий час в начале) к ночи и, дав ему ассигнацию, взял меня под руку.

Мы вышли кладбищенской калиткой.

— Экипаж наш я оставил в расстоянии полуверсты отсюда. Придется шлепать по грязи.

Было около четырех часов утра, когда мы расстались, условившись, что сегодня к ночи Путилин заедет опять за мной.

То, что страшнее всего

Путилин, по обыкновению, спал очень мало.

В одиннадцать часов утра он уже вошел в свой служебный кабинет.

— Вот, ваше превосходительство, карточка. Этот господин дожидается вас.

Путилин взглянул на карточку и поморщился.

«Сергей Иванович Разудайлов

(Укус)

Хроникер газеты «Петербургские сплетни».

— Что ему надо? — недовольно вырвалось у Путилина.

— По всей вероятности, жаждет каких-нибудь сведений для газеты... — усмехнулся дежурный агент.

— Укус... И псевдоним-то поистине богомерзкий. Ох уж эти репортеры! Никуда от них не спрячешься: кусают они, точно песьи мухи, сколопендры. Впустите его.

Через минуту в кабинет вбежал рысцей какой-то юркий господин в черном сюртуке с вылезшим из-под воротника галстуком.

Путилин нарочно принял чрезвычайно суровый вид.

— Господин Кусайлов? — отрывисто спросил он.

— Не Кусайлов, а Разудайлов, ваше превосходительство. А Укус — мой псевдоним.

— Виноват. Что вам угодно?

— Видите ли, ваше превосходительство... Наша газета ставит своим девизом не только описывать события, но стараться их предугадывать, так сказать, предвосхищать.

— То есть как это: предвосхищать? — с удивлением поглядел на бойкого репортера Путилин.

— А очень просто. Тут все дело в нюхе. Допустим, пожара еще нет или убийства. Номер газеты может выйти бледным, скучным. Как сделать, чтобы угодить публике, редактору, издателю и заработать одну-другую трешку? Очевидно, выход только один — надо предугадать пожар или убийство.

— Позвольте, сколько мне известно, пожары и покойников «предугадывают» только... собаки своим нюхом... — еле удерживаясь от смеха, серьезно проговорил Путилин.

— Хе-хе-хе! Ха-ха-ха! — почтительно рассмеялся репортер, стараясь замаскировать кислое выражение лица. — Честное слово, ваше превосходительство, это — очень остроумно.

— Однако я вас попрошу перейти к делу. Еще раз, чем могу служить?

— Виноват, продолжаю... Так вот, вчера, вернее, сегодняшней ночью я мог не только предвосхитить необычайное происшествие, но дать вполне правдивое описание того, что я видел, узнал.

«Что он, рехнулся, что ли? Что он за чепуху мне несет?» — с досадой подумал Путилин.

— Слушайте, господин Кусайлов... виноват! Разудайлов: во-первых, если вы могли что-либо описать правдивое, то почему вы этого не сделали, а во-вторых, какое до всего этого мне дело?

— Вам-то?

— Да, мне-то! — уже раздраженно вырвалось у Путилина.

Репортер хитро прищурился:

— А что вы думаете, ваше превосходительство, если бы сегодня в газете появилась трескучая статья под таким канальским заголовком: «Путилин — на Охтинском кладбище! Страшная ночь! Таинственные видения: Путилин среди выходцев из могил отыскивает страшного преступника!» Да, что вы думаете относительно этого?

Путилин был поражен донельзя.

Он даже привстал, с суеверным ужасом глядя на хроникера.

— Вы... вы откуда же это узнали?

Лицо репортера сияло торжеством.

— Что, правда это? Видите, ваше превосходительство, я доказал вам, что иногда можно предвосхищать события.

— Бросьте болтать ерунду! — резко проговорил Путилин. — Скажите лучше, как вы преследовали меня?

— Очень просто: я слежу за вами так ревностно, как ни один агент не следит за преступником. Что поделаешь: жена, дети, пять человек детей... Надо пятками зарабатывать кусок насущного хлеба.

— Нет, честное слово, вы — молодец. Я был бы доволен, если бы у меня все агенты походили на вас! Что же, вы были на кладбище?

— Был. Мы приехали туда втроем.

— Как втроем? Кто же еще двое?

— Я, вы и доктор, ваш приятель.

— Где же, черт возьми, вы находились?!

— Позади... на рессорах... хотя, откровенно говоря, путешествие было не из приятных, так я весь был облеплен грязью, но зато выгодное: оно не стоило мне ни пятиалтынного!

— И что же вы видели на кладбище?

— Откровенно говоря, со страха — я ужасно боюсь кладбища ночью — я мало что видел. Что-то дьявольски завывало, мелькал какой-то огонь. Ей-Богу, я боялся, как бы вы с вашим доктором не угодили в преисподнюю.

Путилин хохотал до слез.

— Ну-с, вернувшись, я бросился в редакцию писать сенсационную статью, но тут меня взяло раздумье, а что, дескать, если этим я разрушу какой-нибудь гениальный план, ход Путилина? И я скрепя сердце бросил в корзину начатую статью.

— Ну, за это — большое вам спасибо. Вы — молодец. Вы правы; если бы вы поместили статью, вы оказали бы мне и правосудию отвратительную услугу. Что же в награду вы хотите получить?

— Сведения, самые подробные.

— Хорошо, когда это будет возможно, я вам их дам. Вам — первому.

— Вы позволите, ваше превосходительство, навещать вас?... Что вам стоит дать иногда какой-нибудь материалец...

— Что с вами делать — приходите! — улыбнулся Путилин. — От вас ведь никуда не скроешься.

Когда сияющий Укус вышел из кабинета, Путилин схватился за голову:

— Честное слово, вот то, что страшнее всего!

Объяснение «ужасов» и «тайн»

Действительно, в начале одиннадцатого часа вечера ко мне вошел Путилин.

— Признайся, доктор, тебе не особенно улыбается мысль вторично испытать ужас перед мрачными тайнами Охтинского кладбища? — здороваясь со мной, шутливо спросил он. И рассказал о визите репортера.

— Откровенно говоря, да. Но с другой стороны — мое любопытство сильно подстегнуто. Имей, однако, в виду, что я еду с тем условием, чтобы сегодня находиться бок о бок с тобой. Я предпочитаю всякой опасности, всякому ужасу глядеть в глаза, а не находиться от них на почтительном расстоянии.

— Ладно, ладно, мой храбрый доктор... — улыбнулся Путилин. — Я помню свое обещание, и сегодня ты будешь вместе со мной очень близко наблюдать таинственный свет и страшный призрак.

Чем ближе подъезжали мы к кладбищу, тем неприятно тоскливое чувство овладевало мною все с большей и большей силой.

То, что я видел и слышал вчера, вставало передо мною с поразительной наглядностью.

Вот и оно, это унылое, мрачное кладбище.

Как и вчера, нас встретил у ворот старик сторож.

— Ну, что, старина, света и призрака еще не показывалось? — обратился к нему Путилин.

— Никак нет, ваше превосходительство, — угрюмо, с дрожью в голосе ответил сторож. — А выть — вост.

— Ну, вой — не беда. Это не так страшно.

И действительно, пока мы шли до сторожки, все тот же отвратительный, унылый, печальный вой-свист проносился по царству мертвых.

— Кстати, я забыл тебе сказать, какая случилась неприятность, — обратился ко мне в сторожке мой друг. — Оказывается, знаменитый Домбровский, который проделал со мной такую хитроумную шутку с гробом о двух днах, бежал из пересыльной тюрьмы. Мне почему-то сообщили об этом только вчера. Наши милые порядки... Вчера я получил от него опять письмо. На, прочти.

— «Мой великий друг! Я — снова на свободе и очень бы хотел Вас повидать. Где бы только нам с Вами встретиться? Ваш *Домбровский*».

— И вот, вместо того чтобы ловить этого негодяя, по которому давно уж плачет виселица, я трачу время на это глупое дело.

— Положим, оно, это дело, довольно загадочное... — ответил я.

Путилин сделал рукой жест досады.

— А, все ерунда. Слушай, как я объясняю себе все эти кладбищенские «ужасы» и «тайны». Свист-вой, который ты слышал, происходит по весьма простой причине: ветер попадает в отверстия какого-нибудь памятника и производит эти «страшные» звуки. Это — нечто вроде фокуса с пустой открытой бутылкой, подвешенной на ветер.

— Ну а таинственный свет?

— Это — блуждающие огни. Как тебе известно, блуждающие огни есть не что иное, как фосфорическое свечение гниющих органических веществ, чем и объясняется появление их преимущественно на болотах и кладбищах.

— Гм... — задумчиво вырвалось у меня. — Твоя гипотеза довольно правдоподобна и остроумна. Но остается самое главное: появление призрака. Это-то ты как объяснишь?

— Да почти так же просто, друже, основываясь на тех же физических законах и явлениях природы. Страшный призрак — есть явление чисто фантазмагорическое, миражное. Белый пар — туман, поднимаясь с сырой, полной мертвого тлена земли, начинает колыхаться. Мало-помалу он принимает причудливые очертания. В данном случае газообразный пар-туман принял фигуру человека. Разве тебе не известны случаи так называемой фантазмагорической игры тумана?

Я был поражен.

— Стало быть... стало быть, тут, во всей этой истории, нет ничего необычайного?

— Ровно ничего, — твердо произнес Путилин.

— Так для чего же мы тогда сюда приехали?

— Откровенно говоря, так... для очистки совести. Хочу еще раз понаблюдать это любопытное явление и разуведить тебя в возможности появления покойников с того света.

Путилин снял пальто.

Я взглянул на него и попятился в страхе.

— Что это?

Он был одет в длинный белый хитон-саван и казался выходцем из гроба.

— Что это ты спрашиваешь? — усмехнулся он. — Маленький ма-скарад, доктор, с целью тебя попугать. Ты довольно меня пугал твоими оккультическими ужасами, позволь и мне отплатить тебе тем же.

И с этими словами он надел на лицо и голову сплошную маску черепа.

— Свят, свят, свят! — в ужасе попятился старик сторож, вошедший в эту секунду в свою хибарку. — Б... б... батюшки...

— Не бойся, старина, это я! — рассмеялся Путилин, сдергивая с себя страшную маску. — Ну, а теперь идем, доктор!

Мы вышли из сторожки и пошли вчерашней дорогой.

Несмотря на простое разъяснение Путилиным таинственных явлений, не скажу, чтобы я был вполне спокоен.

Сердце билось несколько неровно, моментами замирая.

Вскоре мы подошли к группе памятников.

— Ну, вот и памятник «медного змия», доктор... — шепнул мне великий сыщик.

Я пристально вгляделся в ночной темноте и увидел этот бассейн, этот высокий страшный крест со спускающейся по нему медной змеей.

И опять, как и в первый раз, чувство какого-то холодного ужаса пронизало все мое существо.

— Иди сюда... за мной... нам надо войти сюда, чтобы удобнее наблюдать.

Я услышал тихий скрип железа. Пристально всмотревшись, я увидел, что Путилин открыл дверь склепа-часовни памятника, находящегося рядом со зловещим памятником «медного змия».

— Осторожнее спускайся, здесь ступени... Вот так, сюда...

В склепе

Мы находились в наружной части склепа.

Признаюсь откровенно, меня охватила нервная дрожь.

Посещение ночью чужого могильного склепа — вещь не из особенно приятных...

— Сейчас я подниму крышку люка, и мы спустимся вниз... — уловил я еле слышный шепот Путилина.

— Как?! Вниз? В самый склеп? К гробу?..

— Тсс!.. Ни звука...

Крышка люка поднялась, и мы стали спускаться. Путилин подпер крышку рукой и проговорил:

— Стой. Ниже не надо идти. Мы останемся здесь, на лесенке, и в это узкое отверстие склепного люка отлично будем все видеть...

Невероятно тяжелый, спертый воздух могильного склепа ударял мне в лицо.

Прошло порядочное количество времени. От неудобного положения голова и ноги затекли.

Вдруг до моего чутко напряженного слуха донесся какой-то шорох... Все ближе... ближе...

Получалось впечатление, будто кто-то тихо, осторожно подкрадывается...

Миг — и около памятника «медного змия» вспыхнул ярко-красный огонь, и в тот же момент на бассейне, прислонясь к высокому кресту со змеей, появилась высокая белая фигура.

Несколько секунд призрак махал белыми рукавами, затем — свет погас.

— Ради Бога, ни звука... затаи дыхание... — зашевелились губы Путилина. — Смотри... смотри...

Я увидел, как белая одежда призрака вдруг отлетела в сторону...

Теперь на могиле копошилась черная фигура. Она низко-низко наклонилась над бассейном-памятником, и вдруг часть медного бассейна приподнялась.

Высокий крест со змеей закачался.

Невообразимый ужас охватил меня. Такого ужаса я еще никогда не испытывал в моей жизни...

— Скорей спускайся вниз! — шепнул мне Путилин, быстро отпуская руку от дверцы люка.

Мы очутились в полнейшей тьме, в могиле-склепе, точно заживо погребенные.

Спустившись вниз, я почувствовал под ногами каменный пол и налетел на какой-то большой твердый предмет.

— Что это? — в испуге вырвалось у меня.

— Гроб владельца сего склепа, доктор... — невозмутимо ответил Путилин.

На одну секунду мелькнул свет его потайного фонаря.

— Ну, скорей, прячься за гроб!..

Не прошло нескольких минут, как я услышал, что дверца люка приподнимается.

Мысль, что призрак лезет к нам, наполнила мою душу невыразимым трепетом.

Раз! раз!.. раз!.. — услышал я падение комьев земли.

Земля сыпалась в склеп, попадая на гроб, на мою голову, руки, плечи.

«Великий Боже!.. — пронеслось у меня в голове. — Что же это такое? Нас заживо хоронят?!»

Крышка люка захлопнулась.

Я услышал, что Путилин скидывает пальто и вынимает потайной фонарь.

— Слушай скорее: сейчас я поднимусь по лесенке и буду у самой крышки люка. Лишь только ты услышишь мой возглас, бросайся за мной!

Минута, другая... И вдруг до меня донесся громовой голос Путилина:

— Зачем ты, негодяй, нарушаешь мой мертвенный сон?!

Ужасный крик, полный смертельного страха, раздался вслед за этими словами.

Ничего не понимая, дрожа всем телом, я бросился вверх по ступенькам склепа и выскочил из отверстия люка.

Моим глазам представилась следующая картина.

Путилин, во всем белом, с головой-черепом, направлял свет фонаря на черную фигуру высокого мужчины.

Фигура мужчины была полна непередаваемого ужаса! Лицо перекосилось, глаза готовы были выскочить из орбит, руки были простерты вперед, словно защищаясь от чего-то бесконечно страшного.

— А-а-а!.. А-а-а!.. — вылетало из его искривленного рта.

— По мертвецам заходил, негодяй! Живых людей мало тебе? — не своим, а каким-то загробным голосом продолжал греметь Путилин.

И вдруг, быстро сорвав с себя маску черепа и белый хитон-саван, он громко расхохотался и направил на обезумевшего от ужаса человека блестящее дуло револьвера.

Могильный крот

— Ну, господин Домбровский, как вы себя чувствуете? Нашла коса на камень? Да? Вы спрашивали меня в письме, где мы с вами увидимся? Видите где, в самой таинственной обстановке, у двух гробов, в двух могилах, с той только разницей, что мы находились действительно у гроба, а вы... вы еще не докопались до двух гробов, лежащих «под медным змием».

— Черт... вы?! Путилин?! — раздался бешеный вопль знаменитого мошенника-убийцы, короля воров.

— Я, как видите, собственной своей персоной, а это — друг мой, доктор... Ну, а теперь — ручки ваши позвольте, господин

таинственный призрак, пугающий кладбищенских сторожей и собирающийся обворовывать гробы мертвецов! Предупреждая вас: одно движение — и я убью вас, как собаку. Таким негодяям давно пора покоиться в гробу... только не с двойным дном.

Понимая, что выхода, спасения нет, король мошенников протянул Путилину обе руки, на которые тот и надел ему железные браслеты.

Я был так поражен всем случившимся, что не мог выговорить буквально ни одного слова.

Через два часа страшный преступник был заключен под усиленную стражу.

Триумф Путилина был полный.

— Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, — спросил я его на другой день наших страшных похаживаний, — зачем ты плел мне всю эту абракадабру о блуждающих огнях, о фантасмагории тумана и так далее? Ведь, очевидно, ты уже подозревал кое-что?

Путилин рассмеялся.

— Конечно, подозревал. А говорил я тебе это для того, чтобы уготовить тебе неожиданный эффект. Ты знаешь мою слабость. Я люблю эффектные концы моих розысков.

— Как ты дошел до отыскания ключа к этой таинственной истории?

— Видишь ли, доктор... — начал он после паузы. — Ни на одну минуту я не верил, что тут замешаны таинственные явления загробного мира. Я ведь, как ты меня называешь, реалист чистейшей воды, да и профессия моя приучила меня считаться с фактами реальной жизни, а не оккультно-мистической. Мне сразу пришла мысль, что я имею дело с типами «воров-могильщиков» или же... впрочем, об этом после. Памятник «медного змия» сразу обратил на себя мое внимание. Нужно тебе сказать, что история его мне хорошо была известна, и я старика сторожа расспрашивал о ней с целью узнать, как легенда разукрасила ее. В общих чертах он передал историю страшного памятника верно. Представь себе, что, действительно, и змеи были. Сын настаивал на том, что его родители упростили старика приказчика положить все их огромное состояние в их гробы, дабы ничто не досталось их сыну, которого они проклинали за «безбожие», «разврат» и воровство. И вот у меня мелькнула догадка, не замешан ли в таинственных видениях сын, то есть не он ли желает дорыться до гробов, якобы хранящих сокровища. Я, как ты видел, очень внимательно осмотрел памятник и вдруг заметил поперечный разрез медного бассейна. Очевидно, стоило только приподнять одну из половин его, как весьма легко можно было начать подкапываться к могиле.

Осматриваясь по сторонам, я увидел в решетке склепа комья земли. Решетка была закрыта старым ржавым замком. Я попробовал его открыть, и... он оказался взломанным. Спустившись в склеп, где стоит гроб, я увидел свеженабросанные кучки земли. Для меня стало несомненным, что могилу под памятником «медного змия» подкапывают. Но кто? Вот вопрос.

Этот таинственный свет, это появление призрака был фокус, устраиваемый с целью устрашить сторожа и иных, дабы никто не решился ночью подходить к страшной могиле и тем мешать страшной работе. Вчера, вернее, сегодня я навел справки о сыне погребенных под «медным змием». Оказывается, десять месяцев тому назад он умер от тифа в одной из больниц. Вчера я получил письмо от Домбровского.

«Не он ли?» — мелькнула у меня мысль. И, как видишь, я угадал...

ОТРАВЛЕНИЕ МИЛЛИОНЕРШИ-НАСЛЕДНИЦЫ

Голос сердца

Около двух часов дня в служебный кабинет Путилина курьером была подана визитная карточка.

«Сергей Николаевич Беловодов», — стояло на ней.

— Попроси!

В кабинет походкой, изобличающей волнение, неловкость, смущение, вошел высокого роста красивый, изящный молодой человек лет двадцати пяти. В его фигуре, в манерах видна была «хорошая порода».

— Чем могу служить? — обратился Путилин к вошедшему. — Прошу вас.

И он указал на кресло, стоящее у письменного стола.

Молодой человек сел, но, по-видимому, от волнения не мог в течение нескольких секунд проговорить ни слова.

Наконец, сделав над собою огромное усилие, он начал:

— Простите великодушно, что я позволяю себе отрывать вас от занятий... вообще беспокоить вас...

— Но вы ведь, господин Беловодов, явились ко мне по делу?

— Ах, если бы я мог наверное знать, быть вполне уверенным, что по делу! — вывалось у молодого человека.

Путилин несколько удивленно и очень пристально поглядел на странного визитера.

— Простите, я не вполне понимаю вас... Скажите, что привело вас ко мне.

— Ваша слава гениального сыщика и репутация гуманнейшего, добрейшего, сердечного человека.

Путилин мягко улыбнулся, наклонив свою характерную голову.

— Спасибо на добром слове, но... к кому же из меня двоих: к умному сыщику или к сердечному человеку — привела вас судьба?

— К вам двоим, господин Путилин. Я в глубоком отчаянии, и верьте, что вся моя надежда только на вас.

— В таком случае давайте беседовать. Расскажите ясно, подробно, в чем дело.

И Путилин, приняв свою любимую позу, приготовился слушать.

— Рядом с нашим имением Н-ской губернии находилось и находится до сих пор богатейшее имение Приселовых. Владельцем

его являлся отставной гвардии ротмистр Петр Илларионович Приселов, человек женатый, имевший всего одну дочь, Наталию. Жили они открыто, роскошно, богато. Мы водили домами самую дружескую хлеб-соль. Я был старше Натали Приселовой ровно на пять лет.

Оба подростки, мы были настоящими друзьями детства, играли, возились летом в великолепном парке, иногда даже дрались... Частенько до нас долетали отрывистые фразы из бесед наших родителей: «Эх, славная парочка! Впоследствии хорошо бы окрутить их». Вскоре, однако, посыпались несчастья. Скончалась от тифа мать Наташи, госпожа Приселова. Не прошло и года, как Наташа сделалась полусиротой, как вдруг новое горе обрушилось на ее бедную головку: на охоте ее отец, Петр Илларионович Приселов, опасно ранил себя выстрелом из ружья и через четыре дня, в тяжелых мучениях, скончался. Перед смертью он успел сделать духовное завешание такого рода: все свое состояние, движимое и недвижимое, он оставляет своей единственной дочери Наталии. Опекуном ее, а позже — попечителем, он назначает своего родного брата Николая Илларионовича Приселова. Наталия по окончании института должна поселиться в доме дяди-опекуна. Все огромное состояние, свыше миллиона, она имеет право получить от опекуна-дяди не ранее или ее замужества, или достижения совершеннолетия.

В это время Наташа кончала Н-ский институт, я — там же — привилегированное учебное заведение. Сначала мы виделись довольно часто: на балах, в спектаклях-концертах. Детская дружба перешла мало-помалу в любовь. Мы полюбили друг друга со всей красотой и силой первой молодости.

Некоторое время тому назад Наталья Петровна, окончив институт, поселилась в доме опекуна-дяди. Я стал бывать там, но с каждым разом замечал, что опекун-дядя относится ко мне явно враждебно. Причина такой холодности для меня была совсем непонятна. Ведь ему отлично были известны дружеские отношения, которые связывали наш дом с домом его погибшего брата. Дальше — больше, мне чрезвычайно тонко, но вместе с тем и чрезвычайно категорически дали понять, что мои дальнейшие посещения нежелательны. Для меня это было неожиданным ударом. За Наташей был учрежден удивительно бдительный надзор, так что нам очень часто не удавалось обменяться двумя словами. Около нас неизменно кто-нибудь торчал. За последнее время я стал замечать, что Наташа выглядит совсем больной. Вялая, апатичная, она произвела на меня несколько раз впечатление человека, пораженного серьезным недугом... На мои вопросы, что с ней, она отвечала, что сама не знает, что с ней делается.

«Так, слабость... головокружение...»

«Но отчего же, отчего же?» — допытывался я, с мучительной тоской и тревогой вглядываясь в дорогие мне черты лица.

«Право, не знаю, милый...» — тихо, чтобы никто не слышал, отвечала она.

А вот недели две тому назад, когда я приехал, меня прямо уже не приняли.

«По случаю болезни барышни никого не принимают», — проговорил лакей, захлопывая перед моим носом массивную дубовую дверь.

И в течение десяти дней я получал все тот же ответ. А вот сегодня я решил приехать к вам.

— С какой целью, мой бедный юный друг? — тихо спросил Путилин, заметив крупные слезы, катившиеся из глаз молодого человека.

— Потому что... потому что вчера мне пришла в голову мысль, может быть и сумасшедшая, что мою невесту — пока еще только перед Богом... — И, близко наклонившись к великому сыщику, Беловодов что-то тихо прошептал.

Путилин отшатнулся от него, слегка побледнев.

— Почему вы это думаете? На чем основываете вы ваши подозрения...

— Сам не знаю... сам не знаю... — с отчаянием вырвалось у молодого человека. — Какой-то таинственный голос мне шепчет.

— Этого мало, голубчик.

— Я сам чувствую, но, однако, этот таинственный голос во мне так силен, что я сегодня утром почти было решил обратиться к властям с формальным заявлением моих твердых подозрений.

— И сделали бы непростительно и непоправимо опрометчивый шаг, который мог бы исковеркать всю вашу карьеру. Вы по образованию сами юрист. Разве не знаете, чем пахнет вчинение такого обвинения лицу, пользующемуся видным общественным положением?

Путилин потер лоб ладонью и нервно прошелся по кабинету.

— Я очень рад за вас, голубчик, что вы обратились прежде ко мне. Откровенно говоря, все это дело меня очень заинтересовало, и я постараюсь сделать все от меня зависящее. Скажите, сколько лет мадемуазель Приселовой?

— Двадцать.

— Точнее, точнее! Двадцать лет и сколько месяцев? Вернее: через сколько времени она вступает в совершеннолетие?

— До совершеннолетия ей осталось около полутора месяцев.

— Так... так. Скажите, из кого состоит семья дяди-опекуна?

— Он, еще далеко не старый, любящий широко пожить и пожуировать, и его сестра, старая дева, ханжа, принимающая монашек со всех монастырей России.

— Последний вопрос: вы не знаете, кто пользует больную? Какой врач?

— Совершенно случайно я узнал его фамилию. Это доктор... — он назвал очень известное имя.

При этом имени Путилин вздрогнул и подался вперед.

— Кто? — спросил он в сильнейшем изумлении.

Потом овладел собою и совершенно спокойно сказал молодому человеку:

— Отлично. Я берусь расследовать неофициально ваше дело. Ждите от меня уведомлений и пока не предпринимайте ровно ничего. Понимаете? Ровно ничего.

Я — в роли пособника преступления

Я только что приехал после визитации больных и успел переодеться, как ко мне вошел мой знаменитый друг.

— Держу пари, что-нибудь новое, загадочно-необыкновенное? — шумно приветствовал я его.

Лицо Путилина было угрюмо-сосредоточенное.

— Ты не ошибся. Важно — новое. И новизна заключается в том, что сегодня я приехал к тебе не как ближний друг-приятель, а скорее — как следователь-доносчик.

Я громко расхохотался, почував один из тех бесчисленных шутивых трюков, на какие был таким большим мастером Путилин.

— Ого! В качестве кого ты желаешь меня допрашивать: в качестве обвиняемого или в качестве свидетеля?..

— Скорее — в качестве первого... — невозмутимо ответил Путилин. — Ты не смейся и не воображай, что я шучу. Я говорю вполне серьезно.

Было в интонации моего друга нечто такое, что я сразу понял, он действительно не шутит.

Глубоко заинтересованный, я выжидательно уставился на него.

— Скажи, пожалуйста, ты хорошо знаешь и помнишь всех своих больных, которых лечишь?

— Ну разумеется. Хотя их у меня порядочное количество, но я знаю и помню всех. Да, наконец, у меня есть мой помощник — записная книжка, в которую я вношу все, что относится до них.

— Отлично. В таком случае ты должен знать и больную девицу Приселову?

— Ну конечно! — вырвалось у меня. — Вот уже две недели, как я лечу эту бедную прелестную молодую девушку.

— Положим, не бедную, а очень богатую... — бросил вскользь Путилин. — Скажи, пожалуйста, чем она больна? Что у нее за болезнь?

— В общих словах?

— Нет, пожалуйста, — точным диагнозом.

— Изволь. У нее припадки истерии.

— На почве чего?

— Ну, голубчик, тут причин немало. Прежде всего и главное — наследственность. Как сообщил мне ее дядя, весьма почтенный человек, его брат, то есть ее отец, страдал острой формой алкоголизма и последствиями тяжелой приобретенной болезни.

— Мне очень бы хотелось видеть эту сиротку-миллионершу... — задумчиво произнес Путилин. — Более того, мне это необходимо. Поэтому ты должен, доктор, устроить вот что: повезешь

меня в дом господина Приселова и представишь меня в качестве профессора-невропатолога, которого пригласил для консультации.

— Признаюсь, ты меня удивляешь... Для чего тебе это надо, Иван Дмитриевич?

— Кто знает... — улыбнулся он. — Быть может, я окажусь более счастливым и мудрым врачом, чем ты, и скорее вылечу твою пациентку, если... если это еще не поздно.

Последние слова он особенно подчеркнул.

— Итак, ты можешь это устроить?

— Конечно, конечно... — ответил я, сильно озадаченный.

— То-то, доктор. Я ведь могу тебя и арестовать, так как над... тобой тяготеет сильное подозрение.

— Ты шутишь? — вырвалось у меня.

— Нимало. Говорю тебе совершенно серьезно.

— Раз ты вмешиваешься в это дело, стало быть, тут есть что-нибудь криминальное?

— Боюсь, что да. Вот мне и надо позондировать почву.

Мой гениальный друг рассказал мне о странном посещении его молодым человеком Беловодовым, о той сцене, которую вы уже знаете.

— Что?! Отравление? — произнес я в сильнейшем недоумении.

— Да. Он подозревает, что его невесту, как он называет мадемуазель Приселову, медленно отравляют.

— Но это вымысел, чистейший абсурд и фантазия! Я лечу ее и могу поручиться, что ни о каком отравлении не может быть и речи.

— Не знаю, не знаю... — задумчиво произнес Путилин.

— А тебе не приходит мысль, что этот господин Беловодов сам отравлен... душевным недугом?

— Очень может быть. Вот ввиду всего этого мне и надо осторожно расследовать дело. Мой долг пролить свет на это заявление. Когда мы можем поехать туда?

— Да когда хочешь. Я навещаю больную почти ежедневно.

— В таком случае я заеду к тебе через час-полтора.

И действительно, через полтора часа он приехал.

Но даю вам честное слово, я совершенно не узнал его! Передо мной стоял совсем другой человек.

Сгорбленный, в длинном черном сюртуке, опирающийся на трость с круглым золотым набалдашником. Волосы, обрамляющие большую лысину, торчали характерными вихрами, как у немецких профессоров — кабинетных ученых.

Грим был поистине великолепный, и я не мог удержаться от восклицания восторженного удивления.

— Ну-с, доктор, едем! Вези известного профессора к твоему доброму дядюшке. Кстати, сегодняшнюю ночь я хочу провести под его гостеприимной кровлей.

— Но как это устроить? — спросил я Путилина.

— Очень просто. Ты заявишь, что я хочу понаблюдать за больной в течение ночи-другой, а может быть, и третьей. Надеюсь, что в доме господина Приселова найдется комната для ночлега?

Через полчаса мы входили с Путилиным в роскошную квартиру Приселовых.

В передней элегантный господин Приселов во фраке собирался уже облачаться в пальто.

При виде Путилина сильное изумление отразилось на его лице.

— А-а, доктор, добро пожаловать... — радушно проговорил он, смотря с недоумением на моего знаменитого друга.

— Позвольте вам представить, господин Приселов, моего старшего и уважаемого коллегу, профессора-невропатолога... Вишневецкого... — начал я, называя Путилина первой попавшей на ум фамилией. — Я пригласил его на консультацию, так как считаю болезнь вашей племянницы довольно сложным медицинским случаем.

Путилин и Приселов обменялись рукопожатием.

— Очень вам благодарен, доктор, за вашу любезность, но... разве действительно болезнь моей племянницы опасна?

— Не скрою, что случай довольно опасный. Силы больной тают с какой-то непонятной быстротой.

— Посмотрим, посмотрим... — потирая руки, проговорил Путилин, входя в зал. — А больная у себя? Она лежит, коллега?

— Сегодня она пробовала вставать, но вот недавно, почувствовав сильную слабость, легла... — поспешно ответил Приселов.

Мы втроем направились к ней.

В небольшой комнате, роскошно убранной, с массой мягкой мебели и ковров, лежала на кровати моя пациентка. Прелестная молодая девушка была сегодня особенно бледна. Глаза горели особым блеском, синие круги окаймляли лентой эти широко раскрытые глаза.

— Ну, как мы чувствуем себя сегодня, милая барышня? — задал я мой обычный вопрос.

— Очень плохо, доктор... — тихо слетело с бледных губ. — Все кружится голова, и сердце все замирает.

— Ничего, ничего, вот профессор, мой друг, поможет вам, барышня.

Путилин с видом заправского профессора подошел к больной.

Он взял ее за руку, вынул часы и стал следить за ударами пульса.

— Скажите, пожалуйста, барышня, когда вы чувствуете себя особенно плохо?

— По утрам, профессор... — прошептала сиротка-миллионерша.

— Как спите?

— С вечера я засыпаю спокойно, хорошо... Но среди ночи я просыпаюсь от какой-то свинцовой тяжести, которая душит мою грудь. Мне как бы не хватает воздуха. И воздух мне кажется особенно странным... густым... сладким...

— Он пахнет чем-нибудь, этот воздух?

— О да, да!.. Ах, этот ужасный запах! — стоном вырвалось у моей пациентки.

Она задрожала и в ужасе, закрыв лицо руками, забилась в истерическом плаче.

— Не надо, Наташа, не надо... — вкрадчиво-ласково обратился к племяннице дядюшка-опекун.

Потом он тихо спросил «профессора» Путилина:

— Что это — галлюцинация обоняния? Я в отчаянии, профессор... Доктор приписывает это истеричности моей бедной племянницы...

— Да, да... Кажется, мой коллега совершенно верно поставил диагноз... — так же тихо ответил Путилин.

Во все время этой сцены я не спускал глаз с его лица и лица Приселова.

Не знаю, почудилось мне или же это было на самом деле, но я видел, как злобная, ироническая усмешка скривила губы последнего. Видел я также, каким пристальным взглядом впивался Путилин в лицо дядюшки-опекуна.

«Тут, очевидно, кроется какая-то мрачная тайна», — пронеслось у меня в голове.

— Ну, барышня, я вас скоро вылечу! — улыбнулся поощрительной улыбкой великий сыщик. — Скажите, вы испытываете чувство холода в конечностях рук и ног?

— О да, профессор... Под утро я покрываюсь вся холодным потом, руки и ноги немеют, мне кажется, что я умираю...

Через несколько минут мы были в зале.

Лицо Путилина было важно-сосредоточенное.

— Вот что, господа... — обратился он ко мне и к хозяину дома Приселову. — У меня намечается мой диагноз болезни бедной девушки, но, для того чтобы поставить его окончательно, мне необходимо присутствовать при пароксизмах болезни. Поэтому я останусь сегодня всю ночь около больной.

— Но, профессор... будет ли с моей стороны удобным так злоупотреблять вашей бесконечной добротой и любезностью? — повернулся к «профессору» Приселов.

— Прошу вас не беспокоиться... — сухо ответил Путилин. — Ни о каком вознаграждении не может быть и речи. Я делаю это для моего коллеги, а также для торжества науки, которая нам, господин Приселов, дороже миллионов этой бедной девушки.

Смертельная бледность покрыла лицо дядюшки-опекуна.

— Я... я... тронут, профессор... Видит Бог, я так бы хотел, чтобы моя дорогая племянница скорей поправилась... — пробормотал он.

— У вас есть комната, смежная со спальней больной? Я с доктором должен провести там ночь, дабы несколько раз в течение ее следить за больной.

— О, конечно, конечно... Рядом — маленькая гостиная... Я сейчас распоряжусь... Вы извините меня, я должен ехать в клуб...

— О, пожалуйста, не стесняйтесь. Вы не нужны нам.

И Путилин, слегка поклонившись, быстро направился к комнате больной.

— Отчего вы не предупредили меня, доктор, что вы намерены созывать консилиум? — обратился ко мне великолепный барин-опекун, надевая пальто.

— Это вышло несколько случайно, господин Приселов. Вчера из-за границы приехал мой друг, профессор, и я решил воспользоваться его авторитетным советом.

— Великолепно... очень вам благодарен... Я вернусь часов около двух ночи. Я распорядился, чтобы чай, ужин был сервирован вам там, где вы пожелаете. Ну, желаю от души, чтобы ваша знаменитость, вкупе с вами, облегчила страдания моей больной племянницы.

Ночь у одра погибающей

Мы сидели в гостиной мавританского стиля, только что окончив ужин.

— Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, что, собственно, подзреваешь ты тут? Уверяю тебя, как доктор, что об отравлении не может быть и речи. Рвота больной исследовалась три раза, и если бы там находилась хоть йота яда...

Путилин спокойно заметил:

— Кажется, я на этот раз попался на удочку. Но... знаешь ведь мой характер — я люблю доводить дело до конца. Пойдем в спальню больной... Я хочу посмотреть, как она.

И мы несколько раз входили.

В углу горели лампы, бросавшие тихий, мирный свет на фигуру спящей девушки.

Ее прелестное личико, окаймленное прядями каштановых волос, было беспокойно... Губы шевелились, словно старались забрать как можно более воздуха.

Моментами из ее бурно подымавшейся груди вылетали тихие, подавленные стоны, бормотания:

— Душно... пустите меня... Господи... задыхаюсь... Ах!..

Бормотания переходили в громкий крик.

Ее руки судорожно хватались за дорогое плюшевое одеяло, и она вдруг вскакивала с кровати, сейчас же опять бессильно опускаясь на нее.

— Этого ты никогда не наблюдал, доктор? — тихо спрашивал меня Путилин.

— Нет.

— Почему же?

— Да потому, что, когда я навещал ее, с ней ничего подобного не случалось.

— Плохой доктор... плохой доктор... — в раздумье произносил Путилин.

— Иван Дмитриевич! — вспыхнул я. — Может быть, ты желаешь преподавать мне медицину?

— И очень. Но... только — судебную медицину, мой друг... Было около двух часов ночи.

Путилин обратился ко мне:

— Вот что — иди и спи. Я побуду около твоей пациентки вплоть до утра. Я вздремну в этом кресле.

Лишь только я собирался выйти из комнаты больной девушки, как в нее вошел Приселов.

Он был, видимо, слегка навеселе. От него несло сигарами и шампанским.

— Как, господа?! Вы не спите? Но, Боже мой, дорогой профессор, такое ночное бдение может плохо отразиться на вашем здоровье...

— О, не беспокойтесь, господин Приселов, я привык бодрствовать у одра погибающих... — с еле заметной усмешкой ответил Путилин. — Теперь я попрошу вас отсюда удалиться. Я должен следить за дыханием бедной девушки...

Приселов ушел. Ушел и я. Меня клонило ко сну, и я скоро погрузился в него, прикорнув на великолепной тахте.

Не спалось только Путилину.

Мрачнее тучи ходил он взад и вперед по спальне бедной девушки, над которой отвратительная старуха смерть уже заносила свою костлявую руку

— Бедный ребенок! — вслух тихо шептал он. — Как мне спасти твою молодую жизнь?... Для меня совершенно ясно, что я — лицом к лицу с самым гнусным, с самым подлым преступлением... И враги — тут, бок о бок со мной... И тайна совершаемого злодеяния — вот здесь, в этой самой комнате, у меня перед глазами... О, какой это поистине дьявольский трагизм: сознавать смертельную опасность и не быть в силах немедленно ее устранить, парализовать!

И он, нервно хрустя пальцами, подходил к постели сиротки-миллионерши.

На него глядело прелестное молодое лицо, искаженное мукой неведомых страданий. Моментами по нему молнией проносились судороги, грудь начинала особенно бурно подниматься, конвульсивные движения трогали руки и ноги, и из широко раскрытого рта с воспаленными губами вылетали хриплые бормотания-стоны:

— А-ах... душно мне.

Раз, когда Путилин близко наклонился над умиравшей девушкой, она раскрыла глаза и поглядела на великого сыщика долгим жалобно-испуганным взглядом.

— Ну как, дитя мое, вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я умираю... Я, наверное, скоро умру... — тихо слетело с ее уст.

— Нет, нет, вы не умрете, я спасу вас.

И этого взгляда, полного жалобной тоски, и этого шепота, в котором звенело столько затаенной грусти, Путилин, как он рассказывал мне позже, не мог забыть всю жизнь.

Больная опять впала в полукошмарное забытье.

Холодное отчаяние охватило Путилина.

— Ужасно... ужасно... — хрипло вырвалось у него, и он бросился в кресло. — Ведь это — не единственный случай в моей практике.. Ведь напал же я на верный след страшного отравления старика мужа Никифорова его молодой женой.

И перед мысленным взором Путилина воскресло это темное дело, словно он раскрыл его только вчера. Воскресли образы, поплыли знакомые лица, фигуры этой мрачной житейской трагедии.

Богатый старик откупщик Никифоров... Высокий, кряжистый, с некрасивой, почти безобразной головой. На шестом десятке, вдовец, вдруг безумно влюбился в молоденькую красавицу девушку из семьи бедного мещанина, Федосью Тимофеевну.

«Краля» была девица — что и говорить. Высокая, кровь с молоком, походка — лебединая, брови — соболиные, глаза — искрометные.

Деньги что не делают? Повенчались.

«Я уж тебя ни в чем стеснять не буду, раскрасавица ты моя!» — захлебывался в экстазе последней старческой любви старик миллионер.

«Ни в чем?» — сверкала глазами мещанская дочь-красавица.

Но это уверение было только до свадьбы. Лишь только окрутились, старик из тихого голубя обратился в лютого волка. Он начал ревновать свою пышную жену до безумия, до болезненного уродства. Уходя куда-нибудь, он запирал ее в роскошном доме на ключ, на «крепкие запоры». Прошло около года. И вдруг старик заболел. Болезнь была диковинно страшная: день-два — здоров, потом — рвота, мучительные колотья в кишках. Половина медицинского Петербурга перебивалась у экс-откупщика. Доктора взапуски, утирая нос друг другу, старались поставить верный диагноз, дабы сорвать солидный гонорар за исцеление миллионера.

— Вылечите! Ничего не пожалею!.. Бери сколько хошь тыщ! — умолял старик муж, мучающийся тройне: и физической болью, и ревностью, и сознанием, что он пасует перед молодой женой.

Это была тяжелая картина... Глаза старика вылезали из орбит, он судорожно хватался за руки докторов. Но — увы! — ничего не помогало. Страдания все усиливались и усиливались, доктора теряли голову, ничего не понимая.

Случайно ему, Путилину, довелось услышать о страшной болезни Никифорова. Сильно заинтересованный, он учредил негласный надзор над семейством, домом миллионера.

«Да, да, я помню, что у меня сразу мелькнула мысль, не отравляют ли старика каким-нибудь особенным образом...»

Он встал с кресла и прошелся по комнате больной девушки. Что это с ним? Как тяжелы и холодны его ноги, каким неровным биением бьется его сердце, какое сильное стеснение в груди!..

Да, так о чем думал он сейчас? Ах, вот, о старике миллионере. Ну, он и принялся за свое исследование.

После целого ряда розысков ему удалось узнать, что у молодой красавицы купчихи имеется зазноба в лице красавца, молодого мануфактуриста Холщевникова. Это еще более усилило его подозрение об отравлении мужа-старика.

«Да, да, тогда я безошибочно начал выводить мою «крикую»...» — вспоминал Путилин, с удивлением замечая, что его недоумование все усиливается и усиливается.

Так же вот, как и теперь, врачи категорически отрицали возможность отравления, приписывая лютую болезнь старика припадкам острого хронического катара. Но он верил в свой нюх сыщика. И вспоминается ему та ночь, когда он спас несчастного старика миллионера. Спрятавшись за тяжелую портьеру спальни, он провел всю ее на ногах, не спуская глаз с кровати больного. Старик минутами охал, минутами, когда боли стихали, все звал свою ненаглядную супругу — Федосью Тимофеевну.

И она входила, здоровая, сильная, блещущая какой-то плотоядной красотой. С дрожью брезгливости и с выражением ненависти в красивых глазах подходила она к своему мужу.

— Ну, что тебе? Опять все охашешь?.. — чуть заметно усмехалась она. — Ах ты, а еще молодую жену имеешь.

Эти слова приводили старика в необычайное волнение и в состояние как бы бешенства. Он иступленно схватывал красавицу жену за руки и притягивал ее к себе.

— Фенечка... лебедка моя... Постой, скоро поправлюсь... — раздавался его хриплый шепот.

— Поправишься! — насмешливо бросала она, отстраняясь от старика мужа. — Как же ты поправишься, когда ты почти ничего не ешь? Ты докторов-то умников поменьше слушай, а ешь побольше, вот тогда скорее поправишься, в силу войдешь. Хочешь, я тебе кашки на курином бульоне принесу?..

— Хочу, хочу... неси, — с невыразимой нежностью глядя на молодую жену, отвечал Никифоров.

И она приносила свою «кашку» и сама кормила его. Как эта трогательная заботливость мало гармонировала с дьявольской усмешкой ее грубо-чувственного рта!..

— Колет... ой, что-то колет, Фенечка! — жаловался старик муж.

— Это у тебя в горле что-нибудь... — успокаивала она его. — Ну, а теперь спи! До утра я больше уж не приду... Сморишься.

И вот когда она ушла, забыв на ночном столике тарелку со своей «кашкой на курином бульоне», он выбрался из своей засады и подошел к кровати больного старика. Тот при виде его испустил подавленный крик ужаса.

— Вор... тать ночной... Господи, кто это ты?.. — заметался в ужасе старик.

— Ради Бога, Никифоров, не бойтесь меня! Я не враг ваш, а друг ваш, явившийся спасти вас. Я — Путилин. У меня подозрение, что вас медленно отравляют. Я хочу спасти вас.

— Отравляют? Меня? Кто? — схватил он его за руку. Глаза старика были широко раскрыты от ужаса.

— А вот это я скоро узнаю.

И вот ему вспоминается, с какой трепетной жадностью он при-
нялся в тишине ночи за исследование этой каши. Так и есть, так
и есть: он не ошибся!

В каше он нашел кусочки истолченного стекла и мелко разре-
занной острой свиной щетины, как бы из твердой головной щетки.

— Видите это? — показал он страшную примесь старику мил-
лионеру.

Лицо того исказилось смертельным ужасом.

— Господи... кто ж это? Кто ж злодей-то?

— Вы хотите, чтобы я показал вам этого изверга?

— Хочу, хочу... родной, благодетель мой.

И вот шаги, шелест шелковой юбки. Должно быть, вспомнив
о том, что «кашка» осталась на столе, в спальню торопливо вошла
молодая жена-красавица.

— Ну, как ты... — начала было она и вдруг замерла при виде
неизвестно откуда взявшегося постороннего человека.

— Ваша кашка, сударыня, приготовлена чудесно! И давно вы
ею кормите вашего супруга.

Крик, полный животного страха, прокатился по спальне стари-
ка, и красавица грохнулась навзничь.

— Вот кто отравитель ваш, бедный господин Никифоров: ваша
собственная жена.

Путилин при воспоминании об этом порывисто вскочил с крес-
ла, но покачнулся, зашатался.

— Великий Боже, я, кажется, умираю... Я отравлен, как от-
равлена эта бедная девушка...

Отравленный Путилин

Сколько времени я спал — не знаю. Знаю только, что вдруг
меня разбудило падение на меня какого-то тела.

Я быстро вскочил. Лучи солнца весело играли в гостиной. Смер-
тельно бледный, с посиневшими губами, на краю тахты полусидел,
полулежал Путилин.

— Окажи мне помощь, доктор, мне очень нехорошо... — ус-
лышал я подавленное бормотание Путилина.

— Ради Бога, что с тобой, Иван Дмитриевич? — вскричал я
в испуге.

— Сам не знаю... Сильнейшее головокружение и удивительная
слабость в руках, особенно в ногах... Сердце готово выпрыгнуть из
груди.

Я быстро расстегнул сюртук и жилет и стал выслушивать би-
ение сердца моего друга.

Оно билось неровно, давая особо характерные неправильные
толчки.

Быстро намочив водой и эфиром салфетку, я приложил ее к
области сердца.

— Скорее... скорее... открой форточку! — упавшим голосом произнес он...

Через секунду-другую ему стало, по-видимому, легче. Он глубоко вздохнул и сказал мне:

— Ну, а теперь мы должны подать помощь бедной девушке. Я бросился в ее спальню.

Девушка лежала с почти посинелым лицом, с широко раскрытыми глазами. Зрачки их были до удивительности расширены. Капли холодного пота покрывали ее лоб, щеки, грудь, руки.

— Форточку открывайте, форточку, доктор! — приказал мне Путилин, слегка пошатываясь на ногах.

Однако прежде чем я успел подойти к окну, там уже был Путилин. Он схватился за форточку, и в ту же минуту до меня донесся его крик бешенства:

— Проклятие!

— Что? В чем дело? Что случилось?

Я совершенно растерялся. С одной стороны — припадок девушки-миллионерши, с другой — непонятно странное, внезапное нездоровье моего дорогого друга и его более чем странное поведение.

Я положительно не знал, куда броситься.

— Так... так... так... — бормотал Путилин, — я это знал, я это знал...

— Ради Бога: что ты знал? В чем дело, повторяю? Я ровно ничего не понимаю.

— Большой гвоздь мне мешает открыть форточку.

— Да зачем тебе открывать форточку? — возясь над больной девушкой, бросил я Путилину. — Поверь, что и без притока свежего воздуха она скоро придет в себя. У нее — один из ее обычных припадков.

Раздался звон. Револьверной ручкой Путилин разбил стекло форточки.

В комнату ворвался резкий, чуть-чуть холодный воздух.

Признаюсь, меня охватила мысль, что мой друг сошел с ума.

— Иван Дмитриевич, в чем...

— Тсс! Ни звука! Я слышу шаги. Идет дядюшка-опекун.

Я увидел, как Путилин быстро спустил гардину над окном.

Одним прыжком он очутился около больной и взял ее за руку. В спальню входил Приселов.

Его лицо, далеко не старое, казалось особенно устало-утомленным. Должно быть, клуб его порядочно поизмывал.

Около лица он держал платок, от которого несло благоуханием сильных духов.

— Как, господа?! Вы не спите? Неужели всю ночь вы провели около моей бедной племянницы?

— Да, я спал очень мало, господин Приселов... — резко ответил Путилин.

— Не оттого ли вы так бледны, дорогой профессор? — насмешливо спросил дядя-опекун.

— Очень может быть.

— Вы напрасно себя так утомляли, профессор... Доктор, ваш коллега, кажется, очень внимательно следит за течением болезни моей племянницы.

Я не спускал взора с лиц моего друга и Приселова. Совершенно ясно я увидел, как они обменялись взглядом, полным взаимной угрозы и смертельной ненависти.

«Что все это должно означать?» — мелькнуло у меня в голове.

После впрыскивания малой дозы морфия больная тихо заснула.

— Могу я вас попросить, господа, в столовую? Я думаю, что чашка крепкого кофе подкрепит ваши силы после почти бессонной ночи.

И с этими словами Приселов быстро вышел из комнаты своей опекаемой племянницы.

Мы пошли за ним следом.

В узком коридоре Путилин мне шепнул:

— Не пей кофе. Не пей ликера. Ничего не пей. Он узнал меня.

— Как?!

— Очень просто. Повторяю тебе, он узнал меня. «Великий», как ты называешь меня, сыщик столкнулся лицом к лицу с не менее великим негодяем... Между нами начинается ожесточенная борьба.

— Ты, стало быть...

— Теперь для меня все ясно: девушку, твою пациентку, действительно отравляют...

— Но чем?.. — прошептал я, глубоко пораженный.

— Вот это-то и надо расследовать, мой плохой доктор... — шепнул мне Путилин.

Чудеса Индии. Нежный дядюшка-опекун

В роскошной дубовой столовой был сервирован утренний завтрак — кофе по образцу английского ленча.

— Прошу вас, господа! — любезно пригласил нас дядюшка-опекун. — Я, право, не знаю, как благодарить вас за ваше сердечное отношение к моей больной девчурке.

Путилин пристально разглядывал одну бутылку.

— Откуда у вас, господин Приселов, этот редчайший нектар? — быстро задал он вопрос хозяину дома.

— Из Индии... Я путешествовал по ней и вывез оттуда несколько бутылок.

— Давно вы путешествовали?

— Я вернулся несколько месяцев тому назад.

— Когда вы вернулись, ваша племянница была здорова?

И опять я увидел, что Путилин и Приселов обменялись взглядами холодного бешенства. Точно два врага, готовые броситься друг на друга...

— Да, она заболела несколько позже, хотя еще и раньше она страдала нервозностью.

— Как жаль, что вы не могли предугадать возможность ее заболевания! — покачал головой Путилин.

— Почему? — вырвалось у Приселова.

— Да очень просто: в Индии, в этой стране всевозможных чудес, в этой колыбели человечества, находятся величайшие мудрецы, которые знают замечательные рецепты для исцеления больных от различнейших болезней. Как вам известно, вся европейская медицина началась с Востока.

— А... а вы хорошо знаете, профессор, культуру Востока? — усмехнулся еле заметно Приселов. — Прошу вас, чашку кофе...

— Благодарю вас. Я по утрам ровно ничего не пью, за исключением стакана воды.

— Ого, какая воздержанность!.. Вы, доктор?

— Благодарю, я предпочел бы стакан чаю... — ответил я.

— Вы спрашиваете, хорошо ли я знаю культуру ядов Востока? — быстро задал вопрос Путилин.

— Виноват, сколько мне помнится, я ровно ничего не говорил про культуру ядов... — насмешливо ответил дядюшка-опекун.

— А, тысячу извинений, господин Приселов! Я страшно рассеян... Такова уж наша болезнь, ученых-чудаков... — пробормотал Путилин.

Наступило довольно продолжительное молчание.

— Могу я узнать, профессор, ваше мнение о болезни моей племянницы? — нарушил неловкость его хозяин дома.

— Я еще не пришел, господин Приселов, к окончательному выводу. Случай настолько сложный и замечательный, что поставить верный диагноз не так-то легко. Скажу вам только одно, что если мы не распознаем болезнь, то ваша племянница может умереть очень скоро, через несколько дней.

— Может быть, господа, вы желаете пригласить еще кого-нибудь из ваших коллег? Пожалуйста, распоряжайтесь по вашему усмотрению. Сзовите консилиум, но только, ради Бога, спасите мою бедную девчурку.

— Вы — опекун ее?

— Да. То есть был им, а теперь — попечитель.

— У вас своих детей нет?

— Нет.

Путилин встал из-за стола, поблагодарил хозяина и направился вон из столовой.

— Я должен взглянуть на больную. Коллега, пожалуйста за мной!

Я быстро поднялся и пошел за ним.

Когда мы очутились в мавританской гостиной, смежной со спальней больной, Путилин схватился за голову.

— Боже мой, если бы только узнать, догадаться, каким ядом, каким ядом!

— Ты твердо в этом убежден, Иван Дмитриевич?
— Как нельзя тверже. Бедная девушка! Еще несколько дней, и ее не станет. Умрет в двадцать лет, обладая красотой, богатством, это ли не насмешка судьбы!

Путилин нервно прошелся по гостиной.

— Но я решился. Если сегодня я не раскрою гнусной и мрачной трагедии, разыгравшейся в комнате бедняжки, я пойду на отчаянное средство: я с помощью властей вырву ее из когтей этого дьявола.

— Но где же доказательства? Основываясь на каких данных ты можешь бросить в лицо этому человеку, родному дяде больной, столь тяжкое обвинение?

— Все равно, все равно... Пусть пострадаю я, зато я спасу, может быть, эту прелестную юную жизнь. А на основании каких данных? На основании моего нюха, моей «кривой» я подозреваю этого господина.

В спальне царил полумрак. Через разбитую форточку, прикрытую шелковой гардиной, проникал свежий воздух.

— Это опасно. Она может простудиться... — указал я на форточку.

— Оставь это, голубчик... Уверяю тебя, эта опасность — ничто в сравнении с другой.

Девушка проснулась, вернее, очнулась после наркоза морфия. Ее грудь с жадностью вбирала свежий воздух.

— Как хорошо... как хорошо... — тихо прошептала она.

Мы стояли около ее кровати.

— Вам лучше, дитя мое? — с нежностью в голосе спросил ее Путилин.

Она доверчиво-благодарно взглянула на него.

— О да! Мне лучше... Я могу дышать... я не слышу этого ужасного сладкого запаха...

Путилин выразительно посмотрел на меня.

— Что это за запах, милая барышня? — спросил я мою горемычную пациентку.

— Я не знаю... я не могу его точно определить... — слабым голосом пробормотала она.

Путилин между тем обходил всю комнату, пристально во все глядяваясь, словно отыскивая что-то.

Я не сводил с него глаз и видел, как он заглядывал под диван, под мягкие низкие кресла, под зеркальный шкаф...

Он что-то тихо бормотал про себя.

— Ведь вы спасете меня? Не правда ли? Я не хочу умирать... мне страшно умирать... — шептала больная, с мольбой глядя на нас своими прелестными глазами.

— Спасем, спасем, барышня! — проговорил Путилин. — За вас просил меня об этом ваш милый жених, Беловодов.

— Он?! Он был у вас? — встрепенулась девушка.

Лицо ее преобразилось.

Тихая, бесконечно радостная, счастливая улыбка заревом разлилась по ее лицу.

— Что это вы ищете, профессор? — раздался спокойный, насмешливый голос Приселова.

Я вздрогнул и обернулся к двери спальни.

На пороге ее стоял элегантный старый жуир, хозяин дома.

— Брелок, любезный господин Приселов... — ответил невозмутимо Путилин. — С моей часовой цепочки сорвался и упал на пол маленький брелок.

— К чему же вам самим беспокоиться, профессор? Я позову лакея, он найдет.

— Нет уж, я вас попрошу никого сюда не приглашать. Посторонние люди могут беспокоить больную.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Наташа? — так же вкрадчиво-ласково, как и вчера, обратился он к племяннице.

Я заметил, как лицо ее исказилось страхом.

— Очень плохо... — резко ответила она.

Обменявшись с нами еще несколькими фразами, джентльмен-опекун покинул спальню, пожелав — с иронией в голосе — Путилину найти его брелок.

Больная опять забеспокоилась.

На лице ее вновь появился ужас. Дыхание стало неровным, руки стали судорожно хвататься за одеяло.

— Что с вами? Что вы сейчас чувствуете? — склонился я над ней.

— Душно... сердце замирает... опять... опять этот страшный запах... — простонала она.

Я, откровенно говоря, скептически относившийся ко всему этому, вдруг совершенно ясно почувствовал струю резкого запаха.

Что это был за запах? Как вам сказать... Это было нечто среднее между запахом горького миндаля и гелиотропа.

У меня волосы зашевелились на голове.

— Синильная кислота! — вырвался у меня подавленный крик.

— Что?! — повернулся ко мне тоже побледневший Путилин.

— Я слышу запах синильной кислоты.

— А не этого? — указывая мне на огромный маккартовский букет, произнес ликующий Путилин.

Никогда в моей жизни я не видел такой светлой, радостной, торжествующей фигуры моего великого друга. Честное слово, он был бесподобен!

— Что это? — удивленно вырвалось у меня. — При чем тут этот сухой букет?

— Так что, по-твоему, он не может ничем пахнуть? — продолжал Путилин.

Я хлопал глазами.

— Подойди сюда и посмотри в таком случае.

Я бросился к Путилину. Он держал в руках вазу с маккартовским букетом.

— Смотри, смотри, доктор...

С этими словами он стал осторожно разбирать сухие цветы, и... посередине букета, ловко замаскированный, мне бросился в глаза

великолепный живой красный цветок. Это был дивный экземпляр растения из породы тюльпанов.

Казалось, он был сделан из воска, так были упруги, блестящи, плотны его листки.

Путилин поднес его к моему лицу:

— Нюхай!

Я отшатнулся.

Резкий, сладкий до приторности запах ударил мне в лицо.

— Хотя я и не профессор, доктор, но я тебе скажу, что это за штучка. Это — страшная индийская лилия, аромат которой медленно, но верно убивает не только людей, но даже животных. Вот чем отравляется твоя пациентка!

Я бросился к больной. Теперь я знал, что надо было предпринять для оказания ей помощи.

Путилин спокойно стал разгримировываться.

Он снял парик и накладную бороду, которые преспокойно положил себе в карман, и обратился ко мне:

— Сейчас же поезжай за Беловодовым, а я пока объяснюсь с дядюшкой-опекуном.

Я быстро вышел из спальни, за мной — мой гениальный друг.

Он позвонил и явившемуся на зов лакею приказал:

— Попросите сюда барина!

Прошло несколько минут. Послышались шаги, в комнату быстро вошел Приселов, и в ту же секунду мавританская гостиная огласилась страшным криком испуга.

— Что это?.. Что это?.. Кто вы?.. — в ужасе пятась от Путилина, с бледным, перекошенным лицом прохрипел элегантный негодяй.

— Я — Путилин, любезный господин Приселов. Не делайте мелодрамы, она вас не спасет. Я пригласил вас для того, чтобы объяснить с вами, сказать, что я нашел... мой брелок... вы понимаете?

— Виноват... я вас не понимаю... что вам угодно?.. — стараясь оправиться от страшного смущения, пролепетал зверь-человек.

— Что мне угодно? Сказать вам, что вы — гнусный негодяй, убийца-преступник.

— Милостивый государь!.. — прохрипел Приселов, делая шаг по направлению к Путилину.

Путилин стоял, скрестив руки на груди.

— Вы мне еще грозите? Вы? Браво, это забавно, любопытно и нахально до чрезвычайности! Знаете ли вы, что я имею право сию минуту арестовать вас и надеть на ваши холеные руки железные браслеты?

— Но... по какому праву... на каком основании? — совершенно растерянно слетело с искривленных судорогой губ преступника дяди.

— На основании вот этого, любезный, — загремел Путилин, показывая негодю индийскую лилию.

Из груди Приселова вырвался крик бешеной злобы.

— Ну-с, теперь вы понимаете, что вы — в моих руках. Вы гнусно-подлым образом отравляли вашу племянницу, чтобы после

смерти унаследовать все состояние вашего покойного брата, ее отца. Скажите, сколько вы разворовали из этого состояния?

Приселов бессильно, как мешок, опустился в кресло.

— Около... около трехсот... тысяч, — еле слышно пробормотал он.

И вдруг, быстро поднявшись, он грохнулся на колени перед великим сыщиком:

— Не погубите! Пощадите меня, господин Путилин! Во имя неба! Позор... суд... ссылка...

Он пополз на коленях, стараясь схватить Путилина за ноги. Путилин отшатнулся от него с чувством огромной брезгливости.

— Встаньте! Мне стыдно и страшно за вас. Как вы могли решиться на такое неслыханное злодеяние? Вот что я вам скажу: лично мне ваша гибель не нужна. Ваша судьба зависит от решения вашей племянницы и ее будущего мужа, господина Беловодова.

Как раз в эту секунду я и Беловодов вошли в гостиную, где разыгрался финальный акт этой мрачной трагедии. Оповещенный мною обо всем, Беловодов бросился к Путилину и, схватив его руку, стал осыпать ее поцелуями.

— Дивный человек... Спаситель наш! Спасибо! Спасибо вам!..

Путилин обнял молодого человека.

— Я рад, бесконечно рад, что мне удалось спасти жизнь вашей прелестной невесты, — с чувством произнес он. — Ну, а теперь поговорим о деле. Я предлагаю вот что, господин Беловодов. Вы немедленно увезете отсюда вашу невесту к вашим родителям или родственникам. Вы сделаетесь ее попечителем и примете от этого господина отчетность по его попечительству. А затем... угодно вам привлекать его к уголовной ответственности? Он сознался мне, что растратил триста тысяч рублей.

— Бог с ними, Бог с ними, с этими деньгами! — вырвалось у Беловодова. — Жива бы была моя дорогая Наташа!

Через три месяца в Н-ской церкви состоялось бракосочетание Наталии Приселовой с Беловодовым. Как потом мне довелось случайно узнать, старый барин-негодяй кончил плохо: попавшись в шулерском деле, он пустил себе пулю в лоб.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
<i>М. В. Шевляков. ПО РАССКАЗАМ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЫСНОЙ ПОЛИЦИИ И. Д. ПУТИЛИНА</i>	<i>5</i>
ДОРЕФОРМЕННАЯ ПОЛИЦИЯ	7
МАСКАРАДНЫЙ РОМАН	12
НА РОЗЫСКЕ	18
МОМЕНТАЛЬНОЕ СУМАСШЕСТВИЕ	21
НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ	22
КОНТРАБАНДА	24
ИЗ ХРОНИКИ СВЯТОЧНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ	26
ПОД НОВЫЙ ГОД	43
ХРАНИТЕЛЬ ЧУЖИХ ТАИН	45
ЖИВОЙ ПОКОЙНИК	48
ПРОДАЖА СЕМЕНОВСКОГО ПЛАЦА	51
ИСААКИЕВСКИЕ ЛЕСА НА СНОС	55
ОСТРОУМНАЯ КРАЖА	57
ПАРАЛИТИК	59
СЕРЬГА	62
ВОРОВСКАЯ ПРОДЕЛКА	64
СЛУЧАЙ С МИТРОПОЛИТОМ ИСИДОРОМ	66
НА ИСПОВЕДИ	67
ДРАГОЦЕННАЯ РЕЗЕДА	68
ИСКОРЕНЕНИЕ ВОРОВСТВА	70
СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ	71
ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА	74
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ	77
ГДЕ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ	79
ШАПОЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ	81
ЭКСЦЕНТРИЧНАЯ ДАМА	83
<i>Роман Добрый (Р. Л. АНТРОПОВ). ГЕНИЙ РУССКОГО СЫСКА ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН</i>	<i>85</i>
ТАЙНА СУХАРЕВОЙ БАШНИ	87
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ	103
ПОЦЕЛУЙ БРОНЗОВОЙ ДЕВЫ	116
ПОХИТИТЕЛИ НЕВЕСТ	134

КВАЗИМОДО ЦЕРКВИ СПАСА НА СЕННОЙ	151
БЕЛЫЕ ГОЛУБИ И СИЗЫЕ ГОРЛИЦЫ	167
ГРОБ С ДВОЙНЫМ ДНОМ	187
ОГНЕННЫЙ КРЕСТ	207
ОДИННАДЦАТЬ ТРУПОВ БЕЗ ГОЛОВЫ	226
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВАМПИРЫ-КРОВОПИЙЦЫ	245
ТАЙНЫ ОХТИНСКОГО КЛАДБИЩА	264
ОТРАВЛЕНИЕ МИЛЛИОНЕРШИ-НАСЛЕДНИЦЫ	284

РУССКИЙ СЫЩИК И. Д. ПУТИЛИН

ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
РАСКРЫТЫЕ НАЧАЛЬНИКОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ И. Д. ПУТИЛИНЫМ

Том 2

Редактор *И. Шурыгина*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *Г. Шитоева*

Корректор *В. Антонова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 09.04.97 г.

Уч.-изд. л. 19,28. Цена 18 000 р.

Цена для членов клуба 16 300 р.

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».

141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

ТАЙНЫ

Иван Дмитриевич Путилин (1830—1893) — гений сыска прошлого века — свой путь в «большой» сыск начинал с младшего помощника квартального надзирателя на рынке. На этой должности он проявил такие способности и смелость при поимке опасных преступников, что удостоился ордена Святого Станислава 3-й степени. С этого момента начинается его головокружительная карьера. В 36 лет он возглавляет сыскную полицию Санкт-Петербурга. Вот как отзывался о «русском Пинкертоне» известный петербургский адвокат А. Кони: «Не было ни одного большого и сложного дела в розыске, по которому Путилин не вложил бы своего труда».

До нас дошли его воспоминания, рассказывающие о сыскных делах, о быте и нравах русского общества прошлого века.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах